

ВАНКАА РЕФОРМА.

19 февраля

1861.

1911.

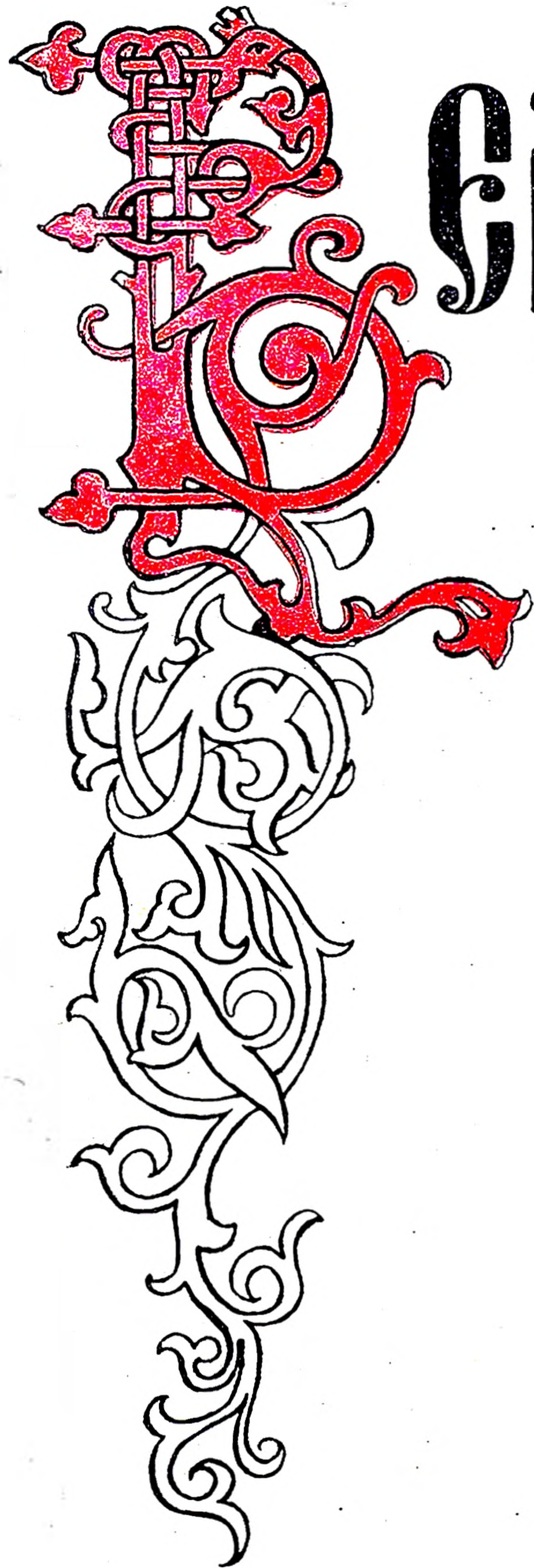

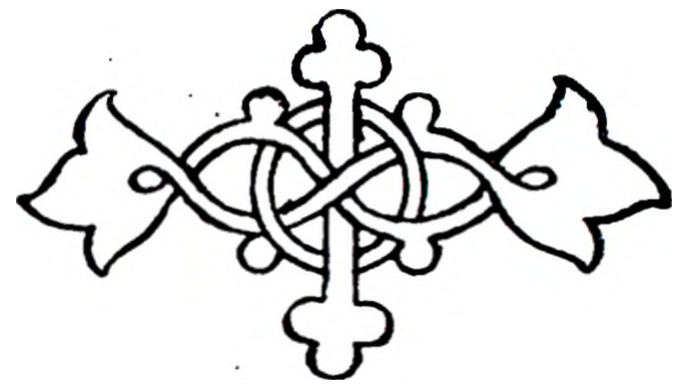
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.

СѢВНКАЯ

РЕФОРМА.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО
и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ
ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ.

Томъ I.

Установа едукацыі
"Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Б. М. Машарава"
БІБЛІОТЭКА

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

512396

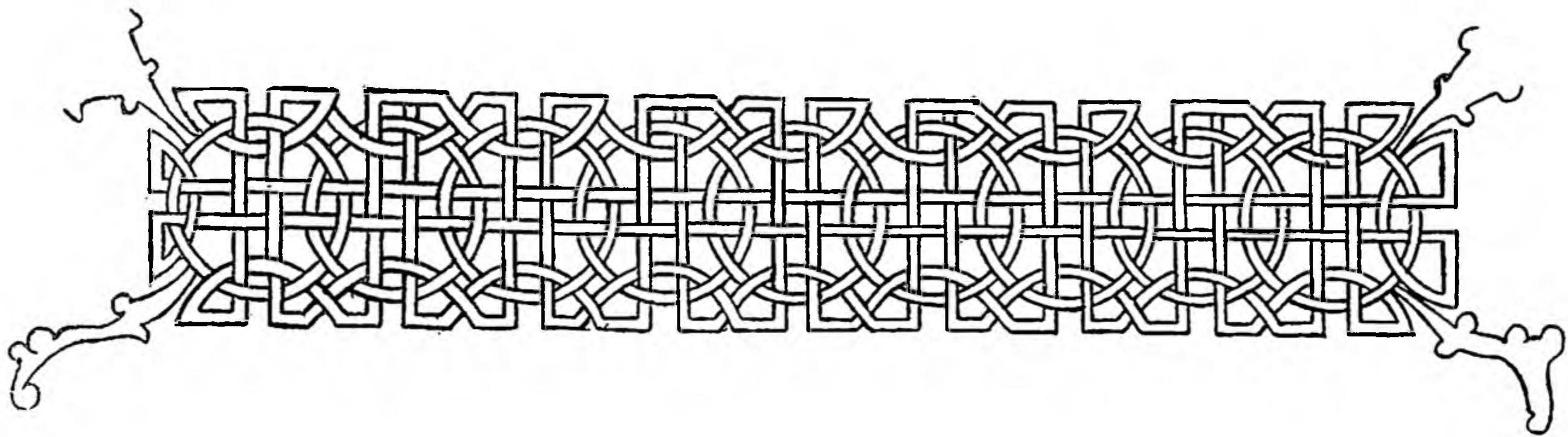

===== ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ: =====

В. П. Алексѣевъ, В. И. Анисимовъ, Н. Ѳ. Анненскій, акад. К. К. Арсеньевъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, В. В. Водовозовъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, Ч. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, П. А. Зеленый, акад. Н. Н. Златовратскій, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, Н. И. Йорданскій, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. П. Кранихфельдъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Леонтьевъ, В. Н. Линдъ, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, д-ръ А. Павловскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. Э. Попельницкій, И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С. Пругавинъ, прив.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, Н. С. Русановъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Г. Танъ, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, С. В. Фарфаровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц И И.

День 19 февраля еще не так давно был окруженъ въ глазахъ русскаго народа и русской интеллигенціи яркимъ романтическимъ ореоломъ. Событіе оцѣнивалось не только по его соціологическому значенію. Для такой оцѣнки часто не хватало матеріаловъ. Экономическія причины, сдѣлавшія неизбѣжной отмѣну крѣпостного права въ интересахъ самихъ же помѣщиковъ, соображенія государственной безопасности, заставлявшія торопиться съ реформою, подъ угрозой всероссійской пугачевщины,—все это не было достаточно выяснено научнымъ анализомъ. Жалкіе для крестьянъ результаты освобожденія: ростъ малоземелья, переходившій въ прямой земельный голодъ, ростъ недоимочности, ложившійся сокрушающимъ бременемъ на крестьянскія хозяйства, учащеніе голодовокъ, сдѣлавшихся постоянными спутниками деревенской жизни,—эти факты не ставили въ связь съ основами реформы, съ ея нерѣшительностью и робостью, съ ея скупой филантропіей и заботливымъ вниманіемъ къ помѣщику.

Все это было приведено въ извѣстность позднѣе. А пока анализъ безмолвствовалъ и соціологическій смыслъ реформы продолжалъ оставаться темнымъ, событіемъ 19 февраля завладѣлъ политическій идеализмъ. И, завладѣвши, долго мѣшалъ установленію на него правильнаго взгляда. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо такова природа политическаго идеализма. Крупное событіе въ жизни каждаго народа изъ тьмы вѣковъ отбрасываетъ свой свѣтъ впередъ и служитъ маякомъ для поступательнаго движенія. И прежде чѣмъ наука сумѣетъ найти ему правильное истолкованіе, политическій идеализмъ успѣваетъ основательно затемнить его смыслъ своими неудержимыми восторгами. И счастливъ народъ, когда во взглядахъ на такія событія не расходятся научный анализъ и идеалистическія увлеченія. Это показываетъ, что вѣхи его поступательнаго движенія вколочены крѣпко, что тѣ идеалы, которые лежатъ впереди и освѣщаютъ ему путь, выросли изъ здоровыхъ корней и не окажутся безплотнымъ видѣніемъ.

Русскій политическій идеализмъ 70-хъ, 80-хъ и частью даже 90-хъ годовъ исходилъ изъ этой, быть-можетъ, безсознательной, но неистребимой потребности: найти въ минувшемъ хотя какой-нибудь корень, способный питать политическіе идеалы грядущаго. И развѣ были виноваты наши идеалисты-демократы, что они не нашли ничего болѣе яркаго, чѣмъ самая крупная реформа 60-хъ годовъ,—актъ 19 февраля? У англичанина былъ 1642 годъ, у француза 1789, у нѣмца 1848, у итальянца 1859. У русскаго не оказалось ничего, кромѣ 1861. Правда, было еще событіе 14 дек. 1825 г., но оно находилось подъ очень крѣпкимъ полицейскимъ запретомъ, и смыслъ его оставался благодаря этому неяснымъ большинству. И, теряясь въ бесплодныхъ поискахъ, идеализмъ снова и снова возвращался

къ 19 февраля 1861 г., и, словно желая поднять его значеніе огнями апофеоза, расцвѣчивалъ его самыми яркими идейными красками, одѣвалъ его въ самые пышные идейные наряды.

Политическій идеализмъ хочетъ воспитывать. Ему нужны показательные примѣры. И воспитательная цѣль часто достигается цѣною нѣкотораго—*ad majorem gloriam* идеи—искаженія истинной природы орудія поученія. Нѣкоторому искаженію съ очень хорошими намѣреніями подвергся и смыслъ реформы 19 февраля. Съ научной точки зрѣнія это было вредно, но съ общественной — полезно и цѣлесообразно. Нужно помнить, когда приходилось выдвигать больше всего идейную сторону реформы 19 февраля. То было время самой глухой реакціи, когда даже скромные преобразовательные принципы 60-хъ годовъ казались чѣмъ-то недостижимымъ по смѣлости, широкому размаху и послѣдовательности, когда по всей линіи происходило движеніе назадъ, и конца не видѣлось этому попятному движенію. «Чѣмъ ночь темнѣй, тѣмъ звѣзды ярче». Политическій небосклонъ 80-хъ и 90-хъ годовъ былъ до такой степени черенъ, что даже мелкія звѣзды загорались блескомъ крупныхъ свѣтилъ, и къ этому обманчивому блеску съ тревогой устремлялись взоры огромнаго большинства сознательныхъ людей. Иначе и быть не могло. Не можетъ общество жить безъ путеводныхъ огней. И никто не станетъ отрицать, что лирико-романтическое отношеніе къ событію 19 февраля, лучшимъ памятникомъ котораго является книга покойнаго Г. А. Джаншѣева, сыграло свою, и очень крупную, роль въ исторіи воспитанія русскаго общества. Политическій идеализмъ умѣлъ использовать тѣ немногіе элементы демократизма и идейнаго увлеченія, которые были въ реформѣ 1861 года. Онъ сдѣлалъ изъ нихъ своего рода знамя, которое вѣяло надъ прогрессивными стремленіями русскаго общества довольно долго.

Въ настоящее время въ русскомъ прошломъ имѣются такія даты, которыя съ полнымъ правомъ могутъ питать политическіе идеалы. 1905 годъ въ исторіи Россіи — то же, что 1789 въ исторіи Франціи или 1848 въ исторіи Германіи. Въ 1905 г. общественно-политическая эволюція Россіи сразу сдѣлала скачокъ и далеко ушла отъ первыхъ освободительныхъ вѣхъ, поставленныхъ въ царствованіе Александра II. Революція 1905 года и освободила реформу 1861 года отъ той роли, которую заставлялъ ее играть въ процессѣ роста нашего общественнаго сознанія политическій идеализмъ.

Ореоль, которымъ была окружена реформа, значительно потускнѣлъ. Ея политическая роль сравнялась съ ея соціологическимъ значеніемъ и стала меньше. Но отъ этого огромная важность ея не уменьшилась. Соціологическій удѣльный вѣсъ ея всегда былъ и всегда будетъ великъ. Паденіе крѣпостного права, формальное уравненіе наиболѣе значительной части населенія страны къ гражданскихъ правахъ съ меньшинствомъ было, конечно, огромнымъ шагомъ впередъ, необходимѣйшей предпосылкой всей дальнѣйшей общественно-политической эволюціи Россіи. Только крушеніе феодально-крѣпостного уклада, только распаденіе цѣпи, приковывавшей человѣка къ землѣ и дѣлавшей его собственностью другого, открывало путь для плодотворной общенародной политической борьбы. Только освобожденіе изъ-подъ гнета рабства давало возможность крестьянству ясно сознать отношенія къ нему правительства, формулировать себѣ болѣе или менѣе отчетливо свою роль въ государственномъ организмѣ. Стоявшій между нимъ и государствомъ помѣщикъ мѣшалъ выявленію истиннаго характера этихъ отношеній.

Въ этомъ, повторяемъ, огромное значеніе реформы. Оцѣниваемая въ такихъ рамкахъ, она безъ преувеличенія можетъ быть названа великой реформой. И попытку выяснить ея историческое значеніе во всемъ объемѣ, на фонѣ исторіи русскаго крестьянства и русской общественной эволюціи, естественнѣе всего приурочить къ полувѣковому юбилею акта 19 февраля.

19 февраля 1911 года—праздникъ прогрессивнаго русскаго общества. Именно прогрессивнаго, и его одного. Реакціонные круги заранее торопятся сказать, что это будетъ не ихъ праздникъ. Уже за нѣсколько мѣсяцевъ до юбилея теперешніе крѣпостники начали свои лицемѣрные причитанія по поводу того, что «либералы» собираются праздновать годовщину 19 февраля, и на страницахъ тѣхъ органовъ, гдѣ пишутъ наемные идеологи феодальной реакціи, можно было не такъ давно прочесть такой панегирикъ крѣпостному укладу:

«Осталось всего нѣсколько мѣсяцевъ до 50-лѣтія освобожденія крестьянъ. Чѣмъ-то либеральная Россія вспомнетъ годовщину знаменитаго дня? Неужели только затасканными фразами: «сбѣйте великое (?!), доброе, вѣчное», и пр.? Неужели повтореніемъ все тѣхъ же невѣжественныхъ и ненавистническихъ проклятій крѣпостной культурѣ, которая вскормила и вспоила самихъ господъ либераловъ, да и теперь еще продолжаетъ подкармливать ихъ—не только матеріально, но и духовно? Въ самомъ дѣлѣ, выкиньте-ка изъ русскаго современнаго просвѣщенія такіе продукты крѣпостной культуры, какъ Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, Островскій, Левъ Толстой—много ли останется отъ русской литературы? Выкиньте все, что дала крѣпостная культура русской музыкѣ, живописи, театру, наукѣ, техникѣ, военному дѣлу. Тошій остатокъ послѣ крѣпостной культуры покажется еще болѣе жалкимъ, если изъ него вынуть умственный капиталъ предковъ и имѣть дѣло лишь съ пореформенными процентами».

Тирана эта явно рассчитана на тѣхъ послѣднейшей феодально-крѣпостническаго міровоззрѣнія, которые читаютъ «Нов. Время» и сидятъ въ совѣтѣ объединеннаго дворянства. Потому что для всякаго другаго такіа разсужденія будутъ доказывать только одно: что авторъ либо умышленно ослѣпляетъ себя соціологическими абераціями, либо добросовѣстно не умѣетъ разобраться въ соціологическихъ конструкціяхъ.

Когда Аристотель прославлялъ рабскую культуру,—это было понятно и естественно: онъ не зналъ, какіе плоды способна дать культура, построенная не на рабствѣ. Когда рабство прославляютъ теперешніе идеологи крѣпостничества,—это просто дико. Ибо стоитъ посмотреть кругомъ на сосѣдей, гдѣ много вѣковъ назадъ исчезло крѣпостное право, и мы увидимъ, что ни для культурнаго блеска ни для расцвѣта международной мощи страны нѣтъ ни малѣйшей необходимости въ фундаментѣ изъ рабскаго труда. Наоборотъ, гениальные политики, какъ дѣятели революціи во Франціи, какъ баронъ Штейнъ въ Пруссіи, умѣли понять—и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ родиною—что только распаденіе крѣпостныхъ узъ способно окрылить національный геній, обнаружить во всемъ блескѣ силы и дарованія народа, раскрыть всю необъятную ширь народной души.

Что касается приведеннаго мудраго разсужденія, то прежде всего нужно доказать, что всѣ упоминающіеся тамъ корифеи русской литературы были бы невозможны безъ крѣпостнаго права. Положеніе—явно недоказуемое, ибо рядомъ съ нимъ можно съ такимъ же успѣхомъ поддерживать тезисъ прямо противоположный: что Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ и т. д. сдѣлались тѣмъ, чѣмъ сдѣлались, вопреки крѣпостной культурѣ. И такъ какъ крѣпостники побиваются простымъ логическимъ орудіемъ, то нѣтъ никакой необходимости переводить споръ на идейную плоскость и говорить о моральной недопустимости крѣпостнаго строя, о ненормальности того факта, что единичные цвѣты генія расцвѣтали на почвѣ, взрыхленной кровью и страданіями милліоновъ.

Во всякомъ случаѣ очень хорошо уже то, что современные крѣпостники заранее отмежевываются и не желаютъ принимать участія въ юбилейныхъ торжествахъ. Нашъ праздникъ отъ этого будетъ только свѣтлѣе, радостнѣе и уютнѣе. А они—пусть себѣ оплакиваютъ крокодиловыми слезами безвозвратно канувшія въ вѣчность времена Салтычихи и военныхъ поселеній. Только напрасно пристегиваютъ они къ своимъ сокрушеніямъ имена великихъ русскихъ

писателей. Тѣ хотя выросли въ обстановкѣ крѣпостной культуры, но были ей враждебны по духу. Послѣ 19 февраля 1861 г. ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Достоевскій, ни Островскій, ни Толстой не проливали слезъ по крѣпостному праву и не сочиняли панегириковъ крѣпостной культурѣ. Тѣни великихъ русскихъ людей, которыхъ хотѣлъ оклеветать нововременскій писатель, въ нашемъ лагерѣ.

Прогрессивная Россія хорошо понимаетъ смыслъ великой реформы 19 февраля. Она не будетъ теперь преувеличивать ея значенія, но тѣмъ сознательнѣе помянетъ она ея пятидесятилетнюю годовщину. Задача настоящаго сборника—помочь выработкѣ такого сознательнаго отношенія при помощи данныхъ, добытыхъ до сихъ поръ русской наукою.

* * *

Детальное изученіе исторіи нашего крестьянства въ сущности началось сравнительно недавно. Знакомство съ его исторіей во всей полнотѣ возможно только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Тѣмъ не менѣе, основныя линіи эволюціи крестьянства поддаются учету уже и теперь. Это будетъ видно изъ бѣлаго обзора литературы.

Научное изученіе исторіи крестьянскаго сословія началось почти наканунѣ самой реформы. Понеромъ въ этомъ отношеніи явился проф. Московскаго университета И. Д. Бѣляевъ, выпустившій замѣчательную для того времени работу «Крестьяне на Руси» (1858). Бѣляеву хотѣлось дать полную исторію крестьянскаго сословія до начала XIX в., когда начинается процессъ медленнаго раскрѣпощенія крестьянъ. Работа Бѣляева не потеряла своего значенія и для нашего времени, такъ какъ въ ней впервые приведенъ въ систему весь изданный до того времени архивный и законодательный матеріалъ. Работа Бѣляева—трудъ юридическій по преимуществу; онъ, главнымъ образомъ, занятъ изученіемъ измѣненій гражданской правоспособности и дѣеспособности крестьянъ въ зависимости отъ хода законодательства. Обработка только одного законодательнаго матеріала лишила Бѣляева возможности выяснить генезисъ крѣпостного права. Какъ юристъ, привыкшій оперировать съ юридическими нормами власти, Бѣляевъ, а еще раньше Татищевъ, Карамзинъ, впоследствии Чичеринъ, Соловьевъ, приписываетъ установленіе крѣпостного права одностороннему дѣйствию правительственной власти, обусловленному тѣмъ, что государство въ XVI вѣкѣ переживало тяжелый финансовый и политическій кризисъ. Установленіе крѣпостного права относятъ къ указу 1592 г., который, по нѣкоторымъ соображеніямъ, долженъ быть изданъ, но котораго до сихъ поръ еще никто не разыскалъ и о которомъ нельзя найти даже приблизительныхъ намековъ въ извѣстномъ теперь матеріалѣ.

Съ точки зрѣнія И. Д. Бѣляева и его сторонниковъ, крѣпостное право носило поземельный характеръ, почти не касалось личности крестьянина и нисколько не ограничивало его въ правахъ. Сокращеніе крестьянской правоспособности — дѣло XVIII вѣка, продуктъ дѣйствія другихъ причинъ, въ которыхъ правительство XVI в. неповинно. Крестьянинъ въ XVI—XVII вв. попрежнему оставался вполне правоспособнымъ человѣкомъ, плательщикомъ податей и членомъ своей общины, которая не исчезла даже и на владѣльческихъ земляхъ. Такова сущность юридической теоріи въ вопросѣ о генезисѣ крѣпостного права. Видя въ государствѣ отраженіе народнаго духа, историко-юридическая литература, конечно, могла забыть о народѣ и его бытѣ, на что неоднократно указывалось К. С. Аксаковымъ въ разборѣ выходившихъ томовъ исторіи С. М. Соловьева. Юридическая точка зрѣнія по вопросу о генезисѣ крѣпостного права нашла весьма талантливаго защитника въ лицѣ Сергѣевича и его ученика Дебольскаго.

Пересмотръ основаній юридической теоріи какъ разъ совпалъ съ моментомъ рѣзкаго перелома въ нашей исторіографіи, связаннымъ съ именемъ В. О. Ключевскаго, въ связи съ появленіемъ его замѣчательныхъ работъ «Боярская дума древней Руси» и статей о «Происхожденіи крѣпостного права въ Россіи» («Русская Мысль», 1885, 8 и 10). Сергѣевичу приходилось не только заново конструировать генезисъ крѣпостного права съ точки зрѣнія юридической теоріи, но и потратить не мало усилій и неудачнаго остроумія на опроверженіе положеній, выдвинутыхъ В. О. Ключевскимъ и его школой. Новое направленіе въ исторіографіи отводитъ государству въ вопросѣ установленія крѣпостного права второстепенную роль. Крѣпостное право зародилось внѣ всякаго вліянія государственной власти. Послѣдняя лишь закрѣпила закономъ тѣ отношенія, которыя создались между помѣщиками и крестьянами. Законодательная формулировка юридическаго состоянія крестьянина вмѣстѣ съ категорическимъ прикрѣпленіемъ появляется лишь въ Уложеніи 1649 года. Конечно, В. О. Ключевскій, а за нимъ и его школа отрицаютъ существованіе указа 1592 г., какъ совершенно неизвѣстнаго и къ мысли о которомъ можно было прійти только послѣ предвзятаго толкованія указа 1597 г. о вчиненіи исковъ о бѣглыхъ. Методологическіе приемы работы В. О. Ключевскаго существенно отличались отъ приемовъ другихъ изслѣдователей генезиса крѣпостного права. Вся его работа основана на изученіи огромнаго архивнаго матеріала: писцовыхъ книгъ, порядныхъ, кабальныхъ и др. грамотъ. Привлеченіе архивнаго матеріала дало возможность изучить положеніе крестьянина въ жизни, а не только сквозь призму голаго законодательнаго матеріала. По мнѣнію В. О. Ключевскаго, крѣпостное право сразу приняло личный характеръ: отчасти благодаря ссудѣ, при помощи которой строилось благосостояніе помѣщика, дававшей ему право на «крестьянскіе животы», и нѣкоторому сближенію кабальнаго холопства съ крѣпостнымъ крестьянствомъ, а также и вліянію юридической природы перваго на второе.

Гипотеза В. О. Ключевскаго нанесла непоправимый ударъ юридической теоріи, и фактически она скоро стала общепризнанной въ научной литературѣ. Послѣдующая исторіографія, развивая основныя положенія В. О. Ключевскаго, внесла кое-какія дополненія, но генезисъ крѣпостного права объяснился ростомъ крестьянской задолженности. Съ этой точки зрѣнія цѣнна работа Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство XVI в.», рисующая ростъ крестьянской задолженности на фонѣ экономической эволюціи Московскаго государства.

Значительно менѣе удѣлено вниманія крестьянству въ XVII в. Вообще исторія постепеннаго закрѣпощенія въ связи съ отмѣной урочныхъ лѣтъ въ рядѣ работъ разработана довольно полно. Менѣе ясенъ вопросъ о характерѣ крѣпостного права, какъ оно формулировано въ Уложеніи 1649 г. Иллюстраціей фактическаго положенія крестьянина въ большой вотчинѣ можетъ служить извѣстная статья И. Е. Забѣлина «Большой бояринъ въ своей вотчинѣ». Она даетъ возможность опредѣлить, какой характеръ принимало крѣпостное право на практикѣ. Распоряженіе трудомъ и личностью крестьянина и заявленіе притязанія на его «животы», судебная отвѣтственность по всякаго рода искамъ, цѣлая система штрафовъ и наказаній, конечно, говорили о доминированіи личнаго элемента въ крѣпостномъ правѣ.

Помѣщичье хозяйство въ XVII вѣкѣ почти не изучено, отчасти по недостатку матеріаловъ, но постоянное бѣгство на югъ и запустѣніе замосковныхъ и центральныхъ мѣстностей, только что оправившихся послѣ Смуты, говорили о тяжеломъ положеніи населенія. Работа Ю. В. Готье «Замосковный край» знакомитъ читателя съ экономическимъ бытомъ московской Руси, даетъ обиліе матеріала, рисующаго экономическое положеніе крестьянина. Съ этой же стороны интересны работы Перетятковича о Поволжьѣ въ XVII в. и Миклашевскаго «Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства», знакомящія съ бытовой обстановкой жизни крестьянина-новосела, большей частью бѣглеца, на вновь

колонизируемых диких полях. Очень важна для изучения экономического быта крестьянства работа А. С. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ», а въ указанной работѣ Ю. В. Готье приведены данныя, знакомящія съ отраженіемъ на крестьянинѣ финансовой политики правительства. Авторъ констатируетъ все увеличивающійся ростъ государственнаго тягла, а въ связи съ ростомъ и земледѣльческаго тягла получится достаточно яркая картина экономического положенія крестьянства. Это вполне выясняетъ реальную причину народныхъ волненій XVII в.

Изучая судьбы крестьянства въ XVII в., В. О. Ключевскій подмѣтилъ весьма любопытное явленіе, впоследствии ставшее предметомъ спеціальной работы М. А. Дьяконова,— постепенное сближеніе холопства съ крестьянствомъ, благодаря тому, что холопы сажались на пашню, за недостаткомъ собственно крестьянскихъ рукъ. Окончательное смѣшеніе уже относится къ Петровской эпохѣ и находится въ связи съ установленіемъ подушной подати, что впервые было блестяще доказано В. О. Ключевскимъ въ его статьяхъ «Подушная подать и отмѣна холопства на Руси» и пересмотрѣно проф. Деномъ въ его статистико-экономической работѣ «Населеніе Россіи по пятой ревизіи».

И черносочные крестьяне сравнительно слабо затронуты изученіемъ, но все-таки кое-что существенно сдѣлано. Выясненъ фактъ ихъ постепеннаго исчезновенія въ центрѣ и Замосковѣ въ связи съ развитіемъ помѣстнаго землевладѣнія. Г-жа Ефименко въ своихъ «Исслѣдованіяхъ народной жизни» коснулась особенностей крестьянскаго землевладѣнія на сѣверѣ, подмѣченнаго ею на основаніи изученія архивнаго матеріала. Тѣхъ же вопросовъ касаются и работы П. Иванова объ исторіи землевладѣнія и поземельныхъ союзахъ и передѣлахъ на сѣверѣ. Последнее время исторіографія по этому вопросу обогатилась замѣчательнымъ трудомъ М. М. Богословскаго, детально изучившаго на основаніи огромнаго архивнаго матеріала самоуправленіе въ странѣ черносочнаго крестьянства—Поморьѣ.

Петровская эпоха въ исторіи крѣпостного права довольно слабо разработана въ литературѣ. Кромѣ работы Бѣляева, необходимо указать на «Историческія изслѣдованія и статьи» Побѣдоносцева. Работа послѣдняго, тоже юридическая по преимуществу, но тонкій подчасъ анализъ юридическихъ памятниковъ, чуждый предвзятой точки зрѣнія, далъ возможность установить, вопреки мнѣнію Бѣляева, что Петровское законодательство не внесло ничего новаго въ характеръ крѣпостной неволи, такъ какъ тенденція къ превращенію поземельнаго прикрѣпленія въ личное намѣчалась уже въ XVII в. Намъ неизвѣстенъ бытъ помѣщичьей деревни въ Петровскую эпоху, и сейчасъ трудно отчетливо представить себѣ отношеніе крестьянина къ помѣщику, но зато работы П. Н. Милюкова «Государственное хозяйство при Петрѣ» рисуютъ намъ тяжелое положеніе крестьянина, какъ плательщика податей, всею тяжестью падавшихъ на его плечи. По исторіи крестьянства въ XVIII вѣкѣ можно отмѣтить рядъ работъ. Крѣпостное право въ XVIII вѣкѣ было уже затронуто историкомъ русскаго дворянства А. В. Романовичемъ-Славатинымъ, коснувшись вопроса о закрѣпощеніи крестьянъ въ XVIII вѣкѣ, въ связи съ ростомъ дворянскихъ правъ и привилегій. Въ работѣ А. В. Романовича-Славатинскаго крѣпостное право затронуто въ общихъ чертахъ, но все-таки ему удалось отмѣтить основныя черты крестьянской неволи въ XVIII в. Особенно посчастливилось крестьянамъ въ царствованіе Екатерины II. Изученіе ихъ быта стало предметомъ ученой дѣятельности В. И. Семевскаго, и это сдѣлано съ почти исчерпывающей полнотой.

В. И. Семевскій выпустилъ въ свѣтъ два тома. Первый, посвященный помѣщичьимъ крестьянамъ и посессионнымъ, вышелъ еще въ 1881 году. Появленіе его, конечно, было событіемъ, такъ какъ до этого труда не было подобной работы, столь разносторонней по задачамъ и цѣлямъ. В. И. Семевскій изучилъ помѣщичьихъ и посессионныхъ крестьянъ съ юридической и бытовой точекъ зрѣнія и тогда же далъ отчетливую картину вопроса, впро-

чемъ, значительно дополненную въ новомъ изданіи. Это статика крѣпостного права. Второй томъ посвященъ государственнымъ крестьянамъ въ XVIII вѣкѣ. До работы В. И. Семевскаго и въ этомъ отношеніи чувствовался существенный пробѣлъ, такъ какъ трудъ Вешнякова, въ которомъ авторъ поставилъ задачей объяснить исторически происхожденіе названій государственныхъ крестьянъ и написанный на основаніи П. С. З., конечно, устарѣлъ. Семевскій начиналъ работу на непечатомъ полѣ, и, несмотря на обиліе матеріала, ему удалось блестяще выполнить свою работу. Авторъ не только далъ историческую картину образованія названій государственныхъ крестьянъ, но въ то же время познакомилъ читателя съ его экономическимъ и общественнымъ бытомъ во всей исчерпывающей полнотѣ.

Исторія XVIII вѣка—исторія постоянныхъ крестьянскихъ волненій, воедино слившихся въ Пугачевщинѣ. Не мало сдѣлано въ этомъ отношеніи В. И. Семевскимъ, а для исторіи Пугачевщины появилось довольно много матеріаловъ. Особенно цѣнны матеріалы Дубровина. Установленіе крѣпостного права въ Малороссіи связано съ именемъ Екатерины II. Долгое время введеніе его объяснялось одностороннимъ актомъ верховной власти, вслѣдствіе чего получалась весьма неполная и неотчетливая картина историческихъ судебъ малорусскаго крестьянства. Работы Лазаревскаго ¹⁾, Мякотина ²⁾ и Барвинскаго показали, что крѣпостное право возникло на почвѣ перемѣнъ въ соціальной структурѣ въ странѣ, и правительству пришлось только нормировать закономъ существующее отношеніе. Барвинскій ³⁾ особенно подчеркиваетъ вліяніе денежнаго хозяйства въ процессѣ обезземеливанія посполитыхъ и происхожденія крѣпостного права въ Малороссіи.

Исторія крестьянъ въ XIX вѣкѣ почти не разработана; ни центральные, ни архивы частные почти не тронуты изслѣдователями. Въ особенности необходимо серьезное изученіе послѣднихъ, такъ какъ только по детальномъ изученіи каждаго помѣщичьяго хозяйства въ отдѣльности можно нарисовать картину экономического развитія страны наканунѣ крестьянской реформы, столь существенно повліявшаго на отмѣну крѣпостного права, а до полного изученія этого вопроса приходится довольствоваться сравнительно незначительнымъ количественно матеріаломъ и на основаніи послѣдняго возстановить картину, можетъ-быть, не совсѣмъ точную, крѣпостного хозяйства въ Россіи XIX вѣка, какъ это сдѣлано П. Б. Струве («Міръ Божій», 1899 г., 10—12) и отчасти Н. А. Рожковымъ въ статьѣ «Экономическія причины паденія крѣпостного права». Впрочемъ, въ смыслѣ разработки семейныхъ архивовъ уже кое-что сдѣлано. Сошлемся на превосходныя работы Волконскаго («Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ») и Повалишина («Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные»). Этому же вопросу посвящена и работа Снѣжневскаго, изучавшаго помѣщиковъ и крѣпостныхъ Нижегородской губерніи наканунѣ реформы. Г-жа И. Игнатовичъ, на основаніи опубликованнаго матеріала и данныхъ редакціонныхъ комиссій о помѣщичьихъ имѣніяхъ, попыталась дать синтетическую работу, рисующую положеніе помѣщичьихъ крестьянъ во всей Россіи, не исключая западныхъ и малорусскихъ губерній. Мало изучены и государственные крестьяне. Кромѣ общихъ замѣчаній о положеніи государственныхъ крестьянъ въ трудѣ Заблоцкаго-Десятовскаго о графѣ Киселевѣ и нѣсколькихъ журнальныхъ статей по вопросу о крестьянскихъ волненіяхъ и отчасти ихъ общаго землевладѣнія—въ литературѣ не сдѣлано ничего. Больше извѣстенъ бытъ удѣльныхъ крестьянъ. Много сырого матеріала, нуждающагося въ дальнѣйшей обработкѣ, даетъ трехтомная «Исторія удѣловъ», а съ общиннымъ бытомъ удѣльныхъ крестьянъ знакомитъ прекрасная книга В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи».

1) «Малороссійскіе крестьяне». 2) «Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія». 3) «Крестьяне лѣвобережной Малороссіи» («Русское Богатство», 1894, 2—4).

Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что фактическое изученіе крестьянской реформы только начато. Не изучены даже во всѣхъ подробностяхъ изданные матеріалы, не говоря уже о томъ, что архивные документы также не тронуты изученіемъ. Огромное значеніе для исторіи крестьянской реформы имѣетъ собраніе матеріаловъ первостепенной важности въ трудахъ А. И. Скребицкаго и Н. П. Семенова; но они все еще ждутъ изслѣдователя. Работа Иванюкова «Паденіе крѣпостного права въ Россіи» и трудъ Корнилова «Крестьянская реформа» даютъ общій внѣшній очеркъ реформъ, лишь бѣгло касаясь вопроса разработки вопросовъ въ различныхъ инстанціяхъ. Впрочемъ, съ послѣдней точки зрѣнія болѣе удовлетворяетъ читателя вышеупомянутая работа Корнилова, въ которой болѣе подробно разсмотрѣна постановка и разработка крестьянскаго вопроса въ губернскихъ комитетахъ, редакціонныхъ комиссіяхъ и главномъ комитетѣ. Тотъ же авторъ губернскимъ комитетамъ посвятилъ рядъ дѣльныхъ статей въ журналъ «Русское Богатство». Очень бѣгло затронутъ вопросъ объ отношеніи русскаго общества къ крестьянской реформѣ. Этотъ вопросъ все еще ждетъ детальнаго изслѣдованія, какимъ является замѣчательный трудъ В. И. Семевскаго о крестьянскомъ вопросѣ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка, въ которомъ съ исчерпывающей полнотой изучено отношеніе русскаго общества къ крѣпостному праву. Очень цѣнно въ экономико-статистическомъ отношеніи изслѣдованіе Ходскаго «Земля и земледѣлецъ», въ которомъ авторъ слѣдитъ за примѣненіемъ въ жизни началъ Положенія 19 февраля 1861 г. и его вліяніемъ на судьбу крестьянскаго землевладѣнія. Вмѣстѣ съ работой Янсона по статистикѣ крестьянскихъ надѣловъ и платежей, этотъ трудъ даетъ полное представленіе о ближайшихъ результатахъ крестьянской реформы — о вліяніи на крестьянское землевладѣніе и его экономической бытъ. Обѣ работы захватываютъ періодъ отъ введенія реформы до начала 90-хъ годовъ.

Помимо работъ Янсона и Ходскаго, изученію экономическаго быта пореформеннаго крестьянства посвящено множество работъ, очень цѣнныхъ по массѣ фактическаго характера. Наиболѣе были продуктивны въ этомъ отношеніи 90-е годы въ связи съ голодомъ 1892 г. и теоретическими спорами по вопросу о судьбахъ капитализма въ Россіи и послѣдніе года, когда обострились аграрныя отношенія, а правительство и русское общество въ наиболѣе прогрессивныхъ кругахъ разошлись по вопросу о мѣрахъ для ослабленія аграрнаго голода и поднятія крестьянскаго благосостоянія. Историкъ аграрныхъ отношеній въ Россіи не можетъ не упомянуть имя А. И. Чупрова, давашаго рядъ цѣнныхъ работъ по аграрному вопросу, создавашаго земскую статистику, благодаря которой цѣлая группа его учениковъ могла заняться статистическимъ изученіемъ деревни. Только на основаніи послѣдняго детальнаго статистическаго изученія деревни могла быть написана столь богатая по фактамъ и цѣнная по выводамъ работа Щербины—«Крестьянскіе бюджеты». Въ связи съ аграрнымъ вопросомъ въ научной литературѣ изучали и судьбы русскаго общиннаго землевладѣнія, жизнеспособность котораго и цѣлесообразность отрицались частью экономистовъ-изслѣдователей, главнымъ образомъ, со стороны марксистскаго лагеря въ 90-хъ годахъ. Теоретическіе споры между народниками и марксистами по вопросу о судьбахъ земледѣлія и общины въ Россіи дали возможность пересмотрѣть весь вопросъ сначала, и, въ концѣ-концовъ, прійти къ примирительному выводу, въ которомъ нѣтъ крайностей народнической и марксистской теоріи. Интересы землевладѣнія и крупное капиталистическое хозяйство отнюдь не требуютъ ни разрушенія общины, ни созданія безземельнаго пролетаріата. Практика жизни говоритъ въ пользу того, что законъ концентраціи капитала непримѣнимъ въ точномъ смыслѣ къ сельскому хозяйству, а веденіе крупнаго капиталистическаго хозяйства вполне возможно и при сохраненіи общинно-кооперативнаго быта, даже при существованіи мелкаго землевладѣнія.

Статистическія же работы Кочаровскаго, Орлова, Постникова, Пѣшехова, В. В., Мануилова наглядно обнаружили жизнеспособность общины и преждевременность мало обоснованнаго мнѣнія о ея фактическомъ умираніи. Къ сожалѣнію, эти научно-обоснованные выводы не имѣли никакого вліянія на аграрное законодательство народнаго представительства, поспѣшнѣе похоронить общину и насадить хуторское хозяйство задолго до естественнаго разложенія самого общиннаго землевладѣнія. Въ связи съ изученіемъ судебъ капитализма и аграрнаго строя, были предприняты спеціальныя изслѣдованія объ отходѣ изъ деревни и вліяніи фабрично-заводской промышленности на бытъ деревни и на хлѣбныя цѣны. Конечно, для изученія экономическаго быта русскаго крестьянства все это вопросы первостепенной важности, лишній разъ показывающіе, съ какимъ вниманіемъ и любовью русская наука и публицистика отнеслись къ изученію судебъ пореформеннаго крестьянства. Не меньше вниманія удѣлено въ нашей научной литературѣ и юридическому положенію крестьянина. По существу этотъ вопросъ въ настоящее время изученъ съ исчерпывающей полнотой. Отмѣтимъ коллективный трудъ подъ редакціей А. А. Мануилова, «Очерки по крестьянскому вопросу», 2 т.; Страховскій, «Крестьянскія права и учрежденія»; Прокоповичъ, «Мѣстные люди о нуждахъ Россіи», «Нужды деревни» и спеціальную работу А. Леонтьева «Крестьянское право».

* * *

Подбирая иллюстраціи къ юбилейному изданію, посвященному исторіи нашего крестьянства, редакція руководилась двумя соображеніями: съ одной стороны, хотѣлось, конечно, прежде всего использовать тотъ матеріаль, который давали ему иллюстраціи крестьянскаго и помѣщичьяго быта современники въ различныя эпохи нашего прошлаго, съ другой — взять наиболѣе яркое и типичное изъ созданнаго художниками нашихъ дней. Естественно, что и въ послѣднемъ случаѣ преобладала историческая и публицистическая точка зрѣнія: не художественными достоинствами того или другаго произведенія руководилась подчасъ редакція, а тѣмъ моментомъ, который изображаютъ взятые картины или рисунки. Редакціи хотѣлось по возможности всесторонне освѣтить въ иллюстраціяхъ крестьянскій вопросъ, охарактеризовать его экономическую, общественно-правовую и идейную сторону. Конечно, это можно было сдѣлать лишь постольку, поскольку нашелся соответствующій художественный и бытовой матеріаль и поскольку удачны были въ этомъ отношеніи самостоятельные, но по неизбѣжности ограниченныя розыски редакціи. Иллюстраціи могли служить лишь нѣкоторымъ дополненіемъ къ тексту.

Въ подписяхъ подъ рисунками по возможности указывались источники и пособія, которыми удалось воспользоваться. Нѣкоторыя вещи приходилось брать изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ редакціи первоисточники не всегда были доступны: напримѣръ, богатой Дашковской коллекціей нельзя было даже пытаться воспользоваться въ виду недавно послѣдовавшей кончины ея владѣльца. Главнѣйшимъ источникомъ для иллюстраціонной части послужили коллекціи Историческаго музея въ Москвѣ (въ особенности пожертвованныя въ музей покойнымъ А. П. Бахрушинымъ), музея П. И. Щукина и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ (гр. В. Н. Бобринской, гр. С. В. Паниной, С. П. Мельгунова), а также бібліотеки Историческаго музея, Румянцевскаго музея, Петербургской Публичной бібліотеки (отдѣлъ россики), Московскаго университета, Литературно-Художественнаго Кружка. Затѣмъ художественныя собранія Румянцевскаго музея, Третьяковской галлереи и коллекціи Этнографическаго музея при Московскомъ университетѣ. Заставки преимущественно взяты изъ извѣстнаго изданія В. В. Стасова и собраній Педагогическаго музея при Учебномъ Отдѣлѣ О. Р. Т. Зн.

Для иллюстраціи нѣкоторыхъ важныхъ, по мнѣнію редакціи, моментовъ не нашлось подходящаго матеріала: эти пробѣлы рѣшено было восполнить картинами, спеціально исполненными для настоящаго изданія. При совмѣстной работѣ съ художниками, взявшимися за написаніе указанныхъ картинъ, редакціей было обращено вниманіе преимущественно на соотвѣтствіе картины съ исторической дѣйствительностью, насколько послѣдняя выступаетъ на фонѣ научныхъ изысканій и можетъ быть воспроизведена кистью художника. Такимъ образомъ въ основѣ каждой изъ вновь написанныхъ картинъ лежитъ фактъ, установленный въ исторической литературѣ или засвидѣтельствованный современникомъ.

Не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ и о портретахъ. Не придавая имъ первенствующаго значенія (большинство ихъ за послѣдніе годы появилось въ прекрасно выполненномъ видѣ въ цѣломъ рядѣ историко-литературныхъ трудовъ), редакція считала, тѣмъ не менѣе, необходимымъ въ юбилейномъ изданіи помѣстить портреты тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые боролись противъ крѣпостного права и содѣйствовали освобожденію народа отъ рабскихъ цѣпей экономическаго, соціальнаго и политическаго гнета; на ряду съ этимъ помѣщены и портреты наиболѣе видныхъ крѣпостниковъ, какъ теоретиковъ рабовладѣнія, такъ и практиковъ. Портреты помѣщались, главнымъ образомъ, примѣнительно къ тексту, т.-е. помѣщались почти исключительно портреты тѣхъ лицъ, имена которыхъ фигурируютъ въ изложеніи. Къ сожалѣнію, не всегда можно было помѣстить изображеніе того, чье имя за дѣятельность въ отдаленномъ прошломъ заслуживаетъ памяти потомства. Гдѣ найти портреты тѣхъ немногихъ депутатовъ Екатерининской комиссіи, ратовавшихъ противъ крѣпостного права? Потомству о нихъ, повидимому, оставленъ лишь литературный памятникъ. Легко найти портреты титулованныхъ лицъ, написанные иностранцами и крѣпостными художниками; они разсыпаны въ частныхъ и общественныхъ коллекціяхъ; они воспроизведены въ прекрасныхъ изданіяхъ въ родѣ изданія вел. кн. Николая Михайловича «Русскіе портреты XVIII в.» и т. д.

Портретами изъ послѣдней серіи, изъ музейскихъ и частныхъ коллекцій и отдѣльныхъ историческихъ изданій редакція и пользовалась для своихъ цѣлей. Повидимому, нѣкоторые портреты появятся впервые въ книжномъ воспроизведеніи.

Наибольшую трудность, конечно, представлялъ подборъ иллюстрацій къ отдаленной эпохѣ XVI—XVII вв., откуда въ сущности начинается повѣствованіе о крѣпостномъ правѣ и о борьбѣ противъ него закрѣпощеннаго крестьянства. Въ этотъ моментъ иллюстраторами могли явиться исключительно лишь иностранцы, посѣщавшіе Россію. Для иноземца повседневный бытъ низшихъ классовъ не заслуживалъ большого вниманія, и меньше всего именно та сторона, которая преимущественно интересуется насъ, т.-е. возрастающее соціальное неравенство. Такіе моменты, наиболѣе трудные для воспроизведенія въ видѣ иллюстраціи, понятно, отсутствуютъ въ изданныхъ путешествіяхъ иностранцевъ XVII столѣтія. Лишь внѣшній укладъ крестьянскаго быта нашель себѣ отчасти откликъ въ иллюстраціяхъ посѣщавшихъ Россію иностранцевъ. Рисунки эти имѣютъ почти исключительно историческій интересъ, какъ отраженіе впечатлѣній современниковъ, воспроизведенныхъ еще неумѣлымъ и подчасъ наивнымъ рѣзцомъ гравера. Конечно, лишь очень приблизительно соотвѣтствуютъ они дѣйствительности, лишь нѣкоторыя черты ихъ являются характерными для крестьянскаго быта XVII в. Кое-что можно было все-таки подчеркнуть изъ наивныхъ набросковъ современниковъ: таковы изображенія внѣшняго вида русскихъ деревень, имѣющіяся въ альбомѣ Мейерберга; типы крестьянъ въ путешествіи Олеарія и изображеніе народныхъ развлеченій тамъ же. Вотъ почти все, что, повидимому, какъ главный источникъ, можно указать для XVII столѣтія. Этого, очевидно, болѣе чѣмъ недостаточно. Изъ картинъ современныхъ намъ художниковъ, кажется, лишь двѣ посвящены отчасти крѣпостному праву XVII ст. (не считая тѣхъ, которыя появились въ серіяхъ историческихъ картинъ, изданныхъ раз-

личными фирмами); это картина бар. Клодта «Шутъ» и Карелина «Забава». Обѣ онѣ (воспроизводимыя въ изданіи) изображаютъ неизбѣжную принадлежность крѣпостного помѣщичьяго быта—придворныхъ дураковъ и шутовъ. Редакціей помѣщено еще двѣ новыхъ картины, написанныхъ спеціально для изданія художникомъ К. В. Лебедевымъ: одна изъ нихъ изображаетъ «Свозъ крестьянъ» въ XVI в., какъ наиболѣе характерное явленіе данной эпохи, другая—опустѣвшую деревню XVII в., изъ которой бѣжало населеніе, обремененное непосильными финансовыми требованіями казны и гнетомъ служилаго помѣщика.

Для характеристики свободнаго крестьянства XVII в. въ Поморьѣ, къ сожалѣнію, трудно было что-нибудь найти. Здѣсь помѣщены типы поморь-старообрядцевъ, набросанные уже въ XVIII в., и рѣчные загорожденія для рыбной ловли той же эпохи, могущія характеризовать складнической крестьянской трудъ.

Эпоха Петра оказалась наиболѣе бѣдной. Здѣсь въ сущности не удалось подыскать почти ничего специфическаго для характеристики быта русскаго крестьянина. Даже нѣтъ, повидимому, портрета крестьянскаго радѣтеля Посошкова. Помѣщенная картина художника А. В. Моравова «Прорытіе Ладожскаго канала» должна характеризовать собой тотъ принудительный трудъ для общественныхъ работъ, который въ широкихъ объемахъ практикуется полицейскимъ государствомъ Петра и для котораго изъ всей Россіи сгоняются тысячныя толпы крестьянъ. Вторая половина XVIII и начало XIX столѣтія уже болѣе благодарны въ смыслѣ иллюстраціи. Иностранцы конца XVIII в. дали многочисленныя изображенія типовъ русскыхъ крестьянъ, заглянули во внутренность избы, изображая небезынтересныя сценки изъ народной жизни и народнаго труда, и даже, пожалуй, коснулись нѣкоторыхъ сторонъ крѣпостного права. Въ иностранныхъ гравюрахъ XVIII в. много вниманія удѣляется наказаніямъ, практиковавшимся въ Россіи: кнутъ, плеть, батоги фигурируютъ чрезвычайно часто и у различныхъ авторовъ. Особенно для насъ интересны въ данномъ случаѣ наказанія именно крестьянъ, какъ они, на примѣръ, представлены у англичанина Аткинсона. Многіе изъ этихъ рисунковъ еще недостаточно жизненны по манерѣ писанія, другіе приторно слащавы, третьи изображаютъ русскаго крестьянина подъ французскаго и т. д. Но само по себѣ уже примѣчательно, что крестьянскому быту удѣляется значительное вниманіе. Не оставленъ безъ вниманія и помѣщикъ-баринъ: характерна, на примѣръ, карета съ гайдуками у Аткинсона „Manners and customs of the Russians“ (1803 г.) или у него же егеръ; чрезвычайно жизненно изображеніе крестнаго хода у Грубера и Гейслера: „Sitten, Gebräuche und Kleidung der Russen. Leipzig, 1793 г.“—помѣщикъ, шествующій съ набожно-важнымъ видомъ впереди священника... Кромѣ упомянутыхъ, соответствующіе рисунки заимствованы изъ путешествія Сох'а 1784 г., книги Kupfer'a 1776 г., альбома Le Prince'a 1764 г., изъ книги аббата Charpe d'Auteroche „Voyage en Sibirie“ 1761 г., Гунна «Изъ Москвы въ Малороссію» (1806), англійскаго изданія „The Costume of the Russians“ 1804, Robert L yall „The character of the Russians“(1823), Houbigant „Moeurs et costumes des Russes“ (1721), Breton „La Russie; moeurs, usages et costumes“ (1813) и нѣкоторыхъ другихъ. По качеству выполненія изъ перечисленныхъ источниковъ наиболѣе выдѣляется альбомъ Le Prince'a, гдѣ изображенія русскаго крестьянскаго быта отдають изящной манерностью школы Буше и Фрагонара. Но особенно дѣльной для XVIII в. является дѣйствительно прекрасная группа русскыхъ крестьянъ датскаго художника Эриксена. Его «Семейство русскыхъ крестьянъ» находится въ картинной галлерей Румянцевскаго музея. Эриксенъ былъ въ свитѣ Екатерины II во время ея путешествія въ Крымъ; по «приказанію императрицы» онъ написалъ эту картину, заключающую въ себѣ грудные портреты старика-дѣда, бабки, ихъ домочадцевъ.

Вторая половина XVIII в.—золотой вѣкъ дворянства, привольной и широкой жизни на основѣ крѣпостного труда. Въ дворянской бытъ проникаетъ роскошь, высшее дворянство

начинаетъ подражать двору, который, въ свою очередь, стремится уподобиться «славной Версаліи»... Помѣщая невзрачный помѣщичій домъ, изображеніе котораго находится въ запискахъ извѣстнаго Болотова (1763 г.), мы беремъ въ то же время роскошные дворцы, появляющіеся въ помѣстьяхъ царедворцевъ. Въ книгѣ помѣщены, на примѣръ, дворцы въ Останкинѣ и Кусковѣ Шереметьевыхъ, въ Архангельскомъ Юсуповыхъ, въ Шаблыкинѣ (Орлов. губ.) Кирѣевскихъ, въ Ахтыркѣ (близъ Хотькова) Трубецкихъ, въ Марейнѣ (Моск. губ.) Паниныхъ, въ Батуринѣ (близъ Глухова) К. Разумовскаго, Бобринскихъ въ Богородицкомъ уѣздѣ и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ берутся съ современныхъ снимковъ (XVIII или началъ XIX в.), съ другихъ сдѣланы снимки спеціально для настоящаго изданія фотографомъ Т-ва И. Д. Сытина. Редакція предполагаетъ воспользоваться и нѣкоторыми интересными снимками помѣщичьихъ усадебъ, появляющимися въ журналѣ «Старые Годы».

Придворный бытъ, которому стремится подражать высшее дворянство, довольно ярко изображенъ въ картинѣ Лансере «Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ» и Якоби «Шуты при дворѣ Анны Іоанновны». Но за этимъ внѣшнимъ блескомъ скрывается рабовладѣніе, ужасы истязаній разныхъ Салтычихъ, Шеншиныхъ и т. д. Эта ужасная и развращающая сторона крѣпостного права до сихъ поръ еще не нашла себѣ отраженія въ художественныхъ изображеніяхъ. Редакція считала необходимымъ дать соотвѣтствующую картину художника Курдюмова, изображающую по возможности въ мягкихъ тонахъ истязанія крѣпостныхъ Дарьей Салтыковой.

Протестъ крѣпостныхъ противъ «мучителей», выразившійся въ Пугачевщинѣ, привлекъ такъ же къ себѣ вниманіе иностранцевъ, какъ и раньше бунтъ Стеньки Разина. Мы имѣемъ нѣсколько, конечно, въ значительной степени анопрофическихъ портретовъ вождей поднявшагося крестьянства, нѣсколько гравюръ, посвященныхъ усмиренію Пугачевщины, а также прекрасную картину Перова «Судъ Пугачева».

Начало XIX в., когда появляется уже русская школа, русскіе художники, живопись приближается къ дѣйствительности, становится въ значительной степени реальной. Какъ отнесется она къ крестьянскому быту и къ крѣпостному праву? Уже отецъ русскаго жанроваго натурализма Венеціановъ (1779—1847) далъ безспорно интересные типы крестьянъ; за нимъ Тропининъ (1776—1857), художникъ, вышедшій изъ крѣпостной среды, набрасываетъ привлекательные, слегка идеализированные, образы «пряхи» и «кружевницы», т.-е. крѣпостныхъ дѣвушекъ, и, быть-можетъ, тѣмъ самымъ привлекаетъ вниманіе общества къ крестьянину-человѣку, а не рабу. Для начала XIX в. интересные наброски дѣлаетъ камергеръ А. Н. Львовъ, набрасывая крестьянскія деревушки во время своей поѣздки по Россіи. Къ 20 гг. относятся извѣстные рисунки Орловскаго. Въ 40 гг. интересные рисунки Colman'a. Наканунѣ освобожденія можно указать цѣлый рядъ альбомовъ, дающихъ изображеніе сценъ изъ народнаго быта: Святочный альбомъ Рыбинскаго (1858), Святочные игры Деллинга (1859), Русскіе типы Вальтера и нѣкоторые другіе. Богаче становится и этнографическій матеріалъ—достаточно указать на рисунки, помѣщаемые въ художественномъ листкѣ Тимма (1851—62 гг.). Выступаютъ художники Трутовскій (1826—1893) и Соколовъ (1821—1899), большинство картинъ которыхъ, впрочемъ, относится уже къ пореформенному времени.

Итакъ, представленъ крестьянинъ и крестьянскій бытъ все же довольно полно. А крѣпостное право? У Трутовскаго есть на него намеки, на примѣръ, картины: «Благодѣтельница», «Послѣ обѣда» и др., но это скорѣе изображеніе помѣщичьяго быта съ нѣсколько патріархальнымъ отгѣнкомъ. Такіе же намеки мы найдемъ и ранѣе у Венеціанова для помѣщичьяго хозяйства. Но крѣпостное право, какъ таковое, конечно, и не могло найти себѣ отраженіе въ художественныхъ изображеніяхъ. Крѣпостные художники рисовали своихъ баръ и ихъ помѣстья. Вольная кисть художника неизбѣжно наталкивалась на цензурныя

препоны: можно ли было рисовать крепостной бытъ, о которомъ нельзя было писать? Какъ ни странно, но и художники нашихъ дней до послѣдняго времени почти не вдохновлялись сюжетами изъ крепостного быта. Крепостное право, давшее матеріаль для замѣчательныхъ произведеній нашей художественной литературы, не нашло достаточно яркаго изображенія въ кисти художника, если не считать замѣчательной картины Винцмана «Въ дѣвичьей», Неврева «Торгъ» и появившейся въ 1910 г. на выставкѣ картины Бенуа, изображающей бытовую сценку изъ жизни помѣщика въ деревнѣ.

Но тѣмъ замѣчательнѣе рукописный альбомъ, находящійся въ коллекціи Бахрушина въ Историческомъ музеѣ) и ни разу еще неизданный—альбомъ Hampehn'a (30—40 гг.). Здѣсь такъ ярко представлены нѣкоторыя стороны крепостного быта. Сколько житейской правды, несмотря на нѣсколько карикатурный тонъ, въ наброскахъ «Помѣщикъ съ своимъ гаремомъ» или «Помѣщикъ на охотѣ», помѣщаемыхъ въ первомъ выпускѣ «Великой реформы». Всѣ вмѣстѣ они дадутъ блестящую художественную сатиру на крепостное общество. Для обрисовки крепостного быта николаевской эпохи помѣщается и три новыхъ картины акад. Н. А. Касаткина, К. В. Лебедева и художника М. М. Зайцева. Первая иллюстрируетъ жизненную сцену, вдохновившую Вл. Галак. Короленко на замѣчательный рассказъ «Облачный день». Здѣсь изображается фактъ изъ крепостного быта, доводившаго личность раба до такого человѣческаго униженія, что крепостная женщина должна была оставлять своихъ дѣтей, чтобы откармливать грудью щенка изъ барской псарни. Картина К. В. Лебедева иллюстрируетъ ту же сторону крепостного быта—продажу крепостныхъ на ярмаркахъ, связанныхъ и скованныхъ, продажу на ряду со скотомъ,—продажу, продолжавшуюся вплоть до освобожденія, несмотря на официальное запрещеніе. Картина Зайцева «Привозъ въ столицу припасовъ изъ помѣстья крепостными» даетъ намъ изображеніе хозяйственной стороны жизни помѣщиковъ: эта сцена чрезвычайно ярко и образно представлена въ извѣстныхъ воспоминаніяхъ П. А. Кропоткина.

Вотъ въ общихъ чертахъ чѣмъ иллюстрированъ бытъ дореформеннаго крестьянства въ нашемъ изданіи. Кромѣ перечисленнаго, помѣщенъ цѣлый рядъ рисунковъ, характеризующихъ отдѣльныя стороны крестьянскаго и помѣщичьяго быта: таковы интересные снимки съ военныхъ поселеній, рисунки гр. де Бальмена изъ помѣщичьяго быта первой половины XIX в., знаменитыя картины Федотова болѣзнь и смерть Фидельки, и т. д.

Бытъ пореформеннаго крестьянства уже представленъ болѣе полно въ художественныхъ произведеніяхъ. Рядъ картинъ выдающихся мастеровъ кисти подчасъ прекрасно иллюстрируетъ ту или другую сторону крестьянской жизни. Здѣсь выборъ былъ большой, и мало что уже приходилось дополнять. Мы ввели лишь двѣ новыя картины: художникомъ Зайцевымъ написана картина, посвященная толкованію чтенія манифеста 19 февраля; сюжетомъ для нея послужилъ эпизодъ въ знаменитомъ селѣ Безднѣ, Казанской губ. Такая картина представлялась умѣстнымъ потому, что извѣстная картина Мясоѣдова, пожалуй, даетъ уже слишкомъ идиллическую сцену. Общее впечатлѣніе отъ манифеста въ народной массѣ скорѣе было отрицательное—вотъ эту сторону и хотѣлось подчеркнуть. Другая картина художника Курдюмова посвящена проведенію реформы на мѣстахъ: взятъ эпизодъ изъ дѣятельности Л. Н. Толстого въ качествѣ мирового посредника.

Намъ надо сказать еще нѣсколько словъ по поводу этнографическаго матеріала, помѣщеннаго въ изданіи. Въ этомъ отношеніи редація вовсе не стремилась къ исчерпывающей, всесторонней полнотѣ, которая умѣстна была бы лишь въ спеціальномъ изданіи, но здѣсь эта полнота была бы слишкомъ громоздка. Мы брали лишь отдѣльные разрозненные типы, руководствуясь либо художественными соображеніями, либо соображеніями своего рода историческаго характера, т.-е. брали типы, нарисованные современниками въ различные моменты прошлаго русскаго крестьянства. Такъ брали мы крестьянскіе типы до реформы изъ худо-

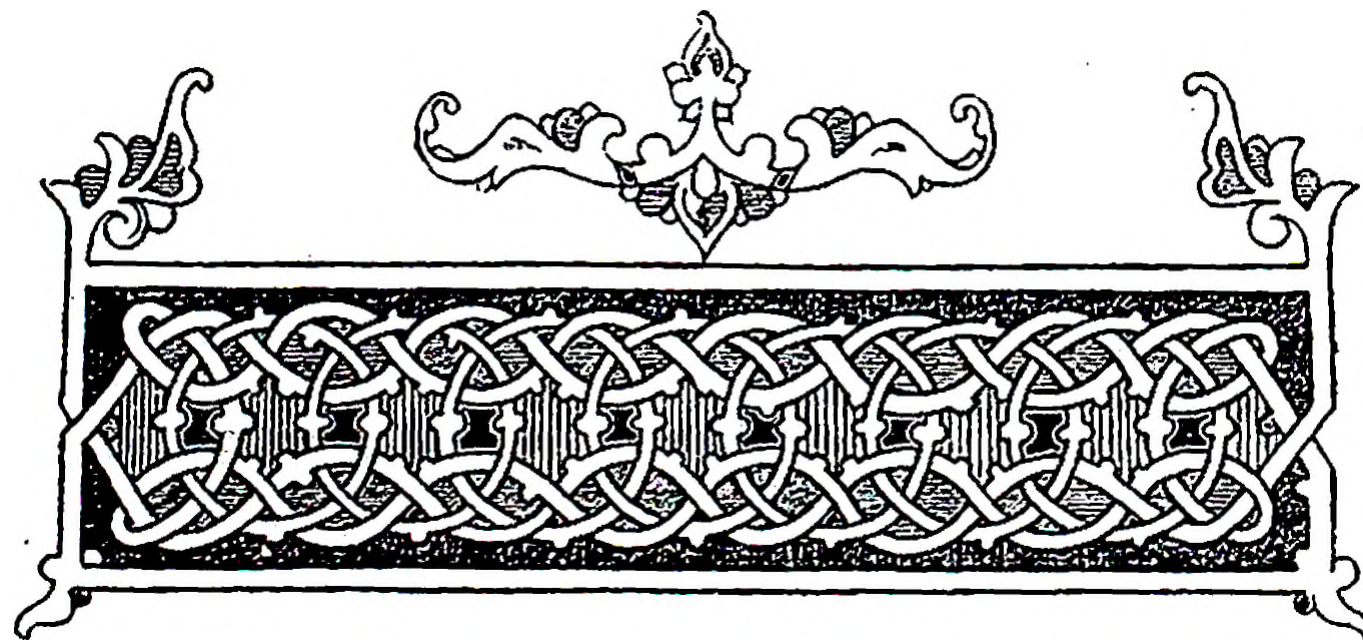
жественнаго листка Тимма за 50 гг. изданія Pauly „Description ethnographique des peuples de la Russie“, выпущеннаго по поводу освобожденія крестьянъ, изъ альбома 1878 г., сдѣланнаго по распоряженію Александра II. Альбомъ этотъ представляетъ собой библиографическую рѣдкость: онъ заключаетъ въ себѣ портреты русскихъ крестьянъ въ различныхъ военныхъ округахъ. Для этого альбома специально по всей Россіи были произведены фотографическіе снимки (редакція пользовалась экземпляромъ, находящимся въ Антропологическомъ музеѣ при Московскомъ университетѣ). Другіе этнографическіе матеріалы будутъ указаны въ текстѣ.

Редакція въ заключеніе считаетъ своимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, содѣйствовавшимъ въ трудной работѣ по подбору иллюстраціи: академику Н. А. Касаткину, администраціи Историческаго музея и въ частности А. В. Орѣшникову, А. И. Станкевичу, К. С. Кузьминскому и В. Н. Щепкину. П. И. Щукину, указавшему много цѣннаго матеріала, завѣдующему отдѣломъ россики въ Публичной библіотекѣ, А. И. Браудо, завѣдующему отдѣломъ гравюръ, г. Чечулину, библіотекарю Московскаго университета, А. І. Калишевскому, Д. Н. Анучину, познакомившему редакцію съ своимъ интереснымъ антропологическимъ музеемъ при Московскомъ университетѣ, дирекціи Румянцевской картинной галереи и Третьяковской за любезное разрѣшеніе произвести цѣлый рядъ фотографическихъ снимковъ, дирекціи Литературно-Художественнаго Кружка, и въ частности библіотекарю кружка М. М. Попову, редакціи «Русскихъ Вѣдомостей», гр. В. Н. Бобринской, инженер. А. Ф. Грязнову, В. П. Обнинскому, гр. С. В. Паниной, С. В. Петерсенъ, В. М. Соболевскому, Н. Д. Телешову и др.

Особую благодарность за отзывчивое отношеніе къ работѣ Исторической комиссіи редакція приноситъ историку русскаго крестьянства Василю Ивановичу Семейскому, много помогшему своими указаніями, и Василю Осиповичу Ключевскому.

15 сентября 1910 г.

А. Дживелеговъ.
С. Мельгуновъ.
В. Пичета.

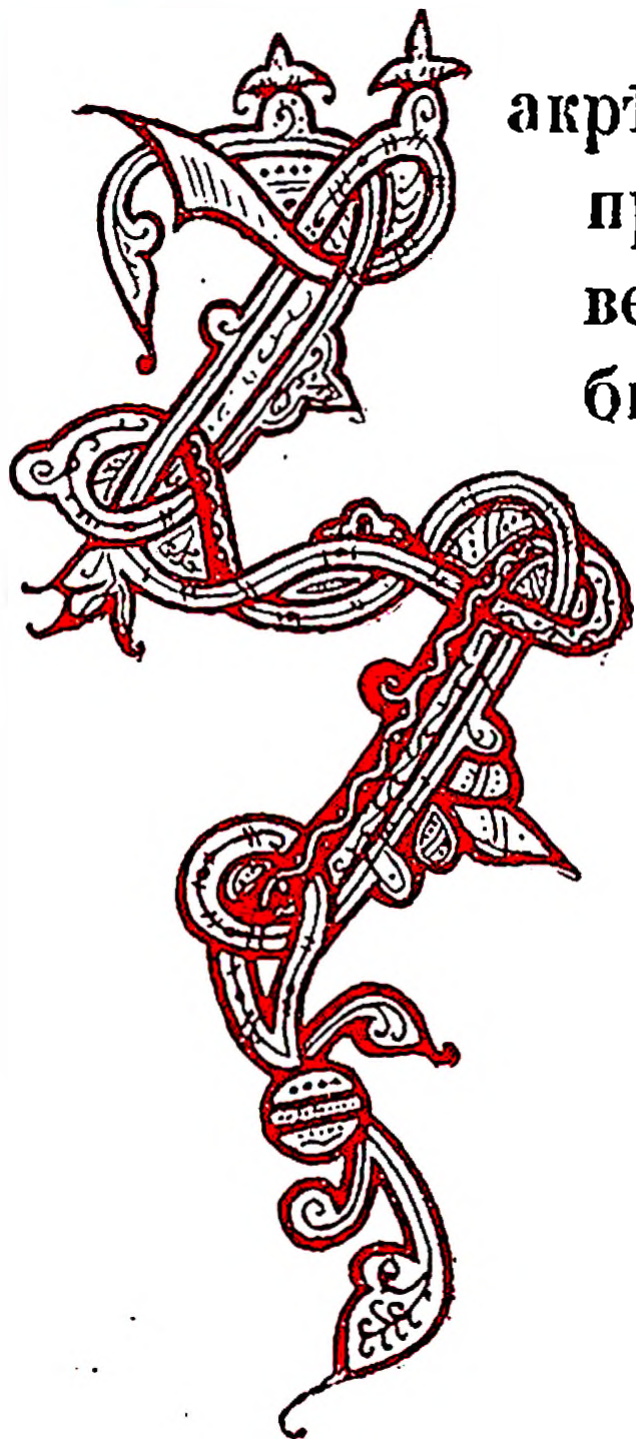

Начало закрѣпощенія крестьянъ.

Проф. М. Н. Любавскаго.

закрѣпощеніе крестьянъ, т.-е. лишеніе ихъ личной свободы и прикрѣпленіе къ тяглу и владѣльцу, на землѣ котораго они вели свое хозяйство, совершилось не сразу, а постепенно, было результатомъ продолжительнаго процесса нашей исторіи.

Первоначально, въ древнія времена Кіевской Руси, предки крестьянъ — люди, или смерды — выступаютъ не только въ качествѣ земледѣльцевъ и промышленниковъ, но и въ качествѣ свободныхъ, самостоятельныхъ землевладѣльцевъ. На ряду съ князьями, ихъ „мужами“, или боярами, и церковными учрежденіями смерды являются обладателями „селъ“, т.-е. хозяйственныхъ усадебъ съ пахотными землями и разными угодьями. Объ этомъ прямо говоритъ намъ современникъ — лѣтописецъ. По его словамъ, Владимиръ Мономахъ на совѣщаніи князей у Долобскаго озера, происходившемъ весною 1103 года, говорилъ противникамъ замышлявшагося тогда похода на половцевъ: „Дивно ли, дружино, оже лошадей жалуете, ею же орешь, а сего чему не промыслите: оже то начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ ударить и стрѣлою, а лошадь его пойметъ, а въ село его ѣхавъ—жену его и дѣти и все имѣнье“.

Но уже въ эти отдаленныя времена обозначалась и огромная разница между смердами и другими землевладѣльцами. Смерды были все-таки „мужики“, а не мужи, т.-е. мелкіе землевладѣльцы, а не крупные, каковыми были настоящіе княжіе „мужи“, бояре. По всѣмъ даннымъ, смерды владѣли только такимъ количествомъ земли и угодій, которое они могли разрабатывать сами лично и силами своей семьи или рода. Смерды въ большинствѣ не были рабовладѣльцами и капиталистами и потому не могли занимать и разрабатывать земли и угодья свыше своей личной и семейно-родовой работоспособности. Если нѣкоторые изъ нихъ разживались, становились „великими смердами“, попадали даже въ бояре, какъ, напр., Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, галицкіе бояре, „изъ племени смердьа“, то во всякомъ случаѣ это было большою рѣдкостью, которую лѣтописецъ считалъ нужнымъ подчеркнуть. Наоборотъ—князья и ихъ дружинники, обогащаясь на войнѣ полономъ и добычею, въ мирное время—данями, судебными пенями и пошлинами и разными другими поборами съ населенія, имѣли возможность прилагать къ землѣ трудъ многочисленной челяди, т.-е. рабовъ, и наймитовъ и такимъ путемъ занимать и разрабатывать большія пространства земли и угодій. То же самое, справедливо и относительно церковныхъ учрежденій, получавшихъ „десятину“ отъ князей, плату за церковныя труды, вклады или пожертвованія на поминъ души и т. д.

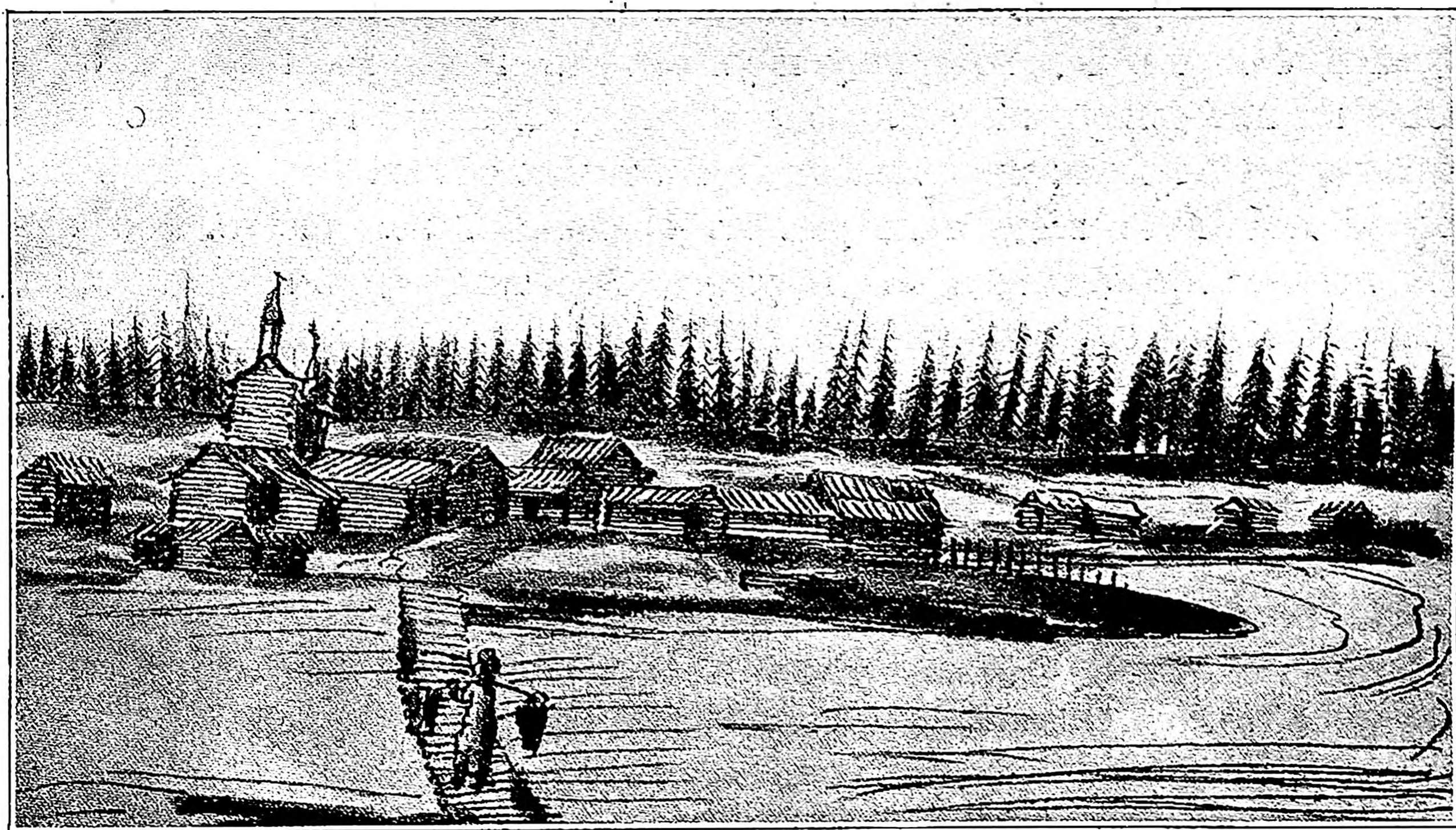
Экономическому неравенству смердовъ съ другими землевладѣльцами соответствовало и юридическое неравенство. Смерды составляли ту самую народную массу, которая была подвластна князьямъ, которую они обложили различными данями и „уроками“, различными повинностями въ свою пользу. Княжіе мужи и церковныя учрежденія, свободные отъ этихъ повинностей, занимали привилегированное положеніе сравнительно со смердами. Рѣзкая разница въ положеніи княжихъ „мужей“ и „мужиковъ“ обнаруживается съ особенною яркостью въ той статьѣ Русской Правды, которая трактуетъ „о задницѣ боярстѣй и людетѣй“. Оказывается, что имѣнье смерда, умершаго безъ сыновей, которые могли бы продолжить его хозяйство и платить князю дани и уроки, не шло къ дочерямъ смерда, а спадало на князя; тогда какъ имѣнье боярина за неимѣніемъ сыновей шло къ его дочерямъ. Какъ человѣкъ, приносящій князю доходъ, смердъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сталъ уже приравняться къ холопу: за его убіеніе Русская Правда опредѣляетъ такой же „урокъ“ въ пользу князя, въ 5 гривень, какъ и за убіеніе княжаго холопа.

Живя, главнымъ образомъ, личнымъ трудомъ, не накопляя и часто не имѣя возможности накопить значительнаго капитала, дѣлаясь жертвами различныхъ жизненныхъ невзгодъ и бѣдствій, смерды уже въ Кіевской Руси стали нерѣдко терять свое положеніе самостоятельныхъ землевладѣльцевъ—земледѣльцевъ. Уже въ то время сдѣлалось довольно обычнымъ явленіемъ поглощеніе мелкихъ земельныхъ имѣній крупными Митрополитъ Климентъ

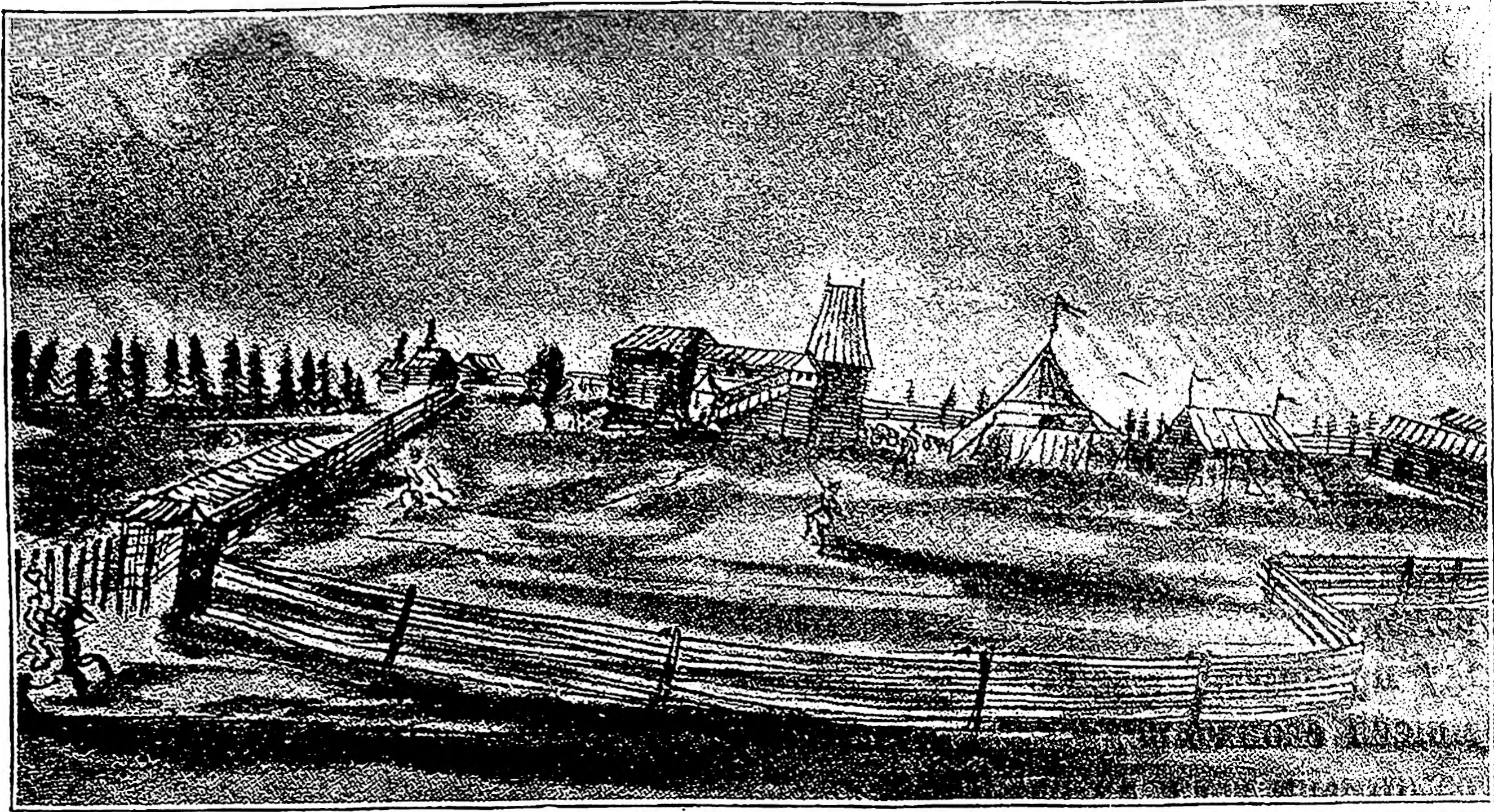
въ посланіи къ пресвитеру Өомѣ (около половины XII в.) писалъ о нихъ: „иже прилегають домъ къ дому и села къ селамъ, изгой жъ и сябры, и бортіи и пожни, ляда же и старины“. Это свидѣтельство любопытно и въ томъ отношеніи, что указываетъ на судьбу людей, терявшихъ свои „села“: оказывается, что они присаживались въ долю къ сильнымъ землевладѣльцамъ, становились ихъ „сябрами“, соучастниками въ пользованіи объединенными землями и угодьями. Памятники Кіевской Руси вообще констатируютъ стремленіе сильныхъ землевладѣльцевъ устраивать эксплуатацію своихъ земельныхъ имуществъ не только при помощи челяди, рабовъ, но и при помощи людей другихъ общественныхъ состояній. Таковы были: наймиты, получавшіе хлѣбъ и „придатокъ“, т.-е. жалованье, закупы, получавшіе плату впередъ, запродавшіе себя въ рабство до отработки этой платы или „купы“, между прочимъ, на землѣ заимодавца („ролейные закупы“), сироты, т.-е. лишившіеся своихъ родителей и имѣнья люди, и згой, т.-е. разорившіеся купцы, неграмотныя дѣти духовенства, выкупившіеся на волю холопы и т. под. Значительная часть этихъ людей, несомнѣнно, набиралась изъ среды смердовъ.

Среди причинъ, содѣйствовавшихъ хозяйственному разоренію смердовъ и потерѣ ими экономической самостоятельности, большое значеніе имѣли княжескія усобицы и нападенія кочевниковъ - половцевъ. Но наибольшее дѣйствіе въ данномъ случаѣ оказали татарское нашествіе и погромы XIII и нач. XIV вѣка. Эти погромы уничтожили огромное количество самостоятельныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, лишили многихъ земледѣльцевъ ихъ крова, скота и хлѣба и земледѣльческихъ орудій. Многие изъ этихъ земле-

Село Яжелбицы близъ Каширы (изъ Мейерберга).

Боярская усадьба въ с. Никольскомъ, недалеко отъ Москвы (изъ Мейерберга).

дѣльцевъ-землевладѣльцевъ, спасшихся отъ смерти и полона, не могли уже вернуться на покинутыя земли и обзавестись самостоятельнымъ хозяйствомъ на своихъ пепелищахъ. Поневолѣ имъ пришлось подсаживаться къ тѣмъ, у кого уцѣлѣли хоть какіе-нибудь остатки капитала и хозяйственнаго обзаведенія. Часть ихъ стала устраиваться въ подворники и подсуѣдки къ своей братьѣ—уцѣлѣвшимъ земледѣльцамъ-землевладѣльцамъ—и кормиться около нихъ, помогая имъ въ хозяйствѣ и получая за это содержаніе или извѣстную долю урожая. Но еще большая часть стала садиться на землю къ князьямъ, боярамъ и духовенству и устраивать при ихъ помощи свое хозяйство на ихъ земляхъ. Такъ появился многочисленный классъ крестьянъ, воздѣльвателей чужой земли. Классъ этотъ, только обозначившійся въ кievскую эпоху, въ XIV вѣкѣ выдѣлился уже въ огромномъ количествѣ. Его образованію, помимо прямого воздѣйствія указанныхъ татарскихъ погромовъ, содѣйствовала и общая соціально-экономическая эволюція, совершившаяся въ теченіе XIII и XIV вѣковъ.

Если уже въ кievскую эпоху, до прибытія татаръ, размножившіеся князья и ихъ дружинники оказались не въ состояніи жить на счетъ однихъ только даней и разныхъ поборовъ съ населенія, все болѣе и болѣе къ тому же разорявшагося, и должны были перейти къ сельскому хозяйству, приняться за разработку земель и угодій, — тѣмъ болѣе должны взяться за это дѣло князья и ихъ дружинники послѣ прибытія татаръ. Народная масса, разоряемая погромами и платежомъ „выхода“ въ Орду, имѣя полемъ приложенія своего труда болѣе скудныя, чѣмъ прежде, по природѣ земельныя пространства, стала въ общемъ бѣднѣе, чѣмъ во времена Кievской Руси, и потому

не могла доставлять князьямъ и ихъ дружинникамъ такихъ доходовъ, какъ прежде. Съ разстройствомъ внѣшней торговли, съ ежегоднымъ отливомъ денегъ въ Орду народное хозяйство Руси сдѣлало вообще рѣшительные шаги назадъ по сравненію съ хозяйствомъ кievскаго періода, пріобрѣло рѣзко выраженный натуральный характеръ. При такихъ обстоятельствахъ князьямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только расширять по возможности свое хозяйство, устраивать свои села, распашку земли и разработку разныхъ угодій. Примѣру ихъ должны слѣдовать и ихъ мужи, бояре и слуги, которые еще меньше, чѣмъ прежде, могли кормиться около князей, на разныхъ должностяхъ. Княжеское и боярское землевладѣніе и хозяйство въ XIII и XIV вѣкахъ получило большое развитіе. То же самое нужно сказать и о церковномъ землевладѣніи и хозяйствѣ. И до нашествія татаръ князья начали надѣлать церкви и монастыри земельными имуществами. Въ татарскую эпоху землевладѣніе и сельское хозяйство стали уже господствующимъ способомъ матеріальнаго обезпеченія духовенства. Такъ называемая руга, заступившая мѣсто прежней десятины, отошла теперь на задній планъ, стала жаловаться князьями изрѣдка и въ небольшихъ размѣрахъ, въ видѣ нѣкоторой подмоги бѣднымъ церквамъ. Монастырямъ, епископамъ, причтамъ церквей пришлось теперь самимъ промышлять о себѣ, добывать средства собственною предприимчивостью, веденіемъ собственнаго хозяйства. Это былъ желѣзный законъ, которому при всеобщемъ обѣднѣніи и разореніи, при истощеніи производительныхъ классовъ должны были одинаково подчиняться и князья, и бояре, и духовенство.

Развивавшееся княжеское, боярское и церковное землевладѣніе и хозяйство было жизненнымъ теченіемъ. Оно не только шло навстрѣчу упадку самостоятельнаго хозяйства земледѣльцевъ, но отчасти и содѣйствовало этому упадку. Во-первыхъ, развитіе княжескаго, боярскаго и церковнаго землевладѣнія суживало районъ свободной заимки земель самостоятельными земледѣльцами. Во-вторыхъ, развитіе этихъ видовъ землевладѣнія создавало сплошь и рядомъ такіа неудобныя условія сосѣдства для мелкихъ земледѣльцевъ-земледѣльцевъ, что они предпочитали жертвовать своею самостоятельностью и устраиваться подъ покровительствомъ и въ зависимости отъ сильныхъ сосѣдей. Но и помимо того, матеріальная помощь, которую оказывали крупные земледѣльцы селившимся у нихъ крестьянамъ, различныя льготы въ отношеніи податей и повинностей, въ отношеніи подсудности, предоставлявшіяся населенію церковныхъ и боярскихъ имѣній жалованными и несудимыми грамотами князей, должны были парализовать развитіе самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Окончательный ударъ самостоятельности крестьянскаго землевладѣнія нанесенъ былъ усилившеюся властью князей по отношенію къ территоріямъ княжествъ и ихъ промышленно-земледѣльческому населенію.

Было время, когда князья не считались владѣльцами территорій управляемых ими княжествъ, когда они считались владѣльцами лишь тѣхъ частей ея, которыя они заняли своими селами и которыя они разрабатывали силами своей челяди и зависимыхъ людей. Такъ было въ XI и XII вѣкахъ и такъ продолжалось отчасти и позже въ Новгородской и Псковской земляхъ. Но въ XIII вѣкѣ въ большей части Руси князья стали уже территориальными владѣльцами своихъ княженій. Превратившись въ сельскихъ хозяевъ, князья перестали переходить со стола на столъ, осѣли на мѣстахъ, приняли дѣятельное участіе въ заселеніи своихъ княжествъ, въ организаціи народнаго труда. Свои княженья они стали теперь разсматривать уже какъ наследственное

Бояринъ, дающій милостыню (изъ Мейерберга).

достояніе, стали передавать ихъ дѣтямъ, дѣлить ихъ на части и т. д. Отсюда уже былъ одинъ шагъ къ признанію князей и владѣльцами самихъ территорій княжествъ. Окончательному торжеству этого взгляда содѣйствовало установленіе татарскаго ига надъ Русью. Ханскій ярлыкъ, утверждавшій князя на его княженѣ, окончательно стеръ съ него печать земскаго правителя, избираемаго или принимаемаго землею, поставилъ его не только внѣ, но и надъ княжествомъ, какъ земскою организаціею, изъ правителя превратилъ его въ обладателя княжества.

Эта перемѣна должна была отозваться на положеніи всѣхъ вообще землевладѣльцевъ, больше же всего на положеніи тѣхъ, которые держались на землѣ преимущественно своимъ личнымъ трудомъ, безъ большихъ хозяйствен-

ныхъ приспособленій, безъ затраты капитала, а слѣдовательно, держались не устойчиво, не крѣпко освоили свои земли и угодья. Если бояре и церковныя учрежденія потеряли возможность свободно и безпрепятственно занимать и осваивать земли и угодья, если эта замѣна и освоение поставлены были теперь подъ условіе княжескаго разрѣшенія, а землевладѣніе — подъ условіе княжескаго признанія, то землевладѣніе потомковъ смердовъ—тяглыхъ или черныхъ людей—стало не только подъ условіе княжескаго признанія, но и подъ условіе княжескаго распоряженія. Князья стали по временамъ жаловать земли, населенныя черными людьми, церкви или боярамъ, стали превращать черныя волости въ дворцовыя, приравнивать черныхъ крестьянъ къ тѣмъ, которые сѣли въ ихъ, княжескія, села, въ качествѣ арендаторовъ ихъ, княжеской, земли, налагая и на черныхъ крестьянъ тѣ же повинности, что и на дворцовыхъ.

Въ концѣ-концовъ, всѣ крестьяне изъ самостоятельныхъ землевладѣльцевъ превратились въ пользователей, арендаторовъ чужой земли: либо княжеской государственной, либо княжеской дворцовой, либо боярской, либо церковной. Такое положеніе въ XIV вѣкѣ можно считать уже установившимся, опредѣлившимся фактомъ, по крайней мѣрѣ, для центральнаго Ростово-Суздальскаго района сѣверо-восточной Руси.

Уже въ удѣльную эпоху, въ XIV и XV вв., обозначилось дѣленіе всего этого крестьянства на двѣ категоріи. Одну изъ нихъ составили крестьяне—старожильцы, которые крѣпко усѣлись на своихъ мѣстахъ, цѣлыми поколѣніями проживали въ извѣстныхъ селахъ и деревняхъ, наследственно держа свои выти, или участки земли. Тѣ изъ этихъ крестьянъ, которые жили въ черныхъ волостяхъ, назывались людьми тяглыми или письменными (такъ какъ они были записаны въ данскія книги). Крестьяне эти платили подати и несли повинности обыкновенно цѣлою волостью, сообща, по разрубамъ или разметамъ, которыя производилъ выборный староста съ мирскими окладчиками или цѣловальниками. Подобная же категорія старожильцевъ была и въ боярскихъ и въ церковныхъ селахъ, при чемъ раскладка податей и повинностей производилась въ этихъ селахъ съ участіемъ владѣльцевъ или ихъ представителей—приказчиковъ или посельскихъ. Другую категорію составляли переходящіе крестьяне, снимавшіе на время свободныя участки земли, или выти, у черной или дворцовой волости, либо у боярина или монастыря. При этомъ крестьяне заключали устные или письменные договоры, или порядныя, съ волостями и владѣльцами. Порядныя грамоты дошли только отъ XVI вѣка. Но нѣтъ сомнѣнія, что и въ болѣе раннее время существовали тѣ же приблизительно порядки, которые воспроизводятся грамотами XVI вѣка.

Порядныя обозначаютъ прежде всего участокъ земли, снимаемый крестьяниномъ, т.-е. выть, полвыти, четверть выти и т. под. Эта выть въ раз-

ныхъ мѣстностяхъ была не одинакова въ своемъ размѣрѣ; чаще всего она равнялась 18 десятинамъ доброй земли, 21 средней, 24 худой въ трехъ поляхъ. Принимая участокъ, крестьянинъ обязывался „межь не спустити“, т.-е. держать его въ опредѣлившихся уже границахъ, обрабатывать его— „орати и сѣяти и пары парити, и сѣно косити, и огороды у поля и у поженъ ставити, и гной (навозъ, наземъ, натраву) на землю возити, и земли не запустошити (пашни не запереложити)“. Затѣмъ шелъ перечень усадебныхъ построекъ—избъ, клѣтей, хлѣбовъ, овиновъ, бань и т. под., буде онѣ имѣлись на крестьянской выти. Всѣ такія постройки крестьянинъ обязывался чинить и крыть. Если построекъ не было совсѣмъ или же онѣ имѣлись въ недостаточномъ количествѣ, крестьянинъ обязывался ихъ выстроить вновь.

Теодоръ Ивановичъ (съ совр. портр.).

Въ нѣкоторыхъ порядныхъ обозначалась затѣмъ подмога и ссуда, которыя крестьянинъ получалъ отъ владѣльца. Рядясь во крестьянство, крестьянинъ обязывался жить тихо и смиренно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать. Срокъ аренды былъ разный—отъ одного года и до десяти лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени крестьянинъ обязывался съ своей выти „сударевы подати, дань и оброкъ и всякіе волостные разрубъ“ вмѣстѣ съ остальными крестьянами даннаго села или волости „платити“, а владѣльцу платитъ въ доходъ. Этотъ доходъ платился обыкновенно натурою—рожью, ячменемъ, пшеницею, овсомъ и т. д. въ извѣстномъ количествѣ мѣръ (коробей или четвертей) или въ опредѣленной долѣ урожая (половина, треть четверти, даже шестая часть). Кромѣ этого главнаго

дохода, землевладѣльцы получали съ крестьянъ еще мелкій доходъ: курами, яйцами, мясомъ, масломъ, рыбою, ягодами, грибами и т. д. Сверхъ оброка, крестьянинъ обязывался еще „на дѣло крестьянское ходити“, т.-е. нести разныя барщинныя повинности въ пользу землевладѣльца. Это „издѣлье“ рассматривалось, какъ оплата процентовъ по ссудѣ или подмогѣ, которыя крестьянинъ получалъ отъ владѣльца на первое обзаведеніе. За неисполненіе обязательствъ, „за недоживъ“ до срока, крестьянинъ обязывался заплатить заставу, или неустойку, вслѣдствіе чего, рядясь во крестьянство, онъ выставлялъ за себя поручителей. Но и землевладѣлецъ „за вырядъ“, за отказъ крестьянину до срока, обязывался первоначально также неустойкою.

Одна бѣда влечетъ за собою другую. Превращеніе самостоятельныхъ земледѣльцевъ-землевладѣльцевъ въ воздѣлывателей чужой земли, въ свою очередь, послужило фундаментомъ, на которомъ стала воздвигаться постройка крѣпостного права. Извлекая доходъ съ имѣній и выполняя съ нихъ государственныя повинности, главнымъ образомъ, при помощи крестьянскихъ рабочихъ рукъ, землевладѣльцы рано или поздно должны были проявить стремленія къ закрѣпленію этихъ рукъ у себя въ селахъ и деревняхъ. Примѣръ подали въ этомъ отношеніи князья удѣльной эпохи. Въ ихъ договорныхъ грамотахъ постоянно встрѣчаемъ условіе не перезывать и не принимать другъ отъ друга людей, которые потягли къ соцкому, тяглыхъ или письменныхъ. Точно такъ же князья стали препятствовать и уходу своихъ тяглыхъ людей въ боярскія и монастырскія вотчины. Такъ, напр., углицкій князь Андрей Васильевичъ, пожаловавъ имѣнье Покровскому монастырю, написалъ въ жалованной грамотѣ: „а тяглыхъ людей моихъ письменныхъ и вытныхъ въ ту слободку не пріимати“ (Акты Археограф. Эксп., I, № 102). Съ образованіемъ Московскаго государства началась усиленная раздача помѣстій служилымъ людямъ, а это обстоятельство должно было, въ свою очередь, вызвать усиленный отливъ крестьянъ изъ черныхъ и дворцовыхъ волостей и селъ на земли служилыхъ людей, которые всячески заманивали къ себѣ крестьянъ—льготами, ссудами и т. д. Чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ стала угрожать опасность запустѣнія, и правительство должно было проявить особую твердость и опредѣленность въ вопросѣ о переходѣ крестьянъ. Сама собою напрашивалась мысль, что всѣ крестьяне—старожильцы крѣпки къ своей выти, къ своему тяглу по своей старинѣ и не могутъ самовольно покидать волости и села. И этотъ взглядъ сталъ проводиться въ правительственной практикѣ. Такъ, въ уставной Важской грамотѣ 1552 года волостнымъ крестьянамъ предоставлено было право „старыхъ тяглецовъ-крестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безошлинно“. Но опасность запустѣнія угрожала не однимъ только чернымъ волостямъ и дворцовымъ селамъ, но и боярскимъ и монастырскимъ вотчинамъ. Правительство, считая

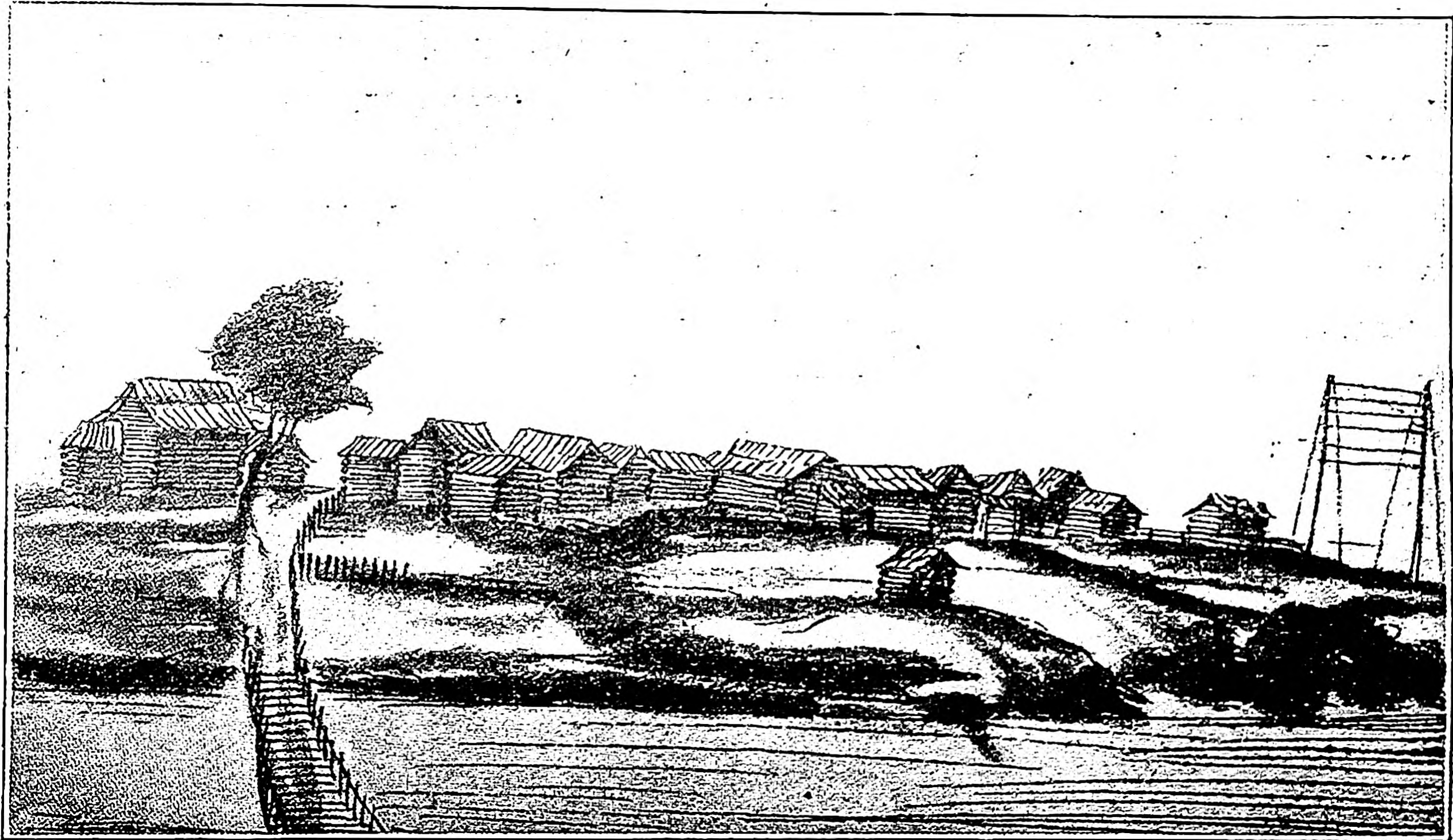

черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ-старожильцевъ прикрѣпленными къ ихъ вытѣмъ и тяглу и не имѣющими права ухода, въ силу же элементарной справедливости должно было распространить этотъ взглядъ и на владѣльческихъ крестьянъ-старожильцевъ. Въ грамотахъ, данныхъ Троицкому монастырю въ концѣ XV в., читаемъ поэтому: „также есмь игумена съ братіею пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожильца, и язъ, князь великій, тѣхъ крестьянъ не велѣлъ выпустати никому“ (Акты Историч., I, № 59). Въ теченіе XVI

цевъ все болѣе и болѣе укрѣплялся какъ и въ сознаніи землевладѣльцевъ, обложенъ имѣній. Его поддерживала и обостряла ѣ системъ, внутренняя колонизація и, благо- и степной украины, колонизація внѣшняя и ѣ переселенію. Землевладѣльцы всячески ста- казывая ихъ старожильство. Огромную роль рація тяглаго населенія, производившаяся въ дѣляхъ, составленіе такъ называемыхъ писцо- эпоху письменные люди, записанные въ жими къ своему тяглу и не могли перехо- къ и теперь тяглые люди, зарегистрирован- ались принадлежащими тѣмъ, за кѣмъ они такимъ образомъ, на ряду съ другими до- дарственными и т. д., получили значеніе землевладѣльцы, какъ на доказательства крѣпощенію проявилась довольно рано и кожимъ, которые поряжались во крестъ- ностью или владѣльцемъ. Съ крестьянъ ерять такъ называемое пожилое, т.-е.

усадьбами постройками. Судебникъ Ивана III устана- вливалъ: „А христіанамъ отказыватися изъ волости и изъ села въ село одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осеняго и за недѣлю послѣ Юрь- ева дня осеняго; дворы пожилые платятъ въ полѣхъ за дворъ рубль, а въ лѣсѣхъ—полтина“. Судебникъ 1550 увеличилъ крестьянскую пошлину при отказѣ на четыре алтына, два за пожилое и два за повозъ. Плата эта, взимавшаяся за четырехлѣтнее пользованіе дворомъ, при тогдашней покуп- ной силѣ рубля, превышавшей силу нынѣшняго во 100 разъ (въ 1500 году), является очень значительною и потому не могла не задерживать крестьян- скихъ переходовъ. Къ тому же землевладѣльцы иногда не довольствовались законнымъ размѣромъ пожилого и старались затруднить крестьянскій выходъ взиманіемъ лишнихъ пошлинъ. Пусторжевскіе крестьяне въ 1555 году жало-

Вина—деревня Новгородской губерні (изъ Мейерберга).

вались на разныхъ владѣльцевъ, что они „изъ-за себя ихъ не выпускали, а поймавъ мучили и грабили и въ желѣза ковали и пожилые съ нихъ имали не по-судебному, рублей по пяти и до десяти“. Но особенно стала парализовать крестьянскіе выходы задолженность крестьянъ землевладѣльцамъ. Эта задолженность происходила отъ разныхъ причинъ. Обременяемые государственными податями и повинностями, строго взыскиваемыми, крестьяне часто оказывались не въ состояніи выполнять своихъ обязательствъ по отношенію къ землевладѣльцамъ, исправно вносить имъ ихъ доходъ и потому попадали подъ уплату заставы, т.-е. неустойки сверхъ недоимокъ. Нѣкоторые брали займы деньги и хлѣбъ не только при первоначальномъ поселеніи, но и пребывая во крестьянствѣ. Живя личнымъ трудомъ, не имѣя запаса, капитала, крестьянинъ былъ отданъ на жертву всякимъ случайностямъ жизни — и потому сплошь и рядомъ разорялся совершенно, становился неоплатнымъ должникомъ владѣльца. Въ качествѣ такового онъ уже не могъ добровольно покинуть своего землевладѣльца. Единственною возможностью для него развязаться съ землевладѣльцемъ оставался не выходъ, а вывозъ, отказъ его другимъ землевладѣльцемъ, который расплачивался за него съ прежнимъ его кредиторомъ и вступалъ во всѣ права послѣдняго. Уже въ XV вѣкѣ крестьяне часто не сами отказывались, а ихъ отказывали владѣльцы. „И вы бы,—писалъ бѣлозерскій князь Михаилъ Андреевичъ въ 1450 году своимъ боярамъ, дѣтямъ боярскимъ и слугамъ,—серебренниковъ и половниковъ и слободныхъ людей не о Юрьевѣ дни не отказывали, а отказывали серебренника и половника о Юрьевѣ дни, да и серебро заплатитъ“ (Акты Археограф. Экспед., I.

№ 48). Во второй половинѣ XVI в. вывозъ крестьянъ сталъ уже господствующимъ явленіемъ. Изъ данныхъ писцовой книги тверскихъ вотчинъ князя Симеона Бекбулатовича 1580 года обнаруживается, что на 305 случаевъ крестьянскаго перехода приходится 188 случаевъ вывоза крестьянъ владѣльцами, 59 случаевъ незаконнаго выхода безъ отказа, и только въ 58 случаяхъ крестьяне оказались въ состояніи сами отказаться отъ своихъ владѣльцевъ. Крестьяне по актамъ второй половины XVI вѣка являются уже пассивными существами, судьбу которыхъ опредѣляютъ землевладѣльцы. Между землевладѣльцами идетъ изъ-за крестьянъ цѣлая война: одни отказываютъ, перевозятъ; другіе всяческими мѣрами не выпускаютъ крестьянъ изъ-за себя. Сохранился рядъ челобитій, въ которыхъ землевладѣльцы жалуются на своихъ сосѣдей, что они „отъ нихъ отвезли крестьянецъ ихъ не по сроку, безъ отказа и безошлинной“ или „вывезли изъ-за нихъ за себя сильно“. Съ другой стороны жаловались на то, что владѣльцы, принявъ отказъ и взявъ пожилыя пошины, не выпускаютъ изъ-за себя крестьянъ, держатъ ихъ за собою „сильно“. Жаловались на то, что помѣщики, „какъ прїѣдутъ къ нимъ откащики съ отказомъ въ срокъ крестьянъ изъ-за нихъ отказывати...“ и они „тѣхъ откащиковъ бьютъ и въ желѣза куютъ, а крестьянъ изъ-за себя не выпускаютъ, да поймавъ ихъ мучатъ, грабятъ и въ желѣза куютъ, а пожилое на нихъ емлютъ не по судебнику“ и т. д. (Дополн. къ Актамъ Историческимъ, I, № 51, 56; Акты Историч., I, № 191).

На почвѣ этого порядка, въ концѣ-концовъ, появились также договоры крестьянъ съ владѣльцами, въ силу которыхъ крестьяне уже прямо закрѣплялись за владѣльцами. Такъ какъ переходъ сталъ фактически невозможнымъ, крестьяне начали уже прямо рядиться съ обязательствомъ не выходить отъ владѣльца, „на сторону инуды никуды не рядитца“, „никуда вонъ не выйти и впредь жити неподвижно“, или съ прибавленіемъ: „а впредь во крестьянствѣ безвыходно или вѣчно“. Развивая послѣднее обязательство, крестьянинъ предоставлялъ владѣльцу право отыскивать его и водворять обратно въ свою вотчину или помѣстье: „и гдѣ насъ сыщеть, и мы крѣпки ему во крестьянствѣ въ его помѣстьѣ на тое деревню, гдѣ онъ насъ посодитъ“.

Касимовъ—городъ (изъ изданія 1587 г.).

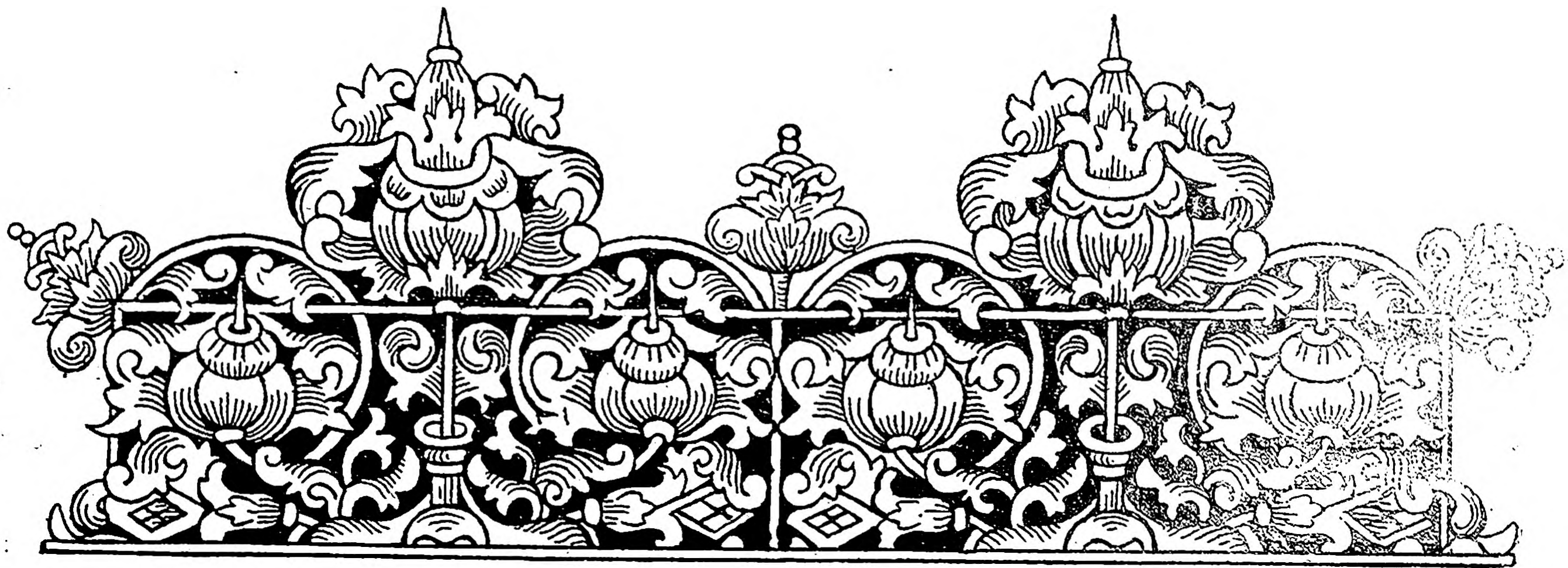
Для характеристики положенія крестьянъ конца XVI вѣка и начала XVII чрезвычайно важенъ извѣстный указъ 1597 года, которымъ запрещалось вчинять иски о возвращеніи крестьянъ, бѣжавшихъ за пять и болѣе лѣтъ до этого указа. Этотъ указъ не свидѣтельствуетъ о томъ, что въ 1592 году всѣ крестьяне были прикрѣплены къ своимъ владѣльцамъ, ибо и послѣ того происходили и переходы и перевозки крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Но онъ во всякомъ случаѣ является свидѣтельствомъ великихъ успѣховъ закрѣпощенія и умножившихся въ связи съ этимъ побѣговъ крестьянъ, которые уже не имѣли законныхъ способовъ отдѣлиться отъ своихъ владѣльцевъ. Тяжбы о бѣглыхъ къ концу XVI вѣка настолько расплодился, что задавили центральныя учрежденія непомерною работою, и правительство должно было положить имъ нѣкоторые предѣлы, установивъ „урочныя лѣта“ для сыска бѣглыхъ.

Итакъ, зданіе крѣпостного права вчернѣ было уже почти готово къ концу XVI вѣка. XVII и XVIII вѣкамъ пришлось достраивать его и отдѣливать въ разныхъ частяхъ и деталяхъ.

М. Любавскій.

Крестьяне въ XVII столѣтіи.

Прив.-доц. Ю. В. Готье.

Итоги XVI в. Едва ли можно считать благоприятными тѣ итоги, которыми завершалось XVI столѣтіе для сельскаго населенія Московскаго государства. Экономическій кризисъ, составляющій центральное явленіе предыдущей эпохи, тяжело отозвался на крестьянствѣ. Упадокъ центра, признаки котораго замѣчались уже около половины XVI столѣтія, былъ въ самомъ разгарѣ въ 70 и 80 годахъ. Упадокъ особенно ясно сказывался въ обширныхъ монастырскихъ вотчинахъ, въ старинныхъ областяхъ, гдѣ сложилось московское царство; не менѣе сильно давалъ себя знать этотъ упадокъ и на другихъ земляхъ и въ городахъ. Помѣщики и вотчинники бросали свои земли, уже покинутыя крестьянами; земли эти обращались въ порозжія, въ государственный земельный фондъ, которымъ правительство свободно располагало въ цѣляхъ оживить внутреннюю колонизацію брошенныхъ земель, распродавая съ 1579 г. свободные участки служилымъ людямъ и „мочнымъ гостямъ“ по 3 чети за рубль. Но купленные такимъ образомъ земли некимъ было заселить, потому что все крестьянское населеніе изъ старинныхъ государственныхъ областей уходило на югъ въ пограничныя степныя области. Посады пустѣли, и въ нихъ оставалась лишь ничтожная часть прежняго населенія; описаніе Коломенскаго посада, относящееся къ 70 годамъ XVI вѣка, можетъ здѣсь служить типичнымъ примѣромъ: при 12 наличныхъ тяглыхъ дворахъ оказывалось до 250 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. Въ связи съ этими явленіями въ южныхъ областяхъ государства, на степномъ рубежѣ и далѣе въ вольныхъ русскихъ колоніяхъ по Дону собирались люди, ушедшіе изъ Москов-

своего государства и готовы при случаѣ открытой силой мстить за прежнія невзгоды. Лишь понемногу въ 80 годахъ начинаютъ обнаруживаться слабыя признаки улучшенія. Въ правленіе царя Θεодора и въ первые три года царя Бориса Богъ „благополучно время подаде“, и русскіе люди „начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити“. Описанія разсыпанныхъ по всей странѣ троицкихъ вотчинъ, относящіяся къ 1592—94 г., ясно указываютъ на начинающееся исцѣленіе отъ истощенія XVI в.: пашня растеть, растеть немного и крестьянское населеніе, но это лишь первыя ласточки наступавшей весны, рѣзко прекращенной послѣдующими событіями; онѣ не могли заставить забыть истощенія предшествовавшихъ годовъ, и страна вступала въ новое столѣтіе съ надорванными силами

Вторая половина XVI столѣтія очень бѣдна правительственными распоряженіями касательно крестьянъ. Съ царскаго Судебника до 90 годовъ намъ доселѣ неизвѣстно никакихъ общихъ указовъ о крестьянахъ. Только 24 ноября 1597 г. былъ изданъ указъ; значеніе котораго, несмотря на критику которой онъ подвергался въ специальной литературѣ, остается очень важнымъ. Содержаніе указа не сложно. „Которые крестьяне, — гласитъ этотъ указъ, — изъ-за бояръ и изъ-за приказныхъ людей, и изъ-за дѣтей боярскихъ, и изъ-за всякихъ людей, выбѣжали до нынѣшняго 106 (1597 г.) за 5 лѣтъ, и на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ давати судъ и сыскивать накрѣпко всякими сыски, и по суду и по сыску тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы возити назадъ, гдѣ кто жилъ. А которые крестьяне выбѣжали до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6 и за 7, и за 10, и больше, а тѣ помѣщики и вотчинники, изъ-за кого они выбѣжали, до нынѣшняго 106 году лѣтъ за 6, за 7 и за 10 государю-царю не бивали челомъ: на тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ въ ихъ побѣгѣ суда не давати и назадъ ихъ, гдѣ кто жилъ, не возити“. Такимъ образомъ въ указѣ этомъ только устанавливается 5 - лѣтній срокъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ; на первый взглядъ это немного: указъ не устанавливаетъ, какъ многіе думали раньше, крѣпостного права; но при ближайшемъ разсмотрѣніи значеніе его

Царь Михаилъ Федоровичъ
(съ соврем. портр.).

Крестьянскіе типы XVII в. (изъ книги Олеарія).

растетъ, потому что это первый указъ, который регламентируетъ уже существующее и развивающееся изъ зародыша крѣпостное право. Задолженность крестьянина-земледѣльца тому, на чьей землѣ онъ сидѣлъ, уже успѣла обратиться въ хроническій недугъ. Правительственное стѣсненіе крестьянскаго перехода, проведенное еще Судебниками, сдѣлалось въ значительной мѣрѣ анахронизмомъ, потому что переходы, какъ нормальное явленіе крестьянской жизни, уже исчезали. Ихъ мѣсто на практикѣ заступалъ самовольный выходъ крестьянина безъ расчета съ землевладѣльцемъ,—выходъ, который постепенно получалъ по существу дѣла вполне подходящее названіе побѣга: уходъ съ нарушеніемъ долговыхъ обязательствъ — побѣгъ; крестьянинъ, ушедшій не уплативъ долга, — бѣглый; вотъ къ чему приходило сознаніе людей конца XVI в. Указъ 1597 г.—ясное свидѣтельство того, что взглядъ этотъ нашель себѣ отголосокъ и въ законодательствѣ. Такъ, къ исходу столѣтія тихо и незамѣтно суживается крестьянская свобода, и неисправный должникъ превращается въ бѣглаго, подлежащаго водворенію на старое мѣсто совершенно независимое отъ вопроса о погашеніи долга. Указы о крестьянахъ, изданные въ 1601 и 1602 г. и существенно ограничивавшіе право отказа крестьянина отъ своего участка и право вывоза крестьянина однимъ землевладѣльцемъ отъ другого, еще яснѣе показываютъ, въ какую сторону направлялось теченіе крестьянской жизни: допуская вывозъ только между мелкими землевладѣльцами, правительство регламентировало правовую жизнь крестьянства въ интересахъ военно-служилаго класса. Надорванный экономически, опутанный долгами, крестьянинъ мало-по-малу опутывался и государственнымъ законода-

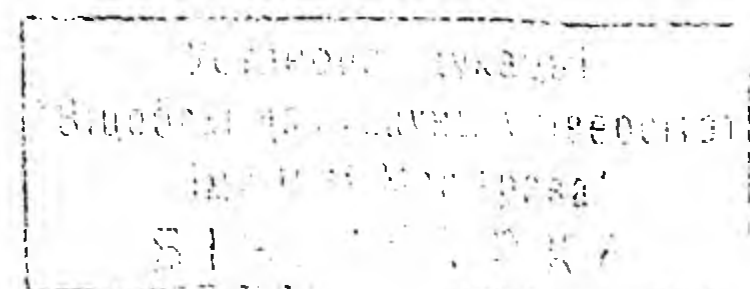

тельствомъ. Исторія крестьянства въ XVII столѣтїи есть дальнѣйшее развитіе этихъ явленій.

Крестьянство въ смуту. Я говорилъ выше, что первые годы царя Бориса были свѣтлой эпохой для Руси, которая тогда „всѣми благинями цвѣтаетъ“. Съ перваго года новаго столѣтїа обстоятельства рѣзко измѣнились, и на страну посыпались бѣдствія. Въ какой мѣрѣ могутъ повліять на общее положеніе народнаго хозяйства Россіи неурожаи и голодовки, можно судить по неурожайному 1891 году, съ послѣдствіями котораго доселѣ борется Россія. Также же стихійное бѣдствіе, въ корень подорвавшее признаки начинавшагося улучшенія и надолго оставившее слѣды въ народномъ хозяйствѣ, случилось въ 1601 году. Вотъ что рассказываетъ объ этомъ наблюдательный иностранецъ, жившій въ то время въ Москвѣ, свидѣтель и очевидецъ народной бѣды: „Въ 1601 г. началась неслыханная дороговизна; она продолжалась до 1604 года. Бочка ржи стоила до 12 гульденовъ. Насталъ такой голодъ, что самъ Іерусалимъ не испыталъ подобнаго бѣдствія, когда, по сказанію Іосифа Флавія, евреи должны были ѣсть кошекъ, мышей, крысъ; свидѣтельствуюсь Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою—сѣно. Зло увеличилось недобросовѣстностью людей, которымъ поручена была царемъ помощь голодающимъ, но которые вмѣсто этого одѣляли деньгами своихъ родственниковъ“. Голодъ и моръ приносили съ собою новый подъемъ недовольства. Люди, спасавшіеся отъ голодной смерти, вооруженною рукою кормились на счетъ другихъ. Самыя многочисленныя шайки образовались въ Украинѣ, гдѣ

Крестьянскіе типы XVII в. (изъ Олеарія).

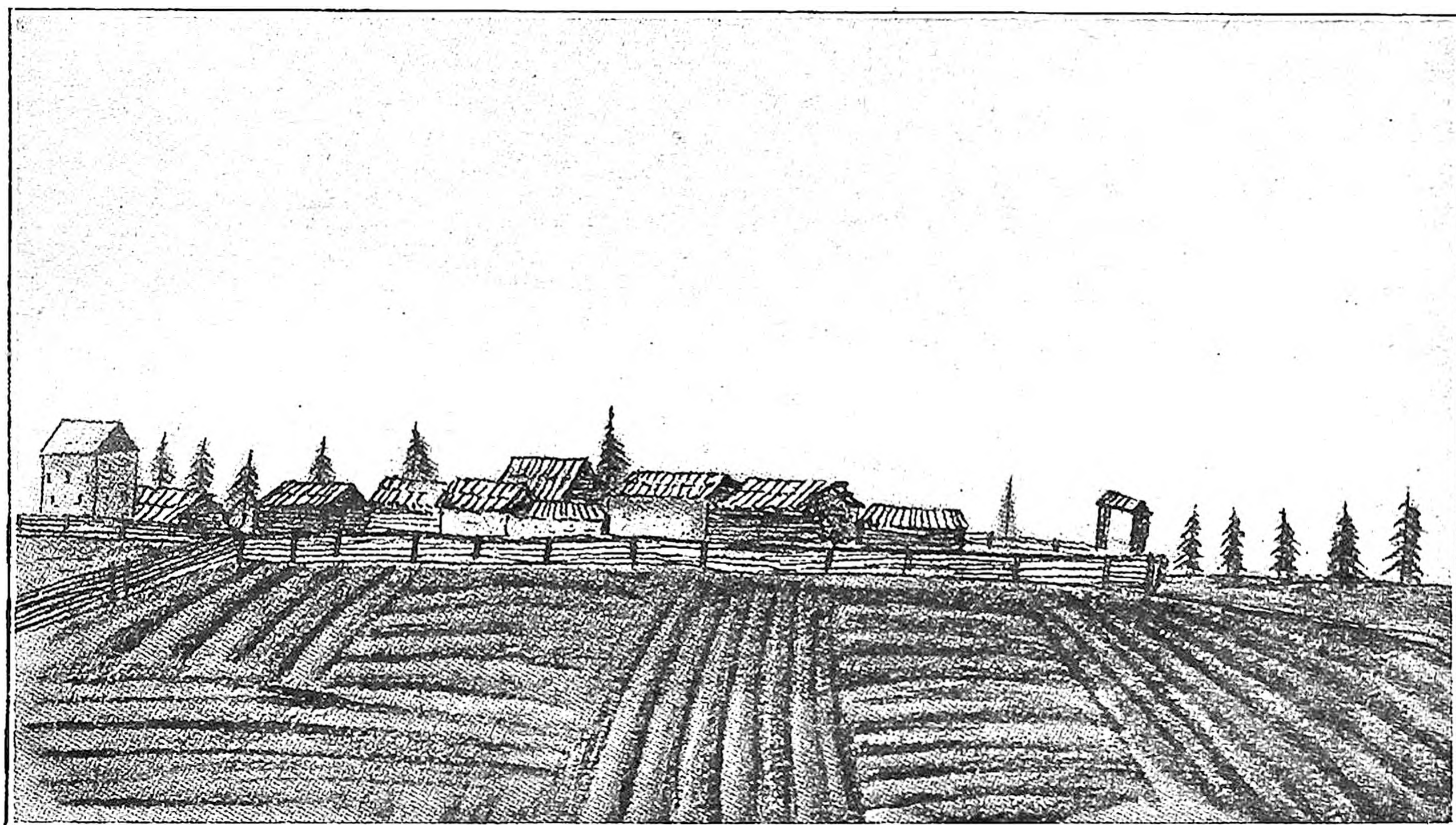

запасъ горючаго элемента за эти годы еще увеличился. Шайки подходили къ самой Москвѣ, и въ предводителѣ ихъ, атаманѣ Хлопкѣ Косолапѣ, слѣдуетъ видѣть прямого предшественника большого воеводы Ивана Болотникова. Голодовки первыхъ годовъ всколебали низшіе слои населенія Московскаго царства. Самозванцы привели ихъ въ долго нестихавшее волненіе. Походъ Лжедмитрія на Москву представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ, на которыхъ нельзя не остановиться. Головокружительный успѣхъ перваго Лжедмитрія, не разъ разбитаго и, несмотря на это, въ 8 мѣсяцевъ овладѣвшаго царствомъ, можно объяснить только помощью, какую ему оказали недовольные элементы: за самозванца встали всѣ „сведенцы“ и „сходцы“ украинскихъ городовъ, т.-е. посадскіе и крестьяне, переведенные на службу въ пограничныя города, или крестьяне, выселенные изъ дворцовыхъ волостей и прикрѣпленные на службу въ украинскихъ городахъ; за него пошли люди, выбѣжавшіе изъ центральныхъ областей въ голодные годы, которыхъ, по словамъ А. Палицына, накопилось при самозванцѣ до 20.000 человекъ; къ нему же примкнули разбитые московскими воеводами остатки шаекъ, подобныхъ шайкамъ Хлопка; на сторону его переходило цѣликомъ крестьянское населеніе значительныхъ мѣстностей, движимое желаніемъ избавиться отъ гнета давившихъ его повинностей: такъ поступила дворцовая Комарицкая волость (между Брянскомъ и Сѣвскомъ), разгромленная за то правительственными войсками. Но самую энергичную помощь Лжедмитрій нашель въ донскихъ казакахъ. Ходоки съ Дона, въ то время еще почти независимаго отъ Москвы и принимавшаго къ себѣ группы недовольныхъ, наиболѣе способныя къ вооруженному протесту, явились къ Лжедмитрію еще въ Краковѣ, а передъ выступленіемъ его въ походъ къ нему съ Дона пріѣхало цѣлое посольство. Можно съ увѣренностью сказать, что именно движеніе донскихъ казаковъ на Москву черезъ Воронежъ, Ливны и Елецъ рѣшающимъ образомъ повліяло на стратегическій успѣхъ кампаній самозванца. Кто же были по своему происхожденію тѣ, кто помогалъ личною службою Лжедмитрію? Въ подавляющемъ большинствѣ это были сельскіе жители, крестьяне, и если выдумали и поставили самозванца бояре изъ вражды къ царю Борису, то помогли самозванцу въ его походѣ, главнымъ образомъ, тяглые люди русскаго юга и бѣглецы съ сѣвера изъ вражды ко всему Московскому государству. Такая же связь, какую можно намѣтить между шайками Хлопка и арміей самозванца, несомнѣнно, существуетъ между этой арміей и ополченіемъ Болотникова и болѣе позднимъ Тушинымъ. Соціальный протестъ, — протестъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, слабыхъ противъ сильныхъ, тяглыхъ противъ обѣленныхъ отъ податей, крестьянъ противъ бояръ, глухо отдающійся въ разбояхъ голоднаго сброда въ 1601—1603 гг. и заслоненный въ походѣ самозванца политическими мотивами, теперь выступаетъ со всей силой. Въ грамотахъ патріарха Гермогена, обличавшихъ Болотникова и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранившихъ намъ содержаніе

его прокламаціи, говорится: „воры рассылаютъ листы по городамъ и велятъ вмѣщать въ боярскіе и въ дѣтей боярскихъ люди и во всякихъ воровъ, всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ“. „Велятъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья имъ сулятъ, и безыменнымъ ворами велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство, и околичество, и дьячество“. „Собрахуся боярскіе люди и крестьяне,—говоритъ современный лѣтописецъ,—съ ними же пристаху украинскіе люди и стрѣльцы и казаки и начаша по градомъ всеводы имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ дома разоряху и

Видъ деревни Горки—въ Псковской губерніи (пзъ Мейерберга)

животы грабаху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху“. Движеніе Болотникова, какъ и движеніе перваго Лжедмитрія, хотя и по различнымъ причинамъ, остановилось у Москвы. Сторонники Тушинскаго вора впервые, перенесши смуту за Москву, распространили ее и на сѣверъ. Съ 1607—8 гг. междоусобная война разлилась по всей странѣ. Но распространеніе движенія въ ширь замѣтно его измѣнило; соціальный протестъ, такъ громко прозвучавшій при Болотниковѣ, заглохъ, и всѣ позднѣйшія движенія постепенно становятся анархическими, оставаясь такими до тѣхъ поръ, пока замерли послѣдніе отзвуки смутнаго времени. Разбой заступаетъ мѣсто прежнихъ болѣе сознательныхъ стремленій; вотъ примѣры, взятые изъ послѣдняго времени смуты: въ 1612 г. „пріѣзжали въ князь Луки Осиповича Щербатова помѣстье, въ село Никольское Слободище (Ярославскаго у.), лихіе люди

разбоемъ въ ночи, въ грабежу взяли тѣ воровскіе люди, опричь Божія милосердія, животовъ и платья, и денегъ, и служилыя рухляди, и лошадей на 300 на 30 рублевъ. А пріѣзжали грабить съ Углича казаки по совѣту села Никольскаго Слободища крестьянъ“. Еще въ 1619 г. „крестьяне кн. Д. М. Пожарскаго да Муромскихъ и Гороховскихъ дѣтей боярскихъ люди, крестьяне и Стародубовскіе мужики сложились съ воровскими казаками и Яртолческую волость (Вязники) разоряли“.

Движеніе Болотникова и позднѣйшая анархія не остались безъ отзвука въ законодательствѣ о крестьянахъ и холопахъ. Почти тотчасъ же вслѣдъ за подавленіемъ возстанія Болотникова 7 марта 1607 г. былъ изданъ законъ, которымъ запрещалось давать въ неволю тѣхъ добровольныхъ холоповъ, которые сами не захотятъ выдать на себя служилую кабалу. Тенденція указа ясна: онъ былъ направленъ противъ обычая держать холоповъ изъ вольныхъ людей безъ ихъ формальнаго укрѣпленія, иначе сказать, цѣль его была борьба съ людьми, не принадлежавшими къ опредѣленнымъ социальнымъ группамъ. Два дня спустя, 9 марта, въ торжественномъ засѣданіи освященнаго собора съ думою были утверждены новые, еще болѣе важные законы касательно крестьянъ и холоповъ. Законы эти твердо устанавливали начало крестьянской крѣпости; крестьяне крѣпки тому, за кѣмъ они записаны въ писцовой книгѣ; крестьянскій „выходъ“ впредь вовсе запрещается, а для сыску бѣглыхъ устанавливается 15-лѣтній срокъ; законъ окончательно превращалъ крестьянскіе и холопы побѣги изъ гражданскихъ правонарушеній въ вопросъ государственнаго порядка. Такъ ознаменовалъ царь Василій свою побѣду надъ Болотниковымъ. Дѣйствія правительства въ этотъ моментъ показываютъ, что верхи общества отлично понимали серьезность положенія и вовсе не были намѣрены щадить врага, котораго считали побѣжденнымъ. Усилившаяся смута не дала возможности „Уложенію“ царя Василія войти въ силу, но и позднѣе, несмотря на развитіе смуты, господствующіе слои общества, если по условіямъ момента считаютъ себя хозяевами положенія, стараются унижить своихъ противниковъ. Узко консервативнымъ духомъ, желаніемъ нерушимо сохранить свое привилегированное положеніе, вѣтъ отъ договорной записи московскихъ бояръ съ гетманомъ Жолкевскимъ. Такимъ же духомъ проникнутъ и знаменитый приговоръ Ляпуновскаго ополченія 30 іюня 1611 г., тщательно выдвигающій мысль о томъ, что дворяне являются единственными законными владѣльцами земли, предписывающій „съ приставства изъ городовъ и изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей атамановъ и казаковъ свестъ. А которые дворяне и дѣти боярскія въ нынѣшнее смутное время и въ разоренье вывезли у своей же братіи, у дворянъ и у дѣтей боярскихъ, крестьянъ и людей, которые отъ нихъ выбѣжавъ, живутъ по городамъ и посадамъ, и про то по ихъ челобитью сыскиваютъ, а по сыску крестьянъ и людей отдавать назадъ старымъ помѣщикамъ“. Господствующіе

слои общества старались даже въ самый разгаръ смуты стѣснить крестьянъ и холоповъ, видя въ нихъ главныхъ враговъ существовавшаго порядка.

Но было бы большою ошибкою думать, что крестьянство въ смуту было исключительно протестующимъ и революціоннымъ. Если такими были крестьяне южныхъ областей царства, то свободные черные люди русскаго сѣвера и торговые мужики Владимиро-Суздальскаго края энергично и усиленно боролись со всѣми анархическими элементами, и имъ принадлежала видная доля участія въ спасеніи и возстановленіи Московскаго государства. Общій характеръ дѣятельности сѣверянъ, гдѣ организующимъ центромъ была Вологда, и Суздальщины—одинаковы, но въ подробностяхъ есть крупныя черты несходства. Сила сѣвера заключается въ свободномъ крестьянствѣ и въ общеніи между сельскимъ населеніемъ и посадомъ. Сила суздальскаго края—въ торгово-промышленныхъ селахъ, зародышахъ развивавшагося позднѣе промышленнаго края.

Отъ времени смуты до насъ дошла громадная переписка между посадами и землями русскаго сѣвера, представляющая очень много интереснаго и своеобразнаго. Грамоты оставались обычно приказными людьми, но адресовались онѣ не однимъ приказнымъ людямъ и воеводамъ, а также „гостямъ и торговымъ, и посадскимъ, людямъ и всей земли, всѣмъ крестьянамъ“. Грамоты читаются и утверждаются „на всемъ мірѣ“. Вся земля—Пермская, Вятская, Вологодская и т. д.—сбираетъ разныхъ людей и снаряжаетъ на „богоотступниковъ и на государевыхъ измѣнниковъ, на воровъ и на Литовскихъ людей“. И уѣздъ и посадъ были одушевлены общей дружной работой, которую вели посадскіе и волостные сходы, оживившіе на время воспоминаніе о древне-русскихъ вѣчахъ. То же видимъ мы и въ клязьменскомъ краѣ, когда здѣсь въ богатыхъ торговыхъ селахъ начались тушинскіе поборы и насилія; населеніе возстало противъ Тушина. „Мужики“ боярскихъ, дворцовыхъ и монастырскихъ селъ стали собираться въ своихъ волостныхъ центрахъ и, выбравъ вождей, начали въ 1608 г. открытую борьбу съ Тушинымъ.

Дѣятельность земскихъ міровъ имѣла громадное значеніе въ дѣлѣ борьбы со смутой. Опираясь на земскіе міры сѣвера и оставаясь въ постоянной связи съ ними, М. В. Скопинъ-Шуйскій совершилъ свой побѣдоносный походъ отъ Новгорода къ Москвѣ въ 1609—10 гг. Передъ самостоятельными военными дѣйствіями сѣверныхъ крестьянъ и посадскихъ не могли иногда устоять и служилые люди: такъ, вологжане разбили „прямившихъ“ Тушинскому вору дворянъ Костромы и Галича. Суздальскіе крестьяне дѣятельно помогали боярину Ѳ. И. Шереметеву очистить отъ тушинцевъ весь край между Окой и Волгой. И тѣ и другіе составляли позднѣе существенную часть ополченія Минина и Пожарскаго.

Результаты смуты для крестьянства. Такимъ образомъ роль и положеніе крестьянства въ смуту носитъ двойственный характеръ. Успѣвшіе утерять

свободу, обезсиленные голодомъ, обремененные тяжелымъ экономическимъ наслѣдіемъ XVI вѣка, крестьяне подмосковныхъ и южныхъ областей составляютъ постоянный кадръ революціонныхъ армій; свободное и зажиточное крестьянство сѣвера и сѣверо-востока, задѣтое смутой, начинаетъ настойчивѣе и энергичнѣе бороться съ ней и принимаетъ видное участіе въ борьбѣ за восстановление государственнаго порядка.

Такой двойственный характеръ отражается и на результатахъ смуты, поскольку они касаются крестьянства. Стѣснительныя мѣры царя Василия остались мертвой буквой; грозныя постановленія дворянъ ляпуновскаго ополченія привели только къ гибели его вождя и неудачѣ его предпріятія; зато

Народныя развлеченія XVII в. (изъ Олеарія).

и свободные крестьяне сѣвера не получали въ ликвидаціи смуты того значенія, право на которое давало имъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за государственный порядокъ. Революціонный протестъ крестьянъ противъ враждебнаго имъ государственнаго порядка выродился въ грабежъ и анархію, а консервативныя земскія мѣры, участники ополченія 1612 г. и земскаго собора, избравшаго царя Михаила, не сумѣли отбоевать себѣ не только почетнаго, но даже сколько-нибудь устойчиваго положенія въ государствѣ. Результаты смуты свелись для крестьянства на нѣтъ. Дальнѣйшая исторія сельскаго тяглаго населенія Руси пошла по той же линіи постепеннаго ухудшенія, по какой она шла и до смуты. На это вліялъ цѣлый рядъ причинъ, которыя мы и должны теперь рассмотретьъ.

Ростъ дворянскаго землевладѣнія послѣ смуты. Въ настоящее время хорошо выяснено, какой характеръ носило правительство перваго царя новой династїи. Новый порядокъ оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого засталъ на мѣстахъ. Не было ни опалъ ни удаленїя лицъ, считавшихся скомпрометированными смутой. Мало-по-малу вмѣстѣ съ царской родней выдвинулись и захватили въ свои руки управленіе, главнымъ образомъ, представители мелкаго и средняго дворянства, которые ранѣе дѣйствовали въ Тушинѣ и отчасти въ обоихъ ополченїяхъ. Московское государство послѣ смуты прїобрѣтаетъ тотъ же характеръ сословной монархіи, который оно уже носило въ XVI столѣтіи, но только съ еще болѣе рѣзко выраженными чертами. Надъ еще не вполне разслоившимися сословіями времени царя Ивана возвышалась феодальная

Народныя развлечения XVII в. (изъ Олеарїа)

боярская аристократїя, боровшаяся съ царскою властью; при царѣ Михаилѣ дворянское правительство, въ погонѣ за финансовыми средствами и организациею военной обороны, само принимаетъ мѣры къ упроченію и строгому отграниченію соціальныхъ группъ на почвѣ ихъ обязанностей по отношенію къ государству, и въ этомъ распредѣленїи обязанностей наиболѣе легкія и благопрїятныя условїя выпадаютъ на долю дворянства. Время первыхъ царей новой династїи есть именно время, когда служилое дворянство, занявъ мѣсто сошедшей со сцены боярской аристократїи, постепенно набиралось матеріальныхъ силъ и прокладывало пути къ исключительному праву владѣнія землею и трудомъ крестьянскаго населенїя. Достигнувъ этого ко времени Петра и переживъ суровую эпоху реформы, оно воспользовалось достигну-

тыми результатами и властно предъявило свои требования на участие въ управленіи государствомъ.

Процессъ накопленія матеріальныхъ средствъ дворянствомъ въ XVII в. заключался въ массовомъ переходѣ земли, наиболѣе распространеннаго въ то время вида капитала, въ руки служилыхъ людей. Въ 10-хъ годахъ XVII столѣтія въ центральныхъ мѣстностяхъ государства еще существовали довольно значительныя пространства черныхъ земель, занятыхъ свободнымъ крестьянскимъ населеніемъ; расположены онѣ были преимущественно къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ столицы. Но уже тотчасъ за освобожденіемъ Москвы отъ поляковъ началось и ихъ расходование сначала въ награду за службу и за спасеніе государства, а послѣ—по твердо-укоренившейся привычкѣ. Въ декабрѣ 1612 г. былъ изданъ указъ объ испомѣщеніи служилыхъ смолянъ въ черныхъ волостяхъ Бѣлозерскаго уѣзда; тогда же и въ первые мѣсяцы 1613 г. было пожаловано въ помѣстья и въ вотчины думнымъ и московскимъ чинамъ до 14.000 десятинъ черныхъ волостей преимущественно Вологодскаго и Галицкаго уѣздовъ. Нѣсколько позднѣе въ раздачу были пущены огромныя черныя волости Галицкаго уѣзда. Однѣ волости раздавались разнымъ служилымъ людямъ по мелкимъ участкамъ; другія въ полномъ составѣ переходили сильнымъ лицамъ и крупнымъ дѣятелямъ того времени; такъ, на примѣръ, цѣлая волость Высокосельская была отдана боярину М. Б. Шеину; 4 черныхъ стана (565 крест. дворовъ), занимавшихъ все теченіе р. Ветлуги, были отданы кн. Мстиславскому. Пароеньевскую околородную волость и Унженскую, Нейскую волости (нѣсколько сотъ дворовъ) получилъ бояринъ Ѳ. И. Шереметевъ. Такъ исчезло въ первой четверти XVII вѣка черное землевладѣніе изъ обширнаго Галицкаго уѣзда. Въ это же время и такимъ же образомъ исчезло оно также изъ южныхъ волостей и становъ сосѣднихъ Вологодскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ. Можно, кажется, безошибочно сказать, что къ половинѣ столѣтія ближайшими къ Москвѣ черными волостями оказались послѣдніе остатки чернаго землевладѣнія въ новгородскомъ краѣ—Сумерская волость въ Старорусскомъ уѣздѣ, къ югу отъ Ильменя. Одновременно съ раздачей черныхъ государственныхъ земель шла раздача и дворцовыхъ земель, которыя въ общемъ по фактическимъ условіямъ жизни населявшихъ ихъ крестьянъ близко подходили къ чернымъ волостямъ. Въ тѣ же 1612—13 годы, въ первые мѣсяцы царствованія Михаила, исключительно въ центральныхъ, или, какъ они тогда назывались, „замосковныхъ“ уѣздахъ было роздано думнымъ и московскимъ чинамъ, принимавшимъ участіе въ освобожденіи Москвы отъ поляковъ, не менѣе 45.000 десятинъ дворцовой земли. Раздача эта продолжалась и позднѣе, до середины 20 годовъ, при чемъ характеръ ея очень сходенъ съ описанной выше раздачей черныхъ земель. Рядомъ съ крупными пожалованіями, мы видимъ групповое испомѣщеніе мелкихъ служилыхъ людей, которымъ отво-

дѣлились обширныя территории взаменъ опустошенныхъ въ смуту или отошедшихъ къ Польшѣ. Трата дворцоваго земельного капитала оказалась настолькоъ значительной, что продолжать раздачу земель въ прежнемъ масштабѣ значило бы привести къ полному истощенію важнѣйшій источникъ благосостоянія дворцоваго хозяйства. Поэтому, когда насущныя задачи реорганизациі помѣстной службы были выполнены и весь составъ служилаго люда, постра-

Алексѣй Михайловичъ (изъ Мейерберга).

давшего отъ смуты и съ тѣхъ поръ нестроеннаго, такъ или иначе удовлетворенъ, — явилась мысль объ ограниченіи дальнѣйшаго расходованія дворцовыхъ земель, и 26 февраля 1627 г. послѣдовалъ указъ, запрещающій дальнѣйшую раздачу дворцовыхъ земель. Это не значитъ, конечно, чтобъ расходование ихъ прекратилось вовсе. Факты показываютъ, что законъ 1627 г. не всегда соблюдался тѣми, кто его издалъ, но все же убыль дворцоваго земельного капитала въ позднѣйшее время значительно уменьшилась. Въ

ЮЖНЫХЪ ВНОВЬ КОЛОНИЗУЕМЫХЪ ГОСУДАРСТВОМЪ МѢСТНОСТЯХЪ БЫЛЪ ИНОЙ ВИДЪ ЗЕМЕЛЬ, КОТОРЫЙ, ПОДОБНО ЧЕРНЫМЪ И ДВОРЦОВЫМЪ ЗЕМЛЯМЪ СѢВЕРА И ЦЕНТРА, СЛУЖИЛЪ НЕИСЧЕРПАЕМЫМЪ ИСТОЧНИКОМЪ ДЛЯ РАЗДАЧИ ВЪ ЧАСТНОЕ ВЛАДѢНІЕ: ЭТО БЫЛО ДИКООЕ ПОЛЕ, УЧАСТКИ НЕРАСПАХАННОЙ ДѢВСТВЕННОЙ ЗЕМЛИ, РАЗДАВАВШІЕСЯ ВЪ ПОМѢСТЬЯ И ВОТЧИНЫ ДВОРЯНАМЪ.

Можно было бы, конечно, возразить, что большинство земель, переходившихъ такимъ образомъ въ руки дворянства, поступали къ нимъ на помѣстномъ правѣ и юридически оставались въ рукахъ государства. На самомъ дѣлѣ обстоятельства были иныя. Неудержимый процессъ сліянія помѣстій съ вотчинами и ростъ вотчиннаго землевладѣнія за счетъ помѣстья обращалъ право собственности государства на помѣстныя земли въ чистую фикцію.

Описанная сейчасъ раздача земель представляетъ интересъ не только, какъ показатель накопленія земель въ рукахъ дворянъ; она довольно отчетливо указываетъ на территорію распространенія зависимости крестьянина отъ помѣщика въ XVII в. Свободнымъ отъ этой зависимости осталось только черное крестьянство сѣверныхъ поморскихъ уѣздовъ, исторія котораго и позднѣе идетъ своимъ особымъ путемъ *). Во всей остальной странѣ изъ общей массы закрѣпощаемаго крестьянства выдѣлялись одни лишь дворцовые крестьяне, число которыхъ, однако, подвергается въ послѣдніе годы XVII столѣтія новому рѣзкому сокращенію. Со дня смерти царя Алексѣя раздача дворцовыхъ земель, пріостановленная закономъ 1627 г., получила сильное развитіе. Многочисленная разнофамильная царская родня, дѣятели переворотовъ 1682 и 1689 гг. и первые „птенцы гнѣзда Петрова“ нарасхватъ берутъ участки дворцовыхъ земель, деревни, села и цѣлыя волости. Достаточно сказать, что въ періодъ времени между 1682 и 1711 гг. было роздано изъ дворцовыхъ имѣній 43.659 населенныхъ дворовъ, 506.073 десятинъ пахотной земли и еще большія пространства неизмѣренныхъ лѣсовъ.

Такимъ образомъ въ теченіе времени отъ смуты до Петра въ руки дворянъ перешло много милліоновъ десятинъ земли вмѣстѣ съ крестьянами, ихъ населявшими. Уже это одно показываетъ, какъ широко распространились обязательныя отношенія крестьянина къ землевладѣльцу. Послѣдствія смуты, требованія государства, старая болѣзнь крестьянства—задолженность—сообщили этимъ обязательнымъ отношеніямъ еще болѣе тяжелый характеръ, чѣмъ до смуты, и сковали крестьянство крѣпостнымъ правомъ.

Еще два слова о послѣдствіяхъ смуты: насколько экономически подорвано было крестьянство въ первые годы царя Михаила, видно ясно изъ слѣдующихъ фактовъ: почти повсемѣстно наблюдалось значительное увеличеніе неимущихъ, бросившихъ пашню крестьянъ, носившихъ названіе бо-

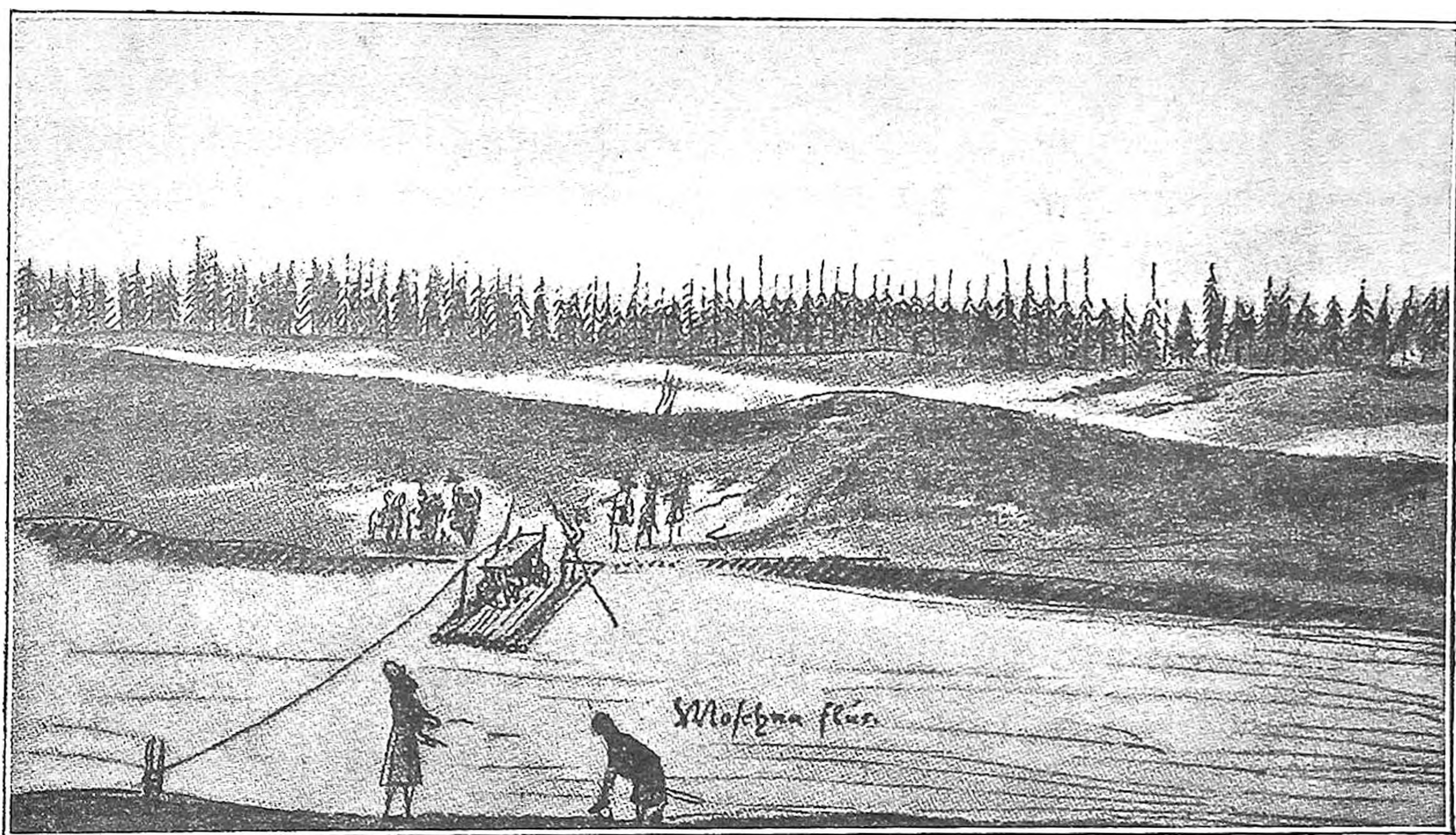
---

*) См. объ этомъ слѣдующую статью.

былей; въ некоторыхъ мѣстностяхъ страны, напр., вокругъ столицы, площадь обработанныхъ земель составляла лишь отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ площади запашки 70 и 80 годовъ XVI столѣтія, когда сильнѣе всего давало себя чувствовать экономическое изнуреніе времени царя Ивана.

Податное бремя. Военныя тяготы XVI в. блѣднѣютъ въ сравненіи съ тѣмъ, что легло на Русь въ слѣдующемъ столѣтіи. Тяжелыя послѣдствія смуты, постоянная необходимость и позднѣе вести вынужденныя, долги, изнурительныя войны заставляли усиливать податное бремя. Одною изъ первыхъ новыхъ податей была стрѣлецкая подать, предназначенная для покрытія военныхъ расходовъ, первая извѣстія о которой относятся къ 1615 г. Около того же времени начинаются и періодическіе сборы чрезвы-

Переправа черезъ рѣку Мошпу (изъ Мейерберга).

чайнаго налога по приѣмамъ, усвоеннымъ еще нижегородскимъ ополченіемъ, поручившимъ Минину собирать „третью деньгу съ животовъ и промысловъ“ нижегородскаго населенія. Сборы пятой, шестой и десятой и т. п. деньги дѣлаются самымъ обычнымъ явленіемъ, начиная съ воцаренія Михаила. Достаточно сказать, что въ первые два года его царствованія было произведено 7 экстренныхъ сборовъ такого рода, взиравшихся очень различно, смотря по мѣстностямъ и по группамъ населенія, но одинаково тяжело ложившихся на все тяглое населеніе. Въ числѣ экстренныхъ повинностей, вызываемыхъ войнами, бывали и натуральныя, считавшіяся подчасъ еще болѣе тяжелыми, нежели денежныя. Во время войнъ царя Алексѣя съ Польшею крестьянамъ Галицкаго уѣзда было приказано взять по четверику ржи

съ двора и отвезти эти припасы въ Дорогобужъ и Вязьму. Мѣстные помѣ-
щики и вотчинники жаловались, что „подряжаются тотъ хлѣбъ въ тѣ го-
роды отвезти подрядчики, а провоза просятъ со двора по 2 рубля и больше
и оттого де крестьяне ихъ бредутъ розно“. Не на однихъ только экс-
тренныхъ сборахъ отражался ростъ податного бремени, постоянные сборы
также увеличивались непрерывно. Примѣромъ можетъ служить необычайно
сильное увеличеніе оклада съ живущей четверти по указу 19 марта 1630 г.,
сравнительно съ нормами, установленными указомъ 1625 г. Ростъ былъ
настолько великъ и чувствителенъ, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя правитель-
ство должно было смягчить только что установленные оклады. Въ 30-хъ годахъ
замѣчается очень быстрый ростъ стрѣлцкой подати, повышенной въ два при-
ема съ 76 руб. до 240 руб. съ сохи. Новый окладъ полонянничныхъ денегъ
и экстренный налогъ по 2 гривны съ двора ратнымъ людямъ на жалованье,
введенный послѣ подворной переписи 1646 г., дополнили собою не пере-
стававшее расти при Михаилѣ податное бремя. Длинный рядъ но-
выхъ чрезвычайныхъ сборовъ ознаменовалъ собою долготнѣя войны царя
Алексѣя; продолжали расти и старые налоги, потому что добываніе средствъ
для устройства войска продолжало оставаться главной задачей внутренней
политики XVII в. Росли повинности всего населенія, но при этомъ повин-
ности сельскаго тягла населенія росли, не смягчаясь никакой льготой,
никакой, хотя бы самой незначительной, привилегіей, какъ это было со
служилымъ классомъ и съ посадскими людьми.

Но вѣдь государственныя повинности не были единственнымъ бременемъ,
лежавшимъ на крестьянствѣ; крестьяне изстари несли различныя повинности
также въ пользу землевладѣльцевъ, и едва ли можно думать, что за время
отъ смуты до реформы эти повинности могли уменьшиться.

Пониженіе крестьянской запашки. Ростъ тягла государственнаго и землевла-
дѣльческаго не могъ оставаться безъ вліянія на общее состояніе сельскаго
населенія Московскаго государства, такъ какъ создавалъ все болѣе и болѣе
тяжелыя экономическія условія для его дѣятельности. Тяжесть этихъ условій
не могла не вліять на состояніе главнаго занятія сельскаго населенія, на
состояніе крестьянскаго землевладѣнія, которое мѣстами, по крайней мѣрѣ,
обнаруживаетъ явные признаки упадка. Это можно во всякомъ случаѣ сказать
о частновладѣльческихъ земляхъ въ старинныхъ областяхъ Московскаго
царства по Окѣ и Волгѣ. Въ первой половинѣ XVII столѣтія на душу мужского
пола на служилой землѣ и въ вотчинахъ духовенства въ замосковныхъ
уѣздахъ приходилось въ среднемъ 2,9 десятины пашни; этотъ размѣръ по-
низился во второй половинѣ вѣка до 2,3 десят., въ то время, какъ на зе-
мляхъ дворцовыхъ онъ оставался всегда значительно выше. Признаки упадка
крестьянскаго земледѣлія на частновладѣльческихъ земляхъ составляютъ
симптомъ громадной важности: они свидѣтельствуютъ о томъ, что силы

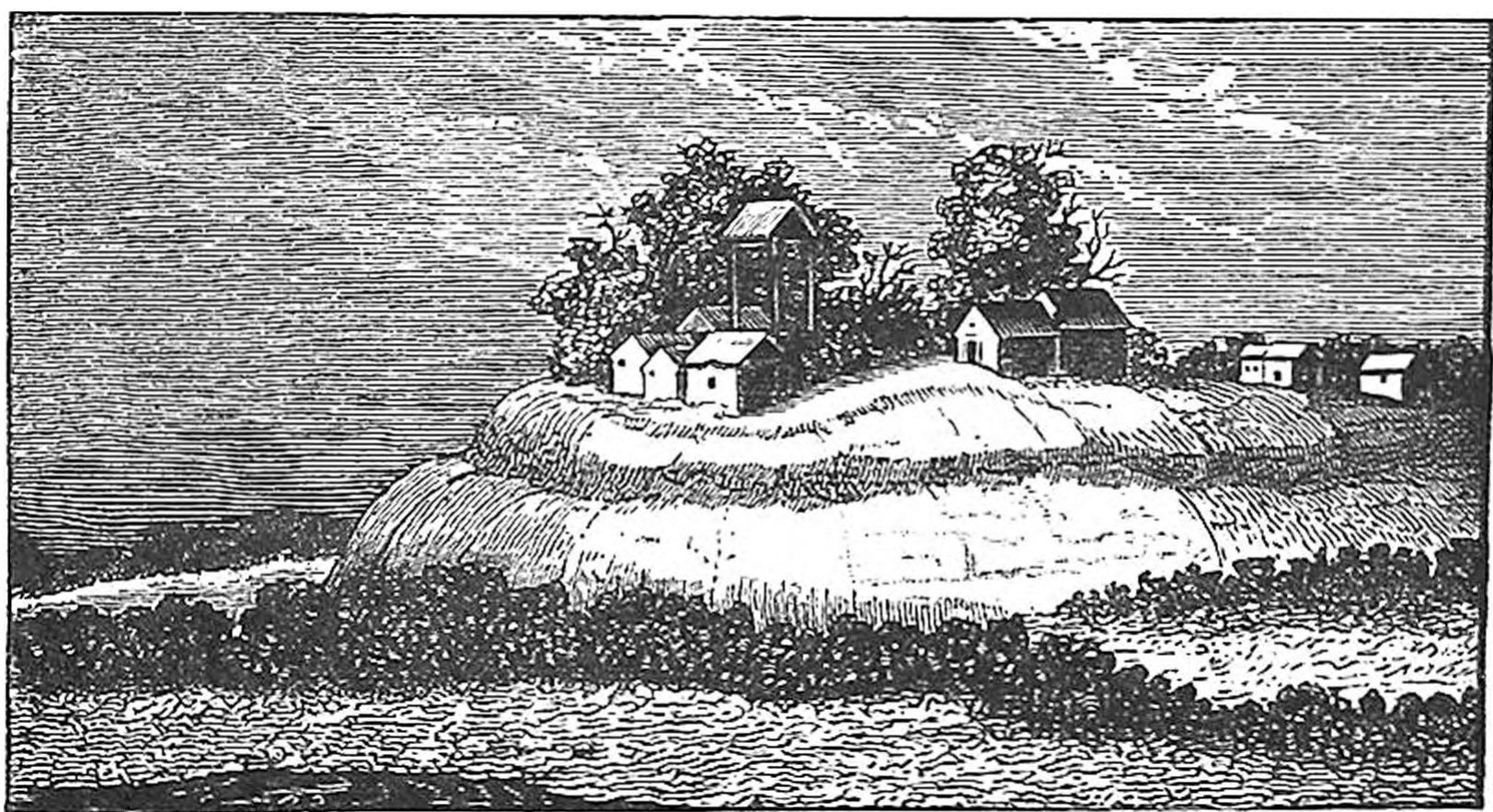

крестьянства слабѣли, и что крестьянству все труднѣе было бороться съ историческимъ теченіемъ, стремившимся закабалить личность и трудъ крестьянина дворянину-землевладѣльцу. Дворянинъ усиливался, захватывая землю и пробивая дорогу къ власти надъ страной; крестьянинъ слабѣлъ подъ бременемъ податей и частновладѣльческихъ повинностей. При такомъ соотношеніи въ положеніи дворянъ и крестьянъ станетъ понятнымъ тенденція къ юридическому закрѣпленію крестьянства, обнаружившаяся въ законодательствѣ первой половины XVII в.; станетъ понятенъ и успѣхъ этой тенденціи.

Крестьянское законодательство XVII в. Хорошо извѣстно, какъ еще въ XVI столѣтіи частная задолженность крестьянъ, имѣвшая своимъ начальнымъ источникомъ ссуду, полученную при поселеніи на новомъ мѣстѣ, подорвала крестьянскую свободу и положила основанія крѣпостной зависимости. Задолженность крестьянъ созда-

вала экономическую, а позднѣе и юридическую близость между положеніемъ задолжавшаго крестьянина и кабальнымъ холопомъ, источникомъ неволи котораго былъ также долгъ. Крестьяне отрабатывали ростъ за полученную ссуду издѣліемъ, т. - е. барщиной или оброкомъ. Барщина и оброкъ и были личной работой на господина, какъ служба кабальнаго холопа за долгъ.

Соотвѣтственно увеличивавшейся и крѣпнувшей задолженности мѣнялось и гражданское правовое положеніе крестьянина. Порядная XVI в., представлявшая договоръ, заключенный свободнымъ человекомъ на извѣстный срокъ, уступаетъ мѣсто ссудной записи, по которой крестьянинъ обязуется „за государемъ своимъ жить во крестьянехъ по свой животъ безысходно“, при чемъ этому государю „вольно меня отовсюду къ себѣ взять“. Съ 10—20 годовъ XVII в. крестьянинъ, поряжаясь въ крестьянство, самъ навсегда отказывался отъ выхода и неустойку, которая погашала обязательства, вытекавшія для крестьянина по договору, превращалъ въ пеню за побѣгъ: безвыходность стала общимъ условіемъ такихъ записей и составила, какъ говорили въ то время, „крестьянскую вѣчность“, т. - е. навсегда прикрѣпила крестьянина къ личности землевладѣльца. Такимъ образомъ крестьянская ссудная записи получила значеніе крѣпостного акта, утверждавшаго личную зависимость безъ права зависимаго лица прекратить

Боярская усадьба въ концѣ XVII в. (съ современной голландской гравюры).

ее. Новое положеніе вещей дѣлало всякій уходъ крестьянина побѣгомъ; для землевладѣльца оставалось лишь добиться, чтобы это было признано закономъ.

Два обстоятельства опредѣляютъ въ XVI в. взгляды правительства на отношенія крестьянъ и помѣщиковъ: фискальный интересъ и близость правительства къ дворянскому сословію... Государству было выгодно уничтожить крестьянскій переходъ, такъ какъ этимъ обезпечивалась большая устойчивость въ уплатѣ государственныхъ повинностей тяглецами и въ отбываніи службъ дворянами: этимъ объясняются еще мѣры первыхъ годовъ XVII в., имѣвшія цѣлью регулировать переходы крестьянъ. Правительство и землевладѣльцы послѣ смуты, повидимому, поддерживали другъ друга въ погонѣ за крестьянскимъ трудомъ, потому что правительство нуждалось въ исправномъ служиломъ челоуѣкѣ и въ прикрѣпленномъ къ одному мѣсту плательщикѣ податей и потому еще, что оно уже было дворянскимъ, а дворянинъ, захватывая право на землю, стремился захватить и трудъ стоявшаго на землѣ крестьянина. Правительство, кромѣ того, видѣло въ землевладѣльцѣ своего агента, обезпечивавшаго податную исправность крестьянина и полицейскій надзоръ за нимъ. Взаимной поддержкой правительства и дворянства объясняются двѣ существенныя черты крестьянскаго законодательства за время отъ смуты до уложенія: полное отсутствіе стремленія регламентировать повинности крестьянина въ пользу землевладѣльца и стремленіе къ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ для сыска бѣглыхъ, чѣмъ достигалось признаніе за всякимъ когда-либо бывшимъ выходомъ крестьянина характера побѣга. Повинности крестьянъ въ пользу помѣщиковъ опредѣлялись всегда глухо; крестьянинъ долженъ былъ „помѣщика во всемъ слушати, пашню на него пахати и дворовъ дѣло дѣлати и оброкъ платити, чѣмъ онъ мене пожалуетъ, по моему участку изоброчить съ сосѣди вмѣстѣ“. Все предоставлялось добровольному соглашенію крестьянина и помѣщика, а такъ какъ помѣщикъ былъ сильнѣе, то, естественно, дѣло всегда клонилось въ его пользу.

Борьба противъ урочныхъ лѣтъ—одна изъ интереснѣйшихъ страницъ въ исторіи крестьянства въ XVII в., и потому на этомъ вопросѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Первымъ послѣ смуты попытался приобрѣсти привилегію сыска бѣглыхъ крестьянъ на болѣе продолжительные сроки, чѣмъ установленное пятилѣтіе, Троице-Сергіевъ монастырь, самый крупный послѣ царскаго дворца русскій землевладѣлецъ; за нимъ вслѣдъ потянулись и служилые люди. По челобитію Троицкихъ волостей въ 1613—14 гг. былъ изданъ указъ, разрѣшавшій монастырю бѣглыхъ крестьянъ возвращать въ Троицкія вотчины въ теченіе 9 лѣтъ; срокъ этотъ надолго сдѣлался нормальнымъ для Троицкаго монастыря, несмотря на попытки монастырскихъ властей продолжить его до 11 лѣтъ. Первые жалобы служилыхъ людей на привилегіи Троицкаго монастыря оставались безъ успѣха; только 20 слишкомъ

лѣтъ спустя царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ съѣхавшихся въ 1636—37 гг. въ Москву на земскій соборъ представителей украинныхъ и замосковныхъ городовъ: „по ихъ челобитію велѣлъ имъ на бѣглыхъ крестьянъ въ крестьянствѣ давать судъ противъ Троице-Сергіева монастыря властей“, т.-е. дѣлалъ имъ право 9-лѣтняго сыска. Два года спустя это право было распространено и на служилыхъ иноземцевъ. Успѣхъ челобитья 1637 г. не разрѣшалъ окончательно вопроса объ урочныхъ годахъ, потому что далеко не всѣ служилые люди получили право отыскивать бѣглыхъ крестьянъ въ теченіе 9 лѣтъ. Вопросъ о полной отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ былъ выдвинутъ въ 1641 г. провинціальными дворянами разныхъ городовъ, сосредоточенными подъ Тулою для обороны южной границы государства; но и на этотъ разъ дворянскія пожеланія не были еще исполнены въ полномъ объемѣ, и указъ 9 марта 1642 г. только увеличилъ урочные годы до 10 лѣтъ. Правительство царя Алексѣя стояло въ первые годы на той же точкѣ зрѣнія и не думало по своему почину отмѣнять урочныхъ лѣтъ; этимъ объясняется, что въ наказѣ переписчикамъ правительство лишь обѣщало, что „какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ и по тѣмъ книгамъ крестьяне и бобыли будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Служилые люди не удовольствовались этимъ глухимъ обѣщаніемъ и на соборѣ 1648 г. повели новый натискъ, который на этотъ разъ увѣнчался успѣхомъ: цѣль энергичной 12-лѣтней кампаніи была достигнута, и Уложеніе, наконецъ, отмѣнило вовсе урочныя лѣта.

Уложеніе—крупнѣйшій законодательный памятникъ не только XVII столѣтія, но и всей московской эпохи. Понятно поэтому, что въ немъ можно ожидать найти много матеріала для изученія юридическаго положенія крестьянства. Однако, обращающагося къ Уложенію для этой цѣли ждетъ большое разочарованіе; памятникъ не только не ставитъ себѣ цѣлью опредѣлить отношеніе крестьянъ къ государству и къ землевладѣльцу и ихъ положеніе среди другихъ сословій, но въ немъ даже нѣтъ сводки всего законодательнаго матеріала предшествующаго времени. Глава XI Уложенія, названная „судъ о крестьянахъ“, содержитъ лишь категорическую отмѣну урочныхъ лѣтъ и говоритъ о послѣдствіяхъ этой отмѣны: вся эта глава есть уставъ о бѣглыхъ, о ихъ сыскѣ, о судѣ надъ ними, о ихъ водвореніи на старыхъ мѣстахъ, и только это произошло потому, что отмѣна урочныхъ лѣтъ была насущнымъ вопросомъ момента для захватывавшаго господство служилаго сословія. Отмѣна урочныхъ лѣтъ всякаго ушедшаго крестьянина превращала въ бѣглаго; поэтому за такой отмѣной и должна была логически послѣдовать регламентація вопроса о побѣгѣ; это была задача Уложенія, и оно ее выполнило. Никакихъ другихъ цѣлей касательно крестьянства оно себѣ не ставило, и было бы напрасно требовать отъ него большаго.

Вопросъ о бѣглыхъ крестьянахъ и о борьбѣ съ ними остается и послѣ Уложенія, вплоть до Петра, главнымъ, или, лучше сказать, единственнымъ,

предметомъ заботъ правительства въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ издается не менѣе восьми указовъ о сыскѣ и отдачѣ владѣльцамъ бѣглыхъ крестьянъ, о запрещеніи всякихъ чиновъ людямъ принимать и держать у себя бѣглыхъ, о взысканіи съ такихъ лицъ денежнаго штрафа и т. д. Борьба съ бѣгствомъ и съ бѣглыми пріобрѣтаетъ большіе размѣры, и можно думать, что правительственные указы этого времени являются лишь отголоскомъ стремленій и заботъ тогдашнихъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Намъ извѣстенъ, на примѣръ, наказъ владимирскаго и костромскаго вотчинника Мещеринова, данный имъ въ 1688 г. своему приказчику, посланному въ Алатырскій и Саранскій уѣзды для поимки бѣжавшихъ крестьянъ; наказъ этотъ знакомитъ съ мельчайшими подробностями прекрасно организованнаго поиска, ведшагося при помощи особыхъ агентовъ-спеціалистовъ; десять лѣтъ спустя, „великій государь указалъ и бояре приговорили: для сыску и отдачи бѣглыхъ людей и крестьянъ во всѣ города послать сыщиковъ добрыхъ и знатныхъ и пожиточныхъ“; такъ частная инициатива была предшественницей дѣйствій правительства. Но борьба съ бѣгствомъ не приводила къ его искорененію; борьба эта и въ новомъ, XVIII в., осталась одною изъ главнѣйшихъ цѣлей крѣпостнаго законодательства.

Первоначальныя условія развитія крестьянской крѣпости стоятъ въ близкой связи съ кабальнымъ холопствомъ. Окончательное прикрѣпленіе крестьянина къ личности дворянина-землевладѣльца безъ возможности для него законнаго ухода еще тѣснѣе сблизило когда-то свободнаго сельскаго тягльца съ холопомъ. Во второй половинѣ XVII столѣтія расширяется власть землевладѣльца надъ крестьяниномъ, постепенно подчиняется ему личность и трудъ послѣдняго, дается ему въ то же время возможность, по собственному почину, переводить крестьянина изъ деревни къ себѣ во дворъ; въ другихъ случаяхъ хозяйственныя соображенія заставляли землевладѣльца сажать холопа, жившаго въ его дворѣ, на пашню и тѣмъ на самомъ дѣлѣ превращать его въ крестьянина. Фактическая близость крестьянина и холопа стала еще замѣтнѣе, когда перепись 1678 г. впервые сдѣлала холоповъ участниками государственнаго тягла. Такъ сама жизнь засыпала историческую пропасть, отдѣлявшую первоначальнаго раба отъ свободнаго поселанина.

Постепенное закрѣпленіе крестьянина—основная черта въ исторіи сельскаго населенія въ XVII в.; основныя причины этого процесса и существенныя черты его мы сейчасъ прослѣдили; но есть еще обстоятельство, котораго нельзя обойти молчаніемъ. Есть извѣстія, что царь Борисъ въ годы своей славы и величія мечталъ о томъ, чтобы точно опредѣлить повинности крестьянина - земледѣльца въ пользу дворянина - землевладѣльца. Правительство послѣ смуты никогда не задавалось такой мыслью. Его сравнительная слабость вначалѣ, его дворянскія симпатіи позднѣе мѣшали ему въ этомъ. Взаимныя отношенія крестьянъ и дворянъ оставались въ дета-

ляхъ неопредѣленными и недоговоренными; при такомъ положеніи вещей выигрывалъ, конечно, болѣе сильный, и отсутствіе регламентаціи повинностей на дѣлѣ могло только усиливать крестьянскую крѣпость. Однако думать, что правительство сознательно обходило такую регламентацію, преслѣдуя интересы дворянства, было бы ошибочно; содѣйствуя закрѣпленію крестьянъ, оно, съ другой стороны, еще продолжало въ нѣкоторыхъ случаяхъ смотрѣть на нихъ какъ на людей по существу свободныхъ, трудъ которыхъ не могъ быть предметомъ безконтрольной эксплуатаціи дворянина-помѣщика. Такъ, въ 1669 г. царь Алексѣй Михайловичъ „приказалъ стольника князя Оболенскаго послать въ тюрьму за то, что у него іюня въ 6 числѣ, въ воскресенье недѣли всѣхъ взятыхъ, на дворѣ его люди и крестьяне работали черную работу, да онъ же, князь Григорій, говорилъ скверныя слова“.

Власть вотчинника; повинности крестьянъ.

При отсутствіи законодательной регламентаціи взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ и повинности послѣднихъ въ пользу первыхъ опредѣлялись обычаемъ и требованіями помѣщика. До насъ дошли, преимущественно отъ второй половины вѣка, нѣкоторыя уставныя грамоты, которыя вотчинники, чаще всего монастыри, вводили въ своихъ имѣніяхъ; по своей схемѣ грамоты эти близко напоминаютъ уставныя грамоты, которыя удѣльные князья-вотчинники давали своимъ намѣстникамъ и волостелямъ; сохранилась хозяйственная переписка нѣкоторыхъ вотчинниковъ съ ихъ имѣніями, сохранились и другіе разнообразные документы экономическаго характера, съ

помощью которыхъ возможно набросать общую картину крѣпостныхъ отношеній того времени. Какъ и позднѣе, въ эпоху расцвѣта крѣпостного права, основной формой повинностей крестьянъ было „издѣліе“, или барщина и оброкъ. Можно считать въ настоящее время выясненнымъ, что къ концу XVII столѣтія въ дворцовыхъ вотчинахъ оброчное хозяйство стало безусловно преобладающимъ, тогда какъ пашню на государя пахали почти исключительно въ подмосковныхъ селахъ; для частновладѣльческихъ, равно и монастырскихъ имѣній можно, кажется, подмѣтить очень интересный фактъ: оброчное хозяйство преобладаетъ къ сѣверо-востоку отъ Москвы, барщинное—къ югу отъ нея: такъ давно успѣли сложиться порядки крѣпостного хозяйства, неизмѣнно просуществовавшіе до реформы 1861 г. Уплата денежныхъ оброковъ и отбытіе барщины совершалось иногда съ дворовъ или дымовъ, но чаще всего

Московская дѣвушка
(изъ Мейерберга).

съ вытей, въ составъ которыхъ входило отъ 18 до 24 десятинъ въ трехъ поляхъ. Размѣры оброка, насколько можно судить по многочисленнымъ, хотя все же отрывочнымъ примѣрамъ, бывали очень разнообразны; наиболѣе дешевые оклады — до 3 руб. на выть, встрѣчаются въ дворцовыхъ селахъ; въ частновладѣльческихъ имѣнiяхъ они возвышались до 24 руб. съ выти. Размѣры барщинныхъ повинностей колебались настолько, что вывести какиѣ-либо общiя нормы невозможно. Въ вотчинахъ боярина Б. П. Морозова боярской пашни приходилось отъ 1 до 4 десятинъ на выть. Независимо отъ оброка или барщины, крестьяне должны были платить помѣщику известное количество столовыхъ запасовъ. Въ нижегородскихъ вотчинахъ того же Морозова съ выти шло въ пользу боярина ежегодно 2 пуда свиного мяса,

Молодая дѣвушка и замужняя женщина
(изъ Мейерберга).

1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста; дворцовое село Андреевское, Переяславскаго уѣзда, поставляло въ большой дворецъ 89 барановъ, $15\frac{3}{4}$ сырцовъ, 98 яицъ, 12 гусей, $1\frac{5}{16}$ чет. орѣховъ и $\frac{1}{2}$ ведра сметаны. Всѣ платежи и взносы платились обыкновенно къ Рождеству и къ Петрову дню, т.-е. въ тѣ же два срока, въ какiе вносился въ удѣльные вѣка намѣстничiй кормъ. Во второй половинѣ вѣка, несмотря на частыя войны, встрѣчается много указанiй на то, что помѣщикъ часто и много живетъ въ своихъ помѣстныхъ вотчинахъ. Постепенныя реформы военнаго строя

дѣлали свое дѣло, и старая дворянская конница отживала свой вѣкъ еще до Петра. Въ бытность свою въ деревнѣ дворянинъ и былъ хозяиномъ крестьянина и его труда. Въ отсутствiе землевладѣльца его замѣнялъ приказчикъ, большею частью изъ тѣхъ же крестьянъ или даже холоповъ, который и осуществлялъ помѣщичью власть во всемъ ея объемѣ, т.-е. велъ боярское хозяйство, собиралъ все, что должны были вносить крестьяне, и собиралъ тягло государственное и, наконецъ, замѣнялъ владѣльца въ качествѣ судьи, такъ какъ вотчинный судъ, существовавшiй издавна, въ XVII в. находилъ себѣ постепенно болѣе широкое примѣненiе. И въ этой сферѣ вотчина времени царя Алексѣя носила черты близкаго и родственнаго сходства со старымъ удѣльнымъ княжествомъ, гдѣ князь-судья передавалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ свою власть своему тiуну, намѣстнику или волостелю.

Народныя волненія XVII вѣка. Въ началѣ XVII столѣтія низшіе слои общества нашли въ себѣ силы протестовать противъ голода, разоренія, поборовъ и всѣхъ невзгодъ соціальныхъ и экономическихъ, которыя сыпались на нихъ и при старой династіи, и при царѣ Борисѣ. Это былъ шумный, но малокультурный протестъ, который этими самыми свойствами своими былъ заранее осужденъ на неупѣхъ. Народная масса долго волноваться не можетъ; приливъ смутнаго времени прошелъ и смѣнился отливомъ и застоємъ. Оттого царствованіе Михаила Феодоровича такъ тихо и спокойно; тихо не только внутри страны, но на югѣ, въ „прежде погибшей“ Украинѣ и на Дону, гдѣ буйные и бродячіе элементы, истершіеся и истратившіеся въ смуту, почти сведены на нѣтъ.

Но причины народнаго недовольства, создавшія Хлопка, Болотникова и самозванцевъ, не исчезли. Увеличеніе государственнаго тягла и крѣпостное право продолжаютъ поднимать съ мѣста наиболѣе энергичныхъ и предприимчивыхъ тяглецовъ Московскаго государства и гонять ихъ на южный степной просторъ. Какое большое значеніе имѣли побѣги крестьянъ въ XVII в., мы уже видѣли. Правительство борется съ побѣгами и старается пресѣчь ихъ. Часть бѣглецовъ, несмотря ни на какія препятствія, осѣдала на новыхъ условіяхъ въ украинныхъ городахъ юга, другая часть уходила далѣе на Донъ, за предѣлы Московскаго государства, на полную волю, и такимъ образомъ

тамъ вновь накапливается тотъ самый горючій матеріалъ, который разъ уже зажегъ пожаръ на Руси. Частичныя вспышки, бунты и возстанія, ознаменовавшіе первые годы царя Алексѣя Михайловича, были зловѣщими признаками растущаго недовольства. Разорительныя войны съ Польшей еще ухудшили дѣло, и когда донское голутвенное казачество, пополнившееся за полвѣка бѣглецами изъ Московскаго государства, пошло на это государство въ исходѣ 60 годовъ подъ предводительствомъ Разина, оно тотчасъ вызвало

STEPHANVS RAZINVS, PERDVELLIS
MOSCOVICVS.

†. 1671.

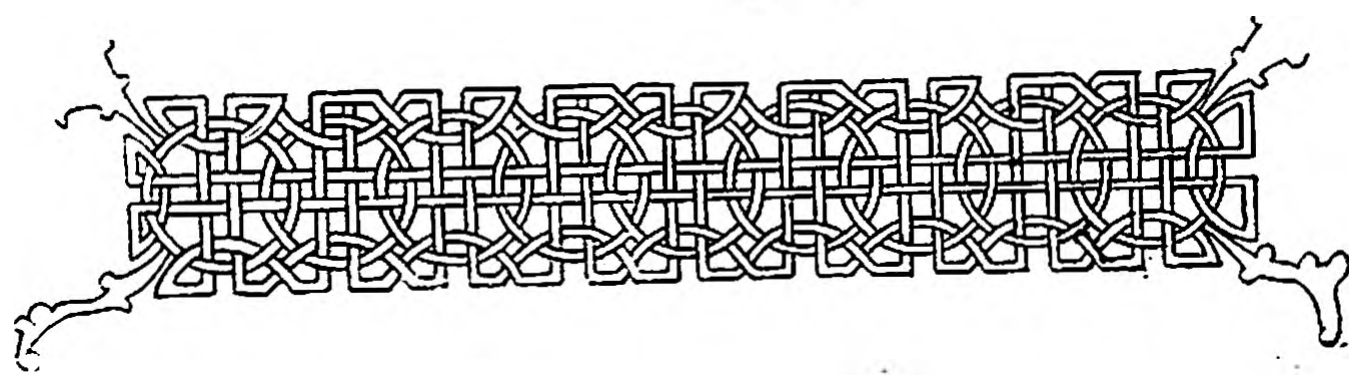
Стенька Разинъ, апокрифическій современный портретъ.

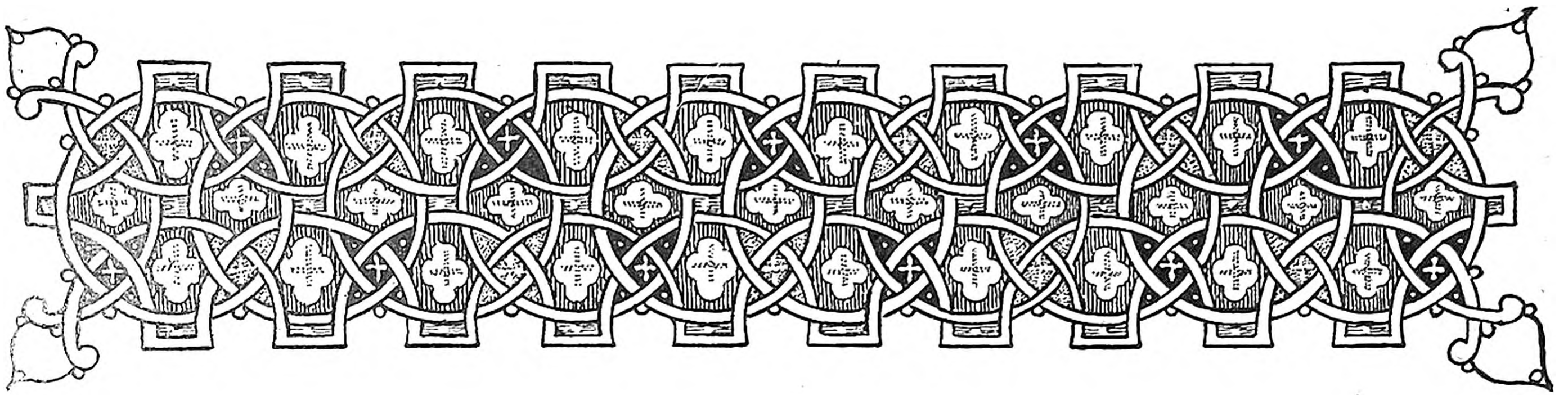
такой же отзвукъ сочувствія среди крѣпостного крестьянства, какой когда-то встрѣчалъ на своемъ пути Болотниковъ.

И самое движеніе и его отдѣльныя развѣтвленія сильно напугали Москву, но боязнь эта была преувеличенной и напрасной. Громадное возстаніе, стихійной волной приближавшееся, казалось, къ столицѣ, росло только до первой неудачи. Кн. Барятинскій однимъ ударомъ сломилъ его подъ Симбирскомъ, и призракъ грозной государственной опасности разсѣялся такъ же быстро, какъ и появился. Трудно думать, чтобы могло быть иначе. Движеніе Разина еще меньше, чѣмъ сходныя съ нимъ движенія смутнаго времени, ставило себѣ какія-либо положительныя и сознательныя задачи. Его рычагомъ было народное недовольство; но цѣлью предводителей былъ только грабежъ и разрушеніе, и могучій ударъ, ложно направленный, не нанесъ вреда тому, для кого онъ былъ предназначенъ. Какъ и въ смуту, мирное и зажиточное крестьянство сѣвернаго Поволжья само боролось „съ ворами“: ветлужскіе станы, закрѣпощенные всего за полвѣка передъ тѣмъ, сами во главѣ съ боярскими „прикащиками“ истребили шайки, пытавшіяся поднять Ветлугу. Разрушеніе и анархія, не подкрѣпляемая никакимъ положительнымъ началомъ, не могли ни увлечь, ни осилить даже такихъ крестьянъ, если только они были болѣе культурны и экономически болѣе сильны. Возстаніе Разина прошло безъ всякаго результата для исторіи крестьянства; оно показало лишь, что анархическій бунтъ, въ качествѣ единственнаго способа протеста, не могъ задержать дальнѣйшаго развитія крестьянской крѣпости.

Ю. Готье.

Поморье въ XVII вѣкѣ.

Проф. М. М. Богословскаго.

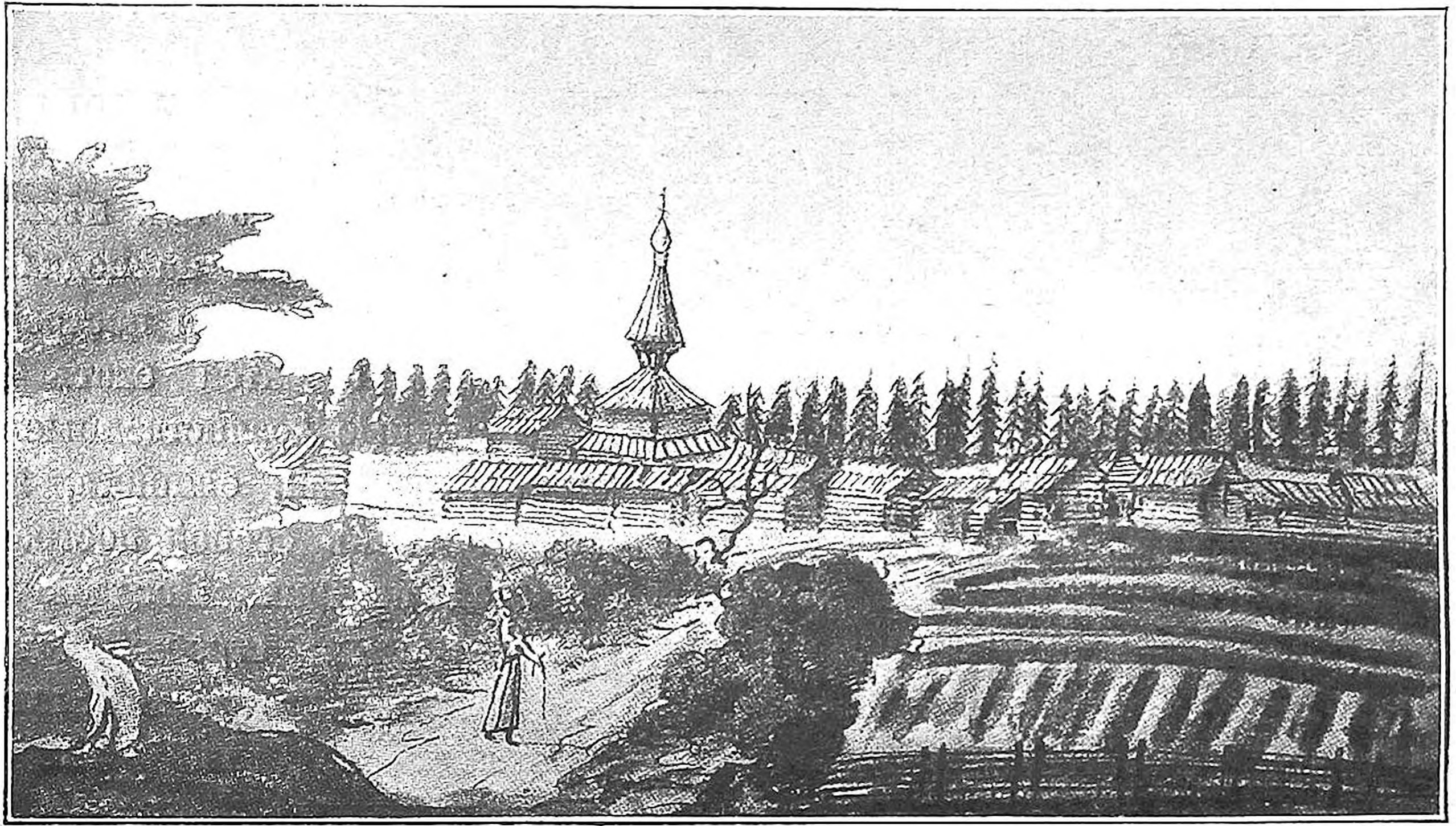
Въ XVII в. закрѣпощеніе крестьянъ дѣлаетъ быстрые успѣхи и къ концу столѣтія охватываетъ главную массу крестьянъ. Однако нѣкоторая доля крестьянскаго населенія остается внѣ сферы дѣйствія крѣпостного права и сохраняетъ свободу. Таковы были черные или чернососные, государственные крестьяне, обитавшіе на сѣверѣ и на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, въ предѣлахъ теперешнихъ губерній: Олонецкой, Архангельской, Вятской, Пермской и сѣверной части Вологодской, въ мѣстностяхъ, которыя назывались въ XVI и XVII вв. „Поморьемъ“. Чернососные крестьяне встрѣчались и въ другихъ мѣстахъ московскаго государства; но главная масса ихъ сосредоточивалась именно въ Поморьѣ. Свободное крестьянство исчезло въ центрѣ и на югѣ Московскаго государства, гдѣ развивалось служилое землевладѣніе, вотчинное и помѣстное, гдѣ правительство, организуя оборону страны отъ татаръ и поляковъ, жаловало черныя, занятая черными крестьянами земли въ вотчины дворянству, и гдѣ оно тысячами испомѣщало служилыхъ людей, раздавая имъ черныя земли въ помѣстья. Остатокъ фонда черныхъ земель, въ замосковной, центральной области государства, уцѣлѣвшій къ XVII столѣтію, былъ окончательно расхвачанъ въ этомъ вѣкѣ служилыми руками, и прежніе черные, свободные крестьяне оказались въ зависимости отъ вотчинниковъ и помѣщиковъ, къ которымъ они попали съ черными землями. Въ Поморьѣ служилаго землевладѣнія, дворянской вотчины и помѣстья, совсѣмъ не было. Служилый людъ тамъ не былъ нуженъ, такъ какъ сѣверная граница государства была безопасна. Испомѣщать же дворянъ въ Поморье для того, чтобы двигать дворянскіе полки отсюда на защиту южной и западной границы.

было неудобно, такъ какъ передвиженія военныхъ силъ на такія далекія разстоянія были затруднительны. Такимъ образомъ свободѣ чернаго крестьянства въ Поморьѣ не грозила опасность со стороны дворянской вотчины или помѣстья. И поэтому оно здѣсь и уцѣлѣло отъ крѣпостного права. По отношенію ко всей массѣ крестьянства оно представляло изъ себя лишь незначительную долю. По переписи тяглаго населенія для государства, произведенной въ 1678 г., было насчитано всего 888 т. посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ. Изъ этого числа 796 т. крестьянскихъ дворовъ, т.-е. 89,6%, находилась на земляхъ церковныхъ, дворцовыхъ и служилыхъ. Только 92 т. дворовъ, т.-е. 10,4%, приходилось на долю посадскихъ людей и черносозныхъ крестьянъ. Слѣдовательно, можно сказать, что черносозное крестьянство составляло менѣе $\frac{1}{10}$ всего тяглаго населенія.

Терминъ „черный“ значилъ въ древней Руси: ничей въ отдѣльности, общій, мірской. Черная земля—это земля ничья, общая; но уже издавна въ Московскомъ государствѣ установился взглядъ, по которому земля, никому не принадлежавшая, считалась государственной. Черная земля, слѣдовательно,—земля государственная, а крестьяне, во владѣніи которыхъ она находилась, назывались черными, т.-е. государственными. На какомъ правѣ они владѣли этою землею? Въ ихъ взглядѣ на землю нельзя не замѣтить нѣкоторой двойственности. Обыкновенно свои участки они называютъ вотчинами, а себя—ихъ вотчичами и совершаютъ на эти вотчины всѣ тѣ акты распоряженія, какіе знаетъ частная собственность, т.-е. продаютъ ихъ, закладываютъ, мѣняютъ, дѣлятъ, отказываютъ по душѣ и т. д. Но размышляя о своихъ правахъ на черную землю, они въ то же время указываютъ на государство, какъ на верховнаго собственника этихъ земель, признавая за собою лишь право владѣнія и выражаясь о своей землѣ такъ: „земля царева и великаго князя, а моего владѣнія“, „земля великаго князя, а отцовское и мое посиліе“. Но если у черныхъ крестьянъ взглядъ на ихъ земли двоился, то московское правительство послѣдовательно проводило мысль о черной землѣ, какъ о государственной. На эту землю оно налагало главную массу налоговъ, дѣлая ее основнымъ источникомъ казеннаго дохода. Оно воспрещало пользоваться пустыми черными землями безъ платежа оброка казнѣ. Населенныя черныя земли, т.-е. эти крестьянскія „вотчины“, оно иногда жаловало отдѣльнымъ лицамъ или церковнымъ учрежденіямъ помимо воли вотчинниковъ—крестьянъ. Наконецъ, оно отдѣльными указами стѣсняло и ограничивало права распоряженія крестьянъ ихъ землею, запрещая переходъ черныхъ земель въ не-тяглыя руки. Эти мѣры были завершены въ XVIII в. межевыми инструкціями 1754 и 1766 гг., которыми окончательно воспрещено было поморскимъ крестьянамъ распоряженіе ихъ землею. На крестьянскіе участки, на эти „вотчины“, правительство XVII и XVIII вв. смотрѣло какъ на надѣлы казенной земли, отдаваемые крестьянамъ для обезпеченія платежа казенныхъ податей.

Село Зимогорье въ Новгородской губерніи (изъ Мейерберга).

Черносошное крестьянство въ XVII в. подраздѣлялось на три группы, носившія названія: крестьянъ, половниковъ и бобылей. Крестьяне владѣли участками черной земли, распоряжаясь ими какъ собственники. Половники не имѣли своихъ участковъ; они рядились, какъ арендаторы на чужую землю, главнымъ образомъ, на церковныя земли, но, между прочимъ, и на участки крестьянъ-землевладѣльцевъ. Половничій договоръ съ хозяиномъ земли бывалъ обыкновенно краткосроченъ. Половникъ нанимался на годъ, на два или на три и работалъ обыкновенно изъ доли урожая, чаще всего, можетъ-быть, исполу. Бобыли на сѣверѣ въ XVII в. обыкновенно—непашенные люди, ремесленники, рабочіе на соляныхъ, рыбныхъ и другихъ промыслахъ. Бобыльскіе „дворцы“ мы встрѣчаемъ обычно возлѣ церкви на погостѣ; они облагаются за право промысла особымъ тягломъ въ казну, носящимъ названіе „бобыльскаго оброка“. Наибольше многочисленной изъ этихъ трехъ группъ, значительно превосходившей остальные, были крестьяне-землевладѣльцы. Такъ, напр., въ 70 годахъ XVII в. можно насчитать въ Кеврольскомъ уѣздѣ 95% крестьянъ, 1% половниковъ и 4% бобылей. Въ то же время въ Устьянскихъ волостяхъ 98% крестьянъ и 2% бобылей.

Поморское крестьянское землевладѣніе отличалось значительными особенностями. Сѣверныя деревни въ XVII в. въ однихъ мѣстахъ разбросаны одна отъ другой на далекомъ разстояніи, въ другихъ, наоборотъ, ютятся по берегу рѣки, тѣсно жмутся одна къ другой и вытягиваются узкою лентой по береговой полосѣ, представляющей изъ себя единственное удобное мѣсто для обработки. Въ томъ и другомъ случаѣ, и при разбросанности и при

смежности деревень, обыкновенно сѣверная деревня состоитъ изъ очень небольшого числа дворовъ, нерѣдко даже изъ одного двора. Деревня—однодворка служитъ первоначальнымъ типомъ деревни. Крестьянскій дворъ представляетъ собою группу построекъ, въ центрѣ которыхъ находится жилое зимнее помѣщеніе, — „изба“ съ примыкающими къ ней одною или нѣсколькими „клѣтками“, въ качествѣ лѣтняго жилья, расположенными на подклѣтѣ, служащемъ кладовою. Вблизи отъ избы находятся хозяйственные постройки, въ которыхъ ставится скотъ или хранятся разные хозяйственные запасы: хлѣвъ, сарай, сѣнникъ, жигница. Иногда въ особой постройкѣ помѣщается поварня. Поодаль отъ группы дворовыхъ строеній стоятъ задворныя, внѣ двора расположенныя, постройки: баня, овинъ съ гумномъ, мякинница. Населеніе двора очень малоллюдно. По переписямъ 70 годовъ XVII столѣтія, тщательно перечисляющимъ все мужское населеніе двора: взрослое и малолѣтнее, средняя цифра душъ мужского пола въ крестьянскомъ и половничьемъ дворѣ колеблется по поморскимъ уѣздамъ отъ 2,2 до 4. Населеніе большескихъ дворовъ еще того меньше; оно колеблется отъ 1 до 2,3 мужского пола. Населеніе двора состоитъ изъ родственниковъ и изъ чужеродныхъ элементовъ, связанныхъ между собою различными юридическими отношеніями, договорами: найма земли и жилого помѣщенія или только жилого помѣщенія, личного найма.

Поморскій старообрядецъ XVIII в.
(изъ книги прот. Іоаннова. Изд. 1795 г.).

Нерѣдко родственные и чужеродные элементы оказываются совладѣльцами. Такіе совладѣльцы называются въ актахъ XV—XVII вѣковъ „складниками“. Совладѣніе—„складничество“ возникаетъ изъ сонаслѣдованія, когда наслѣдники владѣютъ сообща доставшимся по наслѣдству имуществомъ или изъ отчужденія идеальной доли имущества въ другія руки: очень часто сонаслѣдники-родственники отчуждаютъ свои идеальныя доли въ общемъ имуществѣ на сторону, и такимъ образомъ въ семейное складничество привходитъ чужой совладѣлецъ, пріобрѣтатель доли. Наконецъ, совладѣніе

возникаетъ изъ договора товарищества, составляющагося для достиженія какихъ-либо общихъ хозяйственныхъ цѣлей. Такое товарищество могло возникать для торговаго дѣла, для занятія какимъ-либо ремесломъ,—словомъ, для всякаго предпріятія, требующаго экономическихъ ресурсовъ. Въ сѣверныхъ деревняхъ товарищества организовывались для эксплуатаціи земледѣльческаго, солянаго или рыбнаго промысловъ. Члены ихъ складывались и трудомъ и капиталомъ. Общій капиталъ товарищества могъ заключаться какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ: въ деньгахъ, орудіяхъ, дворѣ, земельныхъ участкахъ.

Какъ семейный союзъ, такъ и чужеродное складничество, владѣя деревней, могли жить въ одномъ дворѣ или расселялись по нѣсколькимъ дворамъ, продолжая владѣть землею сообща. Какъ товарищество на паяхъ, складничество постоянно измѣнялось въ своемъ личномъ составѣ. Благодаря семейнымъ и товарищескимъ раздѣламъ и отчужденію долей на сторону, пай товарищества умножаются и мельчаютъ. Появляются „жеребьи деревни“: не только трети и четверти деревень, а и четырнадцатая, шестнадцатая и тридцать вторыхъ доли деревни. Но, распоряжаясь своими долями, какъ полной собственностью, члены семейнаго союза или товарищества рассматриваютъ эти доли, какъ идеальныя, не дѣлятъ деревни реально и долго продолжаютъ пользоваться деревенскими угодьями сообща. Такое землевладѣніе принято называть долевымъ.

Посмотримъ теперь на составъ самой сѣверной „деревни“. Прежде всего припомнимъ, что деревней на древне-русскомъ сѣверѣ называлось не то, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ этимъ словомъ, не поселокъ, состоящій изъ крестьянскихъ дворовъ независимо отъ земель, принадлежащихъ его жителямъ, а нѣкоторое хозяйственное цѣлое, въ составъ котораго входятъ дворъ и совокупность принадлежащихъ къ нему угодій. Это цѣлое, какъ мы сказали бы теперь, имѣніе и называется деревней, нося обыкновенно какое-нибудь собственное

Поморской Лясуиделъ

Старообрядецъ XVIII в.

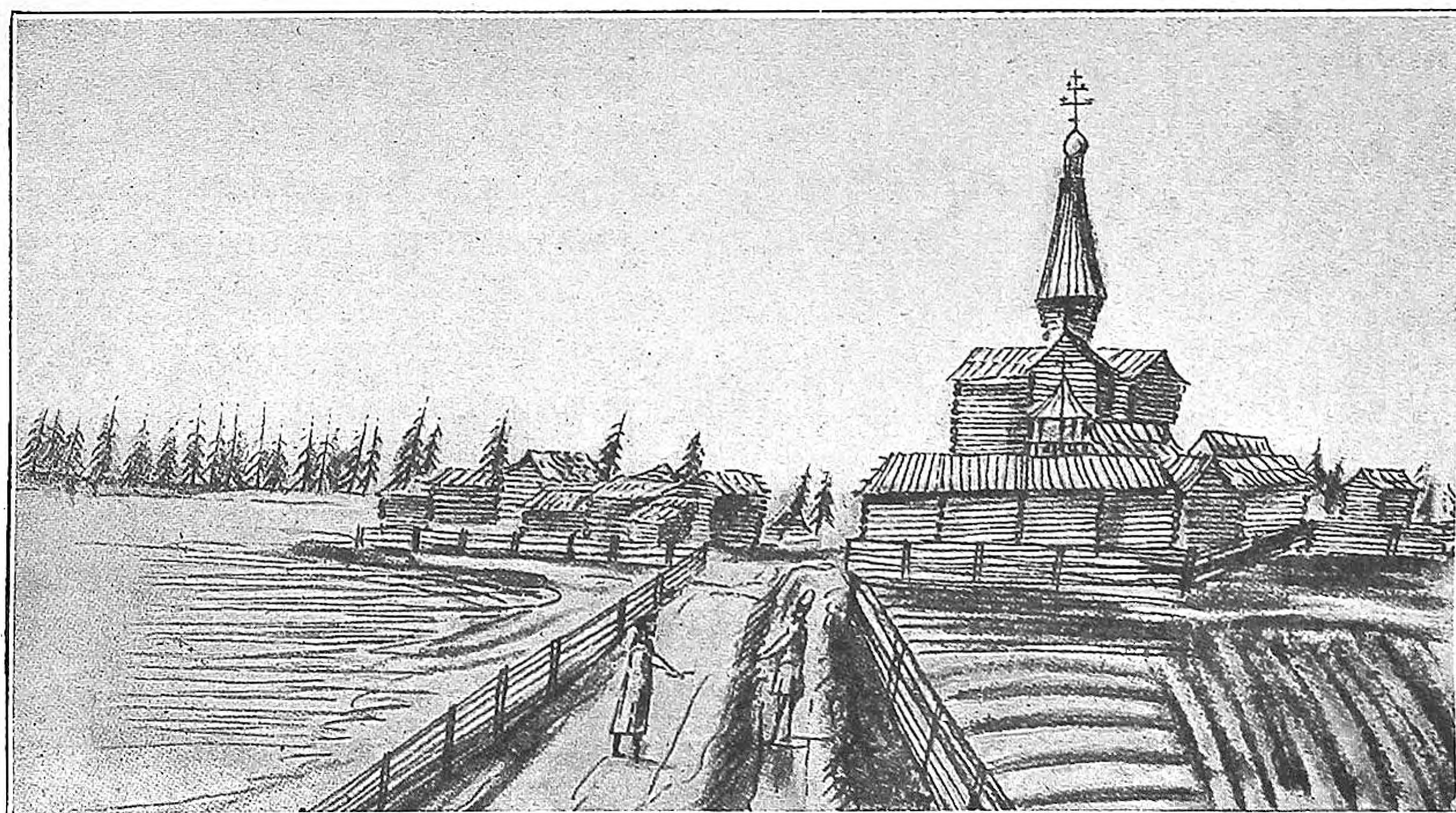
имя. Если такое имѣніе дѣлится, напримѣръ, между сонаслѣдниками, ихъ доли будутъ называться полудеревнями, третями деревни и т. д., такъ что понятіе о деревнѣ какъ о цѣлой величинѣ не утрачивается и при раздѣлѣ ея на части. Въ составъ деревни входитъ усадебная земля, т. е. земля подъ дворовыми постройками, садовая земля, хмельникъ, „огородцы“: капустникъ, конопляникъ, гумно. Затѣмъ идетъ полевая земля, носящая во многихъ мѣстахъ на сѣверѣ названіе „горней“— отъ того мѣстоположенія, которое она занимаетъ, находясь выше дворовъ на береговой полосѣ рѣки, такъ какъ это возвышенное мѣсто берега является наиболѣе удобнымъ, а иногда даже единственно возможнымъ для обработки. Къ этимъ видамъ угодій присоединяются еще сѣнокосы, лѣса, пастбища, рыбныя ловли и охотничьи угодья. Всѣ эти виды угодій перечисляются съ большею или меньшею подробностью въ купчихъ и закладныхъ на деревни и доли деревень, напр., „продалъ есмь треть деревни, землю и съ дворомъ... и съ огородцы: съ капустникомъ и съ конопляникомъ, и съ гумномъ, и съ овиномъ, и со всѣмъ огуменникомъ, и съ полми, и съ пожнями, и съ озерными истоки, и съ перевѣсы, и съ лѣтовищемъ, и съ запольемъ, и съ путики, и съ прислонами, и съ березникомъ, и съ лѣсами сухими и сырыми, и съ чертежомъ (пространство лѣса, очерченное въ знакъ его захвата)... и со всѣмъ угодьемъ, что къ тому жеребью изстари потягло, куда топоръ ходилъ и плугъ, и соха, и коса, и борона ходили“. Эти выраженія земельных актовъ: „куда соха, коса и топоръ ходили“, свидѣтельствуютъ, что деревня, какъ совокупность угодій, обязана своимъ происхожденіемъ заимкѣ, захвату пустопорожнихъ земель, размѣры котораго опредѣлялись рабочими силами деревни. Было время, когда въ сельскомъ хозяйствѣ сѣвера единственною практиковавшеюся системой была такъ называемая „подсѣчная система“. На захваченномъ участкѣ рубился и выжигался лѣсъ, выкорчевывались пни, и получавшаяся такимъ образомъ „новина“ засѣвалась хлѣбомъ, давала подъ рядъ нѣсколько обильныхъ урожаевъ, и затѣмъ истощенная покидалась захватившимъ ее земледѣльцемъ, который отыскивалъ другой участокъ подъ новину. Впослѣдствіи на ряду съ подсѣчной системой возникаетъ на сѣверѣ трехполье, и тогда пашня сѣверной деревни появляется въ двухъ видахъ: 1) „присельная пашня, прилегающая къ дворамъ, на которой ведется правильный сѣвооборотъ; 2) новина на захватываемыхъ участкахъ въ лѣсу, гдѣ ведется подсѣчное хозяйство. Послѣднее продолжаетъ въ XVII в. держаться рядомъ съ трехпольемъ, а въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Онежскомъ краѣ, господствуетъ надъ нимъ. И соотвѣтственно этому, кромѣ присельной трехпольной пашни, повсюду у сѣверныхъ крестьянъ въ XVII в. мы встрѣчаемъ еще „отхожія“ пашни, „отъ деревень версты за двѣ, и за три, и за пять, и за десять заимки, которыя они распахивали на участкахъ, расчищенныхъ изъ-подъ выжигавшагося при этомъ дѣвственнаго лѣса; такія новины выжигались

въ однихъ случаяхъ единичнымъ хозяйствомъ, въ другихъ—общими силами складниковъ и тогда дѣлились между ними.

На этихъ двухъ видахъ пашни: присельной землѣ съ трехпольемъ и на заимкахъ съ подсѣчнымъ хозяйствомъ, развиваются два юридически различные виды землевладѣнія. На заимкахъ, расчистяхъ, требующихъ затраты особенно напряженного труда, вырабатывается право личной частной земельной собственности. Господствовавшая нѣкогда на сѣверѣ заимочная форма землепользования и создала ту идею личной собственности, или, точнѣе, владѣнія, съ которой мы встрѣчаемся въ Поморьѣ XVI—XVII вв. Съ другой стороны, на присельной землѣ, которая облагается тягломъ по мѣрѣ умноженія складниковъ въ деревнѣ, владѣніе становится сложнымъ. Появляются черезполосицы и уравненія полей по долямъ тягла, зарождаются, такимъ образомъ, элементы для развитія общиннаго землевладѣнія.

Сѣнокосы можно встрѣтить въ сѣверной деревнѣ XVII в. въ двойной формѣ владѣнія. Есть сѣнокосы, находящіеся въ личномъ владѣніи, такъ что на нихъ пишутся крѣпостные акты съ обозначеніемъ ихъ границъ. Въ такомъ личномъ владѣніи оказываются сѣнокосы на мѣстахъ, расчищенныхъ изъ-подъ лѣса. Слѣдовательно, также заимки, на которыя приходилось затрачивать интенсивный трудъ. Но тамъ, гдѣ не требовалось интенсивнаго труда на расчистку, сѣнокосъ остается въ общемъ владѣніи складниковъ, при чемъ послѣдніе пользуются имъ пропорціонально своимъ владѣльческимъ долямъ или долямъ приходящагося на cadaго тягла. Въ такомъ же общемъ пользованіи складниковъ деревни находится выгонъ—„поскотина“. Размѣры поль-

Коломна—богатое село съ церковью въ Новгородской губерніи (изъ Мейерберга).

зованія въ этомъ случаѣ выражаются иногда въ регулированіи числа головъ скота, которое могъ высылать на выгонъ каждый соотвѣтственно своей долѣ. Лѣсныя угодыя раздѣляются въ писцовыхъ книгахъ XVII в. на нѣсколько видовъ. Книги различаютъ лѣсъ пашенный—молодая поросль на запущенной пашнѣ, отъ непашеннаго. Пользованіе пашеннымъ лѣсомъ также должно было быть пропорціонально владѣльческой долѣ или тяглу. Наконецъ, большой дѣвственный лѣсъ, покрывавшій собою „суземье“, т.-е. пространство между рѣками, по которымъ тянулись деревни, носилъ названіе „чернаго“. Въ этомъ ничьемъ, общемъ, государственномъ лѣсу свободно дѣлались заимки и расчищались новины. Такъ называемый Судебникъ царя Феодора Иоанновича, неофициальный юридическій сборникъ конца XVI в., составленный человекомъ, хорошо знавшимъ сѣверныя юридическія хозяйственныя порядки, предоставляетъ эксплуатацію этого лѣса подъ пашню въ какомъ угодно количествѣ каждому, кто желаетъ, безъ всякаго предварительнаго раздѣла между складниками, какъ это требуется Судебникомъ относительно пашеннаго лѣса. „А черный лѣсъ пахати въ суземкѣ просто безъ дѣлу... кто сколько можетъ; то лѣсъ вотчій, царевъ и великаго князя“¹⁾. Черный лѣсъ служилъ мѣстомъ охотничьихъ промысловъ; здѣсь прокладывались лѣсныя тропинки—„путики“, на которыхъ ставили силки и „перевѣсища“ для ловли птицъ и звѣрей. Рыбныя ловли въ озерахъ, рѣкахъ и рѣчкахъ такъ же, какъ и лѣсныя охотничьи путики, находились—однѣ въ личномъ владѣніи, другія во владѣніи особыхъ болѣе или менѣе многолюдныхъ товариществъ, устраивавшихъ для ловли рыбы разнаго рода приспособленія. Такія товарищества составлялись то внутри деревенскаго союза, то съ участіемъ чужедеревенцевъ, при чемъ пользованіе регулировалось или очередью, или раздѣломъ продукта. Большія рыбныя ловли составляли, какъ и черный лѣсъ, общія угодыя нѣсколькихъ деревень и даже цѣлыхъ волостей. Пользованіе этими угодыями выводило деревенскій союзъ изъ предѣловъ деревни и вводило его, какъ составную часть, въ болѣе сложныя организаціи: группы деревень, волостки и цѣлыя волости.

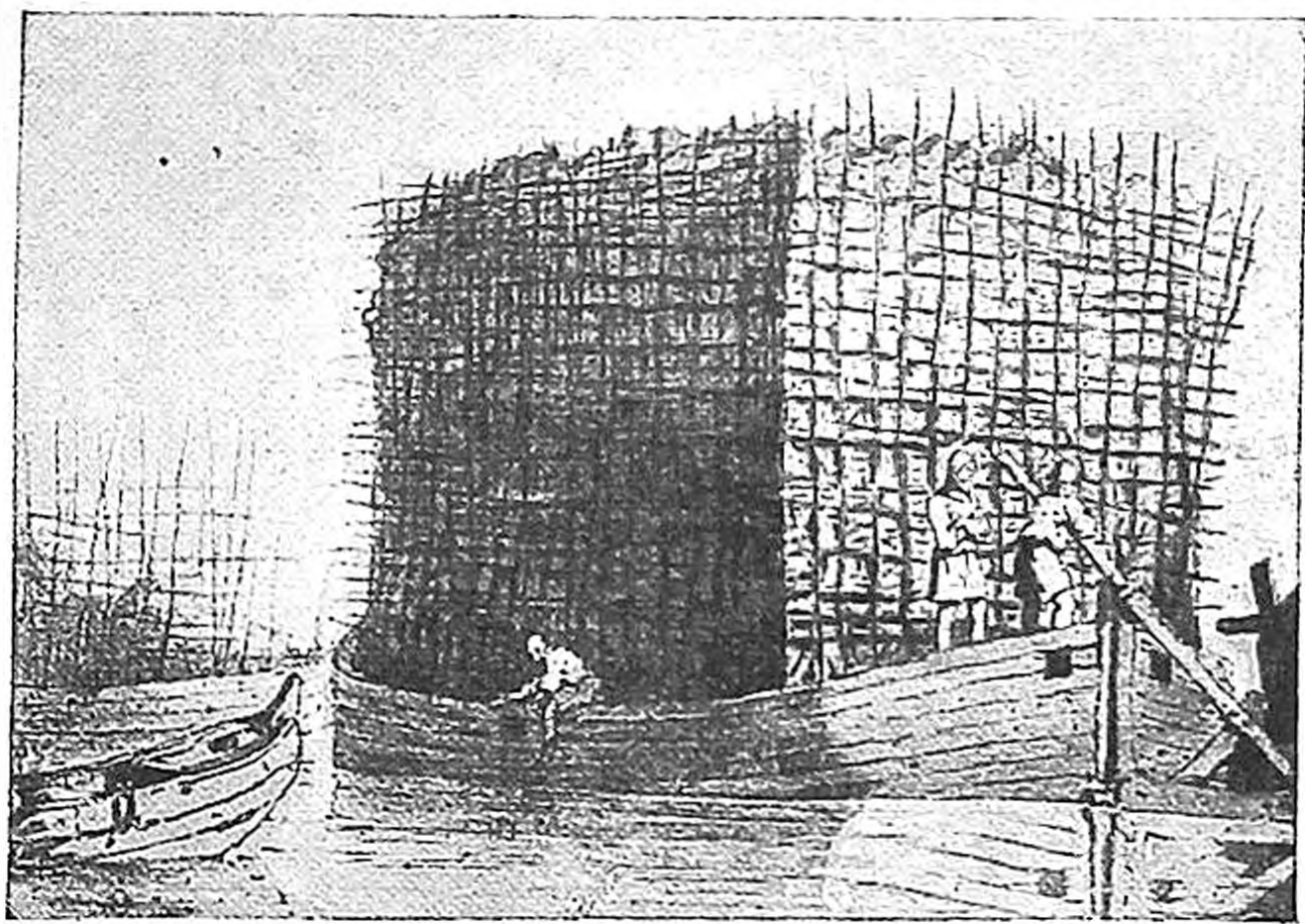
Совокупность указанныхъ угодій и составляла деревню въ Поморьѣ XVII в. Немногіе, гнѣздящіеся по берегу рѣки дворы, съ ихъ довольно разнообразными постройками, съ огородами и прилегающими къ дворамъ огороженными полями, съ общими лугами и обособленными сѣнокосами отдѣльныхъ дворовъ, съ обрамляющей пашню и сѣнокосъ и уходящей за горизонтъ каймой чернаго лѣса, въ которомъ здѣсь и тамъ выжжены небольшія полянки подъ пашни и проложены путики для охотничьихъ промысловъ—таковъ внѣшній видъ этой деревни. Ея жители представляютъ собой семейный союзъ, или союзъ, возникшій изъ семейнаго, осложненный

¹⁾ Суд. Феодора Иоанновича, ст. 175.

затѣмъ привзошедшими чужеродными элементами, или, наконецъ, союзъ, развивавшійся изъ первоначальнаго товарищества, основавшаго деревню. Въ XVII в. члены деревенскаго союза — „складники“ владѣютъ деревней, какъ общимъ имуществомъ, имѣя въ немъ каждый свою идеальную долю, и различнымъ образомъ пользуются разнаго рода угодьями. Дворы и пашни у нихъ въ болѣе раздѣльномъ, остальные угодья въ болѣе общемъ пользованіи. Изъ общаго имущества союза выдѣляются и обособляются угодья, на разработку которыхъ затраченъ наиболѣе напряженный трудъ, какъ, напр., пашни и сѣнокосы на лѣсныхъ рощистяхъ ¹⁾).

Древне-русская сѣверная деревня не была земельной общиной, если подъ общиннымъ владѣніемъ разумѣть такое, при которомъ само владѣющее землей общество представляетъ собою цѣлое, гдѣ права каждаго изъ составляющихъ его членовъ совершенно равны правамъ каждаго другого члена. Общинѣ земля принадлежитъ, какъ единому нераздѣльному цѣлому, и затѣмъ дробится на участки, находящіеся во временномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ. Складническій деревенскій союзъ сѣвера не есть община, не есть единое нераздѣльное цѣлое. Это только совокупность правъ отдѣльныхъ составляющихъ его членовъ, — правъ, точно выраженныхъ и притомъ неравныхъ одно другому. Складническій союзъ владѣетъ деревней сообща, но права каждаго изъ входящихъ въ союзъ складниковъ различны: доля одного, напр., половина деревни, другого — четверть, третьяго — одна восьмая и т. д. Доли владѣній членовъ общины въ общемъ имуществѣ зависятъ только отъ числа членовъ общины, доля каждаго всегда равна единицѣ, дѣленной на число членовъ; онѣ не могутъ измѣняться по волѣ ихъ владѣльцевъ, которые не имѣютъ права ими распорядиться. Въ общинѣ личное, неограниченное и безконтрольное распоряженіе долями владѣнія невозможно. Доли членовъ складническаго союза измѣняются по усмотрѣнію ихъ владѣльцевъ, которые могутъ ихъ уменьшать, дробя и отчуждая по частямъ, или увеличивать, пріобрѣтая чужія доли. Складническій союзъ есть совладѣніе, иногда товарищество, основанное на договорѣ, иногда совладѣніе безъ договора, а не община, и владѣніе его только общее, а не общинное. Складники владѣютъ

Баржа съ дровами
(англ. изд. XVIII в.).

¹⁾ Богословскій, «Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в.», I гл., 10.

долями на правахъ полной собственности, распоряжаются ими неограниченно и безъ всякаго контроля со стороны союза.

Какъ при всякомъ совладѣніи и во всякомъ товариществѣ, идеальныя доли совладѣльцевъ могутъ быть реализованы посредствомъ раздѣла общаго имущества во всемъ его объемѣ, „во всю землю“, по выраженію Судебника Θεодора Іоанновича ¹⁾, или только въ нѣкоторыхъ частяхъ. Раздѣлъ производится въ двухъ формахъ: въ видѣ общаго раздѣла между членами союза и затѣмъ въ видѣ частичнаго выдѣла доли отдѣльнаго складника. Если раздѣлъ владѣній вызывалъ въ комъ-нибудь изъ складниковъ недовольство, если ему казалось, что доставшаяся ему реальная доля не соотвѣтствуетъ его идеальной долѣ, онъ требовалъ повторнаго раздѣла земель деревни, и это было передѣлъ земель. Но передѣлы, производившіеся въ складническихъ деревняхъ, не были періодическими, вызывались иными причинами, направлялись къ инымъ цѣлямъ, чѣмъ передѣлы, совершаемые въ нашихъ теперешнихъ крестьянскихъ общинахъ. Въ теперешнихъ общинахъ передѣлы имѣютъ цѣлью уравнивательность пользованія общинною землею между всѣми членами общины, права которыхъ равны, и вызываются измѣненіемъ личнаго состава общины. Въ складнической деревнѣ цѣлью передѣла было привести пользованіе въ соотвѣтствіе съ владѣльческими долями, которыя при измѣненіи личнаго состава деревни могли все-таки оставаться неизмѣнными. Владѣльческія доли и служили основаніями для отвода земли при раздѣлахъ и передѣлахъ.

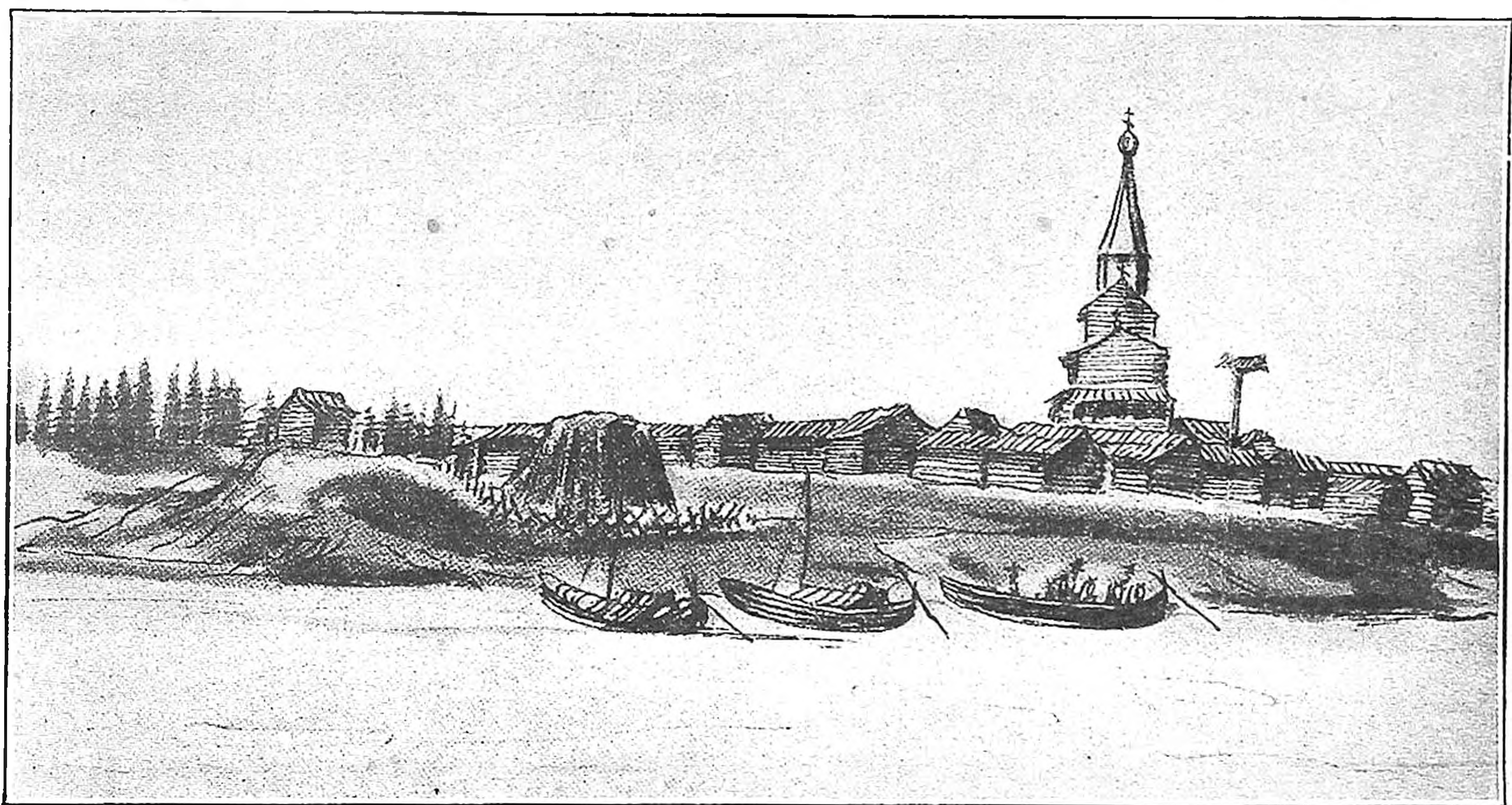
Въ XVII в. все чаще владѣльческая доля начинаетъ обозначаться долею тягла, долею „выти“, по которой разверстывалось тягло; поэтому все болѣе тягловая единица, выть или ея дробь, становятся мѣрою, опредѣляющею размѣры права на землю. По ней писецъ отводитъ землю деревнѣ, по ней же требуетъ себѣ земли и крестьянинъ, членъ деревенскаго союза. Понятія земли и тягла связываются. Если размѣры тягла опредѣляются количествомъ обрабатываемой трехпольной пашни, то и обратно, по количеству несомаго тягла, требуется такая пашня въ пользованіе. Укрѣпляется мысль о необходимости соотвѣтствія тягла съ землею и земли съ тягломъ, и эту мысль проводятъ какъ правительство, такъ и сами крестьяне. Правительство, рѣшая спорныя поземельныя дѣла между поморскими крестьянами, постоянно даетъ предписанія раздѣлить землю по тяглу. Такая точка зрѣнія является послѣдствіемъ того взгляда на черную землю, по которому черная земля — земля государственная, отводимая крестьянамъ во владѣніе соотвѣтственно платимому ими тяглу, какъ средство для несенія тягла. Съ точки зрѣнія правительства, черносошнымъ крестьянамъ отводятся надѣлы казенной земли, съ которыхъ они отбываютъ казенныя повинности, и поэтому казна считаетъ

¹⁾ Стр. 159.

себя въ правѣ время отъ времени пересматривать соотвѣтствіе этихъ надѣловъ съ тяглою съ нихъ и приурочиваетъ этотъ пересмотръ къ составленію писцовой книги, являющейся регистраціей тягла.

Другимъ путемъ, но къ тому же требованію приходили и сами крестьяне. Среди поморскихъ крестьянъ XVII в. обозначилось значительное имущественное разслоеніе. На ряду съ группой зажиточныхъ крестьянъ, ведущихъ значительные торги и промыслы и скупающихъ земельные участки, возникаетъ безземельный пролетаріатъ, изъ рукъ котораго эти участки ускользаютъ. Въ состоятельныхъ, имущественно обеспеченныхъ крестьянскихъ кругахъ развивается идея собственности, возникшая изъ трудового захвата, воспитанная хозяйствомъ на лѣсныхъ рощистяхъ и заимкахъ и поддержанная давностью владѣнья отцовъ и дѣдовъ. Слова о землѣ: „великаго князя,

Мѣстечко Мѣдное, Тверской губерніи (изъ Мейерберга).

а моего владѣнья“, были у крестьянъ, разумѣется, отвлеченной философій, которая не мѣшала полному распоряженію земельными участками и скопленію иногда въ однѣхъ рукахъ многихъ участковъ. При той тѣснотѣ на трехпольной пашнѣ, которая стала обнаруживаться по мѣрѣ роста населенія, и при трудности новыхъ заимокъ, доступныхъ только крѣпкимъ хозяйствамъ, въ угнетаемыхъ малосостоятельныхъ деревенскихъ элементахъ замѣчается недовольство захватомъ земли богачами. Эти элементы, не освобожденные все-таки отъ тягла, стремятся къ пересмотру и провѣркѣ землевладѣльческихъ правъ и къ приведенію въ соотвѣтствіе земельныхъ участковъ съ тягловыми нормами. Среди сельскаго пролетаріата не могла не находить себѣ сочувствія мысль о черной землѣ, какъ о землѣ общей, государственной, отдаваемой казною въ

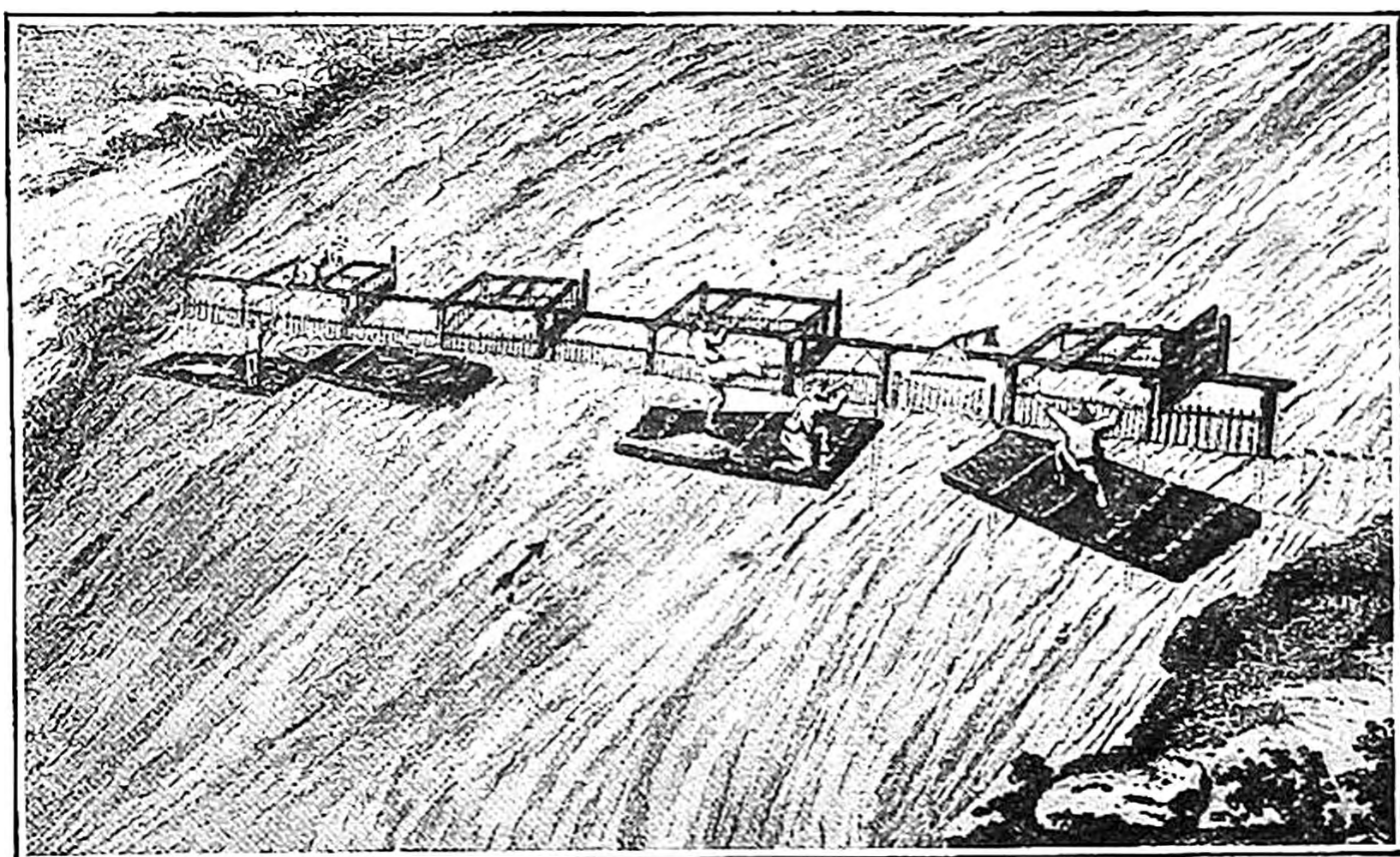
пользованіе пропорціонально тяглої единиць, которая служила показателемъ трудовыхъ силъ и хозяйственныхъ средствъ. Отсюда требованіе передѣловъ по тяглу, которое раздается въ XVII в. среди крестьянъ въ отдѣльныхъ случаяхъ. Въ слѣдующемъ столѣтїи при ростѣ сельскаго пролетаріата и при все большемъ сосредоточенїи земли въ рукахъ богатыхъ крестьянъ, это требованіе передѣловъ по тяглу стало общимъ для необезпеченной крестьянской массы Поморья, приурочиваясь къ періодическимъ тяглымъ переписямъ, т.-е. ревизіямъ. Правительство XVIII в. пошло навстрѣчу сельскому пролетаріату Поморья, издавъ въ 1754 и въ 1766 г. межевыя инструкціи. Этими инструкціями завершались законодательныя мѣры XVII в., стѣснявшія распоряженіе поморскихъ крестьянъ землею; пресѣкался среди этихъ крестьянъ земельный оборотъ и уничтожалась передача земель по наследству. Съ конца XVIII в., поддерживая желанія маломочной крестьянской массы на сѣверѣ, правительство устанавливаетъ указами передѣлы земель по тяглу, по ревизскимъ душамъ. Эти передѣлы должны были производиться не по отдѣльнымъ деревнямъ, слишкомъ мелкимъ, а въ границахъ болѣе крупныхъ союзовъ—волости. Межевыя инструкціи отрицали право личной, частной крестьянской собственности на земельные участки. Земля была признана принадлежащею всей волости; всѣ члены волости, занесенные въ ревизскую перепись, получили равныя права на земельныя обезпеченія, и волость съ теченіемъ времени періодически стала передѣлять между ними землю по тяглу, выражавшемуся въ душахъ. Такимъ образомъ, съ конца XVIII и съ начала XIX в. волость стала на сѣверѣ коллективнымъ субъектомъ владѣнія, состоящимъ изъ равноправныхъ членовъ, владѣющимъ землею, участки которой находятся въ пользованїи, регулируемомъ періодическими передѣлами, т.-е. стала земельной общиной.

Не будучи земельной общиной въ теперешнемъ смыслѣ слова, волость XVIII в. на сѣверѣ была, тѣмъ не менѣе, прочно организованнымъ общественнымъ союзомъ. На народномъ языкѣ этотъ союзъ носитъ названіе „міра“. На каждомъ шагу своей дѣятельности поморскій крестьянинъ былъ связанъ съ мірской организаціей, къ которой онъ принадлежалъ. Въ міру осуществляются хозяйственныя интересы, удовлетвореніе которыхъ было бы не подъ силу отдѣльному человѣку и которые требуютъ коллективнаго труда и средствъ. Поэтому міръ—прежде всего хозяйственный союзъ, сосредоточивающій не только коллективный трудъ, но и обладающій общимъ имуществомъ, которое онъ прїобрѣтаетъ, которымъ распоряжается и которое разными способами эксплуатируетъ. Отдѣльныя деревни принадлежатъ ихъ владѣльцамъ на правахъ частной собственности, и волость до нихъ не касается; но на земли, никѣмъ незанятыя, волость распространяетъ высшую территориальную власть и защищаетъ ихъ на судѣ отъ захвата посторонними. По народнымъ воззрѣніямъ міръ является не только обладателемъ разнаго рода

правъ, но и хранителемъ права,—того неписанаго обычнаго права, которымъ преимущественно жило общество древней Руси. Его могла забывать отдѣльная память, но оно прочно хранилось коллективной памятью міра. Какъ знатокъ права, міръ являлся необходимымъ свидѣтелемъ всякаго рода частныхъ сдѣлокъ и публичныхъ актовъ; тѣ и другіе должны были совершаться въ міру, присутствіе котораго сообщало имъ законную силу. Съ теченіемъ времени слишкомъ громоздкое присутствіе міра въ его цѣломъ замѣняется въ этихъ случаяхъ присутствіемъ нѣсколькихъ его членовъ, „добрыхъ людей“.

Какъ къ блюстителю права, къ міру обращаются въ случаяхъ нарушенія права, подавая „явку“, т.-е. дѣлая заявленіе, въ которомъ потерпѣвшій указывалъ на понесенную имъ обиду. Далѣе міръ—не только хранитель права, но и блюститель нравственности: онъ слѣдитъ за поведеніемъ каждаго своего члена; вся жизнь мірскаго человѣка проходитъ на виду у міра, такъ что въ любой моментъ онъ можетъ дать нравственную характеристику каждаго изъ своихъ членовъ, „одобрить“ его или „облиховать“ на повальномъ обыскѣ. Міръ заботится также объ удовлетвореніи духовныхъ интересовъ своихъ членовъ. Совпадая съ церковной общиной — приходомъ, онъ сооружаетъ и поддерживаетъ церковь, приглашаетъ священнослужителей, выбираетъ изъ своей среды церковныхъ старостъ, для завѣдыванія хозяйствомъ храма отводитъ церкви земельныя угодья, содержитъ при церкви благотворительныя учрежденія въ формѣ стоявшихъ при церкви избъ и келій, гдѣ жили нищіе, питающіеся мірскимъ подаеніемъ

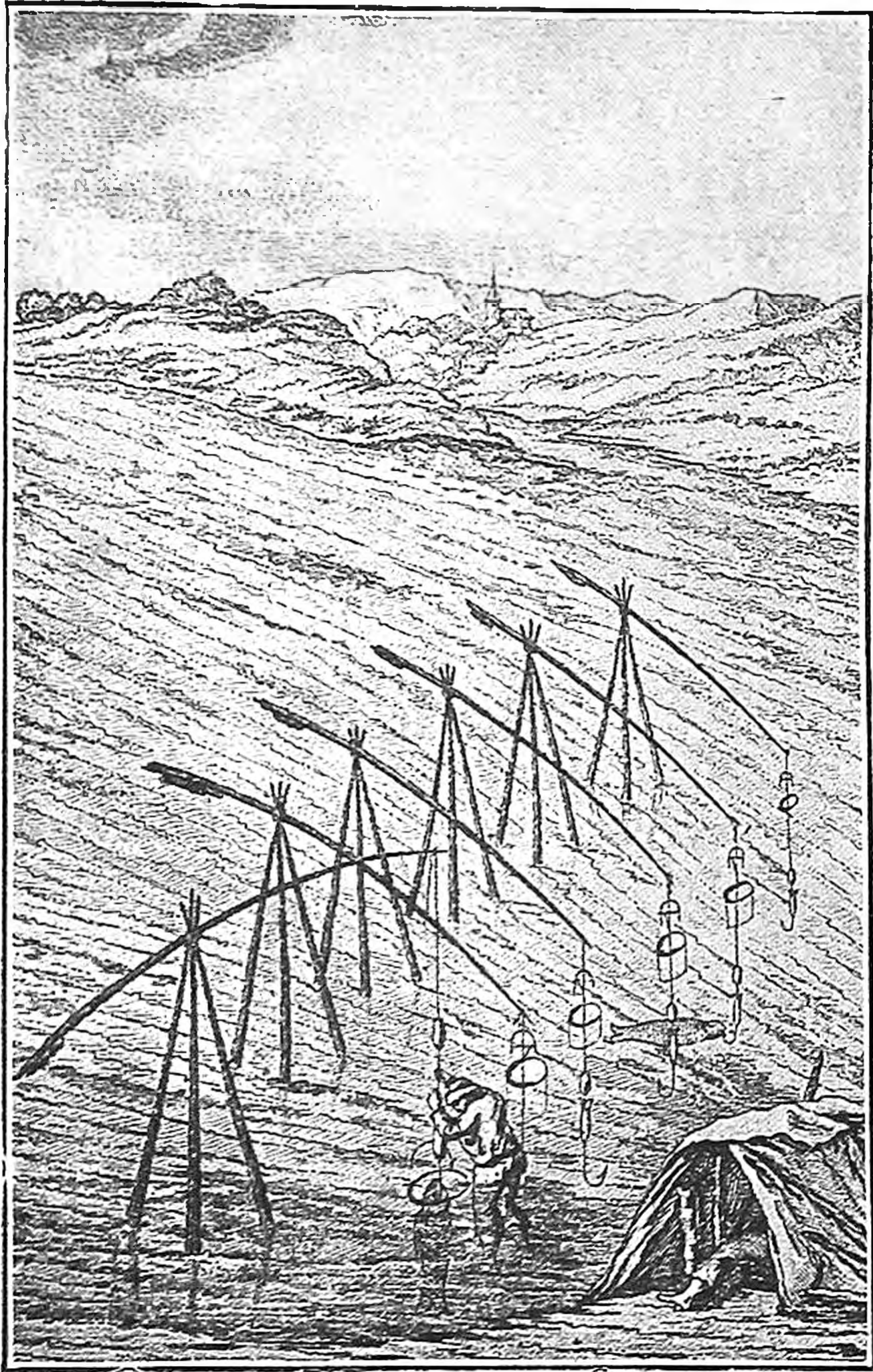

Рыбная ловля на Волгѣ, по рисунку 1778 г.

Въ XVI в. государство воспользовалось сложившейся мірской организацией, приспособляя ее для своихъ цѣлей и поручая ей полицейско-судебную и финансовую функціи. Мірамъ была предоставлена грамотами Грознаго помилка лихихъ людей и судебная расправа съ ними, а также и гражданская юстиція. На міры же возложенъ былъ и сборъ финансовъ, при чемъ въ XVI в. міры были освобождены отъ ближайшаго руководства въ этомъ дѣлѣ прежнихъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ: намѣстниковъ и волостелей. Въ осуществленіи этихъ двухъ функцій и заключалось самоуправленіе, данное крестьянскимъ мірамъ съвера Грознымъ

Волость не была послѣдней ступеню въ земской организаціи сѣвера. Нѣсколько волостей во главѣ съ посадомъ, а иногда и безъ посада, тамъ, гдѣ его не было, смыкаются въ уѣздные или, какъ ихъ называли въ XVII в., „всеуѣздные“ міры. Для осуществленія своихъ цѣлей и потребностей каждый мірской союзъ имѣлъ свои органы самоуправленія, одни изъ которыхъ служатъ выразителями воли міра, а другіе—исполнителями этой воли. Выразителемъ воли волостного міра служилъ волостной сходъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ деревень, избравшій для исполнительныхъ дѣйствій особую

Рыбная ловля на Волгѣ, по рисунку 1778 года.

земскую администрацію въ лицѣ волостныхъ старостъ, судеекъ, сотскихъ и другихъ болѣе мелкихъ чиновъ. Органомъ всеуѣзднаго міра былъ на сѣверѣ „всеуѣздный земскій совѣтъ“, состоявшій изъ депутатовъ отъ волостей и избравшій всеуѣздную земскую администрацію въ лицѣ всеуѣзднаго старосты.

Такимъ образомъ, поморское крестьянство XVII в. представляется въ видѣ сложной организаціи. Все оно сомкнуто въ многочисленные мелкіе и крупныя союзы, начиная складничествами изъ двухъ-трехъ членовъ и небольшими промышленными артелями, восходя затѣмъ до волостныхъ и уѣздныхъ организацій и до союза уѣздовъ въ охватывающія широкія пространства „земли“, какъ, напр.: Вятская земля, Пермская земля. Привычка общенія, замѣтная въ этой организаціи, создавалась у поморскаго крестьянства условіями его хозяйственной обстановки. Единичному лицу было не всегда подъ силу бороться съ препятствіями, которыя ставила хозяйственной эксплуатаціи суровая сѣверная

природа съ ея дѣвственными лѣсами и непроходимыми болотами. Высказывавшюся въ нашей исторической литературѣ мысль о томъ, что эта природа воспитывала въ великороссѣ склонность къ одиночеству, не слѣдуетъ доводить до крайности. Быть-можетъ, конечно, мракъ сѣвернаго лѣса, необъятная даль непривѣтливаго моря или унылая ширь сѣверной рѣки навѣвали на помора угрюмыя думы и развивали въ немъ способность къ сосредоточенію, налагая на него печать своей суровости. Но тѣ экономическія

писывалъ областной администраціи „сіе, яко главное дѣло, окончать въ семъ настоящемъ году безъ всякаго отлагательства“. Но дѣло шло крайне медленно, и подача сказокъ затянулась. Въ концѣ 1719 года Сенатъ принужденъ былъ объявить, что, несмотря на неоднократное повтореніе указа о сказкахъ подъ самыми суровыми угрозами, сказкамъ ниоткуда присылки нѣтъ. Петръ прибѣгъ къ своему обычному средству воздѣйствія на административную машину, разослалъ гвардейскихъ солдатъ по провинціямъ и приказалъ всѣхъ областныхъ правителей, не успѣвшихъ со сказками, „держать въ канцеляріяхъ на цѣпяхъ и въ желѣза скованныхъ“, не выпускаемая до тѣхъ поръ, пока не кончатъ этого дѣла. Однако въ январѣ слѣдующаго 1720 г. и онъ принужденъ былъ отложить срокъ подачи сказокъ еще на полгода. Только къ веснѣ 1721 г. былъ стянута переписной матеріалъ въ центральную канцелярію, учрежденную для сбора сказокъ въ Петербургѣ. Но этотъ матеріалъ оказался очень неисправнымъ. Въ сказкахъ стала обнаруживаться при ихъ разработкѣ огромная „утайка“ душъ, вызванная желаніемъ уменьшить податное бремя.

Это повело къ назначенію „ревизіи“, т. - е. пересмотра переписи. Въ маѣ 1721 г. провѣрка переписи была поручена губернаторамъ и воеводамъ; не успѣли губернаторы и воеводы приняться за эту задачу, какъ ревизія переписи организовалась совершенно инымъ образомъ. Въ разныя губерніи были разосланы генералы съ цѣлыми отрядами штабъ и оберъ-офицеровъ, снабженные очень обширными полномочіями. Между своими помощниками, офицерами, генералъ распредѣлялъ отдѣльныя провинціи или части провинцій, а они, въ свою очередь, рассылали по отдѣльнымъ городамъ своихъ подчиненныхъ болѣе низкаго ранга. Величина этихъ военныхъ отрядовъ, занятыхъ переписью, была настолько значительна, что возбуждала жалобы военнаго вѣдомства. Въ одной только небольшой Нижегородской губерніи было занято переписью 54 офицера и 207 нижнихъ чиновъ. Въ 1723 г.

Recis. Chez Hornet, rue S. Jacques.

au Cos. Avec privil.

Paysan de Livonie

C'est le portrait de celui qui a guidé l'armée de Charles XII. Roy de Suède par des forêts, et des rivières impraticables, lorsque ce Prince fit lever le Siège de Narva aux Moscovites, et vainquit sur eux cette fameuse bataille, dans laquelle avec huit mil hommes, il en défit quatre vingt mil. le 30. Novem. 1700

Ливонскій крестьянинъ (нач. XVIII в.).

французскій посланникъ Кампредонъ доносилъ своему правительству, что командиры полковъ почти всѣ заняты народной переписью. Въ 1724 году военная коллегія докладывала Сенату, что въ Низовомъ корпусѣ (вернувшемся изъ Персидской кампаніи), вслѣдствіе назначенія офицерскаго состава полковъ къ переписному дѣлу, офицеровъ при полкахъ остается очень мало, а въ нѣкоторыхъ полкахъ штабъ-офицеровъ и совсѣмъ никого нѣтъ. Въ рукахъ военныхъ комиссій ревизія переписи приняла тяжелый характеръ; комиссіи безпощадно расправлялись съ укрывателями душъ. За военнымъ переписчикомъ двигался по провинціи палачъ съ кнутомъ и висѣлицей, такъ какъ утайка наказывалась смертною казнью. Въ Великолуцкую провинцію ревизовать сказки въ августѣ 1722 г. былъ назначенъ полковникъ Стоговъ. Полковникъ вскорѣ же далъ почувствовать всему населенію провинціи свою тяжелую руку. „Будучи въ оной провинціи, — писалъ о немъ великолуцкій воевода, — чинилъ великія обиды, посылалъ многократно офицеровъ и при нихъ драгунъ и солдатъ по многому числу въ уѣзды въ шляхетскіе дома, и забирали днемъ и ночью порою дворянъ и женъ ихъ и привозили къ нему, Стогову, въ Луки и въ Торопецъ на ихъ лошадяхъ, и держалъ тѣхъ дворянъ и женъ ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ въ казармахъ многое время тако жъ забрано было отъ него, Стогова, людей и крестьянъ ста и по два и по три человекъ, и держались въ казармахъ въ лѣтнее теплое время многія числа подъ жестокимъ карауломъ, многихъ дворянъ пыталъ; также изъ людей и крестьянъ многихъ пыталъ же, отъ котораго его за карауломъ многого числа людей держанія, отъ тѣсноты и отъ жестокихъ его пытокъ, какъ шляхетства, такъ людей и крестьянъ безвременно многіе и померли. И отъ такихъ его, Стогова, обидъ, — добавлялъ воевода, — Великолуцкой провинціи обыватели пришли въ великій страхъ“. Въ концѣ своего донесенія Сенату воевода сообщаетъ цифры, ярко характеризующія обстоятельства, при которыхъ производилась перепись. „Отъ него, полковника Стогова, — сообщалъ воевода, — пытану и кнутомъ бито дворянъ 11, изъ нихъ умре одинъ; держано въ казармахъ дворянъ—7, изъ оныхъ отъ тѣсноты умре одинъ; дворянскихъ женъ и дочерей держано—6; людей и крестьянъ пытану и кнутомъ бито—71, изъ оныхъ умре—10; въ батоги бито людей и крестьянъ—14“. Въ селѣ Лопаткахъ, Воронежскаго уѣзда, однодворцы сельчане утаили при подачѣ сказокъ 11 душъ. Когда назначена была ревизія сказокъ генералитетомъ, они на сходѣ постановили утайки не открывать; со схода подъ предводительствомъ священника они отправились въ церковь, гдѣ, поцѣловавъ крестъ и Евангеліе, присягнули твердо держаться своего рѣшенія, при чемъ священникъ обратился къ нимъ съ увѣщаніемъ не выдавать другъ друга. Военная переписная комиссія, разслѣдовавъ дѣло, приговорила: попа Герасима, какъ возмутителя и презирателя указовъ, казнить смертною; девятирехъ изъ участниковъ схода сослать на каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей.

связи съ государствомъ. Въ общемъ подушная подать рѣзко раздѣлила русское общество на двѣ обширныя группы: служилую и податную. Все, что служило въ военной или гражданской службѣ, было свободно отъ подушной; все, что не служило, было обязано ее платить.

Подушная подать внесла замѣтную перемену также въ землевладѣльческое значеніе дворянства. Эта перемена заключалась въ томъ, что землевладѣльческое значеніе дворянства стало получать перевѣсъ надъ его служилымъ значеніемъ. Въ сборѣ такого важнаго налога, какимъ была подушная подать, дворянству была отведена очень значительная роль. Прежде всего помѣщикъ сталъ отвѣтственнымъ сборщикомъ подати. Уже давно вошло въ обычай,

Крестьянскій ужинъ. (Изъ Le Prince).

что помѣщикъ собиралъ подать со своихъ крестьянъ и платилъ ее въ казну. Теперь этотъ обычай былъ подтвержденъ закономъ. При введеніи подушной подати предписывалось дворянамъ платить за принадлежащія имъ крѣпостныя души. Вскорѣ былъ рѣшенъ и вопросъ объ отвѣтственности помѣщиковъ за исправный сборъ подати. Этимъ вопросомъ было заинтересовано само дворянство потому, что послѣдствіемъ такой отвѣтственности было расширение помѣщичьей власти надъ населеніемъ имѣній и избавленіе имѣній отъ всегда страшнаго вѣзда въ нихъ любостыжательныхъ чиновъ уѣздной администраціи. Отвѣтственность помѣщиковъ за податную исправность крѣпостныхъ получила ясное юридическое опредѣленіе уже послѣ Петра, въ законѣ 24 февраля 1727 г., который предписывалъ взыскивать недоимку съ крестьянъ на

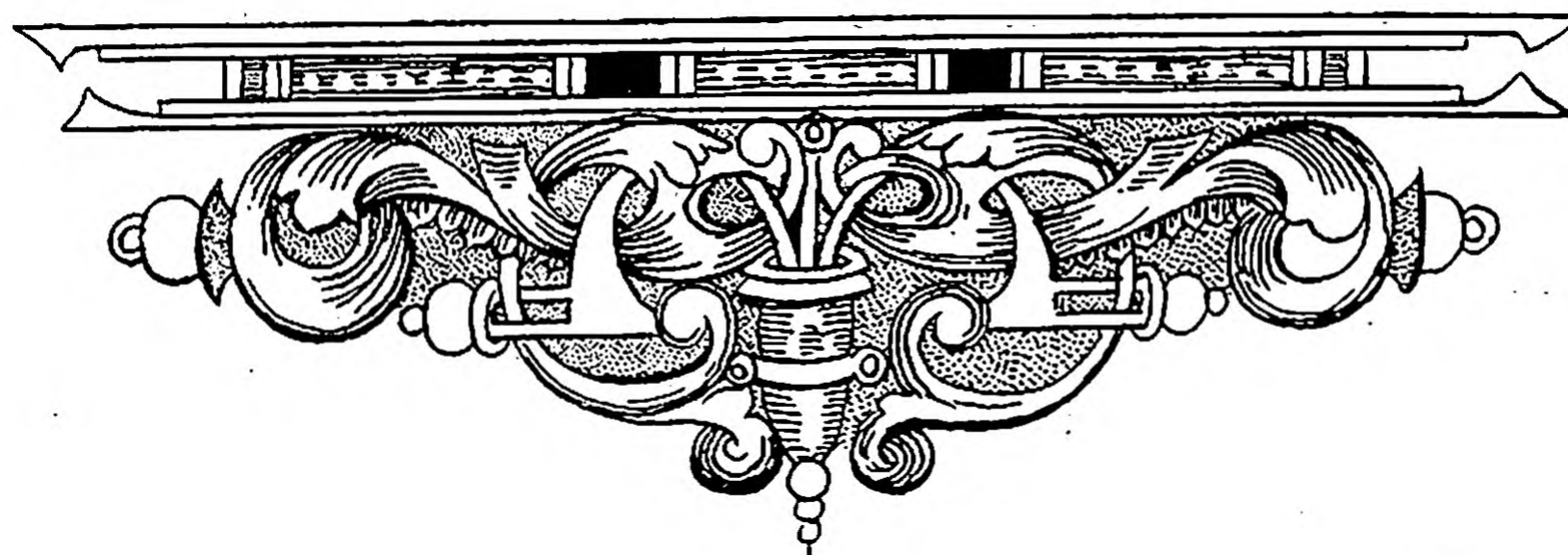
самихъ помѣщикахъ и ихъ приказчикахъ. Но ролью отвѣтственнаго сборщика подушной значеніе помѣщика не ограничивалось въ этомъ законодательствѣ, вызванномъ новою податью. Оно устанавливаетъ на помѣщика взглядъ, какъ на руководителя того самаго труда, который является источникомъ подати. Упомянутый законъ 24 февраля 1727 г., грозя взысканіемъ недоимокъ на помѣщикахъ, даетъ имъ положительное предписаніе заботиться о благоустройствѣ своихъ деревень, „приводить ихъ въ лучшее состояніе“ и смотрѣть за крестьянами, чтобы они также „приводили себя въ лучшее состояніе“ и готовили деньги для внесенія подушной подати. Крѣпостная зависимость отъ помѣщика признается хорошей гарантіей уплаты подушной, и, какъ мы видѣли, разнаго рода вольные люди обязаны были записаться за какимъ-нибудь помѣщикомъ, отвѣтственнымъ за уплату ими подати и руководителемъ ихъ труда. Итакъ, послѣ введенія подушной дворянинъ выходитъ изъ эпохи Петра съ новымъ значеніемъ. Недавній служилый чело-вѣкъ и военный защитникъ родной земли, онъ теперь становится отвѣтственнымъ сборщикомъ крестьянской подати и устройтелемъ хозяйственнаго благополучія своихъ крѣпостныхъ въ фискальныхъ цѣляхъ. Его значеніе, какъ хозяина-душевлдѣльца, растетъ въ то время, какъ его служилое значеніе, перейдя высшую точку напряженія при Петрѣ, начинаетъ падать. Съ введеніемъ регулярной арміи, пополнявшейся рекрутскимъ наборомъ изъ всѣхъ классовъ, его военная служба становится менѣе нужной, чѣмъ это было въ то время, когда дворянская конница составляла главную массу войска. Наоборотъ, его присутствіе въ деревнѣ, какъ сборщика подушной, становится болѣе нужнымъ, чѣмъ прежде, когда главнымъ источникомъ государственнаго дохода были не прямые, а косвенные налоги. Въ дворянинѣ землевладѣлецъ начинаетъ пересиливать воина, и этотъ перевѣсъ землевладѣльца надъ воиномъ сопровождается развитіемъ крѣпостнаго права.

Признаніе за дворяниномъ обязанностей сборщика главной подати и руководителя народнаго труда повлекло за собой попытку новой организаціи дворянства. Организація эта заключалась въ устройствѣ уѣздныхъ дворянскихъ корпорацій съ финансовой цѣлью. Разъ каждый помѣщикъ становился сборщикомъ казенной подати, было естественно призвать этихъ сборщиковъ къ болѣе широкому участию въ податномъ управленіи. Дворяне-помѣщики каждаго дистрикта, назначеннаго на содержаніе полка, должны были образовать корпорацію, на которую было возложено завѣдываніе податнымъ дѣломъ. Ежегодно дворяне должны были съѣзжаться въ штабный дворъ полка и избирать изъ своей среды особаго агента для сбора подати, такъ называемаго „комиссара отъ земли“, отвѣтственнаго предъ дворянскимъ съѣздомъ, которому давалось право судить и штрафовать комиссара. Самый сборъ подати комиссаръ долженъ былъ производить подъ наблюденіемъ и

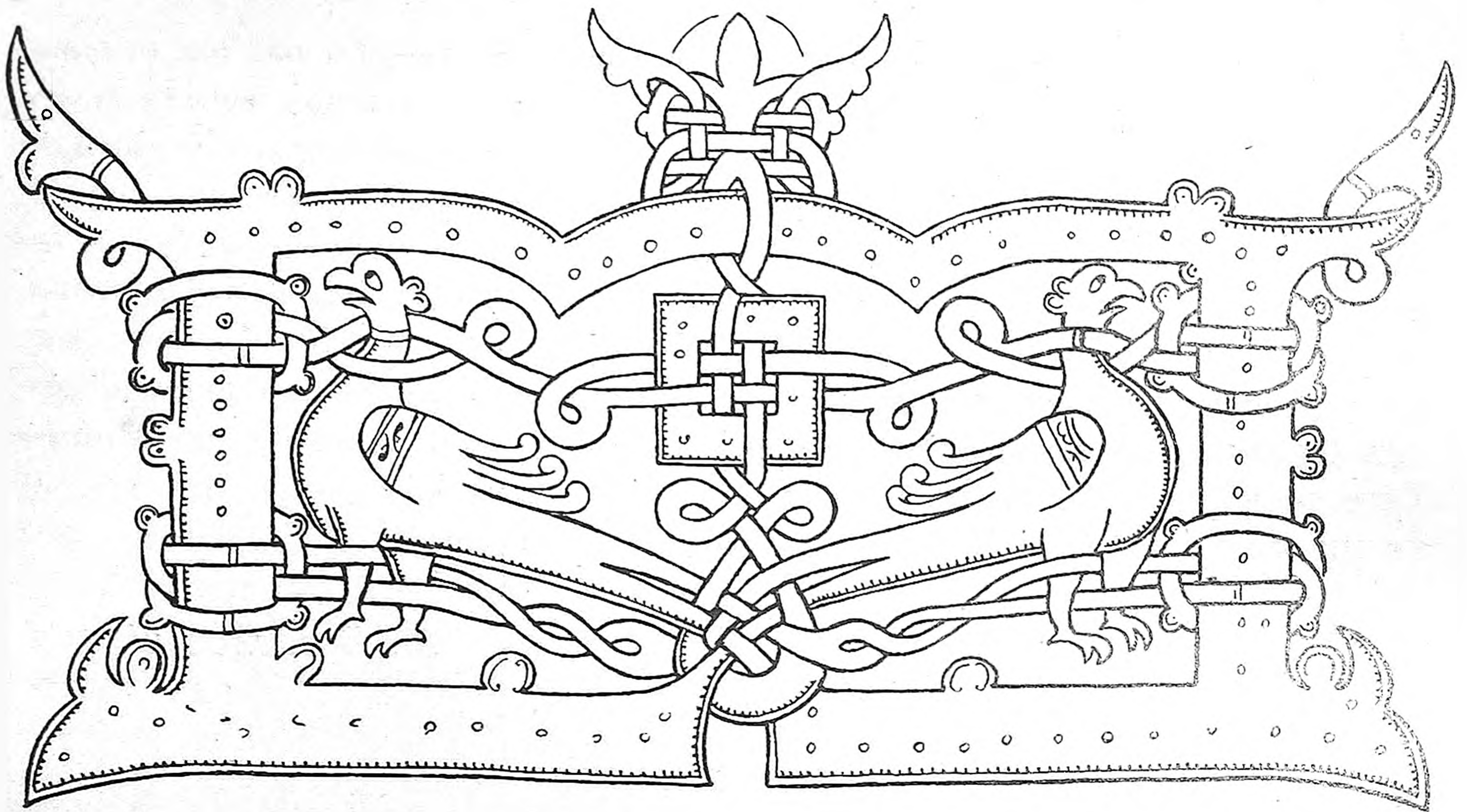

руководствомъ полкового начальства. Организація дворянства въ уѣздныя корпораціи не была сама по себѣ новостью, но новымъ былъ ея характеръ. Прежде, когда дворянинъ былъ, главнымъ образомъ, воиномъ, эти корпораціи имѣли военное значеніе. Дворяне каждаго уѣзда составляли уѣздныя полки, которыми выходили на войну. Теперь, когда эти дворянскіе полки стали ненужны и на дворянина устанавливался въ законѣ взглядъ, какъ на сборщика подати и хозяйственнаго руководителя его крѣпостныхъ, эти дистриктныя дворянскія общества получили государственно-хозяйственное значеніе, имъ было поручено избраніе финансовыхъ агентовъ и контроль надъ ними. Такимъ образомъ изъ военной корпораціи уѣздное дворянство дѣлалось финансовой организаціей для сбора подушной подати.

М. Богословскій.

Посошковъ о крестьянахъ.

Прив.-доц. М. В. Клочкова.

амѣчательный писатель петровскаго времени, Иванъ Тихоновичъ Посошковъ (родился въ 1652 или въ 1653 году, умеръ 1 февраля 1726 года), происходилъ изъ крестьянъ подмосковнаго дворцоваго села Покровскаго, которое въ настоящее время составляетъ часть самой Москвы. Крестьяне этого села, находясь въ вѣдѣнїи Оружейной палаты, работали на государевомъ дворѣ въ различныхъ мастерскихъ. Это обстоятельство опредѣлило и родъ дѣятельности Посошкова. Послѣ школьнаго возраста, когда онъ частью подъ руководствомъ другихъ, а больше путемъ самообразованія, научился не только чтенію и письму, но хорошо усвоилъ грамматику, познакомился съ математикой и прїобрѣлъ любовь къ чтенію книгъ духовнаго и историческаго содержания, Посошковъ поступилъ въ государевы мастерскія и тамъ прошелъ, такъ сказать, курсъ прикладныхъ наукъ; онъ прїобрѣлъ познанія въ оружейномъ дѣлѣ, иконописанїи, гравированїи и черченїи, но въ особенности былъ мастеромъ въ столярномъ ремеслѣ, чеканкѣ монетъ и винокуренномъ производствѣ, что дало ему возможность позднѣе занимать должности „устаннаго денежнаго дѣла мастера“ и „водочныхъ дѣлъ мастера“.

Посошковъ не былъ постояннымъ жителемъ Москвы; то благодаря службѣ, то занимаясь разными предпріятіями, онъ много путешествовалъ и жилъ въ разныхъ мѣстахъ: онъ содержалъ винокуренный заводъ въ Лихвенскомъ уѣздѣ (теперь Калужской губ.), бывалъ въ Алексинѣ, Черни, Мценскѣ, проѣзжалъ по степямъ, былъ въ Пензѣ, Ломовѣ, Инсарѣ и въ нѣкоторыхъ низовыхъ городахъ по Волгѣ; служилъ въ Новгородѣ, неоднократно пріѣзжалъ въ Петербургъ и даже въ 1717 году купилъ здѣсь домъ (по нынѣшней Церковной улицѣ). Путешествія и переѣзды расширили кругозоръ Посошкова, онъ многое видѣлъ на своемъ вѣку, внимательно наблюдалъ и надъ всѣмъ раздумывалъ по своей природной склонности.

Въ жизни его поражали и больно задѣвали темныя стороны старомосковскихъ порядковъ: неправосудіе, лицепріятіе, взяточничество, невѣжество, лѣнь и бѣдность народа, грубый эгоизмъ людей сильныхъ, разстройство церковной жизни, государственнаго хозяйства. Своимъ практическимъ умомъ Посошковъ доискивался способовъ устранить „неисправы“, улучшить жизнь, преобразовать ее. Увлеченный заботами царя и его сподвижниковъ о „нуждахъ всенародныхъ“, онъ рѣшилъ предложить правительству свои проекты о преобразованіяхъ. Здѣсь онъ выходилъ изъ такихъ соображеній: „Видимъ мы всѣ, — писалъ онъ, — какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанью немного: „онъ на гору аще

Эстляндская баба XVIII в. (Изъ Купфера).

и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то како дѣло его споро будетъ?“ А потому „потребно ему, государю, помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи государскія предлагать, и всякую истину доносить; а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно дѣло (ратное) управить“. Цѣль подобныхъ проектовъ та, чтобы путемъ преобразованій возвысить Россію, дабы „на весь свѣтъ славна Русь была“.

Выходя изъ такихъ убѣжденій, Посошковъ то самому царю, то его ближайшимъ сотрудникамъ подавалъ разныя доношенія и проекты, предлагалъ совѣты практическаго свойства о ратномъ дѣлѣ, сѣрномъ приискѣ, о „новоначинающихся деньгахъ“ (о мелкой серебряной монетѣ), объ учрежденіи учи-

лищъ. Мечталъ Посошковъ устроить и церковныя дѣла, предлагая разнымъ мѣры въ своемъ обширномъ трудѣ „Завѣщаніи отеческомъ“, а еще раньше въ „Зеркалѣ очевидномъ“, направленномъ противъ старообрядцевъ. Но среди сочиненій Посошкова по богатству и разнообразію содержанія, по широтѣ замысловъ первое мѣсто занимаетъ „Книга о скудости и богатствѣ“¹⁾ (писалась она съ 1721 по 1724 г.). Въ ней авторъ предлагаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ, по его мнѣнію, къ полному обновленію Россіи „какъ въ духовности, такъ и въ гражданствѣ“. Говоря въ своей книгѣ о духовенствѣ и церковныхъ дѣлахъ, о ратномъ дѣлѣ, правосудіи, о купечествѣ, торговлѣ, ремеслахъ и о царскомъ интересѣ, Посошковъ видное мѣсто отводитъ въ ней простому народу, добрая четверть ея сообщаетъ о крестьянахъ и помѣщикахъ, о налогахъ и податяхъ и о мѣропріятіяхъ къ подъему благосостоянія крестьянской массы. Съ этой стороной его работъ мы и познакомимся подробно.

Въ своихъ предположеніяхъ о крестьянахъ Посошковъ выходилъ изъ критики современныхъ ему порядковъ, а также изъ нѣкоторыхъ общихъ предпосылокъ. Основная его мысль была та, что „богатство“ самымъ тѣснымъ образомъ соединено съ „правдой“, что всенародное обогащеніе возможно лишь при такихъ общественныхъ и государственныхъ порядкахъ, когда въ судѣ и управленіи не будетъ лицепріятія, „древностной неправды“ (неправосудія), „нездорового разсужденія“ и явныхъ злоупотребленій. Опредѣляя богатство народное, Посошковъ съ большимъ талантомъ и ясностью, замѣчательной для того времени, убѣждаетъ, что государственное богатство состоитъ не въ деньгахъ, не въ „царскихъ сокровищахъ“, а въ благосостояніи народномъ. „Не то царственное богатство,—говоритъ онъ,—еже въ царской казнѣ лежащія казны много, ниже то царственное богатство, еже синклитъ Царскаго Величества въ златотканыхъ одеждахъ ходить, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внѣшними одежды или позументнымъ украшеніемъ“. Отсюда естественно, „въ коемъ царствѣ люди богаты, то и царство то богато; въ коемъ царствѣ люди будутъ убоги, то царству тому не можно слыть богатому“. При такомъ положеніи задача правителя та, чтобы блюсти не однихъ только, „великородныхъ и военныхъ“, но „такъ и купечество и крестьянство“, а въ особенности по-

---

¹⁾ Эту книгу Посошковъ предназначалъ для подачи государю; точно неизвѣстно, дошла ли она до Петра, такъ какъ Петръ вскорѣ послѣ окончанія Посошковымъ своей книги умеръ. Въ заключительныхъ строкахъ книги Посошковъ просилъ государя, чтобы имя его было скрыто отъ людей сильныхъ «любителей неправды», предполагая, что если они узнаютъ о его «мизерности», то «прекратятъ животь его». Предчувствіе Посошкова сбылось: 26 авг. 1726 г. онъ былъ взятъ въ тайную канцелярію, заключенъ подъ стражу и обвиненъ въ «важной криминальной винѣ», которая, очевидно, заключалась въ написаніи «Книги о скудости и богатствѣ». Посошковъ и умеръ подъ стражей.

слѣднее, такъ какъ по мысли, повторенной Посошковымъ нѣсколько разъ, „крестьянское богатство царственное, а нищета крестьянская—оскудѣніе царственное“. Народное богатство даетъ возможность „наполнить“ царскую казну „сокровищами со излишествомъ“, лишь бы сборъ былъ по силамъ и царства „не разорялъ“. Какъ же устроить крестьянъ, чтобы они были „богаты“ „домовыми внутренними своими богатствами“, имѣли достатокъ и платили бы подати въ казну бездоимочно?—На это отвѣчаютъ, главнымъ образомъ, седьмая и восьмая главы „Книги о скудости и богатствѣ“

„Крестьянское житіе,—пишетъ Посошковъ,—скудно“; скудно оно, „отъ своея ихъ лѣности“, „отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія“. Для подъема же благосостоянія крестьянъ прежде всего слѣдуетъ отдѣлать крестьянскія земли отъ помѣщичьихъ, дать крестьянамъ въ достаточномъ количествѣ на каждый дворъ пахотной земли, сѣнокоса и лѣсныхъ угодій; надѣлъ на дворъ крестьянскій долженъ быть таковъ, „чтобы ему (крестьянину) мочно было на всякой годъ высѣять ржи 4 четверти, ярового 8 четвертей, а сѣна накосить ему про себя 20 копенъ“; въ другомъ мѣстѣ своей книги Посошковъ опредѣляетъ, что на каждый дворъ слѣдуетъ отвести усадебной земли 600 или 720 кв. саж. (12 саж. ширины и 50 или 60 длины), пахотной—„четыре четверти въ полѣ, а въ дву по тому жъ“, т.-е. пахотной земли всего въ трехъ поляхъ 12 четвертей или 6 десятинъ (сѣнокосъ и лѣсныя угодья Посошковымъ въ четверти не переложены). Но крестьянинъ можетъ сидѣть и на половинѣ двора, четверти его и даже одной шестой съ соотвѣтствующимъ количествомъ земли и угодій; это зависитъ отъ того, „могутенъ“ ли онъ, „семьянистъ и лошадистъ“ или „убогъ и маломоченъ“.

На отведенной подъ усадьбу землѣ Посошковъ, прилагая въ образецъ планъ, совѣтуетъ поселить крестьянъ „гнѣздами“, въ такомъ порядкѣ: два двора рядомъ, затѣмъ промежутокъ, ничѣмъ не застроенный, снова два двора, и пустое мѣсто и т. д.; улицы тоже „сдѣлать широкія“, по 30 саж. въ ширину, а гдѣ мѣсто не позволяетъ, то нѣсколько уже, но никакъ не меньше 20 сажень. Такой порядокъ расселенія, уничтожая скученность деревень,

Ингерская крестьянка XVIII в.
(Изъ Купфера).

опасную въ пожарномъ отношеніи, предохранить крестьянъ отъ разоренья, „понеже,—поясняетъ онъ,—отъ тѣсноты крестьянство вельми разоряется“: „въ тѣснотѣ еще у кого одного загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ; при расселеніи же по вышеуказанному плану, если у кого загорится дворъ, то „сосѣди не кинутся за уборомъ домовъ своихъ, но всѣ будутъ отнимать у того, у кого загорѣлось“.

Получивъ землю, крестьянинъ долженъ крѣпко держаться за нее и за тѣ промыслы, которые связаны съ земледѣліемъ. Здѣсь Посошковъ даетъ рядъ практическихъ совѣтовъ, какъ вести хозяйство, промыслы, чтобы и прибыль имѣть и природныхъ богатствъ не расхищать. При рубкѣ лѣса, напр., крестьяне должны поступать осмотрительно, строевой лѣсъ не рубили бы на дрова, молодой берегли до того времени, пока онъ подрастетъ; а гдѣ лѣсу нѣтъ, то совѣтовалъ сѣять лѣсъ и бережно хранить его отъ пожара и отъ порубки. Послѣдняя мысль о разведеніи лѣса замѣчательна для того времени.

Когда собираютъ орѣхи, то „многіе,—по словамъ Посошкова,—щиплютъ ихъ захватъ и соспѣть отнюдь не даютъ, и тѣмъ они прочихъ своихъ сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ нихъ не наживаютъ“. Поэтому „не худо бы учинить и заповѣдь, чтобъ никто прежде Семенова дня ихъ не щипалъ, но дали бы имъ созрѣть, чтобъ ядра наполнились“; да и послѣ Семенова дня собраніе орѣховъ должно происходить по рѣшенію міра съ „общаго совѣту“ и по „волѣ сотскаго“. Такимъ путемъ будетъ охраняться не только частный интересъ, но и государственный: „въ спѣлыхъ орѣхахъ есть и царственная прибыльца, понеже идутъ они въ иныя земли“.

Подобный запретъ, по мысли Посошкова, слѣдуетъ учинить и о рыбной ловлѣ: чтобы никто подъ видомъ „снятковъ“ не ловилъ и тѣмъ не переводилъ мелькой рыбы, плотичекъ, язиковъ, окуньковъ и щучекъ“, какъ дѣлали въ то время во многихъ мѣстахъ. „Если и въ скотѣ телятъ пріѣсть молодыхъ, то ни быковъ ни коровъ не будетъ“, „еще малую рыбу выловить, то большой неоткуда вѣзаться будетъ“. Когда же будетъ изданъ запретительный указъ, то „года въ 3 или 4,—выражаетъ увѣренность авторъ,—рыбы такъ умножится, что весь народъ рыбою насытится“, „въ продажѣ рыбы будетъ великое множество“, и она „вдвое или втрое“ станетъ дешевле.

При веденіи крестьянскаго хозяйства Посошковъ рекомендуетъ постоянный напряженный трудъ. „Крестьянину,—читаемъ у него,—надлежитъ лѣтомъ землю управлять неоплошно, а зимой въ лѣсу работать, что надлежитъ про домашній обиходъ или на люди, отъ чего бы какой себѣ прибытокъ учинить“. При постоянной работѣ „крестьянинъ никогда весьма не оскудѣетъ“, а потому помѣщикамъ рекомендуется „смотрѣть за крестьянами своими, чтобъ они, кромѣ недѣльныхъ (воскресныхъ) и праздничныхъ дней, не гуляли, но всегда бѣ были въ работѣ“; а если какой крестьянинъ „станетъ

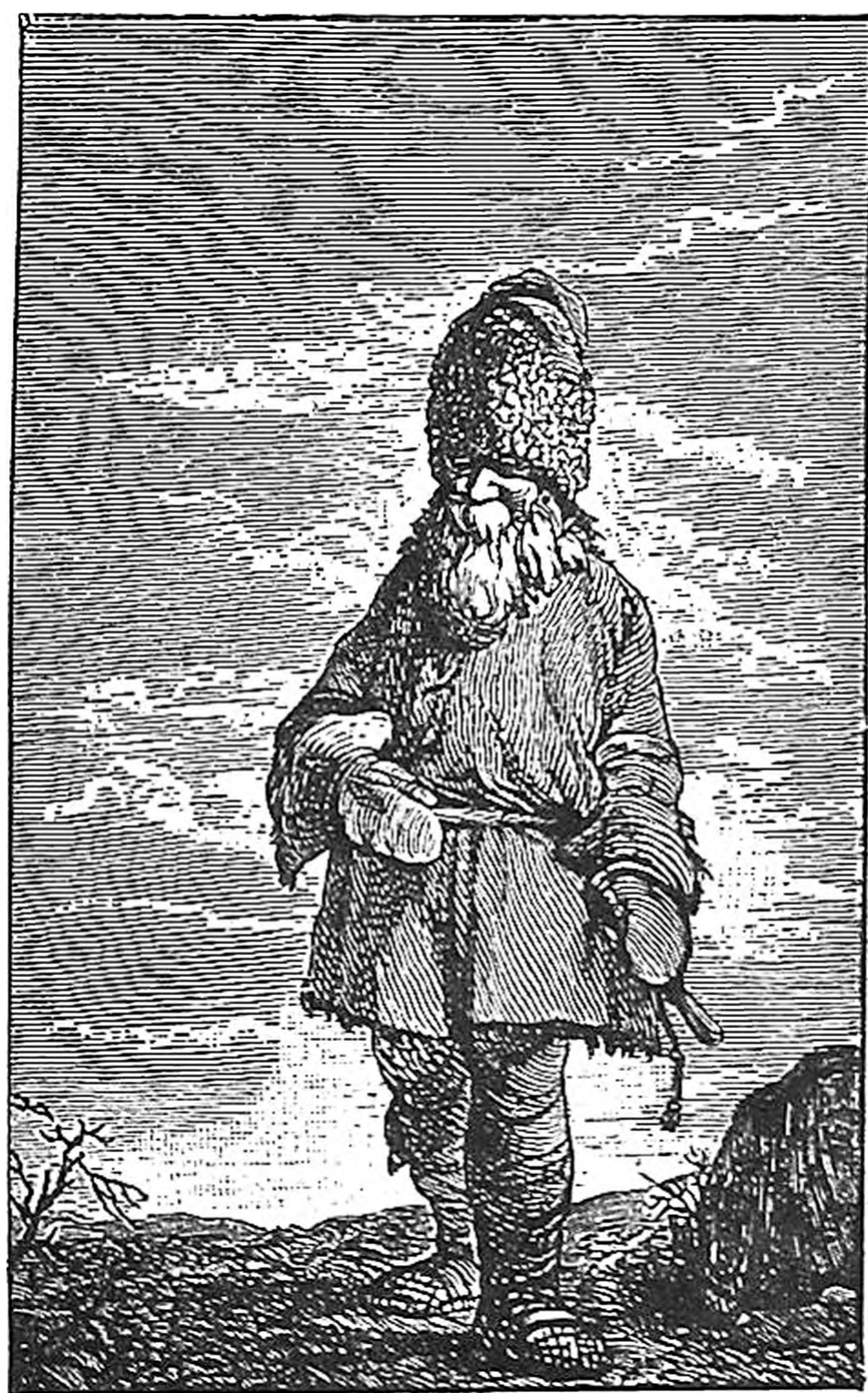

лежбачить, то бы таковыхъ жестоко наказывали, понеже коей крестьянинъ изгумается, въ томъ уже пути не будетъ, но только уклонится въ разбой и во мнѣя воровства“.

Посошковъ, какъ человѣкъ хозяйственнаго расчета, очень дорожитъ временемъ и готовъ принимать строгія мѣры не только противъ лѣности взрослыхъ, но и противъ того, чтобы дѣти оставались безъ дѣла. По его мысли слѣдуетъ „накрѣпко заказать, чтобы никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ ни зимой, не токмо большіе, но и малые ребята даромъ не шатались бы, но оныя учились бы грамотѣ, а иные рукодѣлю, которое водится во крестьянѣхъ“; если кто „въ юности навикаетъ работать,—поучительно замѣчаетъ авторъ,—то и подъ старость гулякомъ не будетъ“.

Переходя къ вопросу объ отношеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, Посошковъ такъ рисуетъ тогдашніе порядки: „Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобь носимыя, ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ своимъ одинаго дня, ежебы ему на себя что сработать; и тако пахотную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ; или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянство въ нищету прогоняютъ; и который крестьянинъ станетъ мало-мало посылѣе быть, то на него и подать прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ, и многіе дворяне говорятъ: крестьянину де не давай обрасти, но стриги его, яко овцу, догола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ“.

Въ этомъ нѣсколько преувеличенномъ изображеніи была значительная доля правды. Извѣстны факты, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ работали на нихъ по 4 дня въ недѣлю, а иногда и „безпрестанно“, что помѣщики обременяли крестьянъ оброками и разными поборами. Воеводская инструкция 1719 г. сообщаетъ, что среди помѣщиковъ есть такіе „непотребные люди“, которые, „налагая на крестьянъ несносныя тягости“, „разоряютъ“ ихъ. Такіе случаи возможны были потому, что ни Уложенъе, ни послѣдующее законодательство не опредѣляло поборовъ съ крестьянъ и ихъ работъ. Впро-

Крестьянинъ XVIII в.
Съ гратюры Дальстона.

чемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что случаи изнуренія крестьянъ работами и поборами не были широко распространены, даже въ пору наибольшаго развитія крѣпостного права, при Екатеринѣ II, обычной была трехдневная барщина, и оброкъ взимался по силамъ крестьянскимъ.

Указавъ на тяжесть крестьянскихъ повинностей, Посошковъ, не касаясь существа крѣпостного права и не имѣя въ виду освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, приходилъ къ замѣчательной мысли, что необходимо закономъ опредѣлить, какія повинности крестьяне должны отбывать на помѣщиковъ. Здѣсь онъ выходилъ изъ такихъ соображеній: „Крестьянамъ

„Чухонскій“ крестьянинъ XVIII в.
(Изъ кн. Куцфера).

помѣщики—невѣковые владѣльцы“, „они владѣютъ (крестьянами) временно“, „а прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ“. А потому „царю, паче помѣщиковъ, надлежитъ крестьянство беречь“ и „царскимъ указомъ хранить, чтобъ крестьяне крестьянами были прямыми, а не нищими, понеже крестьянское богатство — богатство царственное“.

Для опредѣленія работъ и сборовъ съ крестьянъ, по мысли Посошкова, помѣщики, какъ „высокіе господа, тако и мелкіе дворяне“ должны собраться и съ „общаго совѣту и съ доклада Его И. В—ву“ установить въ оброчныхъ имѣніяхъ количество оброка и столовыхъ запасовъ, въ барщинныхъ — „по колику дней въ недѣлю на помѣщика своего работать и иного какого сдѣла дѣлать“; также опредѣлить и подводы, которыя поставляются крестьянами; вообще „всякіе крестьянскіе поборы“ и работы на

помѣщика должны быть точно изложены и царскимъ указомъ утверждены. Размѣръ повинностей каждаго крестьянина нужно опредѣлить въ прямой зависимости отъ того количества земли, какое имѣетъ крестьянинъ, и поборы исчислять по цѣлымъ дворамъ, но если кто сидитъ на полдворѣ или на четверти двора, то и поборы взимать пропорціонально этому.

При отдѣленіи повинностей слѣдуетъ выходить изъ принципа распределенія продуктовъ крестьянскаго труда на три части: на самого крестьянина, на помѣщика и на государство, и положеніе сдѣлать въ такомъ родѣ, „чтобъ имъ (крестьянамъ) сносно было государеву подать и помѣщику заплатить и себя прокормить безъ нужды“. Для огражденія крестьянъ поручить судьямъ

надворъ за помѣщиками, чтобы они, помѣщики, „на крестьянъ излишняго сверхъ указу ничего не накладывали и въ нищету бы ихъ не приводили“. А если „кой помѣщикъ будетъ на крестьянъ своихъ налегать и наложить сверхъ указнаго числа или излишнюю работу наложить“, то по суду „у такого помѣщика тѣхъ крестьянъ отнять на государя и землю“ отнять же, „на что смотря, и самый ядовитый помѣщикъ сократитъ себя и крестьянъ разорять не станетъ“.

Что касается государственныхъ податей, то здѣсь Посошковъ предлагаетъ измѣнить единицу обложенія. Его проектъ нѣсколько запоздало отвѣчаетъ правительственнымъ исканіямъ новой единицы обложенія, чѣмъ было занято правительство въ 10-хъ годахъ XVIII в. Критикуя прежнюю систему обложенія, подворную, Посошковъ указываетъ на ея неопредѣленность, неравномѣрность и легкую при ней возможность злоупотребленій. Такъ неизвѣстно, что считать за дворъ, „ворота да городьбу“ или „дымъ избный“. Благодаря этому, „сильные помѣщики“ въ переписныхъ книгахъ, по которымъ подати распределяются, пишутъ въ одинъ дворъ дворовъ по 5, 6 и даже по 10, такимъ легко и жить; люди средній могутъ— двора по 2, по 3 соединяютъ въ одинъ, одними воротами ходятъ, подати платятъ съ 2—3 дворовъ, какъ за одинъ, оттого и крестьянамъ ихъ „не весьма тягостно“, а у бѣдныхъ и безпомощныхъ помѣщиковъ „всѣ двory пишутъ цѣлыми дворами“ и отъ такого порядка тѣи крестьяне отъ несносныхъ поборовъ во всеконечную нищету приходятъ“.

Во время написанія „Книги о скудости и богатствѣ“ произошла перемѣна въ обложеніи: подати съ 1724 г. стали собирать не по дворамъ, а по головамъ, по душамъ мужескаго пола, занесеннымъ въ ревизскія сказки. Эта реформа Посошкову не внушаетъ довѣрія по своей непригодности. „Въ счисленіи душевномъ,—пишетъ онъ,—не чаю я проку быть, понеже играетъ онъ словами, душа—вещь неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая, надлежитъ цѣнить вещи группованныя“; подать подушную онъ называетъ „душегубствомъ“.

Послѣ критики Посошковъ предлагаетъ свой проектъ, онъ совѣтуетъ брать подати не со двора, не съ души, а съ земли. „Землю,—поясняетъ онъ,—

„Чухонская“ крестьянка XVIII в.
Изъ кн. Купфера).

сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе земли аще и переходятъ изъ рукъ въ руки, обаче она стоитъ недвижимо; того ради и поборъ аще съ нея учинить, можетъ онъ недвижимъ быть и состоятеленъ онъ будетъ“, а по сравненію съ подушнымъ сборомъ земельный налогъ „тверже“ и „вельми постояненъ и прибыленъ будетъ“.

Ради новаго расположенія слѣдуетъ произвести генеральное размежеванье земель¹⁾ съ точнымъ обозначеніемъ границъ владѣнія, переписать крестьянскіе дворы, указывая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сидитъ ли крестьянинъ на цѣломъ дворѣ, полудворѣ, четверти или осьмушкѣ (смотря по количеству земли, находящейся въ его владѣніи); а затѣмъ установить, сколько слѣдуетъ брать государевыхъ податей со двора, съ полудвора и т. д. по землѣ такъ же, какъ и помѣщичьи поборы по землѣ же берутся. А чтобы не было утайки и злоупотребленій при переписи, чтобы помѣщики не называли дворы полудворами, а полудворы—четвертями, слѣдуетъ установить полное соответствіе между государевыми податями и помѣщичьими поборами: если, напр., подать въ казну дается съ полудвора, то и помѣщикъ долженъ получать свои доходы съ полудвора же, не больше, благодаря чему помѣщикамъ совсѣмъ невыгодно будетъ писать цѣлые дворы полудворами, что лишило бы ихъ доброй половины доходовъ. Кромѣ того, виновные въ утайкахъ и злоупотребленіи должны быть строго наказываемы.

Благодаря такому новому расположенію, по расчету Посошкова, съ земли каждаго двора „сойдетъ“ въ казну по 3—4 рубля вмѣсто 8, приходившихся на каждый дворъ при прежнемъ подводномъ порядкѣ обложенія, крестьяне въ податяхъ будутъ уравнины, ни убогому ни богатому обиды не будетъ, и государева казна наполнится съ преизлишествомъ. Составитель проекта предполагаетъ, что осуществленію его идеи „сильные люди“ „будутъ препятіе чинить“, но онъ увѣренъ, что царь своею властью „переломитъ ихъ древнее упрямство“.

Отъ поборовъ и притѣсненій помѣщичьихъ, отъ государевыхъ податей и рекрутскихъ наборовъ крестьяне бѣжали въ степи, въ понизовые города, Сибирь, въ Польшу и Литву, а иногда скрывались и въ ближайшихъ уѣздахъ. Отъ бѣглыхъ „умножались воровства и разбой“. Пресѣчь бѣгство, уничтожить разбой—было давнишней заботой правительства, которое посылало сыщиковъ, отправляло воинскія команды для ловли бѣглыхъ и разбойниковъ, издавало многочисленные указы, но все было безуспѣшно. Посошковъ разбираетъ

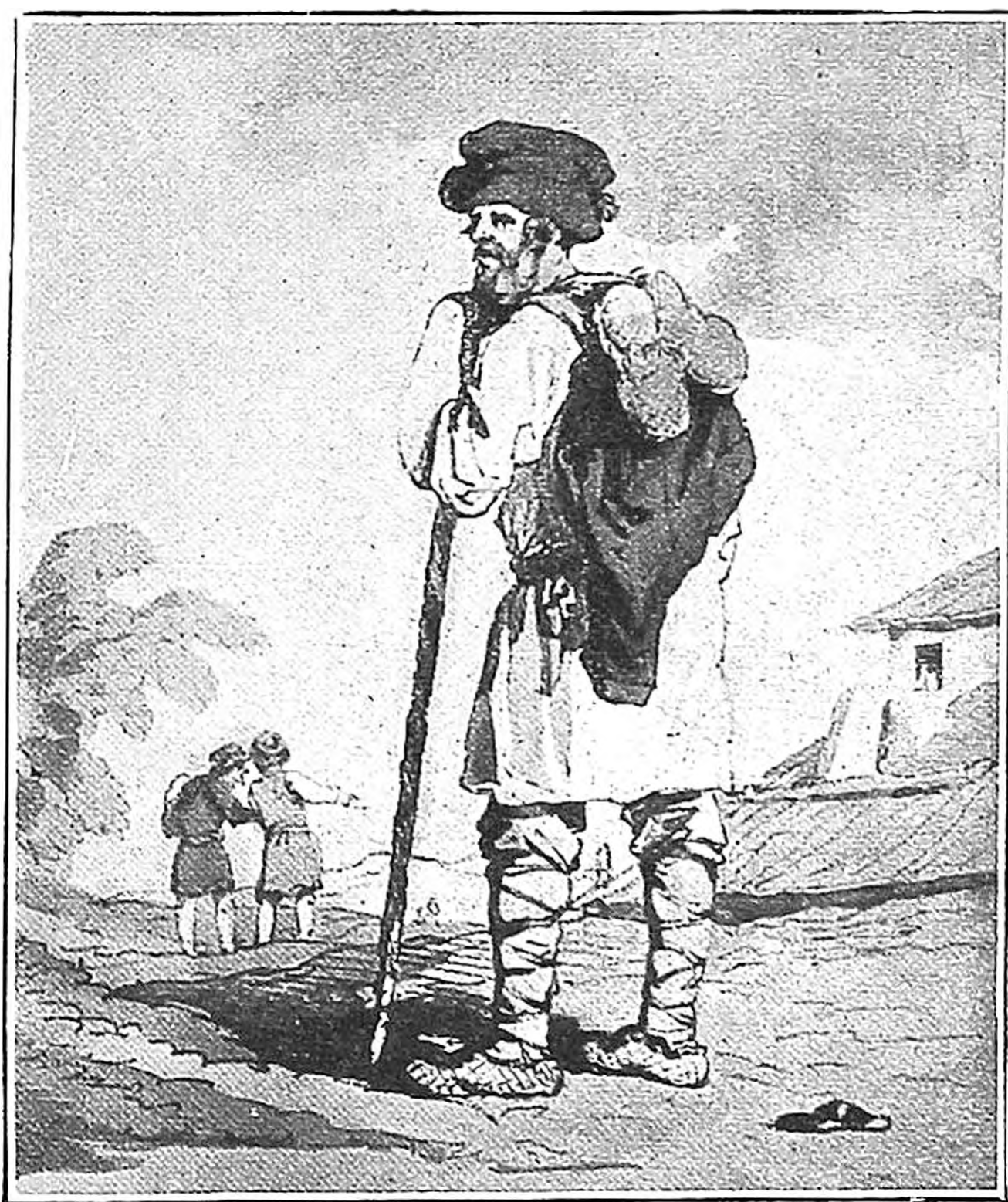
---

¹⁾ Этому вопросу Посошковъ удѣляетъ большое вниманіе и даетъ рядъ совѣтовъ, какъ устроить межевое дѣло, какъ пользоваться природой мѣста и компасомъ при обозначеніи межъ; описать и обмежевать предлагаетъ земли всего государства, какъ крестьянскія, такъ помѣщичьи и государственныя. Генеральное межеванье у Посошкова связано съ поземельнымъ налогомъ, такъ какъ онъ предлагаетъ обложить не только земли крестьянъ, но и земли помѣщиковъ, взимая съ послѣднихъ съ пахотной земли по 8 коп. въ годъ за десятину, съ сѣнокосной—по 6, съ лѣсной—по 4, съ болотной—по 2 коп. за десятину же.

прежніе указы о бѣглыхъ и находить дѣйствующій законъ „смѣху достойнымъ“, такъ какъ онъ жестоко обрушивается лишь „на однихъ маломочныхъ“, но мирволить „сильнякамъ“, „высокимъ персонамъ“, у которыхъ бѣглые живутъ, никого не боясь; „хотя помѣщикъ и увѣдаетъ, то развѣ изъ подъ руки на нихъ посмотреть, а взять и помыслить нельзя“, а „воеводы въ такія вотчины и посыльщиковъ посылать не смѣютъ“.

Посошковъ, недовольный прежними указами, самъ возвращается въ кругу тѣхъ же мѣръ; онъ безсиленъ предложить что-либо новое и прибѣгаетъ къ той же самой, уже оказавшейся непригодной, системѣ запретительныхъ указовъ; онъ настаиваетъ, чтобы былъ изданъ указъ „прямъ“, „единоравенъ“ какъ для богатыхъ, такъ и для убогихъ, — указъ такого рода: всѣхъ бѣжавшихъ и пришлыхъ, хотя бы за 50 лѣтъ и больше, съ имуществомъ ихъ возвращать, безъ платежа штрафныхъ денегъ, старымъ помѣщикамъ добровольно, подъ угрозой суроваго наказанія за неисполненіе, на что дать годъ сроку, а послѣ году за пріемъ бѣглыхъ назначить строжайшее наказаніе какъ самимъ помѣщикамъ, всѣмъ безъ различія, такъ и старостамъ, сотскимъ и приказчикамъ. Кромѣ того, онъ предполагалъ и противъ бѣгства установить паспортную систему, о чемъ будетъ сказано ниже.

Крестьянинъ XVIII в. (по Аткинсону).

Отъ бѣглыхъ Посошковъ переходитъ къ ворами и разбойникамъ, отъ которыхъ „крестьянству чинится великое разореніе“. „Нынѣ,—пишетъ онъ,—такъ діаволъ ихъ умножилъ, аще кой крестьянинъ хотя десятковъ 5—6 наживетъ, а воры ближніе, то увѣдавъ, пришедъ на дворъ, да и совсѣмъ его разорятъ, и допытываясь денегъ многихъ до смерти замучиваютъ; а сосѣди все слышатъ и видятъ, да боятся изъ дворовъ своихъ выйти, „и сосѣда своего отъ разбойниковъ не выручаютъ“. Ради охраненія отъ такой гибели и разоренья слѣдуетъ издать „новостный указъ крѣпкій“, чтобы сосѣди подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія сбѣгались на помощь и отбивали сосѣда; затѣмъ въ судѣ ворами и разбойникамъ не давать потачки, дѣла о нихъ скоро вершать и даже „за старыя вины смерти предавать безъ спуска и безъ отлагательства“.

Мѣрой предупрежденія противъ разбоевъ Посошковъ считалъ строгую паспортную систему. Въ этомъ отношеніи онъ въ согласіи съ петровскимъ законодательствомъ и съ правилами, предлагавшимися такими видными лицами, какъ Волинскій (въ Инструкціи дворецкому отъ 1725 г.) и Татищевъ (въ его „Экономическихъ запискахъ“), предлагалъ установить строжайшій надзоръ за крестьянами. Онъ совѣтуетъ „установить сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ“, которые имѣли бы неослабный надзоръ за своими подчиненными, чтобы тѣ безъ вѣдома ихъ „никуда никто не ѣздили и ночью по-

Крестьянка XVIII в. (по Аткинсону).

рой изъ домовъ своихъ не сходили бы“; а если крестьяне предполагали отправиться въ деревню или городъ дальше 10 верстъ, то, кромѣ разрѣшенія, они должны брать письменный отпускъ. „Письменными отпусками,—полагаетъ Посошковъ,—весьма разбой останются, потому что разбойники не изъ воды выходятъ, но изъ тѣхъ же селъ и деревень“. А потому онъ предлагаетъ установить регистрацію всякихъ отлучекъ, отпуска выдавать сотскимъ и пятидесятскимъ за своими печатями, съ занесеніемъ въ особую книгу; на мѣстѣ пріѣзда крестьянинъ, взявшій отпускъ на долгое время, долженъ предъявить его тамошнимъ властямъ. Безъ такого вида нигдѣ проѣзжихъ и прохожихъ не принимать; „надлежитъ, указъ жестокой сотскимъ и пятидесятскимъ и десятскимъ предложить, чтобы они, нарядовые кре-

стьяне — ни по какому образу никакого человѣка — ни бѣльца, ни чернца, ни нищаго — безъ такового отпуска на дворъ не токмо ночевать, но и погрѣться отнюдь не пускали; а кто понахалится, то тѣхъ бы хватали да къ суду отсылали“

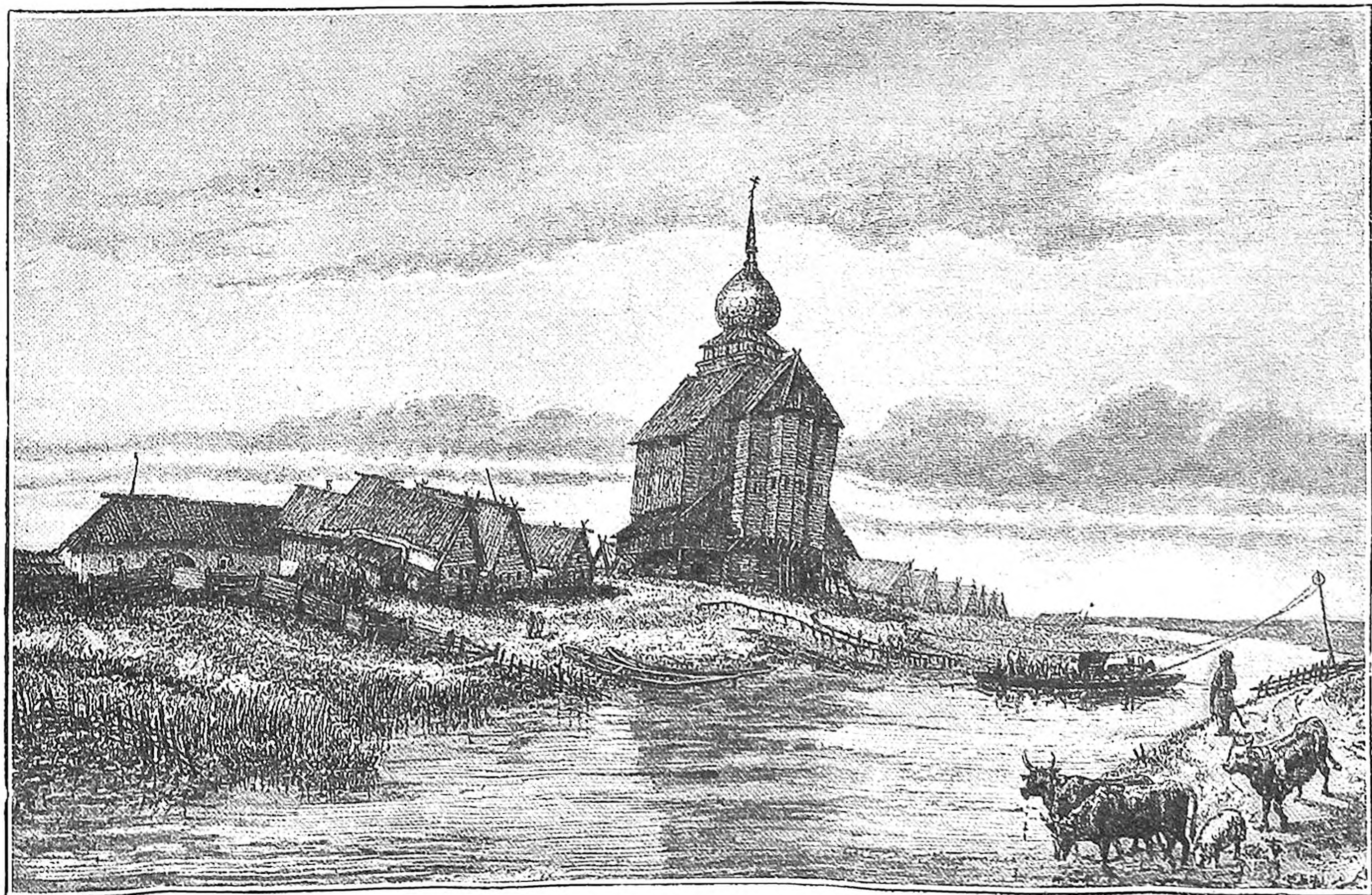
Крестьяне, благодаря паспортной системѣ, благодаря надзору надъ ними со стороны помѣщиковъ и сельскихъ властей, сильнѣе прикрѣплялись къ мѣсту жительства, къ своимъ занятіямъ. Посошковъ настаиваетъ, чтобы они были только земледѣльцами, знали свою работу и въ торговое дѣло не вмѣшивались. По его словамъ, „всякаго званія человѣкъ“ долженъ „пещися о своемъ дѣлѣ“; крестьяне должны „знать свою крестьянскую работу и въ купеческое дѣло

ни мало не прикасаться“; а если разбогатѣвшій крестьянинъ вздумаетъ заниматься торговлей, то ему не возбраняется прійти въ магистратъ и записаться въ купечество.

Чтобы отличить человѣка одного званья отъ другого, Посошковъ предлагалъ установить, чтобы каждый носилъ платье, его званью присвоенное; крестьяне и работные люди, напр., имѣли бы верхніе кафтаны изъ некрашеного сукна. Такой нѣсколько странной мѣрой онъ хотѣлъ и виѣшне закрѣпить различіе, существовавшее между отдѣльными слоями общества.

Настаивая на особомъ положеніи крестьянъ, Посошковъ вмѣстѣ съ тѣмъ предлагаетъ рядъ мѣръ, которыя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сглаживали бы разницу между крестьянами и другими сословіями. Такъ онъ ратуетъ за распространеніе грамотности въ деревняхъ. „Немалая пакость,—читаемъ у него,—крестьянамъ чинится и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ; еще въ коей деревнѣ дворовъ 20 и 30, а грамотнаго человѣка ни единого у нихъ нѣтъ, и какой къ нимъ не пріѣдетъ съ какимъ указомъ, или и безъ указа, да скажетъ, что указъ у него есть, то тому и вѣрятъ, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки, потому что всѣ они слѣпые, ничего не видятъ, ни разумѣютъ“. Слѣдуетъ такъ устроить, чтобы ни одна деревня, даже самая маленькая, не была безъ грамотнаго человѣка, для чего „крестья-

Русская деревня XVIII в. (Франц. грав.).

янь не худо бѣ и поневолить, чтобъ они дѣтей своихъ, кои 10 лѣтъ и ниже, отдавали дьячкамъ въ наученье грамоты“ и письма, отдавали бы „безотложно“; объ этомъ издать „крѣпкое опредѣленіе“, давъ на выполнение такого правила года 3—4.

Съ особенной силой Посошковъ настаиваетъ на томъ, чтобы были изменены порядки въ управленіи и судѣ, чтобы одинаково относились и къ богатому и къ убогому, знатному и простолюдину. Онъ съ горечью раска-

Крестьянская чета XVIII в. Изъ книги аббата Charpe d'Auteroche.

зываетъ о случаяхъ лицепріятія и неправосудія,—и выражаетъ горячее пожеланіе о томъ, чтобы царствовала „правда“ между людьми, судъ былъ „нелицепріятенъ и равенъ“ для всѣхъ. „Ради общезжителства любовнаго“,—читаемъ у Посошкова, — должно „судъ устроить единъ, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, таковъ и солдату, таковъ и офицеру, пачимъ же отмѣненъ и полковнику и генералу“, при этомъ судъ слѣдуетъ „учинить близостной; чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его достигать, како не простолюдина, тако и на служи-ваго“.

Для новаго суда требуется составить новое уложеніе, „правосудную книгу“; составленіе такой книги поручить представителямъ народа изъ всякихъ чиновъ, земскому собору, учрежденію уже упраздненному въ XVIII в. Въ

числѣ составителей уложенія Посошковъ хотѣлъ бы видѣть и крестьянъ (на земскихъ соборахъ ихъ обычно не было). „Не худо бы,—пишетъ онъ,—къ сочиненію тоя судебныя книги выбрать изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и сотскихъ бывали и во всякихъ нуждахъ перебивали и въ разумѣ смысленные“.

Участіе населенія въ дѣлѣ выработки новаго уложенія Посошковъ углубляетъ по сравненію съ прежними московскими порядками, онъ готовъ призвать весь народъ къ обсужденію законовъ. „Новосочиненные пункты,—чита-

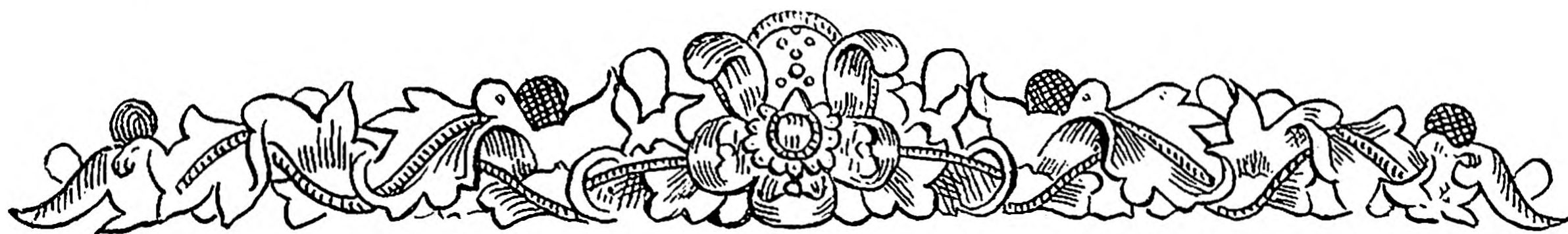
емъ у него,—всѣмъ народомъ освидѣтельствовать самымъ вольнымъ голосомъ, и не подъ принужденіемъ, дабы въ томъ уложеніи какъ высокороднымъ, такъ и низкороднымъ, и какъ богатымъ, такъ и убогимъ, и какъ высочинцамъ, такъ и низочинцамъ, и самимъ земледѣльцамъ обиды бы и утѣсненія отъ недознанія коегождо ихъ бытія въ новоисправленномъ уложеніи не было“.

„Народосовѣтіе“ необходимо „ради самыя истинныя правды“, дабы всякій чело-вѣкъ разсмотрѣлъ, нѣтъ ли кому въ тѣхъ статьяхъ „каковыя непотребныя про-тивности или нарушенія справедливости“ Такимъ путемъ Посошковъ предпо-лагалъ „измѣнить древніе порядки“, измѣнить прежніе „уставы“, которые „всѣ обветшали и исказились“.

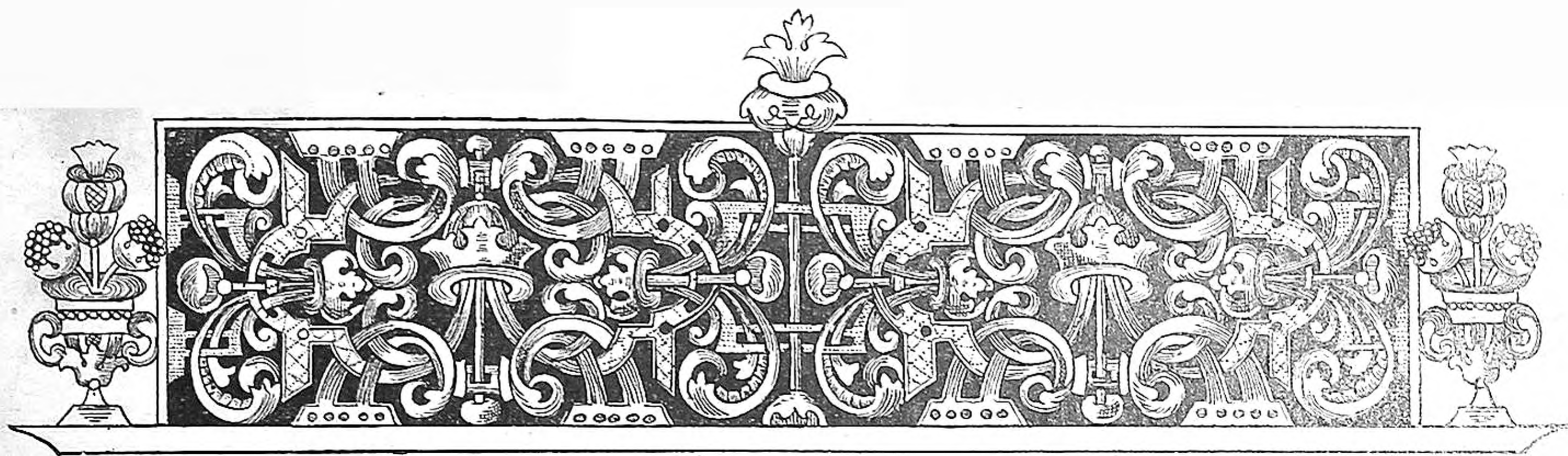
Таковы мысли и предположенія Посошкова о крестьянахъ. Онъ очень широко захватываетъ крестьянскую жизнь, рисуя тогдашніе порядки, и да-етъ рядъ важнѣйшихъ совѣтовъ, которыми можно было бы „скудостное житіе крестьянское“ обогатить и крестьянъ оградить отъ эксплуатаціи помѣщиковъ. Хотя Посошковъ по взглядамъ своимъ примыкалъ къ меркантилистамъ и ратовалъ за покровительство промышленности и торговлѣ, полагая, что „ку-печествомъ царство украшается“, однако и крестьянству онъ удѣлялъ серьез-ное вниманье, считая, очевидно, что въ Россіи, странѣ преимущественно земледѣльческой, благосостояніе крестьянъ должно составлять одну изъ пер-вѣйшихъ заботъ правительства.

Какъ „московскій прогрессистъ“, а не западникъ, Посошковъ въ своихъ проектахъ выходилъ изъ критики современности и вращался въ идеяхъ мо-сковской Руси, стараясь тамъ найти отправную точку для своихъ реформа-торскихъ плановъ; впрочемъ, иногда онъ готовъ обратиться и къ Западу, но дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ наощупь въ виду своего малаго знакомства съ европейскими порядками. По приѣмамъ и способу проведенія реформъ По-сошковъ напоминалъ самого царя Петра, котораго онъ былъ горячимъ по-клонникомъ. Онъ раздѣлялъ вѣру въ систему запретительныхъ и поощри-тельныхъ указовъ и какъ будто не замѣчалъ, что однихъ указовъ для тѣхъ значительныхъ и разностороннихъ преобразованій недостаточно. Вообще го-воря, его смѣлые планы были не по плечу тогдашнему обществу и далеко опережали свой вѣкъ. Неудивительно, что его проекты практическаго значенія не имѣли; для нашего времени они важны, какъ превосходный матеріалъ для характеристики быта крестьянъ въ петровское время.

М. Клочковъ.

Раскрѣпощеніе дворянъ и закрѣпощеніе крестьянъ.

В. Н. Сторожева.

I.

19 февраля—5 марта 1911 г. исполняется полвѣка съ того момента, когда русское правительство усмотрѣло, наконецъ, что „государственное законодательство, дѣятельно благоустроая высшія и среднія сословія, опредѣляя ихъ обязанности, права и преимущества, не достигло равномерной дѣятельности въ отношеніи къ людямъ крѣпостнымъ, такъ названнымъ потому, что они частью старыми законами, частью обычаемъ потомственно укрѣплены подъ властью помѣщиковъ, на которыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ лежитъ обязанность устроить ихъ благосостояніе“. Признавая хотя бы въ скромныхъ выраженіяхъ свою тяжелую вину передъ крестьянскимъ сословіемъ, тотъ же правительственный актъ, изъ котораго взяты приведенныя выше строки, съ истиннымъ привкусомъ *sanctae simplicitatis* рассказываетъ намъ легенду на мотивы изъ исторіи вырожденія крестьянской крѣпости въ Россіи. „Права помѣщиковъ,—говоритъ деликатно составленный актъ,—были донинѣ обширны и не

Литература. 1. В. И. Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II». Т. I. Спб. 1903 и т. II. Спб. 1901.—2. В. Э. Дэнъ, «Населеніе Россіи по пятой ревизіи». «Подушная подать въ XVIII в. и статистика населенія въ концѣ XVIII в.». Т. I. М. 1902.—3. Проф. В. О. Ключевскій, «Курсъ русской исторіи». Часть IV. М. 1910.—4. Проф. В. О. Ключевскій, «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи», въ журналѣ «Русская Мысль», 1886 г., № 7.—5. А. Романовичъ-Славатинскій, «Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII столѣтія до отмѣны крѣпостного права». Спб. 1870.—6. В. Н. Сторожевъ, «Подготовка къ пятидесятилѣтію крестьянской реформы», въ журналѣ «Русская Мысль», 1903.—7. и 8. Н. А. Рожковъ, «Городъ и деревня въ русской исторіи». Спб. 1902 и статья въ журналѣ «Правда», 1903.—9. П. Н. Милюковъ, «Очерки по исторіи русской культуры». Часть I. Спб. 1904. Изд. 5-е.—Детальныя указанія см. въ указанныхъ сочиненіяхъ.

опредѣлены съ точностью закономъ, мѣсто котораго заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика. Въ лучшихъ случаяхъ изъ сего происходили добрыя патріархальныя отношенія искренней, правдивой попечительности и благотворительности помѣщика и добродушнаго повиновенія крестьянъ. Но при уменьшеніи простоты нравовъ, при умноженіи разнообразія отношеній, при уменьшеніи непосредственныхъ отеческихъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, при впаденіи иногда помѣщичьихъ правъ въ руки людей, ищущихъ только собственной выгоды, добрыя отношенія ослабѣвали, и открывался путь произволу, стяготительному для крестьянъ и неблагоприятному для ихъ благосостоянія, чему въ крестьянахъ отвѣчала неподвижность къ улучшеніямъ въ собственномъ бытѣ. Правительственная легенда, изложенная мало вразумительнымъ языкомъ, высказываетъ элементарную, но справедливую мысль, что „крѣпостное право“ сложилось въ Россіи исторически, среди опредѣленныхъ условій экономическаго быта, и что съ теченіемъ времени, съ измѣненіемъ формъ этого экономическаго быта, изстаринное „крѣпостное право“ превратилось въ рабовладѣніе, а помѣщичій произволъ сталъ лозунгомъ дворянской политики въ селѣ и въ деревнѣ. Въ этомъ отношеніи государь-помѣщикъ повторялъ въ своей практикѣ, хотя и подъ нѣскольکو инымъ соусомъ, тотъ же произволъ, который царилъ на территоріи всего государства. Деревенское правительство повторяло столичное въ миниатюрѣ, и не только по существу, но и по формѣ, достигая совершенно тѣхъ же результатовъ. Разложеніе дворянской вотчины шло неуклонно и нѣскольکو опережая такое же разложеніе вотчины правительственной, т.-е. цѣлаго государства. Произволъ правительства Николая I съ его блестящимъ результатомъ — севастопольскимъ погромомъ — съ желѣзной настойчивостью показаль правительству Алексан-

Анна Іоанновна.
(Съ портрета въ Оружейной Палатѣ).

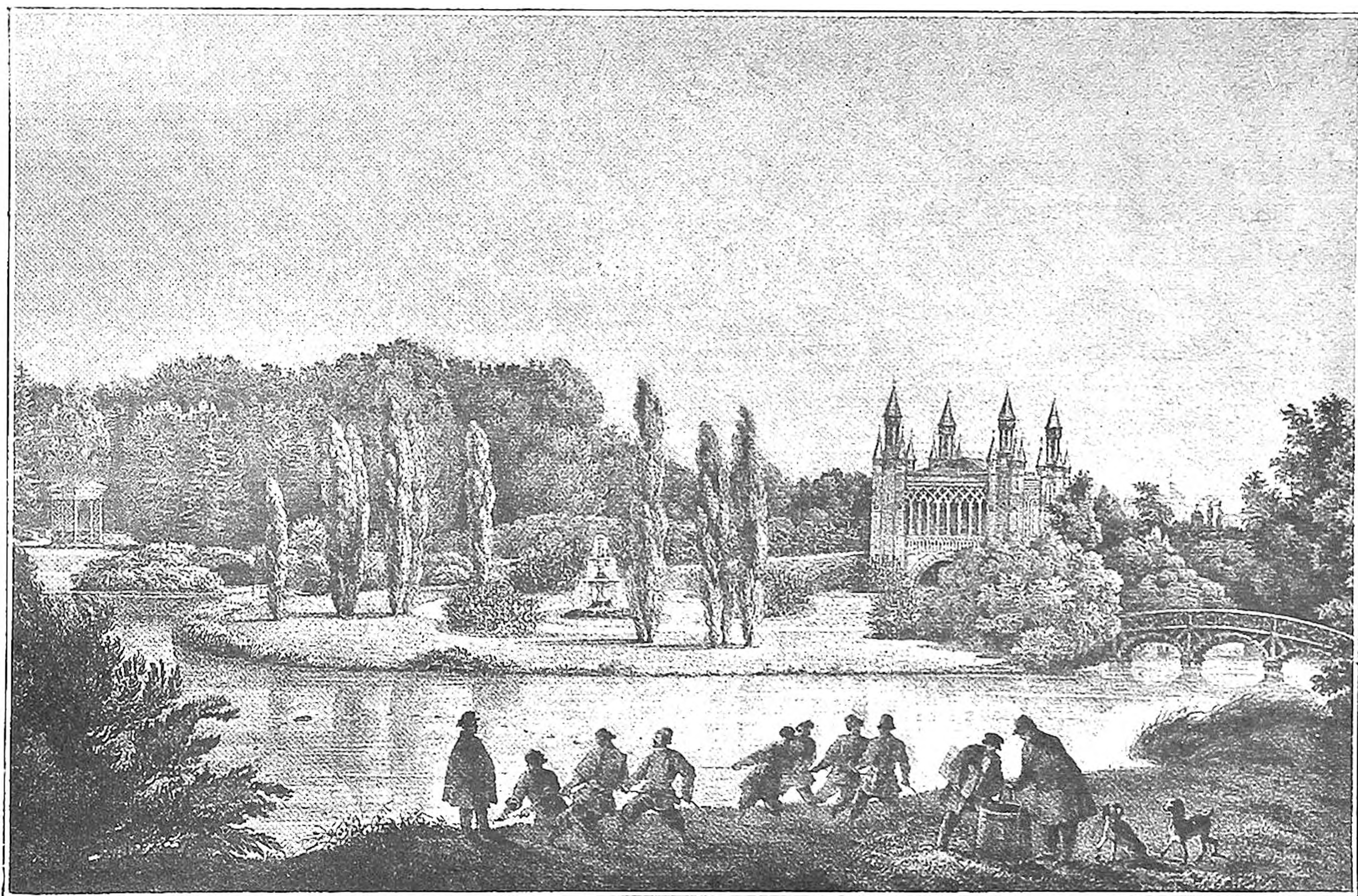

дра II, что, по крайней мѣрѣ, произволъ государя-помѣщика долженъ быть снесенъ съ лица земли, ибо онъ пережилъ самъ себя, бьетъ по карману самого помѣщика и парализуетъ удовлетвореніе насущныхъ интересовъ фиска. Настала такая экономическая пора, при которой не можетъ быть мѣста олигархіи хозяйственныхъ государей, но можно спасти (надолго ли, вопросъ другой) единовластіе самодержца. Рисуя символически фактъ рабовладѣнія въ странѣ, признавая полное его несоотвѣтствіе съ текущимъ моментомъ, правительственный актъ 19 февраля 1861 г. обѣщаетъ смѣну помѣщичьяго произвола „новымъ закономъ“, при которомъ крестьяне не должны „забывать объ обязанностяхъ“ и станутъ его „благодарность дополнять вѣрнымъ, благонамѣреннымъ и прилежнымъ употребленіемъ въ дѣло дарованныхъ имъ правъ“. Насъ, конечно, смущаетъ теперь это выраженіе „дарованныя права“, ибо такихъ правъ въ дѣйствительности до сихъ поръ не наблюдалось внимательнымъ историческимъ взоромъ. Обыкновенно крестьяне и рабочіе свои права завоевываютъ, и эта историческая аксіома въ равной мѣрѣ применима и къ крестьянскому и къ рабочему классамъ Россіи. Не наше дѣло говорить о томъ, какъ происходило это завоеваніе правъ русскимъ крестьянствомъ, ибо о немъ скажутъ авторы другихъ статей. Но, признавая такіе факты, какъ рабовладѣніе, помѣщичій произволъ и несоотвѣтствіе, какъ сказано выше, рабовладѣнія съ текущимъ моментомъ, тотъ же правительственный актъ упорно молчитъ о другомъ злѣ тогдашняго текущаго момента, о произволѣ, какъ основѣ всего тогдашняго государственнаго строя. Эта основа въ корнѣ подрывала всѣ преобразовательныя начинанія правительства Александра II. Крестьянство, освобожденное отъ обязательнаго дароваго труда на помѣщиковъ, стало крѣпостнымъ непосредственно государства: крѣпостная община, круговая порука, отсутствіе элементарныхъ правъ свободной личности надолго закабалили крестьянское сословіе, передавъ опеку надъ крестьянствомъ государственному чиновнику, котораго вождѣнія приближались къ дворянскимъ такъ близко, что часто вовсе нѣтъ никакой возможности различить, гдѣ кончается дворянинъ и начинается чиновникъ, или наоборотъ. Типъ помѣщичьяго управленія цѣлымъ государствомъ остался живехонекъ и уцѣлѣлъ до первыхъ десятилѣтій XX столѣтія, хотя бы подъ блѣднымъ конституціоннымъ прикрытіемъ. Этому обстоятельству ни въ какомъ случаѣ нельзя забывать при разсмотрѣніи поставленной въ заголовкѣ настоящей статьи темы.

Есть и еще одинъ любопытный пробѣлъ въ актѣ 19 февраля 1861 г. онъ охотно признаетъ, что государственное законодательство „дѣятельно благоустроило“ дворянское сословіе, игнорируя „людей крѣпостныхъ“. Сила этого игнорированія „людей крѣпостныхъ“ подчеркивается снисходительнымъ упоминаніемъ объ указахъ 20 февраля 1803 г. (объ особенномъ состояніи свободныхъ хлѣбопашцевъ) и 2 апрѣля 1842 г. (о крестьянахъ по договорамъ съ помѣщиками, получающихъ названіе обязанныхъ крестьянъ); актъ от-

кровенно и прямо говорить, что „постановленія о свободныхъ хлѣбопашцахъ и обязанныхъ крестьянахъ приведены въ дѣйствіе въ весьма малыхъ размѣрахъ“. Оба закона, дѣйствительно, не имѣли никакого серьезнаго реального значенія въ русской жизни, да и не могли его имѣть, ибо были палліативами именно въ такомъ дѣлѣ, гдѣ необходимо или все, или ничего. Актъ 19 февраля 1861 г. даже и упомянуть не захотѣлъ объ указѣ Павла I отъ 5 апрѣля 1797 г. о трехдневной работѣ крестьянъ на помѣщика и о непринужденіи къ работѣ въ дни воскресные. Правда, указъ этотъ былъ

Шаблыкино, имѣнье Кирѣевскихъ. Еловый холмъ и Византійская бесѣдка. Рис. Р. К. Жуковскаго.

основанъ на такомъ сомнительномъ въ области права мотивѣ, какъ „десято-словіе“, преподанное царю въ Законѣ Божіемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ изданъ тою же верховною властью, какъ и два упомянутые актомъ 19 февраля 1861 г. Умолчаніе послѣднимъ этого указа открываетъ цѣлую серію другихъ цѣнныхъ уже умолчаній, способныхъ раскрыть и оживить танственныя строки того документа, о которомъ у насъ все время идетъ рѣчь. Его пробѣлъ и заключается прежде всего въ умолчаніяхъ: напрасно документъ взваливаетъ на плечи государственнаго законодательства XVIII в. вину, что оно забыло „людей крѣпостныхъ“; нѣтъ, оно ихъ не забыло, напротивъ, оно приложило къ нимъ сугубое вниманіе, выразившееся въ превращеніи

крѣпостныхъ въ рабовъ и крѣпостного права въ рабовладѣніе, какъ того въ сущности нисколько не скрываетъ и актъ 19 февраля. Содержаніемъ этого законодательства и опредѣляется закрѣпощеніе крестьянъ въ XVIII в. Тотъ же актъ 19 февраля, говоритъ намъ съ достоинствомъ, что государственное законодательство „дѣятельно благоустроило“ дворянское сословіе, и тутъ скрывается новое и весьма характерное умолчаніе: это законодательное благоустроеніе заключалось въ раскрѣпощеніи дворянства, въ сложеніи съ него разнообразныхъ обязанностей и въ представленіи ему разнообразныхъ правъ. И тутъ, конечно, нельзя говорить о „дарованныхъ правахъ“ или „пожалованныхъ привилегіяхъ“, ибо и здѣсь былъ рядъ завоеваній, несмотря на то, что языкъ привилегированныхъ обильно уснащался холопскими формулировками. Прочно засѣвъ въ бюрократическомъ языкѣ, эти формулировки сыграли къ тому же очень крупную историческую роль: онѣ завоевали верховную власть и превратили ее въ послушное орудіе своей самодержавной воли. Со смерти императора Павла I сопротивленіе ей стало невозможнымъ...

Итакъ, переглядывая текстъ правительственнаго акта 19 февраля 1861 г., мы раскрываемъ смыслъ его фигуръ подчеркиванія и умолчанія и вмѣстѣ съ тѣмъ историческій смыслъ его витіеватой легенды на тему о паденіи крѣпостного права въ Россіи. Давно уже извѣстна стала его подкладка... давно уже раскрылся макиавеллистическій смыслъ его печально знаменитой фразы, вѣнчающей недостроенное зданіе крестьянской реформы 1861 года: „осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“.

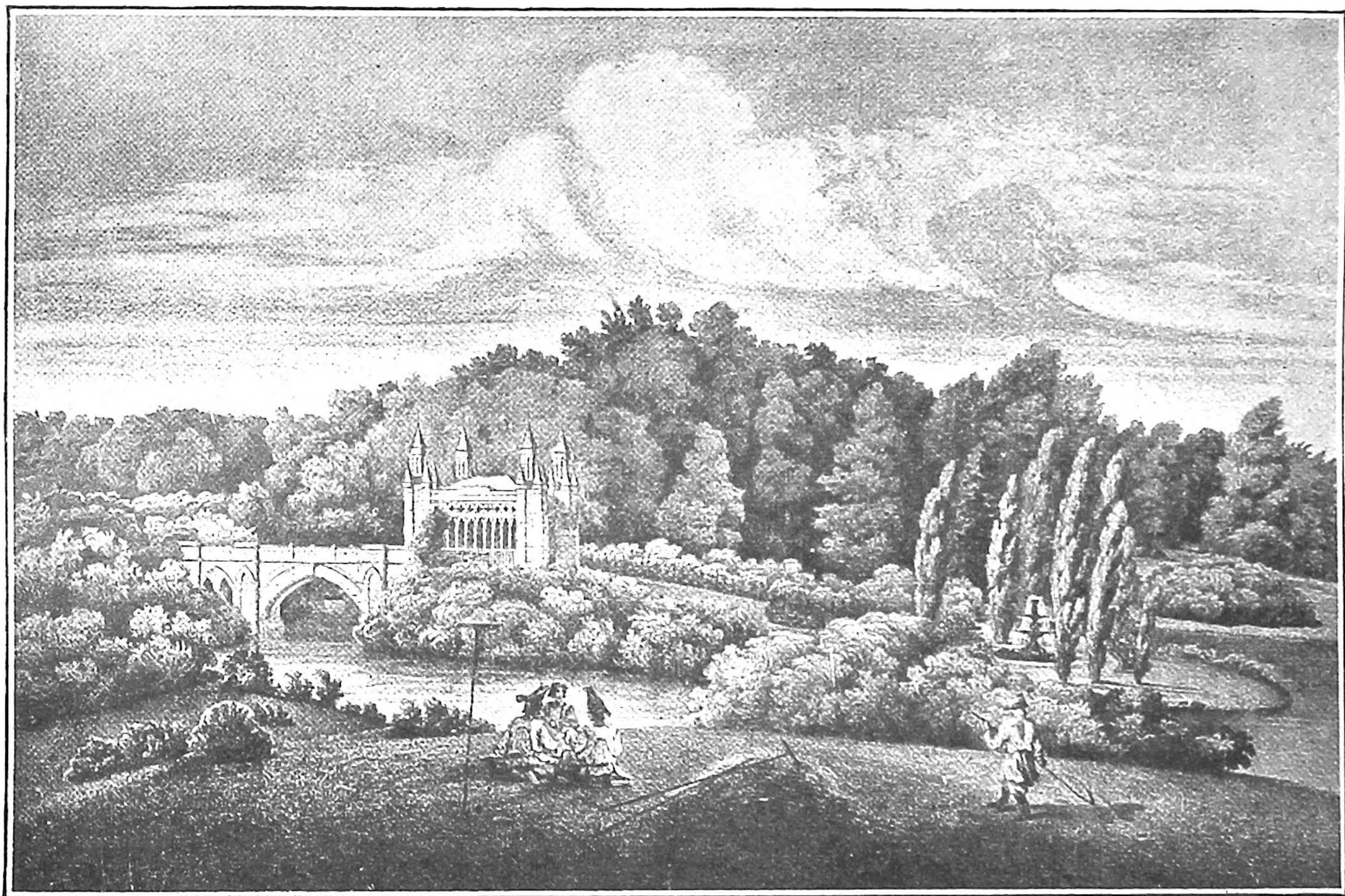
II.

Петровская эпоха — моментъ, когда крѣпостной укладъ изживаетъ самъ себя. Полицейское государство Петра довело этотъ уставъ *ad absurdum*; при Петрѣ I сложилась та карикатура „демократической абсолютной монархіи“, которая выражается въ удушливой нивелировкѣ всего населенія передъ государствомъ и которая единственнымъ источникомъ всякаго права мнитъ ничѣмъ неограниченную волю самодержца, иногда падающаго до апофеоза идеи народнаго блага подъ соусомъ государственнаго процвѣтанія, изливающегося на страну, благодаря прекраснымъ мѣропріятіямъ и геніальнымъ подвигамъ неустаннаго вождя!..

Петровская карикатура на почвѣ обезображенія московской старины какъ разъ должна была создать новые ростки для того „обратнаго хода строенія русскаго общества“, о которомъ говоритъ проф. В. О. Ключевскій. Въ эпоху Петра нашъ юридическій лексиконъ обогатился новымъ терминомъ шляхетство, пришедшимъ къ намъ изъ Польши. Это новое названіе

должно было скрасить ту крѣпостную петлю, которая туго затягивалась на шеѣ русскаго дворянства начала XVIII в., въ параллель петлѣ, въ свою очередь, затягиваемой имъ на крестьянскихъ шеяхъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ то же время тотъ же лексиконъ обогатился и терминомъ подлый, обозначавшимъ все не благородное, не входившее въ составъ дворянства, и прежде всего крестьянъ. „Сказать всему шляхетству,—читаемъ въ одномъ указѣ 1712г.,—что бѣ каждый дворянинъ (какой бы фамиліи ни былъ) почестъ и первое мѣсто давалъ каждому оберъ-офицеру“, или, наприм., въ уставѣ воинскомъ 1716 г. говорится: „шляхетству—россійскому иной способъ не

Шаблыкѣно, имѣніе Кирѣевскихъ. Византійская бесѣдка. Рис. Р. К. Жуковскаго (изъ альбома нач. XIX в.).

остается въ офицеры происходить, кромѣ что служить въ гвардіи“. Въ тѣ же годы, въ указѣ 1714 и 1715 гг., встрѣчаемъ такія выраженія, какъ: „людямъ подлымъ разореніе“ или „чинены фискалы, которые доносятъ не только на подлыхъ, но и на знатныя фамиліи“. Однако судьбы благородныхъ и подлыхъ, шляхтича и крестьянина, идутъ при Петрѣ съ внѣшней стороны въ ногу, въ одномъ направленіи, и еще одинъ изъ старыхъ историковъ русскаго дворянства А. Романовичъ-Славатинскій успѣлъ рѣшительно подчеркнуть, что шляхетство времени Петра „находилось почти въ такой же крѣпостной зависимости отъ правительства, въ какой отъ него крестьяне“ (стр. 147). Какъ разъ при Петрѣ дворянство „милостью Божіей“ превращается въ дворянство „милостью короля“, и въ этомъ отношеніи безсмертна роль табели о рангахъ 24 января 1722 г., низводившей дворянина до выслу-

жившагося чиновника, а чиновника при извѣстныхъ условіяхъ возвышавшей до потомственнаго дворянина. Служба могла сдѣлать человѣка дворяниномъ, „милость короля“ создавала „честь“ и отметала, какъ выражается самъ документъ, „тунеядцевъ и нахаловъ“, хотя бѣ они и дворяне были по происхожденію. Крупное значеніе этого акта признавалось Петромъ, если имѣть въ виду его подпись 1721 г. на проектѣ табели: „сіе не публиковать и не печатать до сентября, дабы еще осмотрѣться“. Дворянство слишкомъ поздно получило возможность и охоту критически отнестись къ этому выдающемуся акту петровскаго законодательства и отнестись, какъ къ своему страшнѣйшему врагу. Когда въ XVIII столѣтіи дворянинъ называлъ себя въ челобитной холопомъ, то эта была лишь форма выраженія, таившая въ себѣ инстинктивно преданіе удѣльныхъ временъ. Въ XVIII столѣтіи выраженіе „холопъ“ исчезло, но его прямой смыслъ перешелъ на бюрократію, а вмѣстѣ съ табелью о рангахъ и на дворянство. И чѣмъ пышнѣе расцвѣтала дворянская честь, тѣмъ крѣпче завязывались надъ дворянствомъ холерныя узы, и передъ лицомъ представителя „демократической абсолютной монархій“ спины чиновника и дворянина оказывались одинаково гибкими. Дворянство въ свое время не могло и не успѣло отдѣлаться отъ столь ядовитаго своего врага, какъ табель о рангахъ; пошумѣвъ на эту тему въ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, сословіе осталось жить въ ожиданіи окончательной своей ликвидаціи путемъ акта 19 февраля 1861 г. Но вмѣстѣ съ тѣмъ бытовья условія не позволили дворянству воспользоваться для своихъ сословныхъ цѣлей такъ называемыми „пунктами“ 23 марта 1714 г. (указъ о единонаслѣдіи): указъ прошелъ безслѣдно для дворянскихъ судебъ, былъ сорванъ на практикѣ и, наконецъ, 17 марта 1731 г. онъ былъ отмѣненъ при императрицѣ Аннѣ, при чемъ съ этою отмѣной навсегда исчезла разница между помѣстьемъ и вотчиной. Въ рукахъ дворянства осталось „равно недвижимое имѣніе“, исключительная роль землевладѣльческаго класса и вмѣстѣ класса душевладѣльцевъ закрѣплена была за нимъ окончательно. Дворянство, какъ сословіе въ рукахъ котораго de jure исключительно сосредоточиваются населенныя земли, выпукло опредѣлилось при Петрѣ; оно стало преимущественнымъ владѣльцемъ тогдашняго капитала, согласно той ступени экономическаго быта, которую переживала въ первой половинѣ XVIII в. Россія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно лишено было возможности превратиться, съ одной стороны, въ сословіе строго замкнутое (табель о рангахъ), а съ другой, образовать изъ себя тотъ элементъ крупнаго лэндъ-лордизма, который въ наши дни могъ бы послужить достойнымъ матеріаломъ для такъ называемой верхней палаты, неудачной и лишенной цѣны пародіи на иноземный образецъ (аварія указа о единонаслѣдіи). Эта роль господствующаго въ странѣ капиталиста, какъ уже видно изъ предшествующаго, доставалась дворянству не даромъ: хозяинъ-крѣпостникъ самъ попадалъ въ кабалу госу-

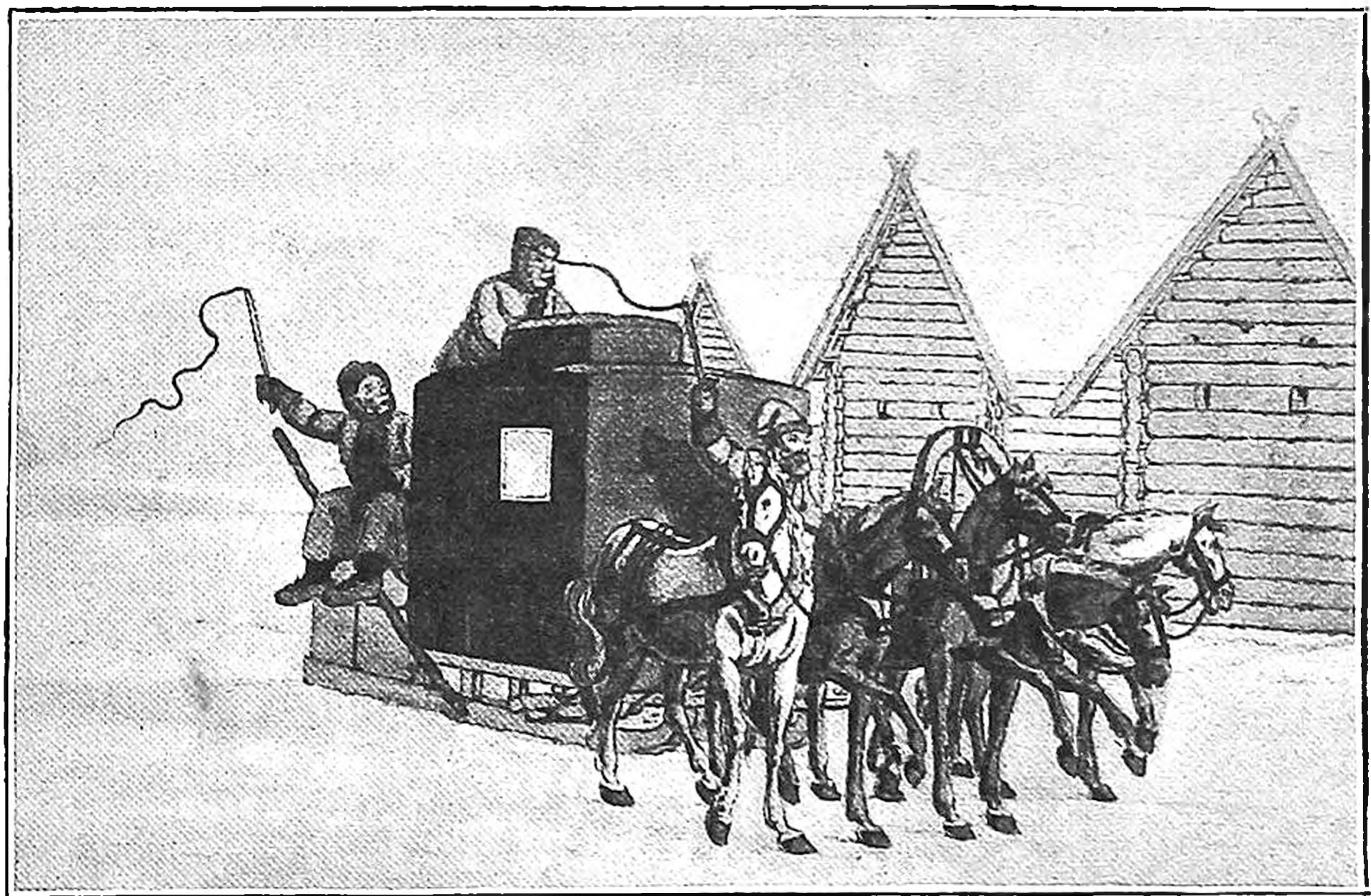

чія“ и 2). „обязанности прежней земской службы по личному довѣрію и мірской порукѣ, распространившись изъ городовъ и на мѣстныя дворянскія общества, при Петрѣ соединились съ такими условіями, которыя сообщили имъ характеръ сословно-политическихъ правъ“. Приведенныя формулы сходятся во многомъ по существу съ результатами новыхъ наблюдений надъ эпохой Петра. Карикатура намалевывалась въ первой четверти XVIII столѣтія старыми красками, но процессъ ихъ подсыхания происходилъ совершенно въ иной атмосферѣ, т.-е. въ иныхъ историческихъ условіяхъ, а вслѣдствіе того плодомъ эпохи и могъ явиться „обратный ходъ строенія русскаго общества“ въ остальныя десятилѣтія того же вѣка.

III.

Итакъ, процессъ закрѣпощенія дворянскаго класса государству достигъ при Петрѣ своего крайняго предѣла. Дальше итти было некуда.

Передъ нами витаетъ теперь третья формула, которая приводитъ непосредственно къ вопросу о дальнѣйшемъ закрѣпощеніи крестьянскаго класса помещику. Этотъ послѣдній процессъ при Петрѣ не заканчивается, но, развиваясь и утверждаясь на потребностяхъ фиска, получаетъ свою заключительную отдѣлку во время Екатерины

Возокъ (изъ книги Gruber und Geissler 1793 г.).

II-й, когда завершается окончательно глубина неизмѣримой пропасти и величайшаго антагонизма интересовъ „благороднаго“ и „подлаго“, когда, выражаясь языкомъ Петровскаго законодательства и проф. В. О. Ключевскаго, жизнь создала удивительное приволье для „лежебокъ“ и „инвалидовъ“, для „тунеядцевъ и нахаловъ“... Эта третья формула гласитъ слѣдующее: „Спеціальныя повинности ратной службы и податнаго тягла, распространяясь на большее количество классовъ, постепенно превращались во всесословныя государственныя обязанности“. И процессъ дальнѣйшаго закрѣпощенія крестьянъ при Петрѣ начинается съ непосредственнаго при-

влеченія крестьянъ къ военной службѣ путемъ установленія рекрутчины, ставшей, благодаря бытовымъ условіямъ, чрезвычайнымъ бичомъ крестьянскаго класса. Стоитъ болѣе или менѣе явственно представить себѣ весь строй крѣпостной дворянской вотчины и отчаянную систему веденія войнъ въ XVIII в., чтобы понять необычайную остроту этого бича, косвенно задѣвавшего порой благородную бѣлую спину помѣщика. Кажется, что при изученіи экономическаго быта Россіи XVIII в. до сихъ поръ не обращали достаточно серьезнаго вниманія на роль рекрутскихъ наборовъ для крестьянскаго хозяйства. Крестьяне начали отбывать рекрутчину въ XVIII в.: это значитъ, что масса крестьянскихъ личностей навсегда изымалась изъ народнаго хозяйства; это совсѣмъ не соотвѣтствуетъ факту военной службы даточныхъ изъ крестьянъ въ XVII в., выступавшихъ лишь на время и при особыхъ обстоятельствахъ. Указанное распространеніе дворянской повинности на крестьянъ, какъ уже было указано выше, знаменовало наклонъ къ тенденціи будущаго безсословнаго строя. Пока и крестьянинъ и дворянинъ начинаютъ военную службу рядовыми, и только послѣ Петра положеніе измѣнится. Крестьянинъ навсегда останется рядовымъ, дворянинъ будетъ служить рядовымъ только въ пеленкахъ. Правда, то было обычаемъ, а не закономъ, но вѣдь и крестьяне, какъ говоритъ актъ 19 февраля 1861 г., частью стали крѣпостными по обычаю. Не принимая мѣръ противъ обычая закрѣпощать крестьянъ, правительство пыталось вывести обычай производить дворянскихъ младенцевъ въ офицеры. Такъ въ 1763 г. было предписано не производить дворянскихъ малолѣтокъ въ офицеры безъ особливаго на то каждый разъ указа. Полковничья инструкція 1765 г. установила 15 лѣтъ срокомъ поступленія на службу. Тѣмъ не менѣе, въ 1785 г. Военная коллегія при отставкѣ разнаго рода военныхъ чиновъ не могла не усмотрѣть, что многіе изъ нихъ еще въ младенческихъ лѣтахъ были записаны на службу и тяготы рядового никогда на себѣ не несли. Общесословная мѣра при старомъ порядкѣ не выдерживала сама себя: обычай, помимо закона, создавалъ привилегію, покуда не былъ изданъ грозный уставъ 1 января 1874 г., при которомъ изъятіе или исключеніе стало доступнымъ, да и то не безъ труда, только капиталисту. Этотъ уставъ, пройдя черезъ горнило крестьянской реформы, завершалъ собой военныя преобразованія Петра и впервые давалъ въ распоряженіе государства то, что можно назвать національной арміей по своему составу, дальнѣйшимъ этапомъ развитія которой могло бы явиться ея превращеніе въ армію народную.

Въ другой статьѣ читатель уже познакомился съ тѣмъ вліяніемъ, какое имѣло введеніе подушной подати на положеніе крестьянъ *). Здѣсь приходится добавить немного къ сказанному тамъ. Впервые при Петрѣ опредѣленно

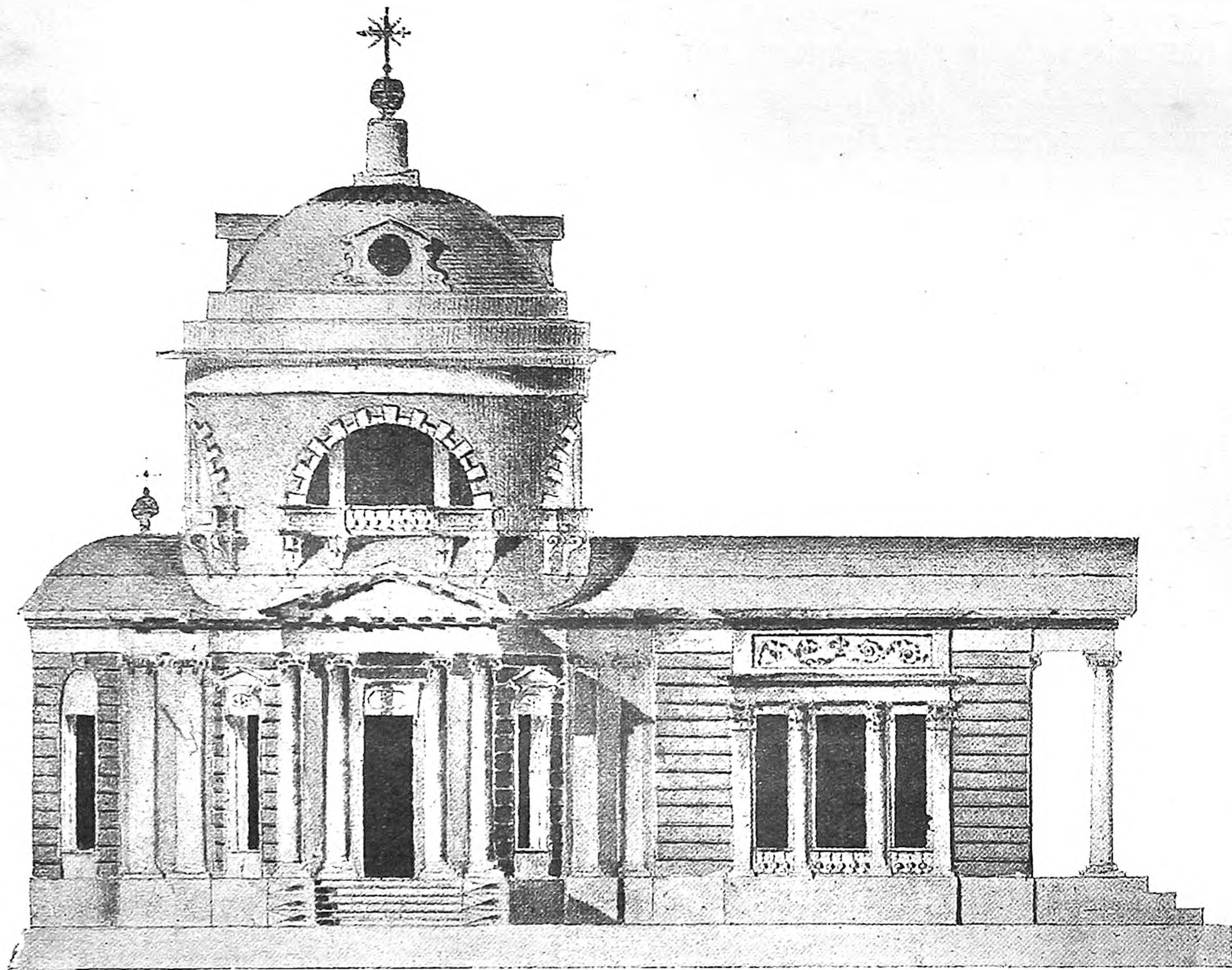
*) См. соотвѣтствующую статью М. М. Богословскаго.

и ясно устанавливается рабовладельческий принцип, и такъ называемое крепостное право растетъ и количественно и качественно. Все, что стоитъ за предѣлами дворянства, духовенства и гражданства (посадскіе люди), должно или служить въ арміи, или превратиться въ подданныхъ помѣщиковъ. Государь - помѣщикъ становится теперь отвѣтственнымъ предъ государствомъ за своихъ особливыхъ подданныхъ. Государь-помѣщикъ есть не только подданный, но въ сущности рабъ государства, рабъ государя помѣщиковъ; зато у этого государя-помѣщика есть свои рабы, кадры которыхъ наполняются не одними только крестьянами-земледѣльцами, но самыми разнообразными группами населенія отъ задворнаго человѣка до холопа и церковнаго причетника включительно. Подушную подать вноситъ помѣщикъ, онъ отвѣчаетъ за исправное поступленіе. Крестьянинъ - подданный помѣщика расплачивается вдвойнѣ: онъ вноситъ помѣщику подушную подать, онъ отбываетъ на помѣщика барщину (или выплачиваетъ оброкъ). „Дворянамъ объявить,—говоритъ законъ,—чтобъ платили со всякой души мужеска пола крестьянъ и дворовыхъ и дѣловыхъ и всякаго званія людей, какіе у кого въ деревняхъ обрѣтаются (понеже, какъ намъ извѣстно учинилось, что нѣкоторые, закрывая отъ общаго государственнаго платежа, писали многихъ скотниками, садовниками, конюхами, псарями и симъ подобными, не взирая на оное), по восьми гривенъ съ персоны на два, или на три, или на четыре срока, какъ имъ удобнѣе, деньгами, а не иными вещами, для котораго сбора чтобъ по вся годы выбирали они сами въ декабрѣ мѣсяцѣ комиссара отъ земли и выборъ бы, подписывая своими руками, отдавали полковнику того полка, а по исшествіи того года должны они иного выбирать, а прежняго считать“. Изъ этой превосходной цитаты властнаго жаргона Петра явственно обрисовывается и новая роль государя - помѣщика, и роль дворянскихъ выборовъ, и, наконецъ, все значеніе подушной подати, которую законъ требуетъ уплачивать деньгами, а не натурой. Эта послѣдняя оговорка законодательнаго текста обращаетъ на себя особенное вниманіе, подчеркивая экономическія основы изучаемаго процесса. Государство заботливо бережетъ эту подушную подать, и ради нея оно готово итти на всяческія мѣры, лишь бы не оскудѣвалъ ея приливъ. Само собою разумѣется, что въ распоряженіи правительства не было никакихъ другихъ мѣръ, кромѣ репрессивныхъ, съ которыми, какъ извѣстно, бываетъ трудно разстаться даже въ тѣ времена, когда наивность и непониманіе давно смѣнились канцелярскими злоупотребленіемъ и безмозглостью. Государство равно не терпѣло ни побѣговъ, ни голодовокъ: ни то, ни другое не было выгодно для собиранія подушной подати. Изъ этого источника вытекали нѣкоторыя права и обязанности помѣщиковъ въ отношеніи крепостныхъ. Помѣщикъ обязанъ кормить своихъ крестьянъ во время голодовокъ и снабжать ихъ сѣменами для посѣва. „Чтобъ они каждой,—говоритъ указъ 26 апрѣля 1734 года,—крестьянъ и людей своихъ въ

такое нужное время кормили готовымъ своимъ, и привозя изъ другихъ хлѣбныхъ мѣстъ, или покупнымъ хлѣбомъ, и по міру ходить для милостыни отнюдь не допускали и сѣменами снабдили неотложно; а ежели кто по сему нашему указу исполнять не будетъ, и тѣ ихъ люди и крестьяне за такимъ подтвержденіемъ для прокормленья своего по міру скитаться станутъ, и земли за недачею на сѣмена лѣто пролежатъ праздны, и то все взыскано будетъ на самихъ помѣщикахъ съ немалымъ штрафомъ“. Пусть значеніе подобнаго

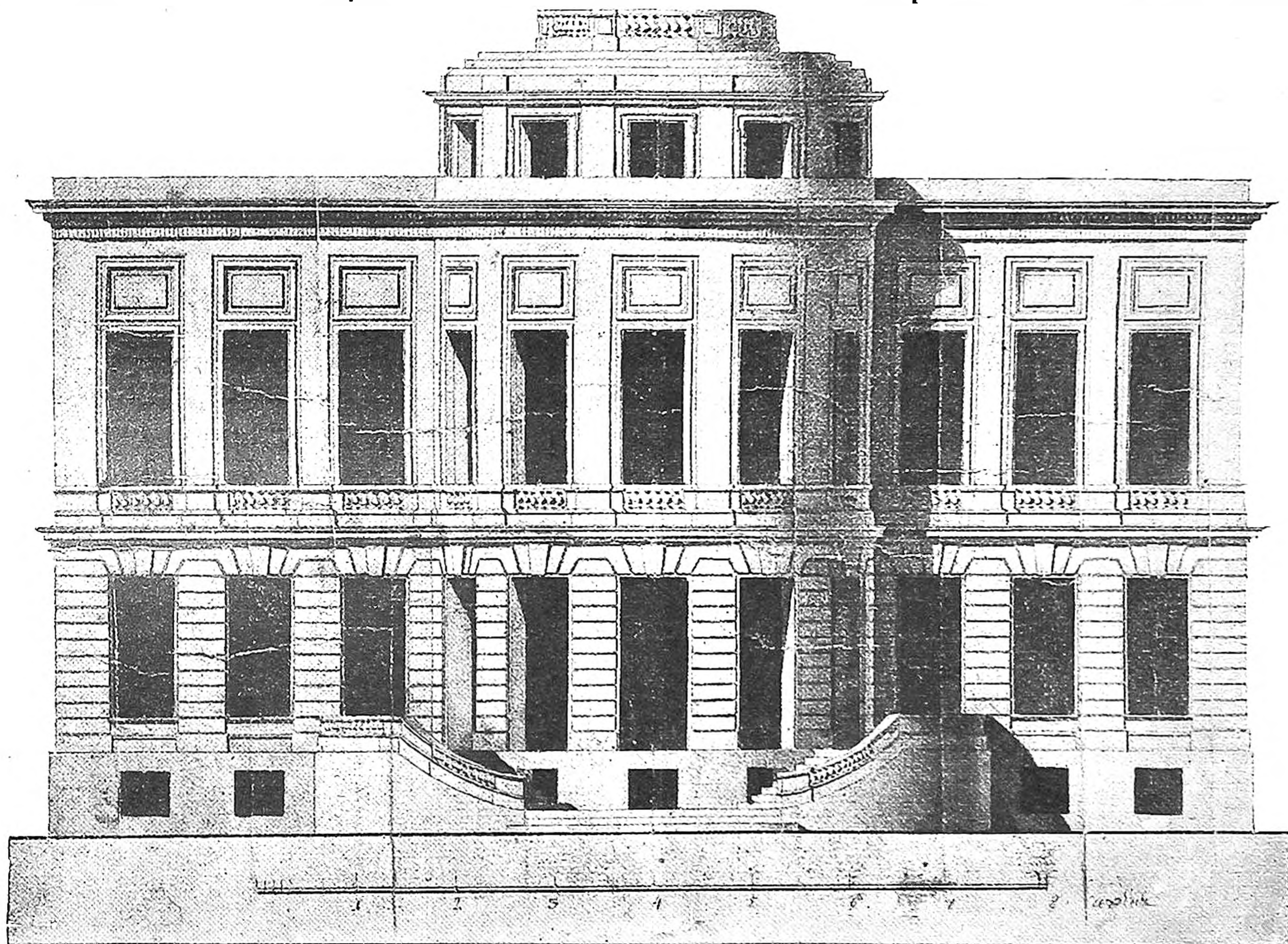

Церковь въ селѣ Богородицкомъ, имѣніи Бобринскихъ. Проектъ одобренъ Екатериной II (изъ архива гр. В. Н. Бобринской).

указа на практикѣ ничуть не было достаточно высокимъ; это нисколько не умаляетъ его юридическаго смысла, продиктованнаго вполне опредѣленными задачами экономической политики правительства Анны и Бирона, въ данномъ случаѣ твердо стоявшаго на плечахъ Преобразователя. Помѣщики получали право по своей волѣ карать бѣглыхъ крестьянъ, и это право предоставлялось имъ опять-таки съ цѣлями хозяйственной предусмотрительности. Нельзя всѣмъ бѣглымъ безъ исключенія чинить безмѣрно жесточайшее наказаніе кнутомъ, кошками, плетями или батогами Иной „отъ хлѣбной скудости и

по подговорамъ отъ своего неразумія по какой-либо малой причинѣ побѣ-
 жигъ, и потомъ, раскаявша, возвратится въ скоромъ времени, что въ платежѣ
 податей никто за нихъ убытка не претерпитъ, таковыя противъ первыхъ
 (т.-е. такихъ, которые учинили какое-либо злодѣйство и нанесли тяжелый
 матеріальный уронъ крестьянскому обществу) по натуральному праву меньше
 наказаны быть могутъ“. Указъ 6 мая 1736 г. и предоставляетъ на волю по-
 мѣщиковъ мѣру наказанія за побѣгъ: „...крестьянамъ... помѣщиковымъ по волѣ
 помѣщичьей и повѣренныхъ отъ нихъ, кто кого которымъ наказаніемъ нака-

Помѣщичій домъ въ селѣ Богородицкомъ, помѣніи гр. Бобринскихъ (Тульской губ.). Про-
 ектъ одобренъ Екатериной II.

затъ пожелаютъ“. И въ данномъ случаѣ законодатель не столько соблазняется
 создать право въ интересахъ государя-помѣщика, сколько обезпечить исправ-
 ное поступленіе податей. Пусть помѣщикъ какъ хочетъ, такъ и расправ-
 ляется съ крестьяниномъ за побѣгъ. Побѣгъ — нетерпимое и частое явленіе;
 за него надо карать наивозможно жестоко въ интересахъ государства столько
 же, сколько въ интересахъ помѣщика, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по-
 мѣщикъ разберется, нужно ли заколотить бѣглеца до смерти или до увѣчья,
 или же будетъ гораздо хозяйственнѣе умѣренно всыпать бѣглецу, благо
 вернулся или не успѣлъ нанести большихъ убытковъ, и поскорѣе посадить

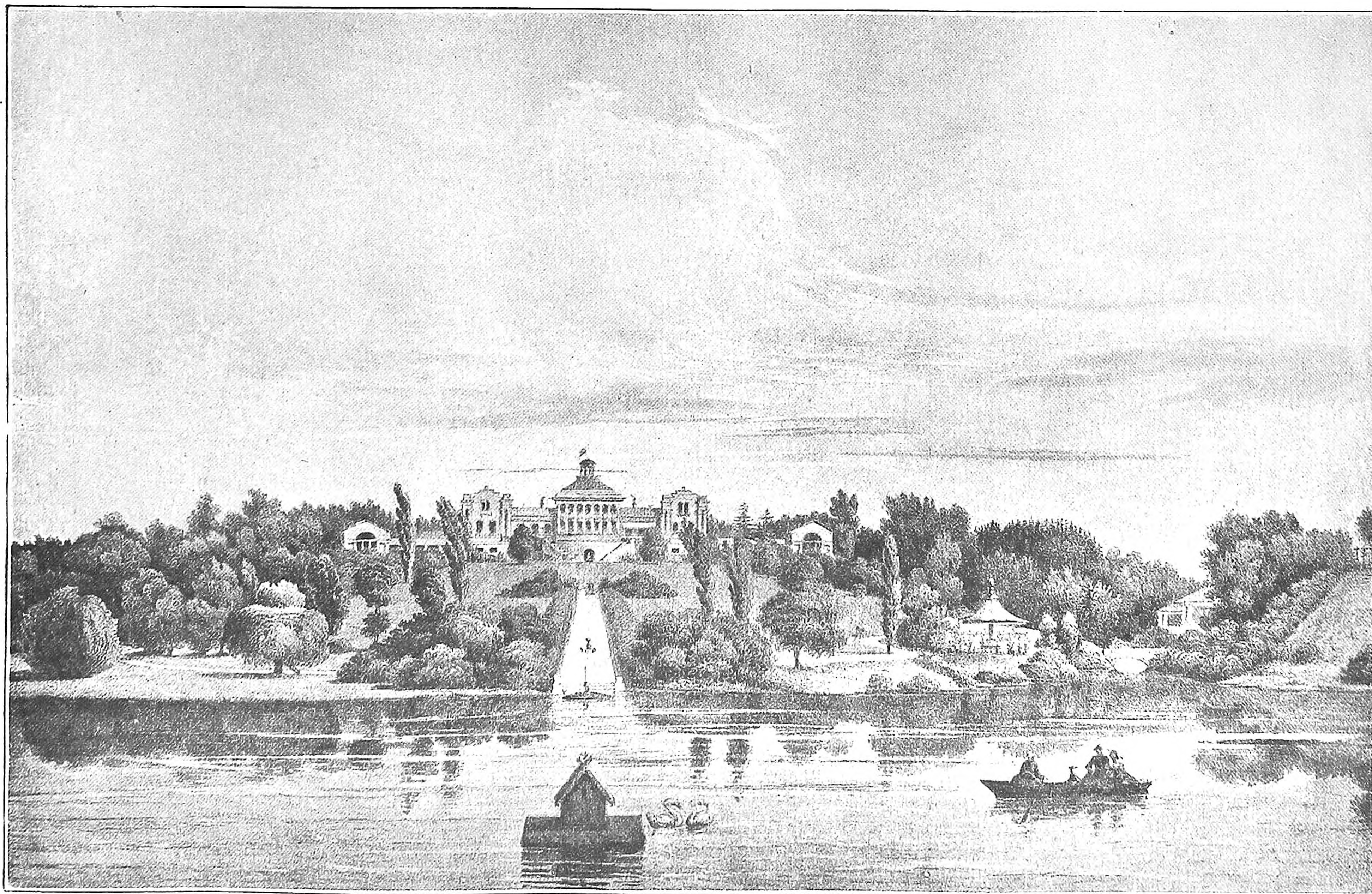

на барщину. Продиктованный соображеніями экономической политики законъ на практикѣ могъ получить болѣе широкое значеніе, превратившись въ помѣщичье право уголовной юрисдикціи, пьяной расправы или вотчинной юрисдикціи. Бытовья условія въ дальнѣйшемъ должны были содѣйствовать росту помѣщичьихъ правъ и упадку помѣщичьихъ обязанностей, и обратно: упадку правъ помѣщичьихъ подданныхъ и росту ихъ обязанностей. Самъ Преобразователь былъ типомъ не стѣсняющагося въ своихъ средствахъ вотчинника; его эпоха положила твердые устои рабовладѣнію XVIII столѣтія, и вскорѣ послѣ его смерти и „становится замѣтенъ обратный ходъ строенія русскаго общества“, какъ было указано выше. Обрисовка схемы этого „обратнаго строенія“ можетъ быть довольно простой. Господствующая роль экономическихъ основаній сплетается здѣсь, и притомъ довольно причудливо, съ революціонно-политическими выступленіями дворянской арміи, не разъ распоряжавшейся въ XVIII вѣкѣ внѣшними судьбами русскаго престола и подарившей странѣ продолжительное царствованіе Екатерины II, этой великой опоры численнаго роста крѣпостныхъ крестьянъ и развитія ихъ абсолютнаго безправія, охранявшагося дворянско-бюрократической юстиціей, поражавшей своимъ надругательствомъ надъ правомъ и элементарной справедливостью. Послѣдній актъ російской соціально-политической трагедіи разыгрался очень быстро, всего на протяженіи какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ...

IV

При Петрѣ крѣпостной человѣкъ могъ записаться въ военную службу, не предъявляя разрѣшительнаго письма отъ помѣщика; производя торговлю на извѣстную сумму, могъ записываться въ посады также безъ разрѣшенія помѣщика, при чемъ послѣдній не долженъ былъ брать съ него оброка больше, чѣмъ съ другихъ крестьянъ; особаго запрещенія приносить челобитныя на господъ, т.-е. жаловаться на нихъ, также не существовало. Теперь позволительно спросить, имѣя въ виду оговорку акта 19 февраля 1861 года, правда ли, что законодательство XVIII в. игнорировало крѣпостныхъ крестьянъ и что мѣсто закона „заступали преданіе, обычай и добрая воля помѣщика“. Совсѣмъ нѣтъ. Преданіе и обычай имѣли громадное значеніе въ дѣйствительности, но они не жили въ безпомощномъ состояніи. Законъ такъ или иначе стремился поспѣть за ними и легализовать множество отрицательныхъ явленій въ деревнѣ и помѣщичьей вотчинѣ, равнымъ образомъ упрочить верховную роль помѣщика. Въ маѣ 1742 г. „многіе помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали“ и били челомъ императрицѣ о записи ихъ въ военную службу. Результатъ просьбы былъ крайне поучительнымъ. „По указу ея императорскаго величества, подписанному собственною ея императорскаго величества рукою“, этимъ непризнаннымъ просителямъ

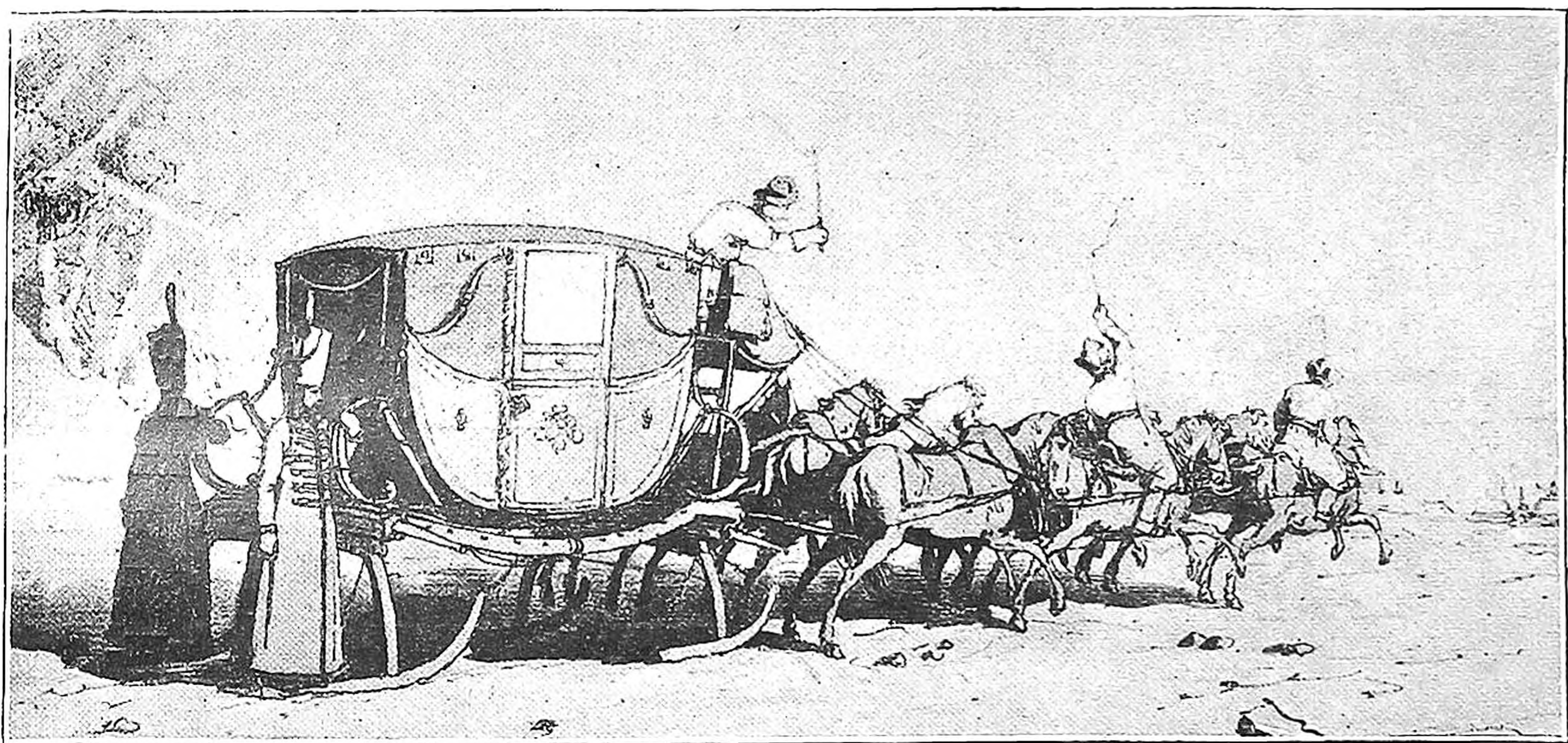

Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ. Господскій домъ.

утижено было „на площади съ публикою жестокое наказаніе“, глядя по степени: однихъ били кнутомъ, плетми или батогами, другихъ по наказанію отдавали „помѣщикамъ ихъ во услуженіе по [прежнему]“, третьихъ сослали въ Сибирь „на казенные заводы въ работу вѣчно“. Описывая происшедшее „на площади съ публикою“, указъ императрицы Анны отъ 2 іюня 1742 г. „наикрѣпчайше“ предписываетъ, чтобъ „впредь помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ въ военную службу нигдѣ не просили“, въ противномъ случаѣ, они подлежали жестокому наказанію и ссылкѣ въ работу вѣчно. Хозяйственные интересы помѣщика не могли допускать такой крестьянской утечки въ военную службу; государство въ данномъ случаѣ дѣйствовало не только въ угоду дворянству,

Карета съ гайдуками. Изъ Аткинсона: Manners and customs of the Russians (коп. XVIII в.).

но и въ цѣляхъ предотвратить возможность повальнаго бѣгства крѣпостныхъ крестьянъ въ рекрута. Ссылка въ Сибирь, которой грозило правительство Анны, должна была получить болѣе широкое примѣненіе при императрицѣ Елизаветѣ, правительство которой заинтересовалось перспективами сибирской колонизаціи. Указъ 13 декабря 1760 г. начинается заявленіемъ, что въ Сибири „состоятъ къ поселенію и хлѣбопашеству весьма удобныя мѣста, которыхъ къ заселенію государственный интересъ требуетъ“. Въ XVIII в. всегда какъ-то случалось такъ, что гдѣ интересъ государственный, тамъ и дворянскій; они не сталкивались, а совпадали, если имѣть въ виду политическіе взгляды эпохи. Подчеркнувъ этотъ государственный интересъ, указъ продолжаетъ: „Кто изъ помѣщиковъ пожелаетъ своихъ людей и крестьянъ, также и женскъ полъ, которые, вмѣсто должныхъ по своимъ званіямъ услугъ, воровствомъ, пьянствомъ и прочими непристойными продерзостными поступками многіе вредъ, разоренія, убытки и безпокойства приключаютъ и дру-

гимъ, подобнымъ себѣ, наивящше къ такимъ же вреднымъ поступкамъ при- мѣры подають, таковыхъ за оныя непотребства, однакожь годныхъ къ крестьянской и другой работѣ, не старѣя 45 лѣтъ, отдавать къ объявленному поселенію“. Установивъ порядокъ ссылки въ Сибирь крестьянъ по волѣ помѣщиковъ, указъ не ограничивается извѣстной услугой дворян- ству въ дѣлѣ избавленія послѣдняго отъ невыгоднаго въ хозяйствѣ элемента, а даетъ рядъ такихъ привилегій, при которыхъ пользованіе закономъ на практикѣ могло быть крайне соблазнительнымъ. Ссылая крестьянина въ Си- бирь на поселеніе (хотя бы и такого, у котораго „нѣкоторые члены и по- вреждены были, точію бѣ къ работамъ не были помѣшательными“), помѣ- щикъ получалъ рекрутскую квитанцію для зачета въ будущій наборъ и, кромѣ того, деньгами за малолѣтнихъ членовъ семьи, если послѣдняя по желанію помѣщика должна была слѣдовать за своимъ главой. Если мы представимъ себѣ, что въ XVIII в. при извѣстныхъ условіяхъ все было можно, то не трудно понять, во что могло выродиться на практикѣ примѣненіе такого указа. Въ одномъ указѣ 1787 г. есть даже прямое указаніе на то, что въ Сибири появлялись крестьяне, сосланные помѣщиками за старость и увѣчье: многіе „оказались на поселеніи быть неспособны, будучи отъ 65 до 76 лѣтъ, а хотя нѣкоторые изъ нихъ и моложе оныхъ, но увѣчны и болѣзненны“. Отъ ссылки въ Сибирь на поселеніе всего одинъ шагъ до каторжныхъ ра- ботъ, и правительство Екатерины II, дворянское правительство до мозга костей, не замедлило снабдить помѣщика соответственнымъ правомъ. „Буде кто изъ помѣщиковъ,—гласить указъ 17 января 1765 г.,—людей своихъ (въ петровскихъ указахъ они назывались еще болѣе выразительно: подданными), по продержостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе, отдавать пожелаетъ для лучшаго воздержанія въ каторжную работу, таковыхъ Адмиралтейской коллегіи принимать и употреблять въ тяжкую работу на толикое время, насколько помѣщики ихъ похотятъ, и во всю ту оныхъ лю- дей въ работѣ бытность довольствоваться пищею и одеждою изъ казны равно съ каторжными“. Само собою разумѣется, что законъ, разрѣшая помѣщикамъ карать своихъ крестьянъ каторгой, разрѣшалъ имъ брать обратно своихъ крестьянъ съ каторги, когда захотятъ. Ссылка въ Сибирь и на каторгу, всѣ возможные и даже невозможныя формы тѣлесныхъ наказаній и пытки кре- стьянъ составляли ко времени Екатерины II несомнѣнное право дворянскаго класса. Крѣпостное право исчезло; установилось рабовладѣніе, и Екатеринин- скому законодательству принадлежитъ честь формальнаго установленія раб- ства путемъ абсолютнаго запрещенія крѣпостнымъ крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ: государство формально отказывало громадной части тогдеш- няго русскаго населенія въ своей защитѣ. Правда, и до указа 22 августа 1767 г. защита крѣпостныхъ крестьянъ государствомъ сводилась къ нулю, но все-таки существовала гдѣ-то смутная мысль, что голосъ крѣпостного

человѣка можетъ дойти до властей, что онъ въ состояніи причинить путемъ жалобы непріятность помѣщику и что помѣщикъ-дворянинъ можетъ быть отвѣтственнымъ передъ верховной властью, если крестьянская жалоба докажетъ его преступность. Время 1767 года есть время созыва комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и опубликованія либеральнаго Екатерининскаго Наказа комиссіи. Но либерализмъ Наказа далеко не былъ похожъ на либерализмъ Екатерины въ жизни и законодательствѣ. „Да умолкнетъ вовсе крестьянскій жалующійся голосъ на помѣщика!“ сказала императрица, и стало такъ, стало въ тотъ моментъ, когда принимались за популяризацію идей Монтескье и одновременно за переводъ французскаго текста Наказа на русскій языкъ, мѣстами завѣдомо фальшивый... Указъ 22 августа 1767 г. представляетъ въ данномъ случаѣ не только чрезвычайный юридическій интересъ, но и бытовой. Правительство съ удивительной зоркостью слѣдило за каждымъ проявленіемъ хотя бы тѣни попытки крѣпостного крестьянства добиться элементарной защиты крестьянской личности; съ точки зрѣнія Екатерины II такая защита не соотвѣтствовала ни достоинству государства, ни интересамъ трона и помѣщиковъ. Крестьянинъ — рабъ, вещь, и, стало-быть, долженъ молчать и только „имѣть къ помѣщикамъ своимъ должное повиновеніе и безпрекословное во всемъ послушаніе, какъ о томъ издревле отъ самодержавныхъ предковъ ея императорскаго величества узаконено, безъ всякой отмѣны“. Тутъ красуется уже ссылка на исторію, которой всегда пользуется правительство, желающее провести ту или другую особую мѣру. Такъ было положено до насъ, такъ пусть и остается въ вѣкъ неподвижно. Но было ли положено? — вотъ вопросъ, котораго правительство никогда обыкновенно не задаетъ, считая положеннымъ до насъ то, чего оно хочетъ въ данную минуту подъ непосредственнымъ давленіемъ правящаго класса. Челобитчиковъ тотъ же законъ

именуетъ преступниками, а подачи челобитной — преступленіемъ. Указъ обнаруживаетъ большое волненіе по поводу возможности пропаганды среди крестьянъ и лицемѣрную боязнь, что бѣдные крестьяне зря страдаютъ отъ подачи челобитныхъ... „Таковыя преступленія, — читаемъ въ указѣ, — болышею частію происходятъ отъ разглашенія злонамѣренныхъ людей, разсѣвающихся вымышленные ими слухи о перемѣнѣ законовъ и собиравшихъ подѣ симъ видомъ съ крестьянъ поборы, обнадеживая оныхъ нехотѣтайствовать имъ разные пользы и выгоды, которые вмѣсто того тѣми

къ и незнающихъ законовъ крестьянъ повиновенія, приводятъ въ разжалоба крѣпостныхъ крестьянъ на предковъ и крайней жалостливости и пренебрежена подѣ угрозой наказанія въ Нерчинскѣ съ зачетомъ сосланное наказаніе законъ обѣщаетъ не имѣть, которые осмѣливались писать и не имѣть итти было некуда, процессъ оставалось только содѣйствовать императрицы Екатерины II въ отношеніи всякія ожиданія. Масса свободныхъ дворянъ опредѣлилъ собой всю сильнѣйшій классъ, одобренный бюрокра- тическаго класса.

... въ какомъ развивался за то же время обыкновенно говорятъ, процессъ отмѣнить моментъ, съ котораго начались историческихъ привилегій русскаго дворянства, азываемой конституціонной попытки императрицы Анны, избранной императрицей для поддержанія самодержавно-бюрократическаго строя Бирона. Достаточно бѣглою справки съ законодательствомъ XVIII ст., чтобы представить себѣ ходъ дворянскаго раскрѣпощенія, обрисовывающагося на фонѣ крайняго упадка крестьянской личности. Условія борьбы, разыгравшейся на почвѣ такъ называемыхъ „пунктовъ“, предложенныхъ курляндской герцогинѣ Аннѣ, обезпечили первое завоеваніе дворянства: отмѣну въ 1731 г. ненавистнаго дворянству петровскаго закона о единонаслѣдіи; отмѣня послѣдній, правительство явно угождало дворянству, не погнавшемуся въ цѣломъ за „пунктами“ въ той или иной редакціи, и

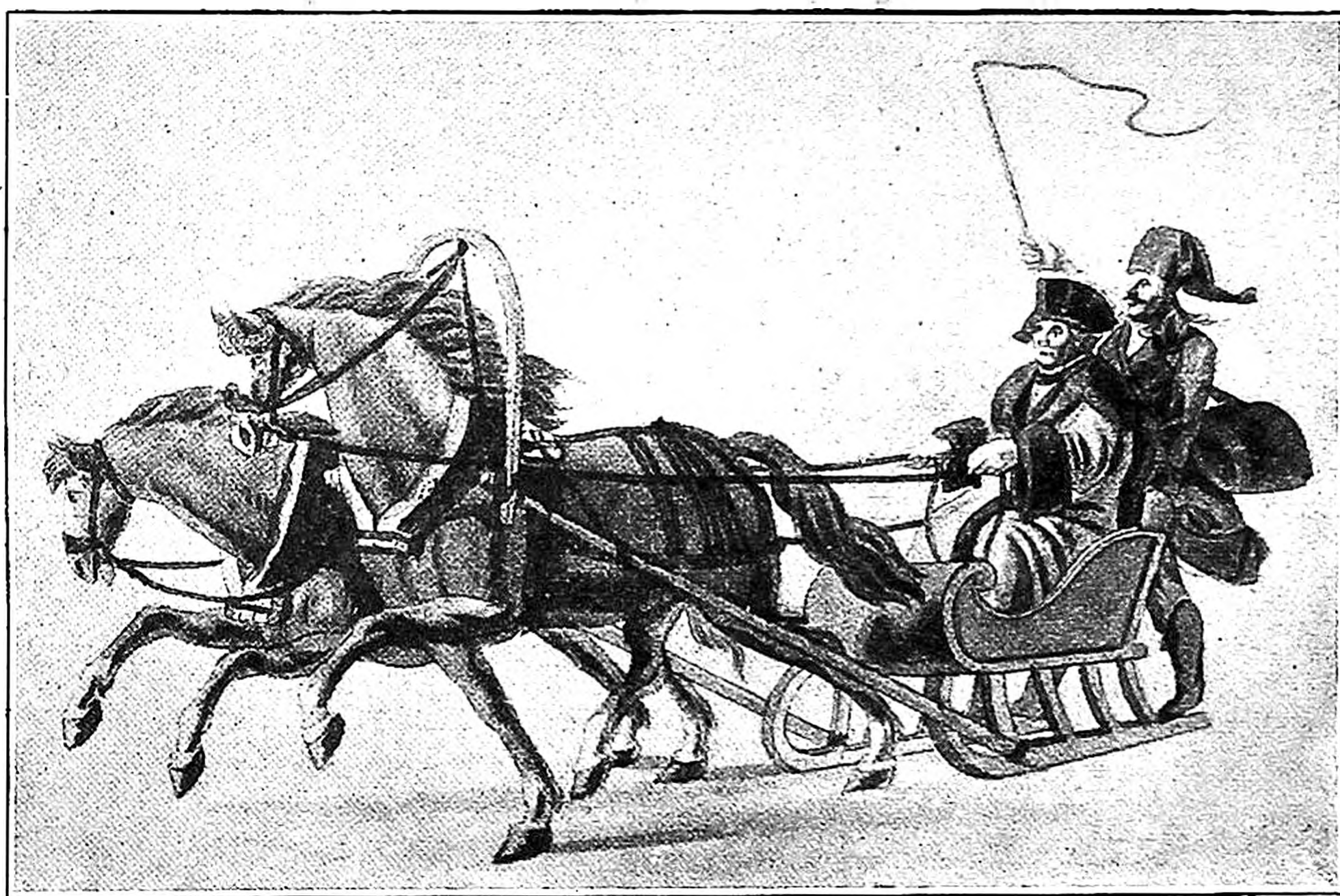
спѣшило сдѣлать ему удовольствіе юридическимъ сліяніемъ помѣстья и вотчины. Помѣстье и вотчина—равно недвижимое имѣніе, помѣщики и вотчинники — одно цѣлое; ходячая терминологія стала забывать вотчинника, и въ новыхъ воспоминаніяхъ о временахъ крѣпостного права на первомъ планѣ поминается помѣщикъ. По существу отмѣна указа 23 марта 1714 г. была несомнѣннымъ дворянскимъ проигрышемъ, какъ указано было выше; къ тому же эта отмѣна влекла за собой и уничтоженіе той свободы выбора профессіи, которая до нѣкоторой степени предоставлялась шляхетству Петромъ I, привлекавшимъ кадетовъ въ гражданскую службу. На практикѣ указанная статья закона 17 марта 1731 г. не могла получить особеннаго значенія, напротивъ, психологическое дѣйствіе этого закона должно было быть громаднымъ. Дворянство освобождалось, съ одной стороны, отъ стѣснительнаго, по его мнѣнію, порядка наслѣдованія земель, навязаннаго ему Преобразователемъ, а съ другой—оно наслаждалось тѣмъ, что его „притязательное“ толкованіе указа о единовременномъ наслѣдствѣ въ смыслѣ пожалованія помѣстій въ наслѣдственную собственность владѣльцевъ превратилось въ законъ. Этимъ заключался неразрывный союзъ шляхетства съ государствомъ, сливались ихъ интересы, — и государство обрекало себя на мѣропріятія, укрѣпляющія дворянское землевладѣніе и облегчающія обязательную службу дворянства. „Изящный“ даръ помѣстій въ вотчину былъ предзнаменованіемъ другихъ не менѣе „изящныхъ“ завоеваній дворянства, о которыхъ современники вспоминали съ чувствомъ удовлетвореннаго самолюбія. То же правительство императрицы Анны, которое не безъ нѣкотораго страха смотрѣло на движеніе 1730 г. и вынесло изъ „дѣтскихъ“ пока броженій дворянскаго класса рядъ довольно опредѣленныхъ впечатлѣній, должно было понять, что дворянство болѣе чѣмъ тяготится своей безсрочной службой, соединенной къ тому же съ обязанностью начинать ее рядовыми, солдатомъ или матросомъ. Правительство должно было понять, что дворянство этого, въ концѣ-концовъ, не потерпитъ и что необходимо нѣчто „даровать“ во избѣжаніе непріятностей со стороны своего естественнаго союзника, купить котораго, вслѣдствіе его политической неразвитости и зависимости отъ дароваго крестьянскаго труда въ полѣ и въ домѣ, въ деревнѣ и въ столицѣ, было нетрудно. Необходимо, слѣдовательно, замѣтить, что инициатива возбужденія вопроса объ ограниченіи срока обязательной службы дворянства принадлежитъ послѣднему. Изданный 31 декабря 1736 года указъ ограничилъ срокъ обязательной дворянской службы 25 годами и предоставилъ отцамъ изъ двоихъ или болѣе сыновей одного удерживать дома для хозяйства, не отдавая въ службу.. Дворянъ потянуло въ деревню, и мнѣніе Волинскаго, что „ежели и вовсе волю дать... всякъ захочетъ лежать въ своемъ домѣ“, вовсе не было такимъ карикатурнымъ, какъ кажется на первый взглядъ. Пришлось на время приостановить выдачу „абшитовъ“, дабы не опустошить

офицерскіе кадры въ полкахъ, и возстановить въ полной силѣ законъ 31 декабря 1736 г. лишь при императрицѣ Елизаветѣ, также вступившей на престолъ при помощи арміи. Нормально вступившій на престолъ Петръ III съ перваго дня своего царствованія началъ увольнять въ отставку значительное число служащихъ дворянъ; говорятъ, что съ 25 по 31 декабря 1761 г. въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ было уволено болѣе 170 человекъ. Привязанный къ „дурной и глупой“, какъ выражается князь Щербатовъ, гр. ~~Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой~~, Петръ III терпѣливо выслушивалъ вытверживанія гр. Романа Ларионовича Воронцова о вольности дворянской; вытверживанія эти, шедшія отъ цѣлаго кружка благородныхъ, начались еще въ царствованіе императрицы Елизаветы и осуществились, наконецъ, въ манифестѣ 18 февраля 1762 г. Инициатива опять остается за дворянствомъ, и надо сказать, что крупные представители послѣдняго сумѣли вырвать изъ рукъ минутнаго царя вольность и свободу. Характерно, что императоръ, который на вѣчныя времена предоставилъ всему російскому благородному дворянству свободу и вольность, не могъ усидѣть на престолѣ, палъ жертвой того же дворянства и принужденъ былъ уступить тронъ дворянской царицѣ, которая въ конечномъ счетѣ не могла не подтвердить основъ манифеста, изданнаго ею низвергнутымъ супругомъ. Актъ 19 февраля 1861 г.—запоздалое резюме акта 18 февраля 1762 г., и для историческаго глаза совершенно ясно, что иначе и быть не могло. Почти сто лѣтъ прошло отъ раскрѣпощенія дворянства до крестьянскаго освобожденія и почти 50 лѣтъ со времени послѣдняго до установленія въ странѣ хотя бы и призрачной конституціи... Проф. В. О. Ключевскій, приступая къ замѣчаніямъ о манифестѣ 18 февраля 1762 г., который окружаетъ большая любовная легенда съ княжной Ел. С. Куракиной въ ореолѣ, такъ перечисляетъ рядъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ дворянствомъ за тридцатилѣтіе передъ осуществленіемъ вытверживаній гр. Воронцова: 1) укрѣпленіе недвижимыхъ имуществъ на вотчинномъ правѣ со свободнымъ ими распоряженіемъ, 2) сословная монополія крѣпостнаго права, 3) расширеніе судебнопольцейской власти помѣщика надъ крѣпостными до тягчайшихъ уголовныхъ наказаній, 4) право безземельной продажи крѣпостныхъ, не исключая крестьянъ, 5) упрощенный порядокъ сыска бѣглыхъ, 6) дешевый государственный кредитъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, 7) право поступать въ военную службу прямо офицерами по образовательному цензу и 8) ограниченіе срока обязательной службы 25 годами. Манифестъ 18 февраля 1762 г. увѣнчивалъ это высокое зданіе дворянскихъ преимуществъ роскошнымъ куполомъ полной свободы отъ обязательной службы. Позднѣйшіе акты 1775 и 1785 гг., принадлежащіе времени Екатерины II, только подновили и разукрасили этотъ грандіозный куполъ рядомъ витіеватыхъ деталей. Проф. В. О. Ключевскій называетъ этотъ актъ „семинарски напыщеннымъ и канцелярски безграмотнымъ“... Но развѣ этой „семинарской напыщенности“ и

канцелярскихъ представлений о прошломъ и будущемъ отечества нѣтъ въ актѣ 19 февраля 1861 г.? „По требованію исторической логики или общественной справедливости, — замѣчаетъ, слѣдуя установившимся взглядамъ, проф. В. О. Ключевскій, — на другой день, 19 февраля, должна была бы послѣдовать отмѣна крѣпостного права; она и послѣдовала на другой день, только спустя 99 лѣтъ; такой законодательной аномаліей завершился юридически несообразный процессъ въ государственномъ положеніи дворянства: по мѣрѣ облегченія служебныхъ обязанностей сословія расширялись его владѣльческія права, на этихъ обязанностяхъ основанныя“. Увы! соотвѣтственнымъ исторической логикѣ надо признавать не то, что должно было бы быть, а что дѣйствительно было. „Все російское благородное дворянство“ получило вольность и свободу, правда, не безъ ограниченій, въ ночь, когда, по разсказу князя Щербатова, Петръ III, укрываясь отъ ревности „дурной и глупой“ Воронцовой, занялся болѣе интересной Куракиной... Отнынѣ всѣ дворяне, состоящіе на какой-либо службѣ, могутъ ее продол-

Помѣщичьи сани XVIII в. (грав. Шефнера).

жать, сколь долго пожелаютъ; только военные не могутъ просить объ отставкѣ во время войны или за три мѣсяца до нея, не служащій дворянинъ можетъ отправиться въ другія европейскія государства и даже поступить тамъ на службу съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи въ отечество быть принятымъ съ выслуженнымъ за границей чиномъ; только „когда нужда востребуетъ“, всякій обязанъ по призыву правительства немедленно возвратиться изъ-за границы. Учиться дворяне попрежнему должны были, что подтвердилось словами, чтобъ „никто не дерзалъ безъ ученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ“. Но манифестъ, тѣмъ не менѣе, и еще прибавляетъ: „Тѣ, кои никакой и нигдѣ службы не имѣли... тѣхъ мы, яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ, презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподаннымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему при-

ѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы ѳудутъ“. Крѣпостное право вступало теперь въ новую эпоху своего историческаго бытія, и по существу нѣтъ никакихъ основаній утверждать сильно потертую временемъ и новыми историческими построеніями мысль, что крѣпостное право по освобожденіи дворянства отъ обязательной службы было „скорѣе неузаконеннымъ фактомъ, чѣмъ правомъ“. Какъ разъ наоборотъ: никакое право нельзя считать правомъ, покуда оно не узаконено дѣйствительною жизнью. Не почерки пера творятъ право, а живая дѣйствительность, только она одна и даетъ возможность чернильному почерку превращаться въ орудіе легализаціи уже существующаго или назрѣвшаго.

Послѣдняя часть изучаемаго нами исторіографическаго построенія непосредственно примыкаетъ къ „учрежденію для управленія губерній Всероссійской имперіи“ 7 ноября 1775 г. и къ „жалованной грамотѣ дворянству“ 21 апрѣля 1785 г., наиболѣе популярнымъ и наиболѣе практически цѣннымъ актамъ Екатерининскаго царствованія, къ сожалѣнію, очень слабо жручимымъ въ деталяхъ. Учрежденіе о губерніяхъ—характернѣйшій памятникъ эпохеоза сословности, среди которой первенствующее мѣсто принадлежитъ дворянству. Туманно и хвастливо написанное введеніе къ закону 7 ноября 1775 г. не подчеркиваетъ, правда, дворянской роли въ мѣстномъ управленіи, но, тѣмъ не менѣе, открываетъ благородному дворянству широкое и вліятельное участіе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Такъ, учрежденіе о губерніяхъ—новый плюсъ въ сферѣ расширенія и развитія дворянскихъ привилегій и тѣмъ болѣе важный, что сама Екатерина справедливо приписывала крупное значеніе названному учрежденію. „Сіе наше постановленіе,—писала она въ манифестѣ,—какъ всякъ усмотрѣть можетъ, судебныя мѣста отдѣляетъ отъ губернскихъ правленій,—предписываетъ каждому мѣсту должности и правила,—доставляетъ онымъ возможность исполнять предписанное,—не токмо порядкомъ своимъ соотвѣтствуетъ нынѣшнему внутреннему состоянію нашей имперіи, но еще наивящше противу прежняго надежно утверждаетъ общую тишину и безопасность, снабдѣвая разными выгодами частное и личное состояніе и пребываніе въ нѣдрахъ государства живущихъ разнаго рода и поколѣнія людей“. Выборъ цѣлаго ряда мѣстныхъ должностныхъ лицъ отдается на души мѣстнаго дворянства. Жалованная грамота еще болѣе усиливаетъ мѣстное значеніе дворянства, создавая своего рода дворянское самоуправленіе. На практикѣ эта дворянская роль отцвѣтала, не начиная цвѣсти. Уродливый бутонъ подсохъ, и русскіе дворяне, съ одной стороны, предпочитали государственную службу, обюрократились, а съ другой, повидимому, очень скоро утратили понятіе о землѣ, какъ первичной основѣ дворянскаго бытія. „Дворянство,—пишетъ А. Романовичъ-Славатинскій, — начало отлынивать отъ мѣстной выборной службы, и на дворянскихъ выборахъ число нѣтчиковъ начинаетъ прибывать, какъ бывало на прежнихъ смотрахъ дворянскихъ недо-

рослей и въ прежнихъ полкахъ“. Внутренняя классовая рознь, рѣзкая политическая невоспитанность дворянства и односторонность самага закона довершили этотъ неупѣхъ. Самоуправленіе сословное пришло нѣсколько поздно и по исконной привычкѣ російскаго законодателя должно было, главнымъ образомъ, удовлетворять интересамъ узко-государственнымъ; самоуправленіе мѣстное, въ широкомъ смыслѣ этого термина, было слишкомъ чуждо екатерининскому государству, чуждо настолько, что это понятіе еще не превратилось въ надлежащій фактъ русскаго обихода XX столѣтія.

Послѣдній мигъ дворянскаго раскрѣпощенія былъ обставленъ необычайной словесной торжественностью; то былъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній необычайно яркій и бьющій на чрезвычайный эффектъ комплиментъ государства по адресу благо-

роднаго дворянства. Жалованная грамота дворянству 1785 г. начинается обширнымъ введеніемъ, въ которомъ пышно изъясненъ титулъ императрицы, описано величайшее пространство имперіи и цвѣтущее состояніе послѣдней „въ семь знаменитомъ столѣтіи“, сдѣланъ историческій экскурсъ въ прош-

Егеръ XVIII вѣка (изъ книги Аткинсона).

лое, приводящій къ восхваленіямъ російскаго дворянства. Въ языкѣ этого введенія не чувствуется ни сомнѣній ни робости; оно скорѣе болтливо, но довольно властно. Императрица начинаетъ съ лучшаго качества дворянства, съ его послушанія, а послушныхъ нельзя не награждать. „Не бысть бо въ свѣтѣ, — читаемъ здѣсь, — добрый начальникъ, который во свое время самъ повиноватися не пріобыкъ. Достигаютъ же до вышнихъ ступеней російскаго дворянства знаменитыя особы, кои отличаются или службою, или храбростію, или вѣрностію, или искусствомъ, или же тѣ, что въ послушаніи и терпѣливо пребывая, твердостію духа усердно преодолеваютъ трудности и самое время, умножая опытами знаніе и способности свои въ частяхъ, знанію ихъ „предлежащихъ“. Императрица „на вѣчныя времена и непоколебимо“ постановляетъ и утверждаетъ статьи „въ память родовъ для

пользы російскаго дворянства, службы нашей и имперіи“,—статьи, предитгованные справками съ исторіей. Первая статья жалованной грамоты въ буквальномъ смыслѣ слова пародируетъ тезисъ какой-нибудь исторической диссертациі на степень доктора русской исторіи. Вотъ эта столько же замѣчательная, сколько курьезная статья: „Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличавшихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное“. На такой же тезисъ значительно походить и вторая статья, изъ существа которой, по утверженію императрицы, и должны истекать всѣ поименованныя въ грамотѣ права благородныхъ. „Не токмо имперіи,—гласитъ эта вторая статья,—и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо,—и для того изстари, нынѣ, да и пребудетъ навѣки благородное дворянское достоинство неотъемлемо, наследственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются“. Далѣе и слѣдуетъ перечисленіе сословныхъ правъ дворянства, сперва личныхъ, потомъ общественныхъ: наследственность дворянскаго достоинства, неотъемлемость этого послѣдняго безъ суда, равно какъ неотъемлемость безъ суда чести, жизни и имѣнія, судимость своими равными, свобода отъ личныхъ податей и тѣлесныхъ наказаній, право заводить фабрики и заводы и заниматься торговлей, полное право собственности на все, что находится въ имѣніи дворянина (въ томъ числѣ и на крестьянъ, конечно). При перечисленіи этихъ правъ необходимо выдѣлить особо 17 и 18; статьи, какъ основныя для характеристики дворянской свободы и вольности: „Подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды російскому благородному дворянству вольность и свободу. Подтверждаемъ благороднымъ, находящимся въ службѣ, дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненія по сдѣланнымъ на то правиламъ“. Жалованная грамота 21 апрѣля 1785 года была послѣднимъ завоеваніемъ дворянства XVIII вѣка; та же грамота, въ концѣ-концовъ, отчетливо говоритъ о русскомъ дворянствѣ, какъ о дворянствѣ милостью короля, которое „изстари, нынѣ и впредь пріобрѣтается службою и трудами, имперіи и престолу полезными“, и о томъ, что Русская имперія управлялась и впредь будетъ управляться „издаваемыми отъ самодержавной нашей власти узаконеніями и постановленіями“. Дворяне — слуги престола, не болѣе, они не граждане; они хотятъ — служатъ, хотятъ — лежатъ на печи; у нихъ нѣтъ ни участія въ политической власти ни права предъявлять требованія „въ нарушеніе узаконеній“; имъ нѣтъ никакого дѣла до другихъ сословій, кромѣ крестьянъ, коими они владѣютъ на правахъ собственности. Статьи 47 и 48 глухо говорятъ лишь о томъ, что 1) „собранію дворянства дозволяется представить генераль-губернатору или губернатору о своихъ общественныхъ

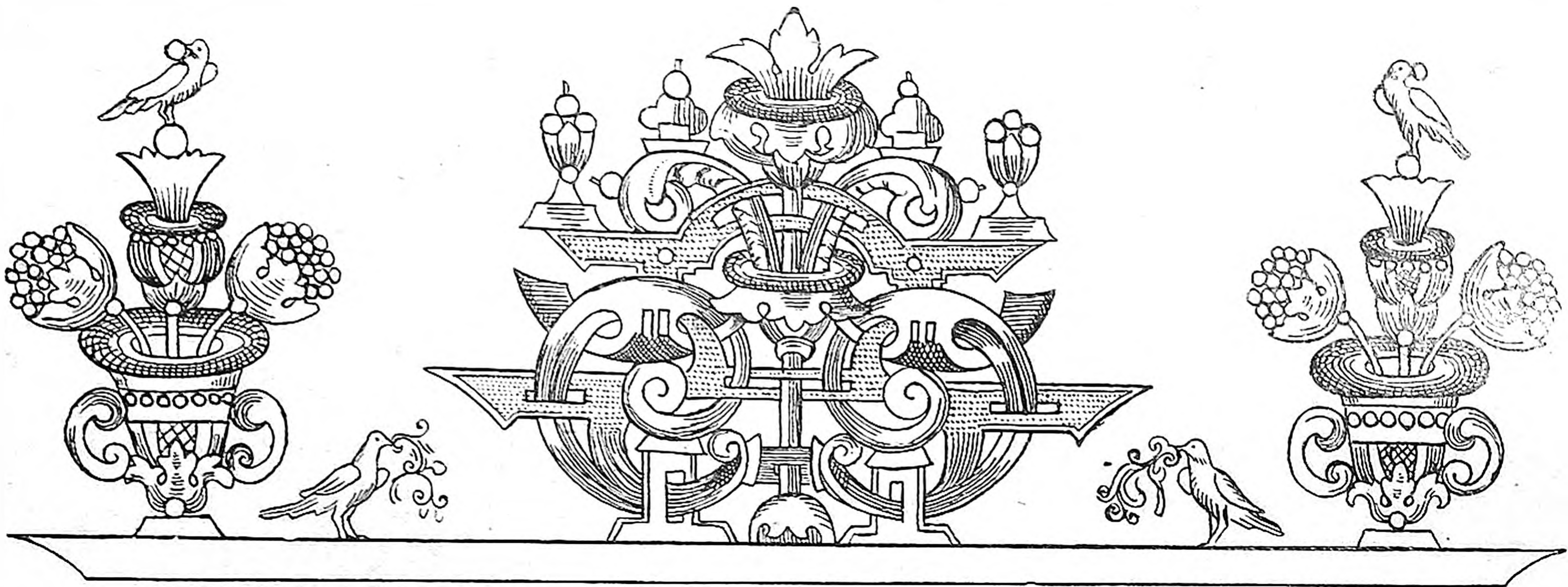
нуждахъ и пользахъ“, и что 2) „подтверждается собранію дворянства дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ сенату, такъ и императорскому величеству на основаніи узаконеній“. Политическій багажъ вольнаго дворянства былъ равенъ нулю, и зато оно самодержавствовало у себя въ деревнѣ, самодержавствовало до тѣхъ поръ, покуда желѣзные законы экономического развитія страны не положили предѣлъ этому самодержавію колокольни и правительство XIX вѣка не принуждено было заговорить съ „народомъ“ недоступнымъ и лицемѣрно деликатнымъ языкомъ жалованной грамоты крѣпостнымъ... Крестьянство не сразу поняло, какъ его освободили; въ наукѣ не сразу оцѣнили приемы освобожденія, и только очень недавно усвоили себѣ представленіе, что освобожденіе отъ обязательнаго дароваго труда на помѣщика было завоевано крестьянствомъ и что крестьянская побѣда далеко не была національной, а только сословной... Новая война опять началась съ верхняго общественнаго строя, съ движенія декабристовъ, и только позднѣе перебросилась въ народъ, которому предстоитъ пережить еще очень много прежде, нежели онъ осуществитъ свою историческую миссію.

Итакъ, надо признать, что весь этотъ процессъ такъ называемаго раскрѣпощенія дворянъ и закрѣпощенія крестьянъ развивается въ XVIII столѣтіи на почвѣ тогдашнихъ экономическихъ условій страны. Можно сказать, что въ эту эпоху не наступило еще полное господство денежнаго хозяйства и звучитъ еще очень много натянутыхъ струнъ натурально-хозяйственныхъ отношеній, производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на сбытъ слабо, уровень развитія торгово-промышленной жизни не высокъ. Монархія, проникнутая замѣтно выраженными слѣдами ея порабощенія бюрократіей, откупается отъ выдачи политическихъ правъ дворянству закрѣпленіемъ за нимъ соціально-экономическихъ привилегій, не менѣ цѣнныхъ и для болѣе или менѣ крупныхъ слоевъ чиновничества. Это—фундаментъ для постройки всего гнуснаго зданія крестьянскаго рабства и, если хотите, всеобщаго политическаго рабства, утонченнаго произвола и грубаго безправія. 19 февраля 1861 года начало съ разгрома капитальнаго устоя вотчинно-полицейскаго государства—крестьянскаго рабства, 17 октября 1905 года—съ попытки послѣдовательнаго развитія политическихъ правъ въ странѣ, превратившейся въ капиталистическую и клочущей среди яркой классовой борьбы, сыгравшей тогда въ 1848 годъ и на время потонувшей въ дебряхъ реакціи...

Василій Сторожевъ.

Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи.

Прив.-доц. Н. П. Василенка.

ародное движеніе на Украинѣ 1648—1654 гг., подъ предводительствомъ Богдана Хмѣльницкаго, закончилось отпаденіемъ Украины отъ Польши и присоединеніемъ ея къ Московскому государству на переяславской радѣ 8 января 1654 года.

Территорія, присоединившаяся къ Москвѣ, обнимала собой земли, входившія въ составъ прежнихъ воеводствъ черниговскаго, кіевскаго и брацлавскаго, т.-е. приблизительно теперешнія губерніи: Черниговскую, Полтавскую, Кіевскую, значительную часть Подольской и Волынской. Днѣпромъ территория эта дѣлилась на двѣ части—на Украину правобережную и лѣвобережную.

Борьба Польши съ Москвой за Украину продолжалась и послѣ 1654 г., и Москва принуждена была, въ концѣ-концовъ, пойти на компромиссъ, заключить въ 1667 г. договоръ въ Андрусовѣ, по которому правобережная Украина возвращалась Польшѣ, за исключеніемъ г. Кіева и небольшой территории вокругъ него, обнимающей въ настоящее время среднюю и южную часть Кіевского уѣзда. Съ этой поры историческая жизнь правобережной и лѣвобережной Украины идетъ различными путями. Судьба правобережной Украины связана послѣ 1667 г. съ исторіей Польши. Сословный строй польскаго государства не признавалъ ни казачества, какъ особаго сословія, ни свободнаго крестьянства, между тѣмъ какъ однимъ изъ наиболѣе важныхъ результатовъ народнаго движенія на Украинѣ 1648—1654 гг. было уничтоженіе сословной обособленности и рѣзкихъ границъ, отдѣлявшихъ одинъ

классъ населенія отъ другого. Естественно, поэтому, что правобережная Украина не сразу примирилась съ положеніемъ, созданнымъ для нея андрусовскимъ договоромъ.

Послѣ долгой борьбы и неоднократныхъ стремленій снова соединиться съ лѣвобережной Украиной подъ властью Москвы, правобережная Украина была, наконецъ, окончательно передана Польшѣ Петромъ I послѣ неудачнаго друцкаго похода. Населеніе было переведено въ предѣлы лѣвобережной и слободской Украины. Правобережная Украина опустѣла и въ ней стало водворяться шляхетское землевладѣніе съ необходимой принадлежностью его — крѣпостнымъ правомъ. Необходимость для шляхты колонизовать опустѣвшую землю облегчала примѣненіе крѣпостныхъ порядковъ. Поселенцы созывались на слободы на льготныхъ условіяхъ, а затѣмъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, приходилось имъ волей-неволей подчиниться полному шляхетскому произволу. Другихъ отношеній для крестьянства не зналъ польскій государственный строй. Конечно, это не обходилось безъ народной реакціи. Она сказывалась въ рядѣ крестьянскихъ бунтовъ и затѣмъ въ цѣломъ своеобразномъ общественномъ явленіи, извѣстномъ подъ именемъ „гайдамачины“.

Гайдамаками назывались съ начала XVIII ст. разбойники, преимущественно изъ крестьянъ, образовывавшіе особыя разбойничьи ватаги. Гайдамаки находили поддержку въ Запорожьѣ и обыкновенно встрѣчали широкое сочувствіе и пособничество въ крѣпостномъ крестьянствѣ и въ другихъ элементахъ, недовольныхъ строемъ Рѣчи Посполитой. Сначала гайдамацкія ватаги

Запорожець.

дѣйствуютъ обособленно, но съ 1734 г. гайдамацкія движенія принимаютъ широкіе размѣры. Наибольшей интенсивности они достигаютъ въ 1750 г.; въ особенности же въ 1768 г. въ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ коліивщины¹⁾, которое отличалось большой жестокостью по отношенію къ шляхтѣ, евреямъ, уніатскимъ и католическимъ священникамъ. Съ такой же жестокостью это движеніе было подавлено Польшей и Россіей, къ которой растерявшееся польское правительство обратилось за помощью.

Послѣ коліивщины массовыхъ народныхъ движеній уже не было. Жестокія репрессіи по отношенію къ участникамъ коліивщины и усиленіе полицейской бдительности исключали ихъ возможность.

Коліивщина имѣла вообще большое вліяніе на характеръ крѣпостного права въ юго-западномъ краѣ. Она повела къ чрезмѣрному увеличенію помѣщичьей власти и къ большому приниженію личности крестьянина не только при польскомъ правительствѣ, но и послѣ того, какъ въ 1793 г., во второмъ польскомъ раздѣлѣ, правобережная Украина, т.-е. теперешнія губерніи юго-западнаго края (Кіевская, Волынская и Подольская), была присоединена къ Россіи. Опасность повторенія гайдамацкихъ возстаній давала возможность шляхтѣ терроризировать правительство и развивать свою власть, можно сказать, вполне безконтрольно²⁾.

Иначе складывались отношенія послѣ 1654 г. на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ Малороссіи, въ теперешнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.

До 1654 г. въ Малороссіи, какъ и на правомъ берегу Днѣпра, преобладало крупное шляхетское землевладѣніе и землевладѣніе монастырское. Крестьяне находились въ зависимомъ отъ владѣльцевъ, крѣпостномъ положеніи.

Народное движеніе 1648—1654 гг. произвело въ этомъ отношеніи большія перемѣны. Крѣпостная зависимость крестьянства, равно какъ и всѣ сословныя перегородки были уничтожены. Хотя договорныя статьи 1654 г. и гарантировали шляхтѣ всѣ ея вольности, но на практикѣ это не имѣло значенія. Большинство шляхты осталось вѣрнымъ польскому правительству и ушло добровольно или было изгнано съ лѣваго берега Днѣпра; меньшинство, ставшее на сторону народныхъ массъ и перешедшее затѣмъ въ подданство Россіи, было настолько, по количеству, незначительно, что скоро

¹⁾ Обыкновенно производятъ отъ слова колоть. Отсюда колій—тотъ, который колеть; колій—отрядъ возставшихъ.

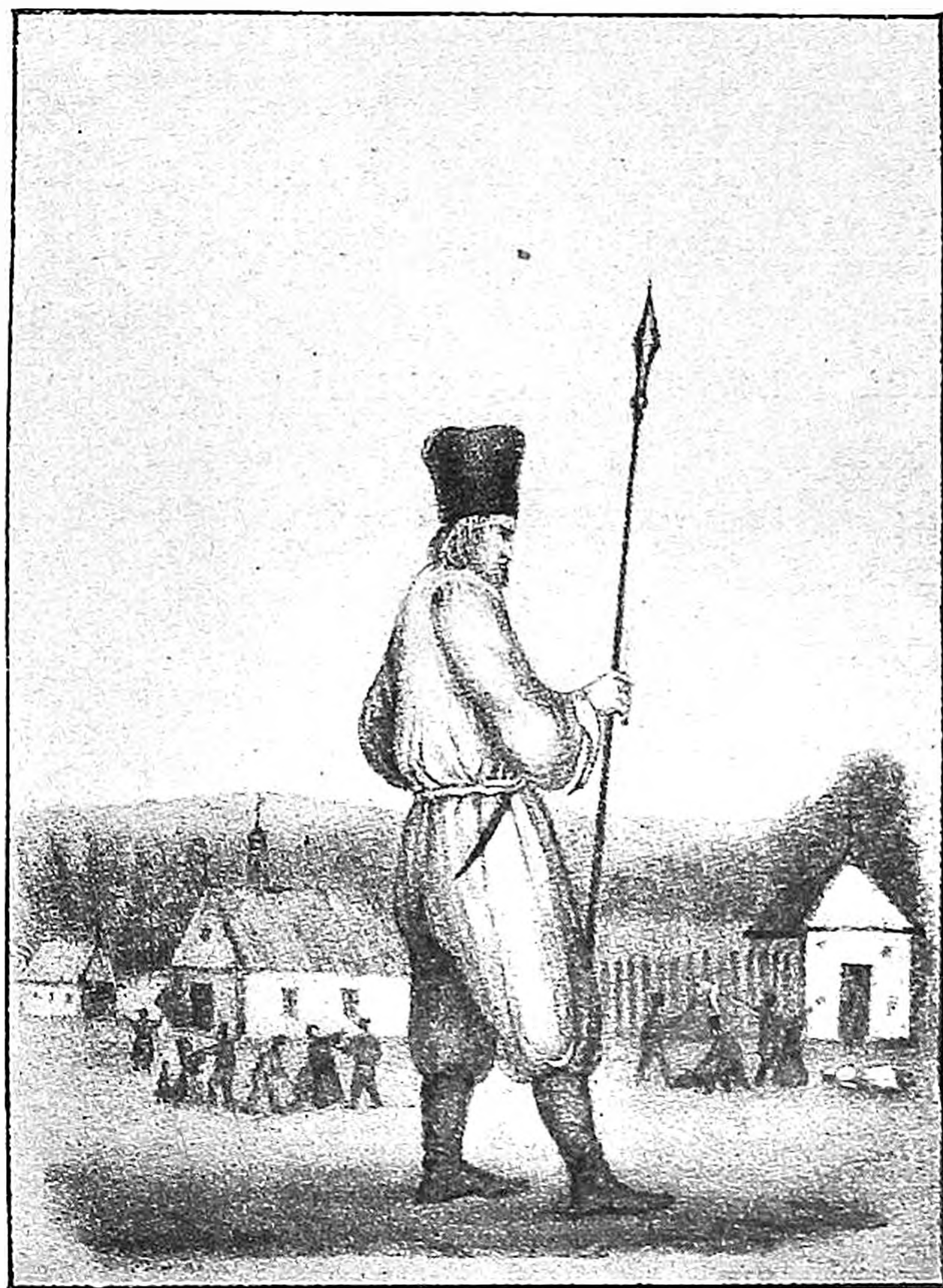
²⁾ И. Новицкій, «Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ юго-западн. Россіи въ XV—XVIII вв.». Кіевъ. 1877. (Архивъ юго-западн. Россіи, часть VI, т. I). В. Б. Антоновичъ, «Объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVIII в. (1700—1799)» въ Архивъ юго-западн. Россіи, ч. VI, т. II. Его же, «Послѣднія времена казачества на правомъ берегу Днѣпра». Кіевъ. 1868. (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. II). Его же, «О гайдамачествѣ (1700—1768)». Кіевъ. 1877. (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. III). Я. Н. Шульгинъ, «Очеркъ коліивщины». Кіевъ. 1890. («Кіев. Стар.», 1890). В. Б. Антоновичъ, «О мнимомъ крестьянскомъ возстаніи въ юго-западн. краѣ въ 1789 г.». (Архивъ юго-западн. Россіи, ч. III, т. V).

растворилось въ общей массѣ казачества и не могло осуществить своихъ шляхетскихъ правъ и привилегій ¹⁾).

Съ исчезновеніемъ шляхетства, все народонаселеніе Малороссіи стало распадаться на два крупныхъ общественныхъ класса — на казачество и пос-польство. Основой для ихъ различія служилъ характеръ ихъ общественныхъ обязанностей и правъ. Казаки несли военную службу, участвовали въ выборѣ гетмана и другихъ административныхъ лицъ; они имѣли право занимать всякаго рода должности (уряды): военныя, административныя, судебныя; имѣніи ихъ освобождались отъ общественныхъ платежей и повинностей (кроме военной, конечно). Что касается пос-польства, то подъ этимъ именемъ сначала разумѣлся вообще классъ, освобожденный отъ военной службы, но обязанный платить извѣстный налогъ въ общественную (войсковую) казну и отбывать рядъ общественныхъ (войсковыхъ) повинностей, напр., подводную, постоянную и т. д. Сюда входили какъ жители городовъ, такъ и жители деревень — крестьяне. За первыми скоро усвоится названіе мѣщанъ, за вторыми остается названіе посполитыхъ, какъ спеціальное названіе крестьянъ. Ко времени составленія переписныхъ книгъ 1666 г., это различіе въ названіяхъ, повидимому, было уже вполне установлено.

Между поспольствомъ, въ широкомъ смыслѣ, и казачествомъ, какъ классами, долгое время не было рѣзкой границы. Переходы изъ одного класса въ другой совершались постоянно, несмотря на запрещенія, которыя не одинъ разъ повторялись въ теченіе второй половины XVIII в., главнымъ образомъ, по отношенію къ крестьянамъ. Побудительной причиной для переходовъ изъ поспольства въ казачество могла служить большая свобода казаковъ отъ платежей и повинностей, а также большія политическія права

Гайдамакъ.

¹⁾ А. Я. Ефименко, «Малорусское дворянство и его судьба» въ сборникѣ ея сочиненій «Южная Русь». Спб. 1905, т. I. Д. П. Миллеръ, «Превращеніе казацкой старшины въ дворянство». Кіевъ. 1897. (Изъ «Кіевск. Стар.», 1897). А. М. Лазаревскій, «Замѣчанія на историческія монографіи». Д. П. Миллеръ, «О малорусскомъ дворянствѣ и о статутныхъ судахъ». Харьковъ. 1898.

казаковъ; но главная причина была все же экономическая. „Какъ освѣли люди,—говорится въ одномъ документѣ,—тогда можнѣйшіе пописались въ вояки, и подлѣйшіе остались въ мужикахъ“ Военная служба, особенно при постоянныхъ войнахъ, наполняющихъ исторію Малороссіи во второй половинѣ XVII ст., требовала большихъ расходовъ для воина, который долженъ былъ самъ вооружаться и отправляться на войну. Хозяйство однихъ она разоряла, у другихъ она порождала желаніе уклониться отъ военной службы, уйти изъ казачества въ посполитые. Болѣе зажиточные, при такихъ условіяхъ, оставались казаками, а обѣднѣвшіе переходили въ посполитые. Искусственныя запретительныя мѣры малорусскаго правительства не могли приостановить или задержать этотъ естественный процессъ, очень важный въ исторіи малорусскаго крестьянства.

По своему матеріальному положенію, казачество, какъ классъ, не было, конечно, однороднымъ. Среди него рано уже начинается выдѣляться группа лицъ, болѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи, извѣстная подъ именемъ казацкой старшины. Группа эта, съ теченіемъ времени, увеличивается количественно, проникается общими классовыми интересами и получаетъ преобладающее значеніе въ малорусской жизни. Однимъ изъ существенныхъ ея классовыхъ интересовъ является стремленіе къ власти и борьба за власть. Отсюда стремленіе занимать войсковыя должности и созданіе ряда привилегированныхъ положеній, въ видѣ войсковыхъ и бунчуковыхъ товарищей.

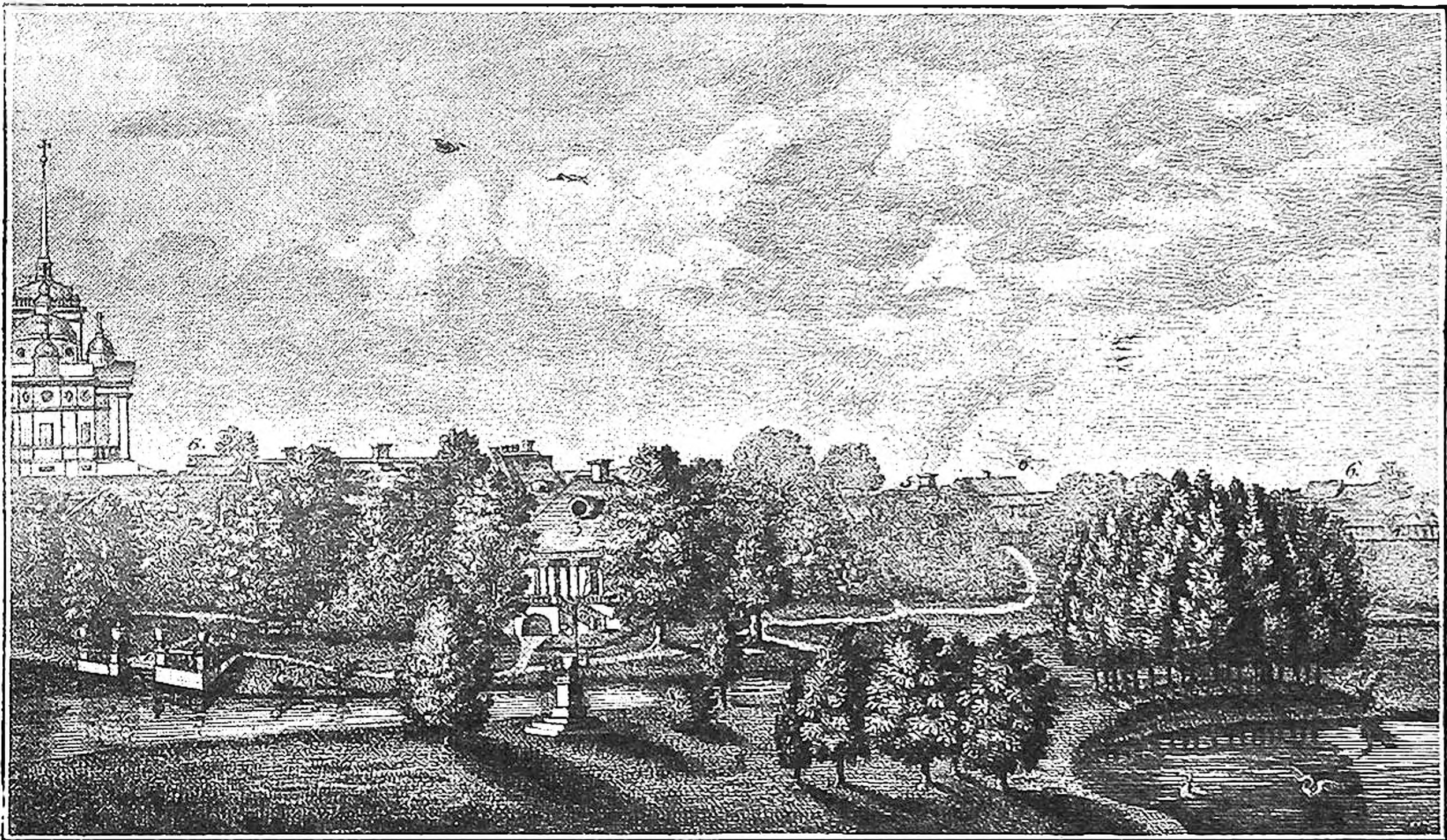
Матеріальная сила казацкой старшины покоилась на землевладѣніи.

Народное движеніе 1648—1654 гг. не разрушило формъ землевладѣнія въ Малороссіи, но произвело въ нихъ существенныя измѣненія. Такъ какъ большинство шляхты—землевладѣльцевъ покинуло лѣвый берегъ Днѣпра, то ихъ имѣнія остались безъ владѣльцевъ и стали считаться собственностью войска. Что касается земельныхъ владѣній шляхты, перешедшей на сторону Москвы, и монастырей, то они были утверждены за прежними владѣльцами договорными статьями, гетманскими универсалами и царскими жалованными грамотами. Крупное землевладѣніе въ Малороссіи, такимъ образомъ, не было уничтожено; оно только уменьшилось въ размѣрахъ. Зато самымъ существеннымъ измѣненіемъ въ области землевладѣнія было признаніе права собственности на землю какъ за казаками, такъ и за посполитыми. Послѣ 1654 г. въ Малороссіи, на первыхъ порахъ, не было никакихъ ограниченій права собственности на землю, ни для кого изъ малорусскихъ обывателей.

Мы уже говорили, что казаки были обязаны военной службой; вслѣдствіе этого ихъ земли были освобождены отъ налоговъ и разнаго рода повинностей, которые падали на посполитыхъ. Первоначально, по договорнымъ статьямъ Богдана Хмѣльницкаго, предполагалось, что налоги будутъ взиматься деньгами въ казну и оттуда будетъ выплачиваться жалованье старшинѣ, занимающей уряды, а также расходы по содержанію учреждений. Поэтому

въ договорныхъ статьяхъ Богдана Хмѣльницкаго только на булаву гетманскую отводилось староство чигиринское; остальнымъ же урядникамъ, назначалось денежное жалованье и доходныя статьи — мельницы. На практикѣ отъ этого порядка вскорѣ было сдѣлано отступленіе, отчасти, надо полагать, подѣ вліяніемъ неуройства финансоваго управления въ Малороссіи, а отчасти, должно - быть, подѣ вліяніемъ строя польскаго государства. По примѣру гетмана, которому было дано на булаву чигиринское староство, и другимъ старшинамъ начинаютъ отводить на содержаніе населенныя имѣнія.

Ивантенки, близъ Почепа, имѣніе гр. Гудовича. Изъ книги Гуна. „Изъ Москвы въ Малороссію“ (1806).

Когда сталъ примѣняться этотъ порядокъ, трудно сказать съ точностью, но можно думать, что еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ, хотя А. М. Лазаревскій и настаивалъ на мнѣніи, что Богданъ Хмѣльницкій выдавалъ универсалы на населенныя имѣнія только монастырямъ ¹⁾.

Имѣнія раздавались, кромѣ монастырей, разнымъ лицамъ изъ старшины и духовенства за заслуги предѣ войскомъ или же въ виду службы въ войскахъ; затѣмъ на содержаніе опредѣленныхъ войсковыхъ должностей, на рангъ (ранговыя маетности), на содержаніе магистратовъ и отдѣльныхъ магистратскихъ должностныхъ лицъ (имѣнія ратушныя). Тѣ имѣнія (маетности), которыя не были еще никому розданы, считались свободными войсковыми,

¹⁾ Рецензія на монографіи Д. П. Миллера, стр. 6.

находящимися въ „диспозиціи войсковой“, въ видѣ запаснаго фонда, изъ котораго могла быть произведена раздача имѣній ¹⁾).

Раздача населенныхъ имѣній въ первое время послѣ 1654 г. производилась, повидимому, въ скромныхъ размѣрахъ, но къ началу послѣдней четверти XVII в. приняла очень широкіе размѣры и сдѣлалась явленіемъ обычнымъ въ малорусской жизни. Количество не розданныхъ имѣній все уменьшалось ²⁾. Юридически имѣнія раздавались во временное пользованіе, но фактически они часто оставались во владѣніи цѣлаго ряда поколѣній и обращались почти въ наследственные. Въ такихъ случаяхъ владѣльцы населенныхъ имѣній не ограничивались подтвержденіемъ своихъ правъ на владѣніе отъ каждаго новаго гетмана, но испрашивали себѣ подтвердительныя царскія жалованныя грамоты, въ которыхъ шла уже рѣчь о вѣчномъ и потомственномъ владѣніи.

Населеніе маетностей составляли посполитые. Они были людьми лично свободными, собственниками земли, на которой сидѣли и которую обрабатывали, въ правахъ ничѣмъ не ограниченными. При пожалованіи населенныхъ имѣній на получающаго маетность переносились поэтому не право на личность посполитыхъ и не право собственности на ихъ землю, а только право на часть ихъ труда, выражавшуюся въ извѣстнаго рода платежахъ и повинностяхъ ³⁾.

Закономъ платежи и повинности посполитыхъ не были опредѣлены развѣ навсегда. Въ этомъ случаѣ игралъ роль обычай, и повинности разнообразились по мѣсту и времени. Въ гетманскихъ универсалахъ и полковничьихъ листахъ, которыми та или иная маетность жаловалась въ держаніе, о повинностяхъ посполитыхъ говорилось обыкновенно глухо: „позволяемъ... всякое отъ людей посполитыхъ послушенство и повинность звиклую дорочную отбирати“... или „повинни (посполитые) ему якъ до важення дровъ, такъ и до кошеня и притяганя сѣна быть послушными“, какъ говорится въ одномъ универсалѣ гетмана Самойловича 1679 г. ⁴⁾.

---

¹⁾ И. В. Лучицкій, рецензія на первый томъ «Описанія Старой Малороссіи» Лазаревскаго въ «Кіевск. Универс. Извѣстіяхъ», 1890, № 12. В. Барвинскій, «Крестьяне въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII—XVIII вв.». Харьковъ. 1909, стр. 53 и слѣд.

²⁾ В. А. Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVII столѣтіи», «Русск. Бог.», 1894, № 3, стр. 202 и слѣд. Его же, «Рецензія на Генеральное слѣдствіе Черниговск. полка», «Кіевск. Стар.», 1893, т. 42, стр. 366 и слѣд.

³⁾ А. М. Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне (1642 — 1783) въ «Запискахъ Черниговск. статист. Комитета» за 1866, кн. I, 2 изд. Кіевъ. 1908. В. А. Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства въ лѣвобережной Малороссіи», «Русск. Бог.», 1894, кн. 2—4. В. Барвинскій, «Крестьяне въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII—XVIII вв.». Харьковъ. 1909.

⁴⁾ Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне», 2 изд., стр. 22, прим. 43. В. Барвинскій, стр. 166—167.

Такая неопредѣленность давала поводъ къ злоупотребленіямъ. Не всѣ, конечно, изъ нихъ доходили до свѣдѣнія высшей административной власти, но относительно нѣкоторыхъ гетманы принуждены были издавать спеціальныя универсалы. Мазепа, напр., приказывалъ, „дабы никто изъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и наборами вымышленными людей отягощати и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничего вновь и выше мѣры не налагая, но извѣчайными дачами довольствуясь“¹⁾.

Иногда гетманы, въ отдѣльныхъ, правда, случаяхъ, старались точнѣе опредѣлить повинности посполитыхъ. По поводу, напр., жалобы посполитыхъ с. Смоляжи, Нѣжинскаго полка на своего державцу — сотника веркѣвскаго Афанасьевича, Мазепа универсаломъ отъ 28 ноября 1701 г. предписывалъ требовать отъ посполитыхъ только по 2 дня въ недѣлю панщины (барщины) и по $\frac{1}{2}$ осмачки овса отъ каждой головы рабочаго скота, другихъ же платежей не взимать²⁾. Но это было распоряженіе частное, общей силы не имѣвшее; обыкновенно повинности посполитыхъ были очень разнообразны: кромѣ панщины, посполитые платили деньгами, продуктами, хлѣбомъ, курами, яйцами, полотномъ и т. д.

Владѣніе населенными имѣніями, выгоды отъ занятія урядовъ, винокуреніе, торговля и т. д. способствовали росту экономической силы малорусской старшины. Монастыри также широко развивали свою хозяйственную дѣятельность и являлись едва ли не самыми крупными и богатыми земельными собственниками и капиталистами въ Малороссіи послѣ 1654 г. Наоборотъ, рядовое казачество и посполство, благодаря постояннымъ войнамъ, междоусобіямъ и неустройствамъ въ Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка, благодаря военной службѣ, поборамъ, повинностямъ, наконецъ, ряду стихійныхъ бѣдствій (саранча), приходили все больше и больше въ экономическое

Малороссійская Мѣщанка
Малороссійская мѣщанка (изъ книги Гуна).

¹⁾ Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне», 2 изд., стр. 23.

²⁾ Генеральное слѣдствіе Нѣжинскаго полка. Черниговъ. 1901, стр. 169. Лазаревскій, стр. 24.

разстройство. Къ началу послѣдней четверти XVII в. въ малорусской жизни ясно поэтому обрисовываются два класса съ противоположными экономическими интересами—сильный владѣльческій классъ и слабый въ матеріальномъ отношеніи, классъ рядового казачества и посполства. При столкновеніи ихъ интересовъ, побѣда, естественно, должна была остаться на сторонѣ владѣльческаго класса, какъ болѣе сильнаго.

Земля и землевладѣніе въ Малороссіи опредѣляли хозяйственный строй

Малороссійскій казакъ.

страны. Понятно поэтому, что уже рано обнаружилось въ Малороссіи стремленіе у отдѣльныхъ лицъ сосредоточить въ своихъ рукахъ какъ можно больше земли. Это стремленіе сдѣлалось затѣмъ характернымъ для всего землевладѣльческаго класса и монастырей. Всякій, скопившій себѣ капиталецъ, старался всѣми правдами и неправдами увеличить свои земельныя владѣнія; каждый вновь основанный монастырь, не говоря уже о старыхъ, ставилъ себѣ ближайшей цѣлью округленіе своихъ владѣній путемъ приобрѣтенія земли.

Для приобрѣтенія земли пускались въ ходъ всякіе способы, какъ законные—даръ, мѣна, завѣщанія, залогъ и т. д., такъ и незаконные, до насилія включительно. Но главнымъ, преобладающимъ способомъ приобрѣтенія земли была купля. Отсюда и самый процессъ мобилизаціи земли въ Малороссіи отъ рядового казачества и посполства къ старшинѣ и другимъ владѣльцамъ и монастырямъ извѣстенъ въ истори-

ческой литературѣ подъ именемъ „скупли грунтовъ“. Благодаря скуплѣ, въ рукахъ старшины и монастырей сосредоточились крупныя пространства земли на правахъ полной собственности. Обратной стороной этого процесса было обезземеленіе рядового казачества и посполитыхъ, продававшихъ свои земли

Такъ какъ обезземеленіе казачества дѣлало неспособнымъ его къ несенію военной службы, то малорусское правительство уже съ конца XVII столѣтія начинаетъ издавать распоряженія съ запрещеніемъ покупать земли казаковъ,

стараясь искусственно задержать процесс обезземеления казачества. Распоряжения эти не разъ повторялись затѣмъ въ XVIII в.

Что же касается посполитыхъ, то вопросъ объ ихъ землевладѣннн не интересовалъ малорусское правительство съ государственной точки зрѣннн и разрѣшался на почвѣ частныхъ отношеннн.

Покупка державцами земли у посполитыхъ въ маетностяхъ, которыя отданы были имъ во временное владѣннн, вносила существенныя перемѣны въ характеръ временнаго державческаго владѣннн. Раньше собственникомъ земли оставался посполитый, державца имѣлъ право только на извѣстныя повинности, теперь же державца становился собственникомъ земли. Когда отбиралась отъ державцы маетность, купленная земля не могла быть отобрана и оставалась въ его владѣннн. Чѣмъ больше державца скупалъ земли у своихъ посполитыхъ, тѣмъ прочнѣе было его владѣннн маетностью.

Съ другой стороны, и въ положеннн посполитыхъ наступали большнн перемѣны ¹⁾. Продавая свою землю, посполитый могъ, конечно, уйти изъ маетности и переселиться въ другое мѣсто, но чаще всего, принужденный къ продажѣ земли своимъ экономическимъ разстройствомъ, онъ оставался на прежнемъ участкѣ, въ качествѣ арендатора, отдавая державцѣ извѣстную часть урожая и отбывая повинности по условнн съ собственникомъ земли. Такимъ образомъ посполитые державческихъ маетностей обращались въ подсуздковъ. Такъ назывался разрядъ крестьянъ, сидѣвшихъ на чужой землѣ или жившихъ въ чужихъ хатахъ, въ качествѣ арендаторовъ или работниковъ, получавшихъ обыкновенно вознагражденн изъ части труда.

Малороссійскій шляхтичъ.

¹⁾ Для посполитыхъ тѣхъ маетностей, которыя были розданы и паходились въ частномъ владѣннн старшины, употреблялось часто названн подданные.

Подсусѣдки не были принадлежностью только державческих маетностей: они бывали и у казаковъ, и у посполитыхъ, равно какъ не только посполитые превращались въ подсусѣдки, но казаки и мѣщане, разъ они продавали свои земли и оставались жить на нихъ или же поселялись на чужихъ земляхъ и въ чужихъ хатахъ.

Разрядъ подсусѣдковъ появился въ Малороссіи рано и былъ вызванъ экономическимъ разстройствомъ населенія. Особенно онъ сталъ увеличиваться послѣ андрусовскаго мира (1667 г.), когда съ передачей лѣвобережной Украйны Польшѣ и опустошеніемъ ея масса населенія стала переселяться на лѣвый берегъ Днѣпра. Эти переселенцы садились на земли войсковыя, частныхъ владѣльцевъ и монастырей, основывали слободы и получали при этомъ извѣстное число лѣтъ свободы отъ несенія платежей и повинностей. На свободныхъ войсковыхъ земляхъ переселенцы становились посполитыми, собственниками занятой земли. Что же касается частныхъ и монастырскихъ владѣній, то переселенцы на нихъ не пріобрѣтали земли, на которой селились, въ собственность, а дѣлались только арендаторами и, по истеченіи льготныхъ лѣтъ, обращались въ обыкновенныхъ подсусѣдковъ, лично, конечно, свободныхъ, пользовавшихся всѣми гражданскими правами, могущихъ оставить владѣльца и уйти, а также пріобрѣтать движимость и недвижимость.

Къ концу XVII ст. въ Малороссіи, такимъ образомъ, существовало рядомъ два разряда крестьянъ—посполитые и подсусѣдки. Оба разряда были лично свободны, но посполитые были собственниками земли, подсусѣдки же сидѣли на чужой землѣ. Посполитые сохраняли государственное значеніе. Они обязаны были нести платежи и повинности въ пользу государства. Если государство предоставляло трудъ посполитыхъ въ пользованіе частныхъ лицъ, то дѣлало это, по идеѣ, въ государственныхъ цѣляхъ. Что же касается подсусѣдковъ, то это былъ особый видъ частныхъ отношеній. Положеніе подсусѣдковъ опредѣлялось частнымъ договоромъ съ владѣльцемъ. Какъ не имѣвшіе земельной собственности, а часто и своего хозяйства, подсусѣдки были свободны отъ государственныхъ платежей и повинностей.

Въ житейской практикѣ, однако, оба вида крестьянъ близко подходили другъ къ другу, и это не могло не отражаться на ихъ положеніи. Были подсусѣдки, владѣвшіе собственными землями; равно какъ и государственное значеніе посполитыхъ нерѣдко забывалось, и частноправная точка зрѣнія на владѣніе державцевъ посполитыми брала въ жизни перевѣсъ. Эта точка зрѣнія особенно сказывалась въ вопросѣ о правѣ посполитыхъ распоряжаться своимъ имуществомъ и о правѣ ихъ перехода отъ одного владѣльца къ другому, на слободы или въ свободныя войсковыя маетности.

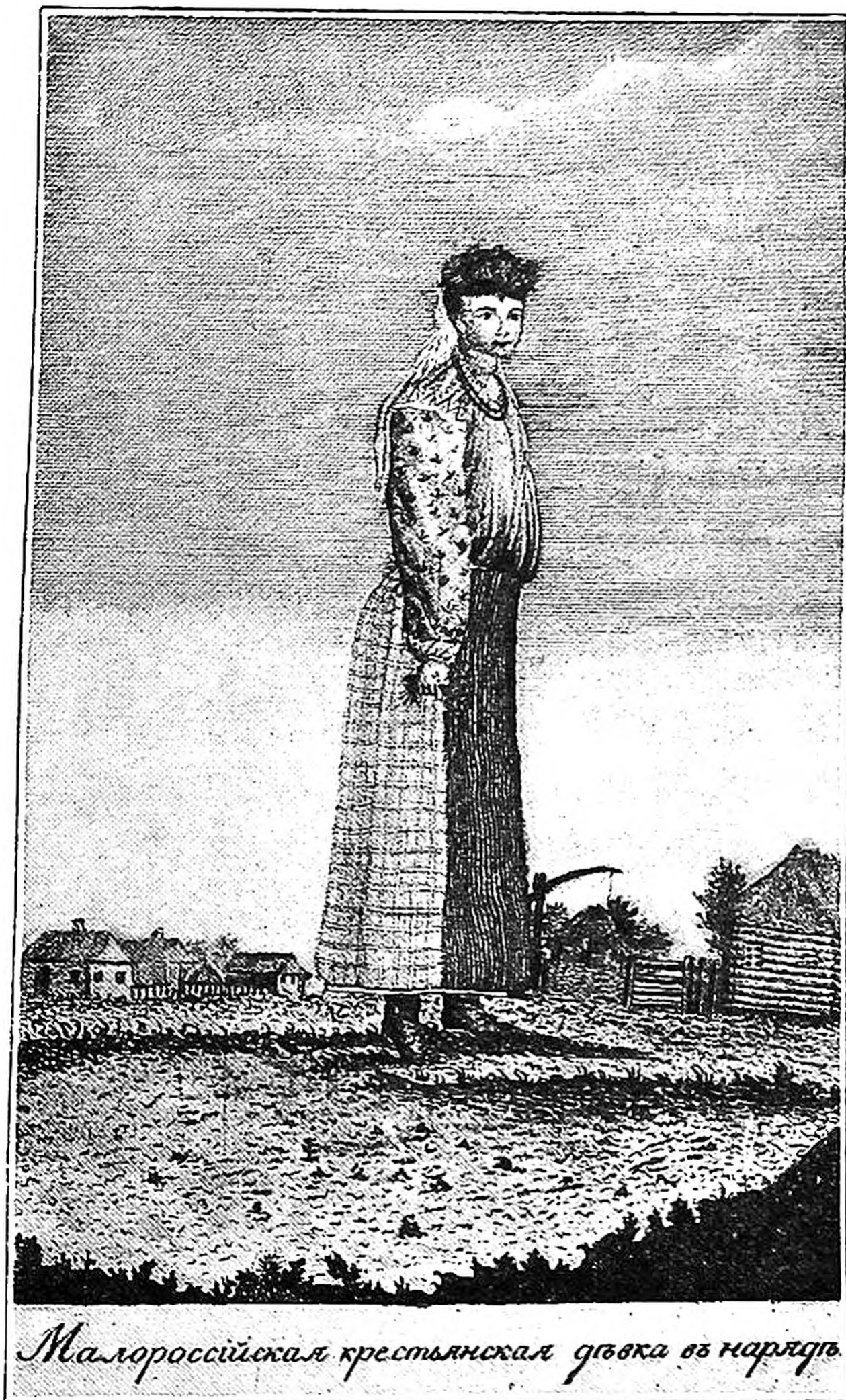
Посполитые были собственниками земли, на которой сидѣли и которой владѣли; они, слѣдовательно, имѣли право отчуждать ее кому угодно. Какъ

люди свободные, посполитые безъ разрѣшенія владѣльца маетности могли переселяться въ другія мѣста, переходить къ другимъ державцамъ, записывались въ казаки.

Подобная свобода была невыгодна для державцевъ, и они начинаютъ съ нею борьбу. Малорусская администрація, вышедшая изъ ихъ среды, поддерживаетъ ихъ интересы. Державцы прежде всего стремятся провести въ практику взглядъ, что посполитые безъ согласія державцы не имѣютъ права распоряжаться своими землями, равно какъ никто безъ разрѣшенія державцы не имѣетъ права покупать у посполитыхъ землю. Этотъ же взглядъ стала проводить и администрація. Въ одномъ изъ своихъ универсаловъ 1708 г. гетманъ Мазепа высказалъ уже официально мысль, что послѣ ушедшихъ изъ маетности посполитыхъ ихъ земли остаются во владѣніи державцы, а посполитые теряютъ на нихъ всякія права ¹⁾.

Взглядъ этотъ шелъ еще въ разрѣзъ съ обычнымъ народнымъ возрѣніемъ въ Малороссіи на права посполитыхъ. Онъ поэтому не сразу получилъ силу, и правительственная власть не одинъ разъ принуждена была давать ему юридическую санкцію, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ²⁾. Повидимому, только въ 1727 г. этотъ взглядъ восторжествовалъ окончательно, когда правители генеральной войсковой канцеляріи, признавъ за посполитыми право свободного перехода, постановили, что, уходя, посполитый можетъ забрать съ собой движимость; что же касается недвижимости, то она остается въ собственности державцы, хотя бы и была пріобрѣтена посполитымъ. На ряду съ этимъ шло и запрещеніе покупать, нанимать и принимать въ залогъ земли посполитыхъ безъ разрѣшенія державцы. Подобныя запре-

Малороссійская крестьянская дѣвушка въ праздничномъ нарядѣ (изъ книги Гуна).

¹⁾ А. М. Лазаревскій, «Малороссійскіе посполитые крестьяне». Кіевъ. 1908 г., 2-е изд., стр. 20.

²⁾ В. А. Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства», «Русск. Богат.», 1894 г., кн. 2, стр. 40—42. В. Барвинскій, цит. соч., стр. 143 и слѣд.

щенія встрѣчаются еще въ XVII в., но, главнымъ образомъ, они повторяются въ XVIII в. Повидимому, запрещеніе покупать земли посполитыхъ безъ разрѣшенія владѣльца постоянно нарушалось. Это запрещеніе было ничѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ къ Малороссіи 27 арт. IX разд. Литовскаго статута, отрицавшаго за крестьяниномъ право земельной собственности. Оно было внесено затѣмъ и въ проектъ свода малорусскихъ законовъ, составленный въ 1740 г. и носящій названіе „правъ, по которымъ судится малорусскій народъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, къ срединѣ XVIII ст. посполитые, жившіе въ маестностяхъ частныхъ владѣльцевъ и монастырей, юридически были лишены права собственности на землю. Скоро они были лишены и права на движимость.

Сложнѣе и продолжительнѣе была борьба державцевъ и монастырей съ личной свободой посполитыхъ, главнымъ образомъ, съ правомъ перехода посполитыхъ отъ одного владѣльца къ другому.

Свѣдѣнія о попыткахъ парализовать въ отдѣльныхъ случаяхъ право перехода мы имѣемъ съ начала XVIII ст.; но, вѣроятно, они бывали и раньше. Въ 1705 г., напр., Черниговскій Борисоглѣбскій монастырь вошелъ въ сдѣлку съ однимъ изъ своихъ посполитыхъ, по которой этотъ послѣдній вмѣстѣ со своими сыновьями обязались „бути подданными вѣчными архіерейскими сами и потомковѣ“ ихъ. Пospолитые, продавая свои грунты Нѣжинскому и Благовѣщенскому монастырю въ 1718 г., обязуются жить на нихъ „не исходне“, „до живота“, „со всею семьею до животне“.

Наиболѣе раннія свѣдѣнія о подобнаго рода сдѣлкахъ находятся въ земельныхъ документахъ монастырей. Это даетъ изслѣдователямъ основаніе полагать, что въ дѣлѣ прикрѣпленія малорусскаго крестьянства къ землѣ монастыри шли впереди другихъ державцевъ и раньше другихъ начали практику въ этомъ отношеніи. За ними уже шли и свѣтскіе державцы, которые также старались всячески удержать у себя посполитыхъ и боролись съ ихъ переходами.

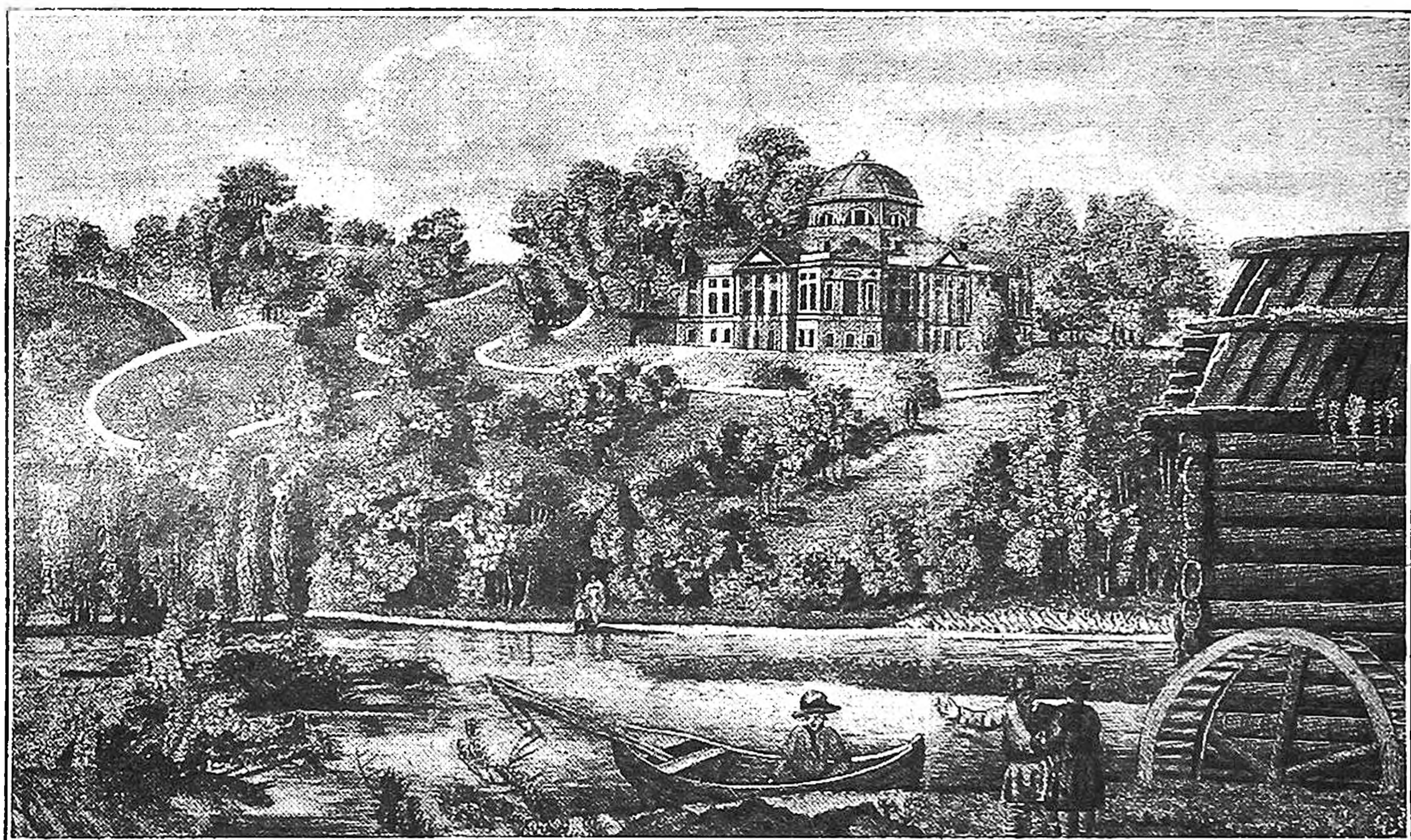
Помимо экономическихъ расчетовъ, этому способствовали и другія обстоятельства. Нормы Литовскаго статута, содержащія въ себѣ, какъ извѣстно, право шляхетское, стали примѣняться къ малорусскимъ отношеніямъ, за неимѣніемъ другого кодекса, и на нихъ все чаще и чаще начинаютъ ссылаться суды, административныя мѣста и державцы въ своихъ притязаніяхъ на свободу посполитыхъ. Литовскій статутъ не зналъ свободнаго крестьянства, и малорусская старшина, на основаніи „книги Статута“, находила, что переходы крестьянъ противорѣчатъ „правамъ малороссійскимъ“. Близкое всегда соприкосновеніе Малороссіи съ Польшей не могло также не отражаться на взглядахъ малорусской старшины. Въ Польшѣ господствовало крѣпостное

¹⁾ Изданъ покойнымъ проф. А. Ф. Кистяковскимъ (Кіевъ. 1879 г.).

право. Взгляды на посполитыхъ, какъ на крѣпостныхъ, приносили съ собой въ Малороссію и новые владѣльцы, иноземцы и великоруссы, которые появились въ Малороссіи послѣ прутскаго похода Петра Великаго.

До тѣхъ поръ владѣть маестностями въ Малороссіи могли только лица, которые послѣ службу въ „войскѣ запорожскомъ“, т.-е. занимали войсковые уряды въ Малороссіи. Послѣ же прутскаго похода появилась масса сербовъ и другихъ славянъ, грековъ, молдаванъ, которые оказали Петру I разныя услуги во время похода, и Петръ I приказалъ пожаловать имъ населенныя имѣнія въ Малороссіи. Такія же пожалованія получили кн. Меншиковъ, гр. Головкинъ и другіе великорусскіе вельможи. Они не знали иного кре-

Бакланы, имѣніе гр. Разумовскаго. Домъ построенъ по образцу виллъ итальянскихъ вельможъ близъ Рима. (Изъ книги Гуна).

стьянства, кромѣ крѣпостного, и, естественно, переносили свои крѣпостническіе взгляды на малорусскихъ посполитыхъ. Взгляды эти вполне совпадали съ экономическими интересами малорусскихъ державцевъ и способствовали интенсивности борьбы ихъ съ личной свободой и правомъ перехода посполитыхъ. Насилія надъ личностью посполитыхъ съ цѣлью предупредить переходы или удержать отъ нихъ въ XVIII в. учащаются. Появляются продажи имѣній „съ подданными“. Въ 1728 г., вслѣдъ за избраніемъ въ гетманы Данила Апостола, владѣльцы обратились къ нему съ просьбой о прикрѣпленіи крестьянъ, садившихся на купленныхъ владѣльцами земляхъ. Гетманъ отказалъ ¹⁾.

¹⁾ «Кіевск. Стар.», 1891 г., т. XXXIV, стр. 285.

Ходатайства владѣльцевъ въ этомъ отношеніи не прекращались, однако, до самой смерти Даніила Апостола и послѣ нея, при чемъ владѣльцы старались теперь выставить на первый планъ вредъ отъ крестьянскихъ переходовъ не для своихъ частныхъ интересовъ, а для интересовъ государственныхъ. Ходатайства были до поры до времени безрезультатны. Державцы, однако, готовы были ухватиться за каждый удобный случай, чтобы добиться своего. 29 мая 1738 г. Сенатъ издалъ указъ, которымъ запретилъ принимать казаковъ и посполитыхъ, переходившихъ изъ слободскихъ полковъ, и велѣлъ возвращать ихъ на прежнія мѣста ¹⁾. Генеральная войсковая канцелярія придала этому указу очень широкое толкованіе и примѣнила его къ Малороссіи, какъ запрещеніе обывателямъ переходить съ мѣста на мѣсто и какъ распоряженіе „сыскивать и отдавать на прежнія ихъ жилища“ тѣхъ, которые сойдутъ. Это толкованіе майскаго указа 1738 г. сдѣлалось юридической нормой для урегулированія отношеній между владѣльцами и крестьянами въ Малороссіи, пока съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны не былъ изданъ (18 января 1742 г.) указъ, которымъ снова было восстановлено право свободного перехода малорусскихъ крестьянъ ²⁾. Планы державцевъ такимъ образомъ рушились; но державцы не отказались отъ своихъ притязаній.

На практикѣ они продолжали фактически борьбу съ крестьянскими переходами, силою удерживали крестьянъ, грабили ихъ имущество. Отстаивать же свои права въ судѣ крестьянамъ трудно было вслѣдствіе дороговизны процесса. Крестьяне поэтому уходили часто тайкомъ и увозили свое имущество. Переходъ такимъ образомъ приближался къ побѣгу.

19 февраля 1752 г. генеральная старшина обратилась къ гетману Разумовскому съ прошеніемъ о запрещеніи крестьянскаго перехода. Но прошеніе, повидимому, и на этотъ разъ не имѣло результата. Оно, однако, не было забыто старшиной. Въ 1759 г. возникъ въ миргородскомъ полку между владѣльцемъ Цертелевымъ и однимъ изъ его подданныхъ, ушедшихъ отъ него, споръ о движимости ³⁾. Дѣло восходило въ генеральную войсковую канцелярію, которая признала право на движимость крестьянина за державцей и, представляя все дѣло гетману, указывала на вредъ крестьянскихъ переходовъ, при чемъ ссылалась на прошеніе генеральной старшины 1752 года. Результатомъ доклада генеральной войсковой канцелярії было изданіе гетманомъ Разумовскимъ универсала 20 апрѣля 1760 г., которымъ право собственности на движимость уходящаго крестьянина было признано за державцей;

¹⁾ П. С. Зак., № 7.588.

²⁾ П. С. Зак., № 8.600.

³⁾ Мякотинъ, «Прикрѣпленіе крестьянства» въ «Русск. Бог.», 1894 г., № 3, стр. 220 и слѣд.

переходъ крестьянъ хотя и не уничтожался, но регулировался со стороны державцевъ, которые обязаны были выдавать отпуска крестьянамъ. Безъ отпусковъ нельзя было уходить съ мѣста, равно какъ и принимать посполитыхъ; если же державца отказывалъ въ отпускѣ, то посполитый могъ обратиться въ ближайшій урядъ, и послѣдній обязанъ былъ или понудить державцу къ выдачѣ отпуска, или же самъ выдать свидѣтельство на право перехода ¹⁾.

Универсалъ 20 апрѣля 1760 г., естественно, долженъ былъ на практикѣ породить массу злоупотребленій, такъ какъ въ интересахъ державцевъ было не выдавать отпускныхъ посполитымъ. Но онъ, однако, не привелъ къ окончательному прикрѣпленію крестьянства. Юридически право перехода все-таки сохраняло свою силу.

Универсалъ 20 апрѣля 1760 года былъ послѣднимъ законодательнымъ актомъ малорусскаго правительства относительно перехода крестьянъ. Дальнѣйшіе шаги въ этомъ отношеніи, приведшіе, въ концѣ-концовъ, къ окончательному прекращенію переходовъ и къ прикрѣпленію крестьянства въ Малороссіи, принадлежали уже русскому правительству.

На взгляды русскаго правительства въ отношеніи крестьянства имѣла, несомнѣнно, большое вліяніе записка Г. Н. Теплова, воспитателя гетмана Разумовскаго. Тепловъ жилъ съ Разумовскимъ и былъ ближайшимъ его совѣтникомъ по управленію Малороссіею. Записку свою о неурядкахъ въ Малороссіи Тепловъ подалъ императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, при чемъ старался доказать, что права и привилегіи Малороссіи отжили свой вѣкъ и являются только тормозомъ для правительственныхъ реформъ. Крестьянъ Тепловъ изображалъ въ этой запискѣ, какъ лѣнтяевъ, пьяницъ, страдающихъ отъ голода и бѣдности. Одну изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія крестьянъ Тепловъ видѣлъ въ крестьянскихъ переходахъ ²⁾.

Малороссійская крестьянка (изъ книги Гуца).

¹⁾ «Кіевск. Стар.», 1885 г., т. 12 (кн. 7), стр. 477—483.

²⁾ «Записки о южной Руси» П. А. Кулиша, т. 2, стр. 194—196.

Екатерина II была проникнута централистическими взглядами и враждебно настроена против малорусских привилегий, но не сразу принялась за их уничтожение. Первым актом ее относительно малорусского крестьянства был указ от 15 декабря 1763 г., подтвердивший в сущности то, что заключал в себе универсал гетмана Разумовского 1760 г.: переход крестьян не уничтожался, но принимать их можно было только с отпусками от владѣльцев¹⁾. В 1764 г. гетманъ съ малорусскимъ шляхетствомъ обратились къ императрицѣ съ прошеніемъ о нуждахъ Малороссіи, въ которомъ просили о подтвержденіи правъ малороссійскихъ. И между прочимъ, объ отмиѣнѣ крестьянскаго перехода, выставляя его какъ нововведеніе, противорѣчащее малорусскимъ правамъ²⁾.

Прошеніе это въ своей политической части не соотвѣтствовало видамъ русскаго правительства и было, поэтому, не только оставлено безъ удовлетворенія, но и повлекло за собой неожиданные и роковыя для Малороссіи результаты. Гетманская власть была уничтожена; во главѣ управленія Малороссіей была поставлена Малороссійская Коллегія подъ предсѣдательствомъ генераль-губернатора, которымъ былъ назначенъ графъ П. А. Румянцевъ.

Въ инструкціи генераль-губернатору Екатерина II рѣзко высказывалась противъ крестьянскихъ переходовъ и за необходимость ихъ окончательнаго пресѣченія³⁾.

Вскорѣ затѣмъ въ 1767 г. была созвана Екатерининская законодательная комиссія. Малороссія также должна была прислать депутатовъ. Въ наказахъ своимъ депутатамъ шляхетство совершенно не коснулось вопроса о крестьянахъ, и только Малороссійская Коллегія говорила въ наказѣ своему депутату Натальину о „простомъ народѣ“, почти повторяя мысли, когда-то высказанныя Тепловымъ: народъ лѣнивъ, празденъ, голоденъ, пьяница, а способствуютъ этому переходы крестьянъ. Коллегія не предлагала запретить переходы, но рекомендовала ввести особый налогъ на землю посполитыхъ, допускать переходы пашенныхъ посполитыхъ только тогда, когда на мѣсто нихъ будетъ поставленъ новый работникъ; для непашенныхъ же крестьянъ допускался переходъ попрежнему съ отпусками отъ владѣльцевъ. Коллегія проектировала затѣмъ изданіе для крестьянъ особаго „поселянскаго“ права, которое бы заключало въ себѣ „образъ суда и порядокъ въ хозяйствѣ и хлѣбопашествѣ“

Наказъ Коллегіи вызвалъ критику лубенскаго депутата Г. А. Полетики, одного изъ образованнѣйшихъ людей въ Малороссіи, критику очень характерную для взглядовъ малорусскаго шляхетства на крестьянскій вопросъ. Осно-

1) П. С. Зак., № 11, 987.

2) «Кіевск. Стар.», 1883 г., т. VI, стр. 342—343.

3) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. VI, стр. 381. «Русск. Арх.», 1863 г., стр. 433.

вываясь на статьяхъ Литовскаго статута ¹⁾, Полетика проводилъ мысль о полномъ прикрѣпленіи крестьянства, возражалъ противъ налога на землю посполитыхъ, отрицалъ за посполитыми право на владѣніе землей, „ибо въ такомъ случаѣ мужики уже не подданные своему господину, но равные ему владѣльцы были бы“; горячо возставалъ противъ особаго „поселянскаго“ права, какъ „вреднаго“ для мужика и „предосудительнаго“ для помѣщика потому, что „пока мужики будутъ почитаться неравными владѣльцамъ, то весь судъ и расправа мужиковъ должны быть при владѣльцахъ или ихъ повѣренныхъ“ ²⁾ Такимъ образомъ, у шляхетства, насколько выразителемъ его взглядовъ является Г. А. Полетика, сложился вполне опредѣленный взглядъ на посполитаго, какъ на несвободнаго, безземельнаго, прикрѣпленнаго къ помѣщичьей землѣ человека.

Юридически переходы все-таки допускались, и владѣльцы принуждены были считаться съ этимъ. Они поэтому продолжаютъ вести упорную борьбу съ переходами, отказываютъ въ выдачѣ отпускныхъ, заключаютъ другъ съ другомъ договоры не принимать посполитыхъ безъ свидѣтельствъ; при помощи суда и административной власти, а то и самовольно стараются возвращать посполитыхъ, ушедшихъ безъ отпускныхъ. Это мало помогаетъ дѣлу. Переходы безъ отпускныхъ не только не уменьшаются, а скорѣй усиливаются. Малороссійская коллегія приходитъ на помощь владѣльцамъ и издастъ, начиная съ 1765 г., рядъ запрещеній держать у себя болѣе сутокъ посполитыхъ, ушедшихъ безъ разрѣшенія, вообще принимать ихъ; предписываетъ представлять ихъ на уряды, возвращать на прежнія мѣста и т. д.

Частое повтореніе подобнаго рода распоряженій показываетъ недѣйствительность этихъ мѣръ на практикѣ. А между тѣмъ тайные переходы посполитыхъ, трудно поддающіеся учету, несомнѣнно, отражались на правильности поступленія сборовъ въ казну и увеличивали недоимку.

Вотъ эта фискальная сторона вопроса и послужила толчкомъ къ послѣдней заключительной мѣрѣ русскаго правительства въ отношеніи прикрѣпленія малорусскихъ крестьянъ. Въ 1781 г. генераль-губернаторъ гр. П. А. Румянцевъ вошелъ къ Екатеринѣ II съ докладомъ о согласованіи особенностей Малороссіи съ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. Въ докладѣ онъ указывалъ, между прочимъ, и на необходимость „утвержденія здѣшнихъ крестьянъ на началахъ статутаго права“ и уничтоженія такимъ образомъ права перехода и исковъ о казачествѣ ³⁾. Докладъ этотъ не прошелъ безслѣдно для малорусскаго крестьянства. 3 мая 1783 г. былъ изданъ Екатериной II указъ,

¹⁾ Разд. III арт. 38; разд. IX арт. 29; разд. XII арт. 12—24.

²⁾ Наставленіе выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Комиссію о сочиненіи проекта Новаго Уложенія и возраженіе депутата Гр. Полетики напечатаны въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ», 1858 г., кн. III, стр. 51—70, 71—102.

³⁾ «Кіевская Стар.», 1884 г., № 12 (т. X), стр. 696.

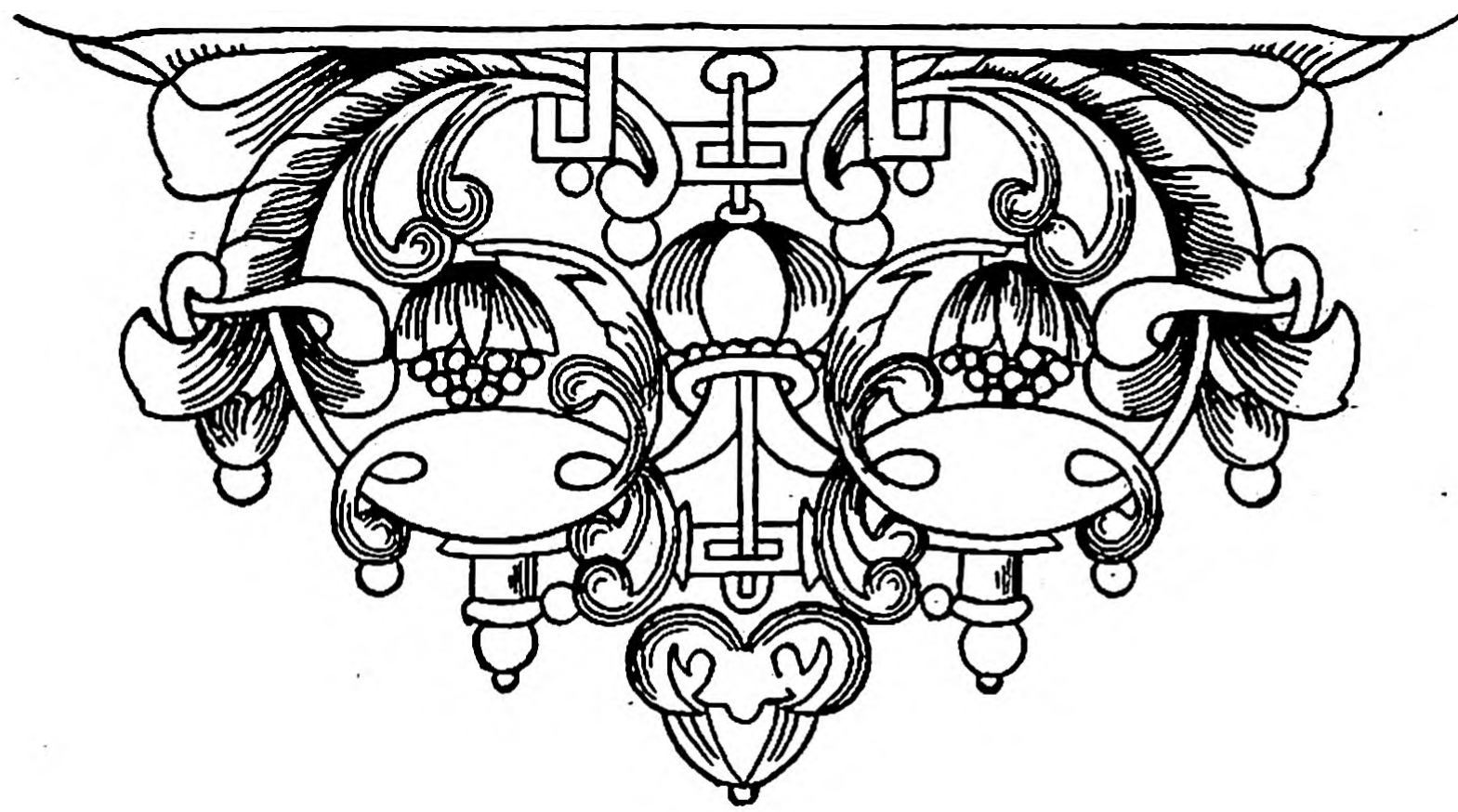

въ которомъ повелѣно было „для извѣстнаго и вѣрнаго полученія казенныхъ доходовъ въ намѣстничествахъ кievскомъ, черниговскомъ, новгородъ-сѣверскомъ и въ отвращеніе всякихъ побѣговъ къ отягощенію помѣщиковъ и остающихся въ селенія обывателей, каждому изъ поселянъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по нынѣшней послѣдней ревизіи написанъ, кромѣ отлучившихся до состоянія сего нашего указа; въ случаѣ же побѣговъ послѣ изданія сего указа поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ“¹⁾.

Этимъ указомъ совершилось юридически окончательное прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи, и малорусскіе посполитые слились въ общую массу крѣпостныхъ крестьянъ вмѣстѣ съ крѣпостными остальной Россіи.

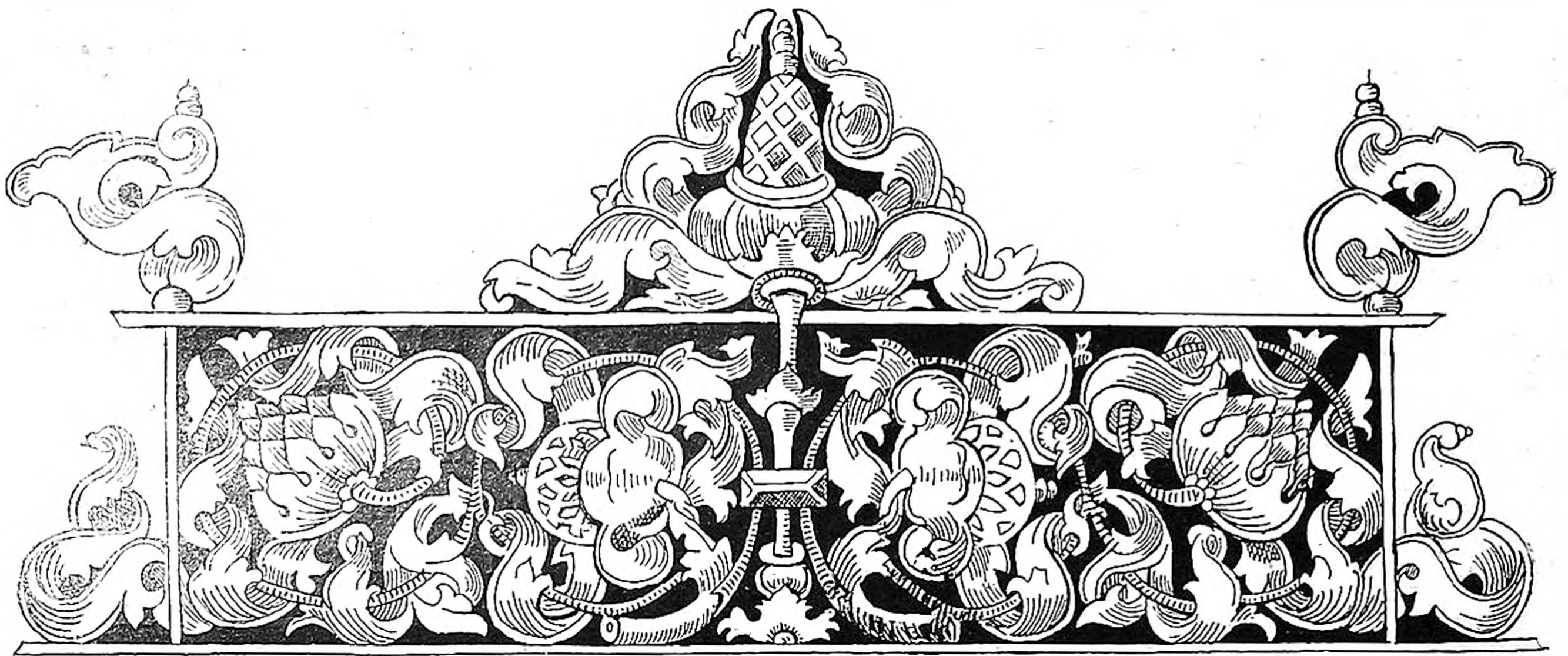
Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи создавалось, такимъ образомъ, постепенно и явилось результатомъ всего хода внутренней жизни Малороссіи послѣ 1654 г. Первые и существенные шаги на почвѣ законодательства къ прикрѣпленію крестьянъ были сдѣланы малорусской администраціей подъ непосредственнымъ вліяніемъ и даже давленіемъ малорусской старшины. Вліяніе малорусскаго шляхетства сказалось и на русскомъ правительствѣ, которому принадлежитъ заключительный аккордъ въ исторіи прикрѣпленія крестьянъ въ Малороссіи

Ник. Василенко.

¹⁾ П. Сбор. Закон., № 15, 724

Поссессионные крестьяне.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

I

нѣшняя политика Петра въ связи съ послѣдовавшими военными преобразованіями въ высшей степени болѣзненно отразились на расходномъ бюджетѣ XVIII вѣка, вызвавъ значительное увеличеніе расходовъ на военныя нужды. Правда, и въ допетровскихъ бюджетахъ XVII в. расходы на армію и устройство обороны границъ составляли значительный % общей суммы расходовъ, приблизительно около 50%, но уже въ бюджетѣ 1701 г. они составляютъ около 78%, а затѣмъ расходы на военныя нужды поднялись до 83%. Такое быстрое, чисто случайное, увеличеніе расходовъ не могло покрыться доходнымъ бюджетомъ, вслѣдствіе чего въ бюджетѣ появляются дефициты, ставшіе впоследствии хроническими, и правительство было очень заинтересовано въ скорѣйшемъ закрытіи несвоевременно образовавшихся финансовыхъ дыръ. Государственные доходы могли вырасти вслѣдствіе увеличенія производительности народнаго труда, но ждать этого можно было лишь въ сравнительно отдаленномъ будущемъ. Сложившіяся же обстоятельства, наоборотъ, требовали немедленной починки финансовыхъ прорѣхъ, и правительство Петра повышеніемъ старыхъ налоговъ и введеніемъ новыхъ сборовъ и платежей, какъ постоянныхъ, такъ экстраординарныхъ, а также черезъ ухудшеніе качества монеты отчасти достигало намѣченной цѣли: дефицитъ немного уменьшался. Въ первоначальныхъ финансовыхъ экспериментахъ Петра нѣтъ никакого финансоваго плана: веденіе го-

сударственного хозяйства было всецѣло разсчитано на удовлетвореніе только текущихъ нуждъ, и вполнѣ естественно, что въ скоромъ времени должны были сказаться отрицательные результаты такого первобытнаго финансоваго метода. Финансовая политика Петра, напрягавшая до крайности платежныя силы населенія и не считавшаяся съ состояніемъ народнаго хозяйства, довольно скоро обнаружила свою несостоятельность, такъ какъ недоимки по старымъ и новымъ налогамъ росли со сказочной быстротой. Ростъ недоимочности—превосходный показатель производительности народнаго труда, и наблюдательному политику подобное явленіе должно было показаться угрожающимъ. Петръ прекрасно понималъ, что старыми московскими приѣмами и средствами

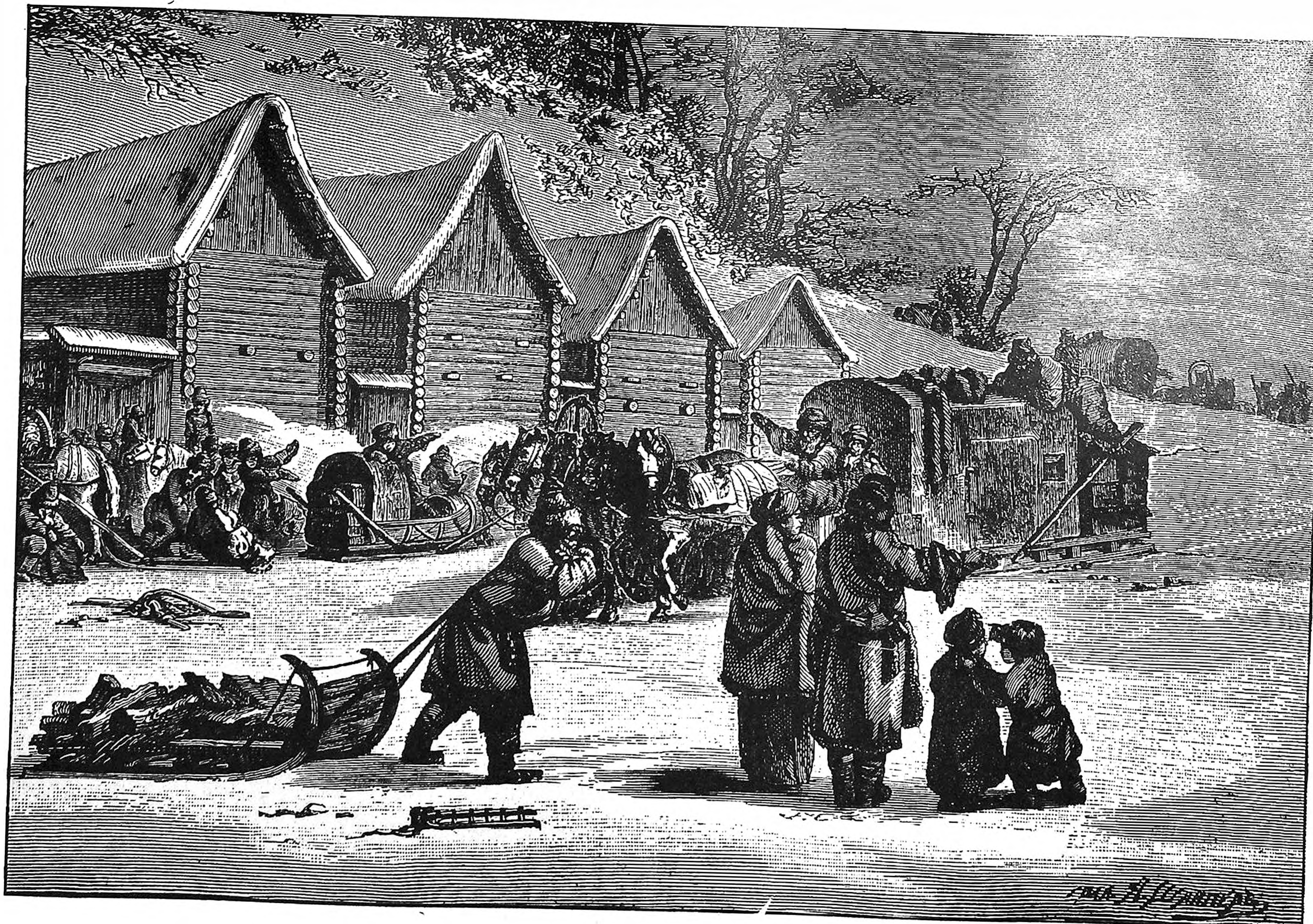

Демидовъ, Ник. Ак. (Съ портрета 1786 г.).

трудно поднять производительность народнаго хозяйства, и потому, на ряду съ указанными способами выколачиванія денегъ съ населенія, Петръ принимаетъ рядъ мѣръ къ повышенію производительности народнаго труда.

Экономическая политика Петра была направлена на развитіе торговли и промышленности, такъ какъ онъ надѣялся увеличить платежеспособность народной массы путемъ приложенія ея труда къ новымъ видамъ и формамъ хозяйственной дѣятельности. Развитіе торговли и промышленности было необходимо и для народнаго хозяйства и для государственнаго. Благодаря экономической отсталости Россіи отъ Европы, ей приходилось всѣ промышленныя фабрикатъ покупать за границей. Конечно, это вызывало отливъ за границу значительнаго количества металлической монеты; но для равновѣсія торговаго баланса страна ежегодно вывозила множество сырья на европейскіе рынки, такъ какъ дома многое изъ сырья не могло быть обработано. Во время Сѣверной войны наплывъ разныхъ фабрикатовъ сталъ еще значительнѣе благодаря спросу на сукно, шедшее на обмундировку арміи. Петръ превосходно понималъ, что перемѣна отношеній Россіи къ европейскому рынку измѣнитъ къ лучшему нашъ торговый балансъ и облегчитъ покрытіе дефицитовъ, а развитіе въ странѣ промышленности создастъ новыя отрасли для приложенія народнаго труда. Этимъ и объясняются всѣ заботы Петра о развитіи въ странѣ крупнаго производства, переходъ къ которому отчасти уже

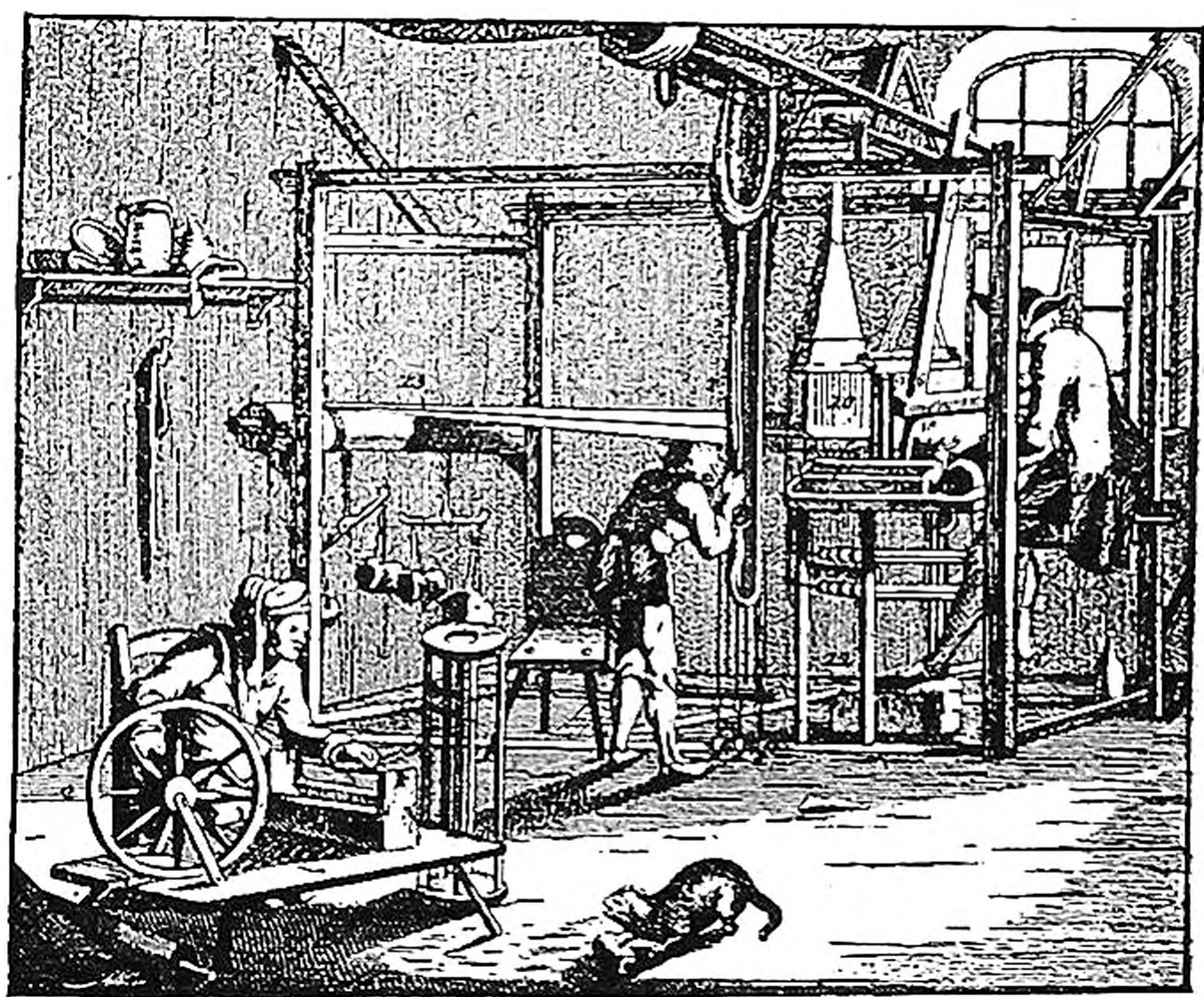

Русская деревня на почтовомъ трактѣ XVIII в.

(Съ гравюры Le Prince).

намѣчался въ предыдущемъ столѣтіи. Правительство само устраивало фабрики и заводы, поощряло развитіе частной инициативы, раздавало отдѣльнымъ лицамъ и образовавшимся промышленнымъ компаніямъ денежные субсидіи, а иногда и передавало въ ихъ руки на правахъ аренды бывшее на полномъ ходу казенное предпріятіе. Но крупное производство по разнымъ причинамъ прививалось довольно туго: многія изъ организованныхъ предпріятій оказались мертворожденными, какъ по плохому состоянію своихъ фабрикатовъ, такъ и по отсутствію спроса на нихъ. Однимъ изъ тормозовъ для развитія крупнаго производства являлось отсутствіе рабочихъ рукъ. Страна, жившая въ рамкахъ крѣпостного уклада, не имѣла достаточнаго контингента свободныхъ рукъ, которыя можно было бы занять фабрично-заводскимъ трудомъ. Помѣщичьи крѣпостные крестьяне, бывшіе на оброкѣ, тоже были не вполне подходящимъ элементомъ: характеръ крупнаго производства требовалъ предварительной долгой выучки, безъ которой рабочей не представлялъ никакой цѣнности. При наймѣ на фабрику помѣщичьихъ крѣпостныхъ людей не было никакихъ гарантій въ томъ, что они пробудутъ на фабрикѣ продолжительное время и вознаградятъ фабрику своимъ трудомъ за предварительное ученіе: вѣдь помѣщикъ могъ во всякое время потребовать крестьянина домой. Поэтому правительству Петра приходилось думать и о снабженіи фабрикъ и заводовъ рабочими руками. Прецеденты для этого уже были, и Петръ воспользовался

Шелковая фабрика при Петрѣ Великомъ
(съ соврем. гравюры).

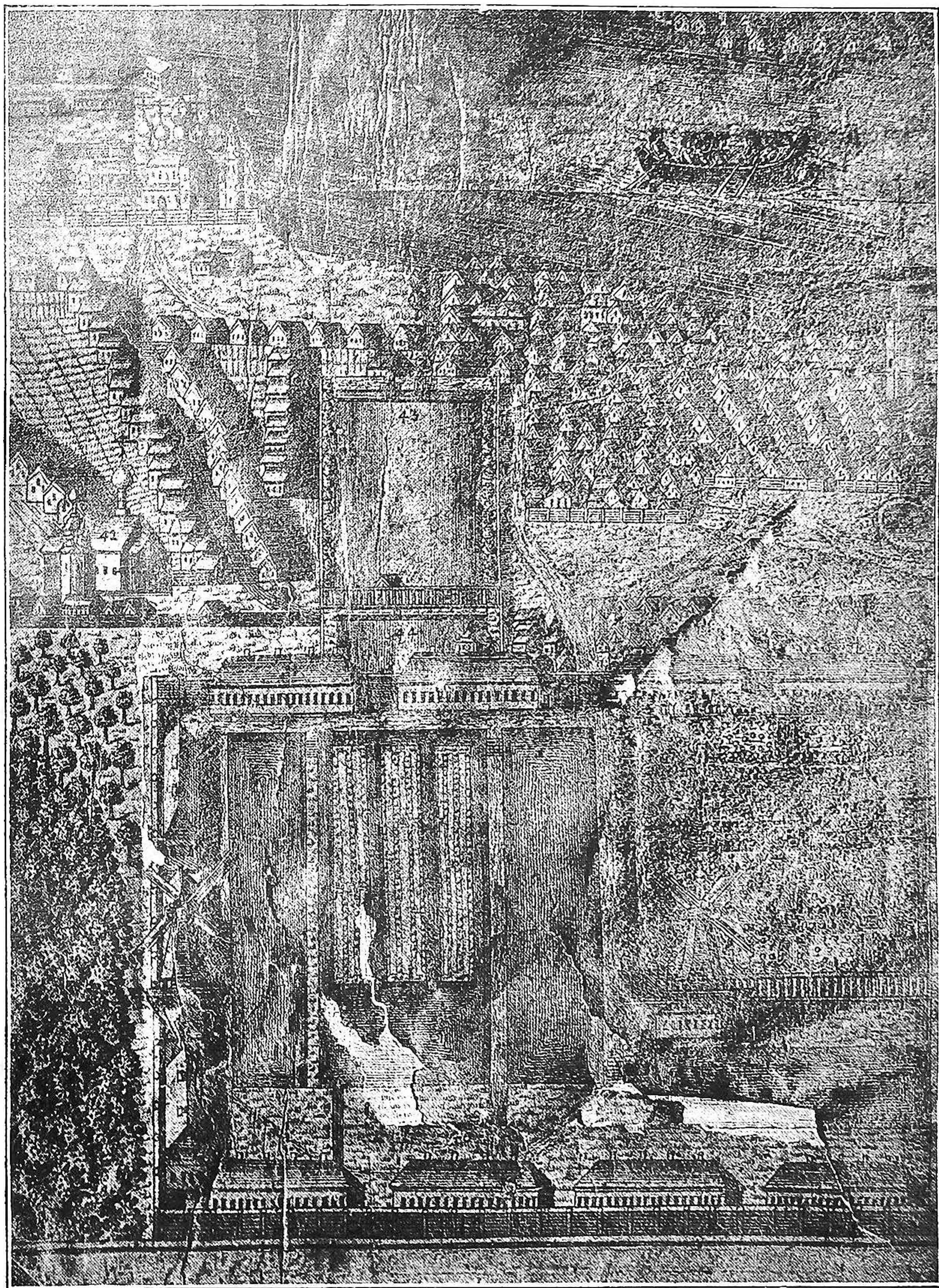
только уроками прошлаго, не внося пока отъ себя ничего новаго. Уже въ первой половинѣ XVII в., когда Андрей Виніусъ получилъ разрѣшеніе на постройку желѣзныхъ заводовъ около Тулы, онъ имѣлъ для копанія руды 50 человекъ изъ сосѣднихъ дѣдиловскихъ казаковъ и стрѣльцовъ. Затѣмъ онъ, вступивъ въ товарищество съ голландскимъ гостемомъ. Акемою и Петромъ Марселисомъ, обратился къ правительству съ челобитной о припискѣ къ тульскимъ заводамъ крестьянъ. Челобитная была удовлетворена, и Соломенская дворцовая волость съ крестьянами, въ количествѣ 250 дворовъ и 347 душъ, со всѣми угодьями была приписана къ заводамъ. Въ 1657 г.—такую же волость съ крестьянами получили Акема и Марселисъ, устроившіе заводъ недалеко отъ Москвы. Заводчики были обязаны все желѣзо поставлять въ казну за опредѣленное вознагражденіе съ пуда, а крестьяне рубили дрова и

исполняли разнаго рода заводскія работы. Работали весною, осенью и лѣтомъ поспѣнно, а зимою всѣ способные, за что заводчики уплачивали къ казнѣ за нихъ подати, преимущественно желѣзомъ. Петръ достаточно широко использовалъ историческій прецедентъ. Онъ не церемонился съ припиской крестьянъ къ заводамъ и фабрикамъ: фабрикантъ Тамесъ получилъ къ своимъ фабрикамъ село Кохму съ 641 крест. дворомъ въ Шуйскомъ уѣздѣ; при постройкѣ въ Тулѣ казеннаго завода въ 1712 г. къ нему было приписано для работы около 500 дворовъ; въ 1700—1703 г. къ Олонецкимъ заводамъ было приписано—599 дворовъ и, кромѣ того, 834 двора сосѣднихъ монастырей. Эти приписки къ Олонецкимъ заводамъ съ теченіемъ времени увеличились, по мѣрѣ развитія производства; въ 1725 г. къ нимъ было приписано 48.818 душъ м. и. Такая же приписка крестьянъ шла и на Уралѣ. Въ 1700 году началась постройка казеннаго Невымовскаго завода, спустя два года отданнаго Никитѣ Демидову съ условіемъ доставить въ казну за извѣстную цѣну всякіе припасы, пушки, мортиры, бомбы, гранатки. Сосѣдніе крестьяне должны были за извѣстное вознагражденіе исполнять необходимыя для завода работы, „а буде мужики станутъ противиться и покажутъ свое упрямство, ихъ къ возкѣ и сѣчкѣ дровъ принудить, чтобы тѣхъ заводовъ не остановить и не привести въ разореніе“ (Семев., II, 298). Въ 1702 г. приписывались къ заводамъ Демидова крестьяне Алтской и Краснопольской слободъ, а Демидову разрѣшалось „бить батогами и плетями, желѣзами только въ той мѣрѣ, чтобы чрезмѣрной жестокостью ихъ не разогнать“. Впослѣдствіи къ заводамъ Демидова приписали и монастырское село Покровское. За приписанные заводы Демидовъ долженъ былъ платить въ казну „желѣзомъ или деньгами“ все то, что „съ тѣхъ крестьянъ въ его великаго государя казну, а также и въ монастырь денегъ и хлѣба и всякихъ поборовъ собиралось“. Приписка крестьянъ къ заводамъ практиковалась и при преемникахъ Петра. Правительство не только приписывало къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ крестьянскія села и деревни. При передачѣ въ частныя руки устроенной на казенный счетъ фабрики, арендатору отдавались и казенные мастерские: такихъ мастерскихъ получила вмѣстѣ съ полотняными заводами въ 1711 г. компанія Цимбальщикова, въ 1720 — компанія Щеголина, въ 1724 г. Микляеву была отдана казенная фабрика, заведенная въ 1714 г., съ мастерскими „въ собственное содержаніе“. Но припиской крестьянъ и передачей вмѣстѣ съ предпріятіями казенныхъ мастерскихъ людей правительство не удовлетворило спроса на рабочія руки.

Поэтому заводчикамъ и фабрикантамъ при открытіи фабрики большею частью давалась привилегія, по которой разрѣшалось имъ свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ „за достойную плату“. Приходилось нанимать всякій случайный элементъ „изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню“. Но

Видъ Ярославской мануфактуры 1731 года. (Изъ книги Грязнова „Ярославская мануфактура“).

едва ли не главнымъ контингентомъ были бѣглые люди, и правительство Петра въ видахъ поощренія промышленности отступило отъ началъ собственнаго законодательства, воспретивъ возвращеніе съ фабрикъ владѣльцамъ мастеровъ и учениковъ. „понеже интересенты фабрикъ объявляютъ, что затѣмъ въ фабрикахъ чинится остановка“. Но даже такое снисходительное отношеніе къ фабрикантамъ не разрѣшило рабочаго вопроса. Тогда правительство начало приписывать къ фабрикамъ самые разнородные и подчасъ случайные общественные элементы въ надеждѣ этимъ хотя бы отчасти восполнить недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Въ 1719 году правительство предписало отослать на полотняныя фабрики Турчанинова „для пряжи льну бабъ и дѣвокъ, которыя, будучи на Москвѣ изъ приказовъ, также и изъ другихъ губерній, по дѣламъ за вины свои наказаны“. Еще раньше Петръ предписалъ тюменскому воеводѣ назначать въ работу на кирпичныхъ заводахъ „татей, мошенниковъ и пропойцъ“. Въ 1721 году эти случайныя мѣры были сдѣланы обязательными: женщины, виновныя въ разныхъ поступкахъ, отсылались для работы на фабрикахъ: продолжительность работы опредѣлялась по усмотрѣнію бергъ-или мануфактуръ-коллегіи. Позднѣйшее законодательство шло по тому же направленію: указомъ 1736 г. правительство предписывало, что „если подлые и неимушіе люди, кромѣ крестьянъ и дворовыхъ, муж. пола, а изъ женщинъ кто бы то ни была, будутъ праздно шататься и просить милостыню“, то такихъ отдавать до 5 лѣтъ на фабрику съ согласія фабрикантовъ. Указомъ 1753 г. было предписано шатающихся по міру мужского пола разночинцевъ, кои въ службу не годны, а работать еще могутъ, отдавать на фабрики въ работу, „также бабъ и дѣвокъ и малыхъ ребятъ и изъ богадѣленъ, опредѣленныхъ на жалованіе отнюдь по міру ходить не пускать“; по сенатскому указу 1771 г. публичныя женщины отправлялись на фабрики, а въ 1762 г. были забраны солдатскія вдовы и матросскія жены и отосланы на фабрики по распредѣленію мануфактуръ-коллегіи. Всѣ эти элементы, неволей попавшіе на фабрики, впоследствии были названы „вѣчно отданными на фабрику“.

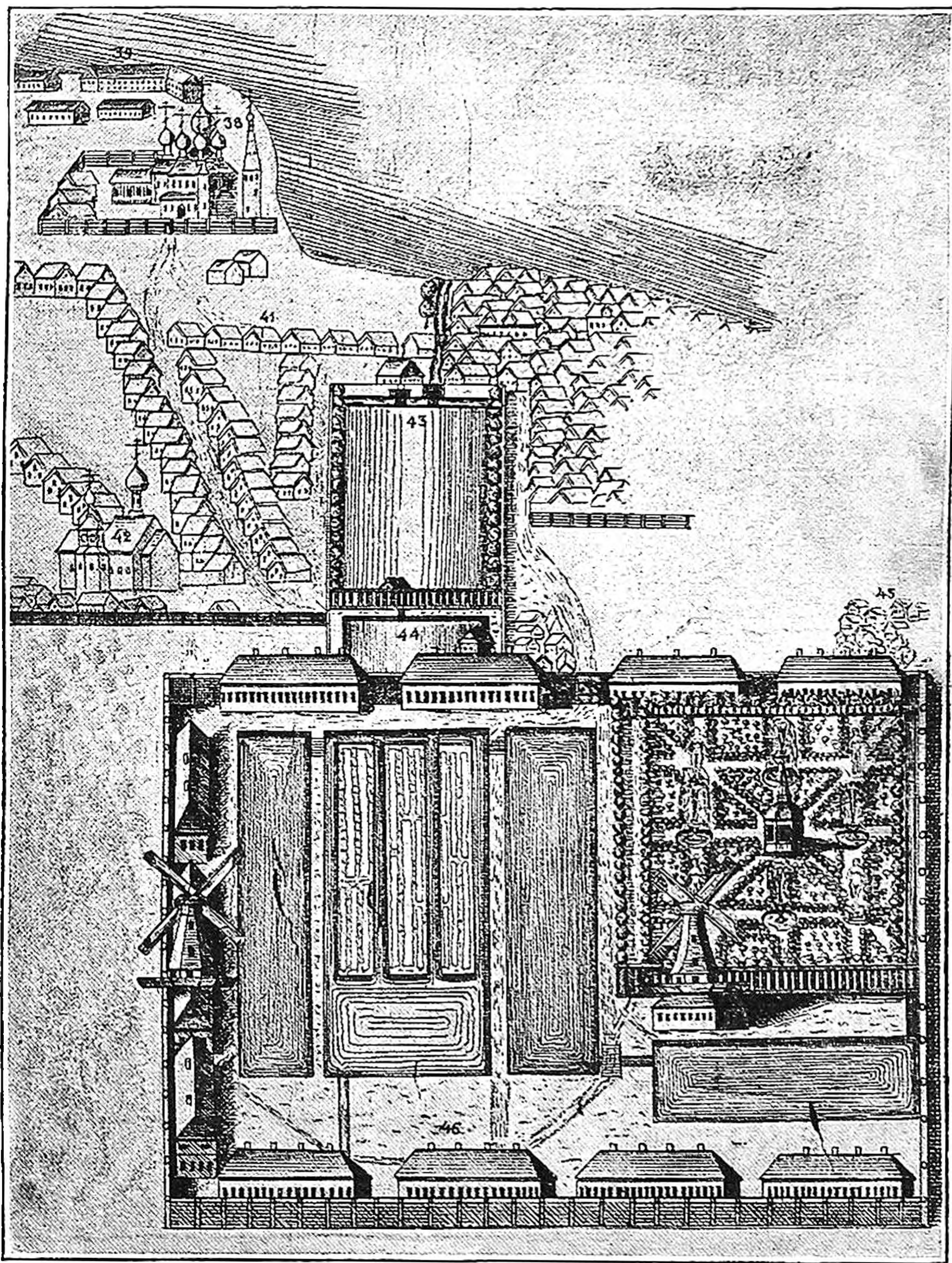
Въ общемъ, всѣ эти мѣры были чисто случайнаго характера и на удовлетвореніе спроса на рабочія руки онѣ имѣли незначительное вліяніе. Наконецъ, Петръ рѣшился на героическую мѣру, которая должна была разъ навсегда покончить съ жалобами фабрикантовъ на недостатокъ рабочихъ рукъ. Указомъ 17 января 1721 г. позволяется для размноженія заводовъ какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно, съ позволенія бергъ-и мануфактуръ-коллегіи, „только подъ такую кондицію, дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно“. Далѣе законъ запрещалъ деревни, приписанныя къ фабрикамъ и заводамъ, „безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымысли ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень

никому не отдавать"... Виновникъ нарушенія закона лишался пріобрѣтениаго. Законодатель предусматривалъ возможность обхода со стороны „купецкихъ людей“, могущихъ открыть „заводы для лица малые“. Если соотвѣствующія инстанціи замѣтятъ столь грубое правонарушеніе, то „по ихъ усмотрѣнію штрафовать отнятіемъ всего движимаго и недвижимаго имущества“. Въ регламентѣ мануфактуръ - коллегіи (ст. 17) указъ 17 янв. былъ вкратцѣ повторенъ.

Купечество, конечно, воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ, и скоро почти всѣ петровскія фабрики работали съ помощью крѣпостного труда, благодаря которому явилась возможность предварительнаго обученія рабочаго, безъ чего работа на мануфактурахъ не могла быть достаточно производительною. Къ концу царствованія Петра контингентъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ состоялъ изъ слѣдующихъ элементовъ: 1) приписанныхъ къ заводамъ и фабрикамъ и отработывавшихъ тамъ слѣдующія съ нихъ подати, 2) бѣглыхъ крестьянъ, 3) купленныхъ фабрикантами, 4) вѣчно и временно отданныхъ на фабрику казенныхъ мастеровыхъ и крестьянъ,

отданныхъ вмѣстѣ съ фабрикой и заводомъ частному предпринимателю. Первая группа рабочихъ въ теченіе XVIII вѣка рѣзко обособилась отъ остальныхъ: приписанные къ заводамъ составляли особый родъ государственныхъ крестьянъ, не находящихся ни въ какой юридической зависимости отъ фабриканта или заводчика. Всѣ остальные разряды рабочихъ находились въ той или другой степени зависимости отъ частнаго предпринимателя. Законодатель-

Видъ Яросл. мануф. 1731 г. (См. 131 стр.)

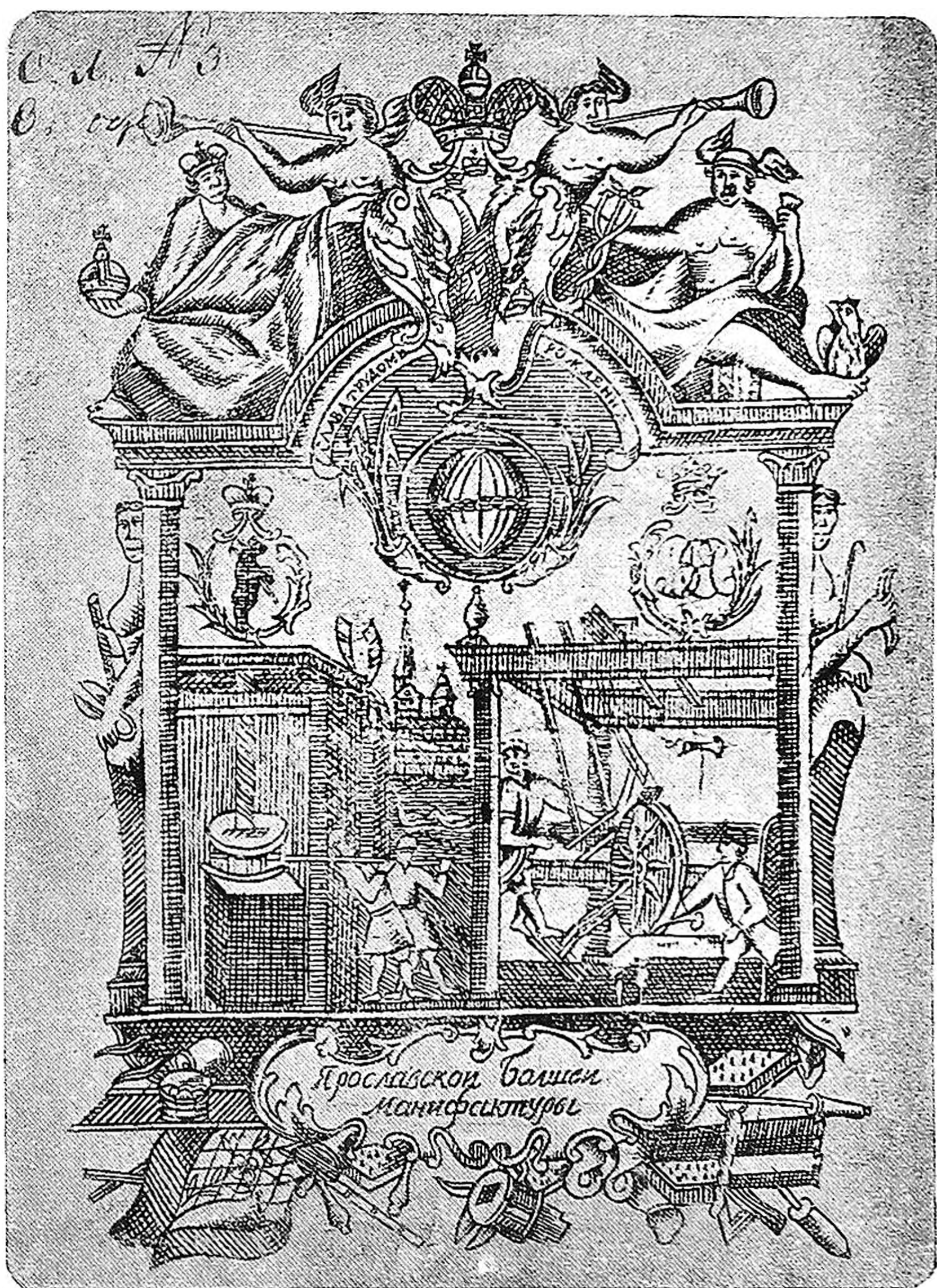

ство XVIII вѣка еще не нашло подходящаго термина, который объединилъ бы воедино указанные разряды фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ. Впрочемъ, такого термина пока и не могло быть, такъ какъ юридическое положеніе всѣхъ этихъ рабочихъ было неодинаково. Отсюда при преемникахъ Петра замѣчается среди фабрикантовъ стремленіе закрѣпить за собою рабочаго и стать полноправнымъ вершителемъ его судьбы. Кое-чего изъ своихъ пожеланій фабриканту удалось добиться. Въ 1736 г. Анна Иоанновна, въ отвѣтъ на просьбу крупнѣйшихъ фабрикантовъ, опубликовала Высочайшій указъ, по которому всѣмъ, которые во время изданія указа 1736 года находились при фабрикахъ и обучились на нихъ какому-нибудь мастерству, вѣчно оставаться „вѣчно“ со всѣми своими семействами на фабрикахъ у настоящихъ владѣльцевъ. Записанные въ подушный окладъ изъ него вычеркивались. Законъ далѣе подробно опредѣлялъ размѣры того вознагражденія, которое должны получить владѣльцы мастеровъ: помѣщики, казна дворцовое и синодальное вѣдомство. Мастерские, владѣльцы которыхъ были неизвѣстны, оставались на фабрикахъ бесплатно. Дѣти, прижитыя на фабрикахъ, не подлежали никакому вознагражденію. Всѣ бѣглецы чернорабочіе немедленно возвращались обратно къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Наконецъ, законъ запрещалъ держать бѣглецовъ изъ вѣчно-отданныхъ, и виновники въ держаніи подвергались штрафу на общемъ основаніи въ размѣрѣ ста рублей по регламенту мануфактуръ-коллегіи (статья 12). Съ другой стороны, на будущее время законъ не позволялъ фабрикантамъ принимать и держать бѣглыхъ. Законъ не только юридически связывалъ вѣчно-отданныхъ людей съ фабрикантами, но и увеличивалъ личную зависимость отъ нихъ, разрѣшая послѣднимъ наказывать „домашнимъ порядкомъ“ тѣхъ изъ вѣчно-отданныхъ, „которые явятся невоздержанные и ни къ какому ученію не прилежные“, и отправлять въ коммерцъ-коллегію „для отсылки въ дальніе города или на Камчатку на работу, чтобы другимъ былъ страхъ“. Указъ 1736 г. во всякомъ случаѣ большая побѣда для фабрикантовъ и ихъ крѣпостнической политики.

Крѣпостническая политика заводчиковъ и фабрикантовъ совпала съ моментомъ возрастанія политическаго вліянія дворянства. Послѣднее было принуждено отрицательно реагировать на подобную политику правительства по многимъ соображеніямъ: дворянство не желало экономического усиленія торгово-промышленнаго класса, хорошо сознавая, что его усиленіе можетъ повлечь за собою уменьшеніе значенія дворянства, какъ представителя сельско-хозяйственнаго капитала; далѣе фабрика совершенно игнорировала запрещеніе принимать бѣглыхъ, высказанное рѣшительно въ указѣ 1736 г., да и администрація довольно равнодушно смотрѣла на нарушеніе закона со стороны фабрикантовъ. Въ указанномъ направленіи и началась борьба дворянства съ купечествомъ, и въ конечномъ результатѣ купечество потерпѣло поражение по всѣмъ пунктамъ. Сенатскій указъ 1752 г. сильно затруднилъ покупку къ

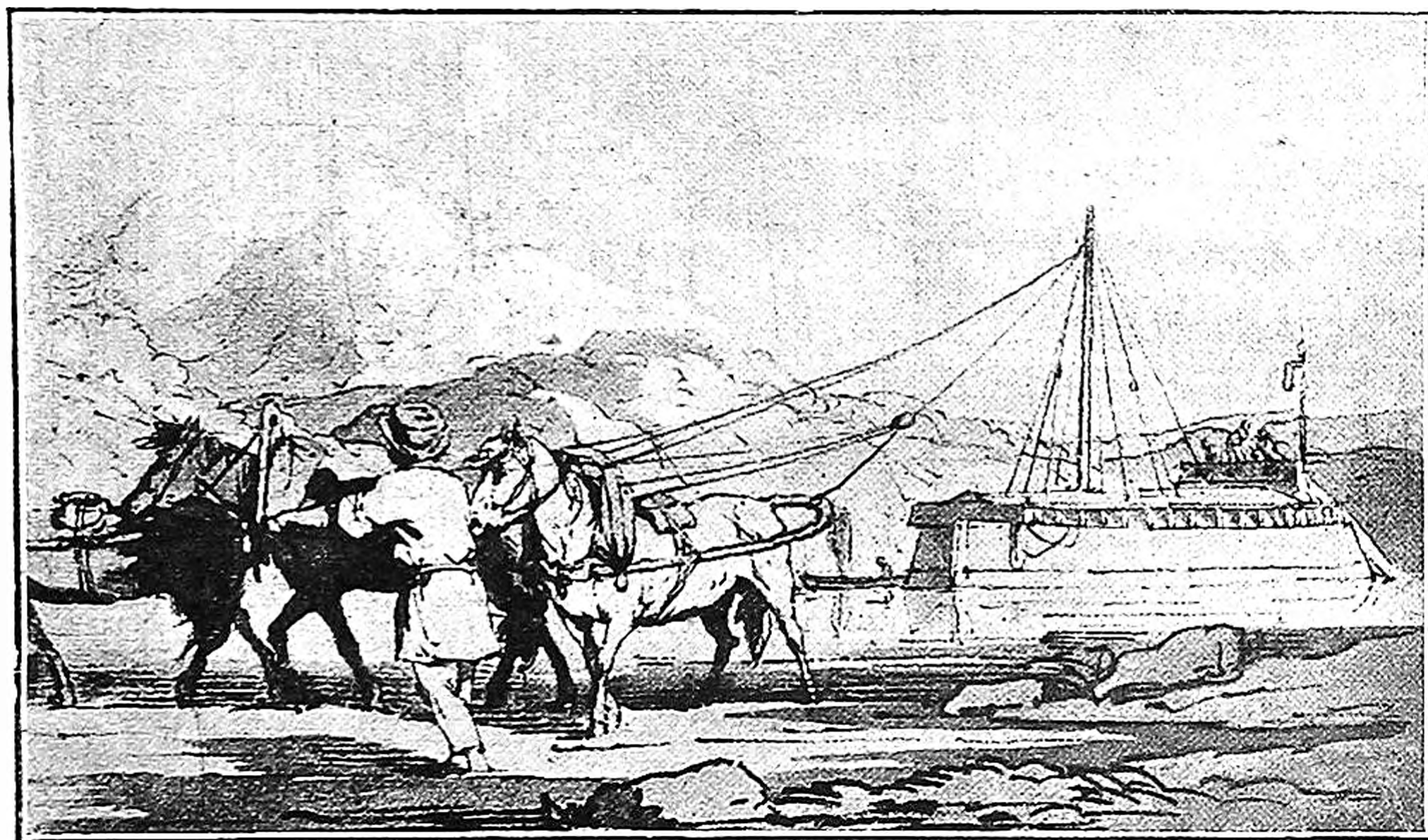
фабрикамъ посессионныхъ крестьянъ, опредѣливъ максимумъ рабочихъ рукъ, которыхъ фабрикантъ могъ прикупить. Фабрикантамъ было разрѣшено покупать 12—42 душъ къ каждому стану, и на одну домну по сту, да къ двумъ молотамъ къ каждому по тридцати дворовъ—итого 160 дворовъ, а владѣльцамъ мѣдныхъ заводовъ на каждую тысячу пудовъ мѣди 50 дворовъ. Петръ III указомъ отъ 20 марта 1762 г. совершенно запретилъ дальнѣйшую покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ, какъ съ землей, такъ и безъ земли. Указъ Петра былъ подтвержденъ его преемницей. И въ вопросѣ о бѣглыхъ фабриканты и заводчики потерпѣли поражение. Правда, первыя попытки Елизаветы Петровны остановить бѣгство крестьянъ на фабрики и заводы кончились неудачей, такъ какъ отправка ихъ на родину могла оказаться разорительной для фабриканта и привести многія фабрики „въ совершенное разореніе и одичаніе“. Только въ 1754 году дворянство добилось указа о возвращеніи на родину бѣглыхъ, даже обученныхъ мастерству, со взысканіемъ за держаніе штрафа въ пользу помѣщика въ размѣрѣ 100 рублей за мужчину и 50 р. за женщину за каждый годъ держанія. Но и тутъ правительство сдѣлало исключеніе для фабрикъ, открытыхъ въ промежутокъ времени отъ 1736 г. по 1744 г. Правительство разрѣшило фабрикантамъ оставлять у себя крестьянъ, записанныхъ на фабрики во время второй ревизіи при условіи уплаты вознагражденія за каждую душу мужского и женскаго пола и взысканія пожилыхъ денегъ за круглый годъ держанія. Но фабриканты и заводчики не хотѣли сдаваться безъ боя. Въ наказахъ 1767 г. купечество отстаивало право

Торговый ярлыкъ Ярославской мануфактуры
 XVIII вѣка.

покупки крестьянъ, „понеже безъ крѣпостныхъ людей никакимъ образомъ заводы и фабрики содержать не мочно“. Конечно, дворянство держалось противоположной точки зрѣнія, настаивая на сохраненіи въ силѣ указа о запрещеніи покупки къ фабрикамъ крестьянъ и деревень и предлагая фабрикантамъ работать вольнонаемнымъ трудомъ. Пренія въ законодательной комиссіи еще рѣзче подчеркнули противоположность точекъ зрѣнія дворянства и купечества по вопросу о правѣ покупки крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Лидеръ дворянства, кн. М. М. Щербатовъ, настаивая на запрещеніи не дворянамъ владѣть мастерскими и крестьянами, указывалъ на тяжелое положеніе крѣпостныхъ рабочихъ, изъ которыхъ одни „содержатся почти какъ невольники, прочіе находятся въ весьма худомъ состояніи, какъ отно-

Барка съ запряжкой въ XVIII в. (Аткинсонъ).

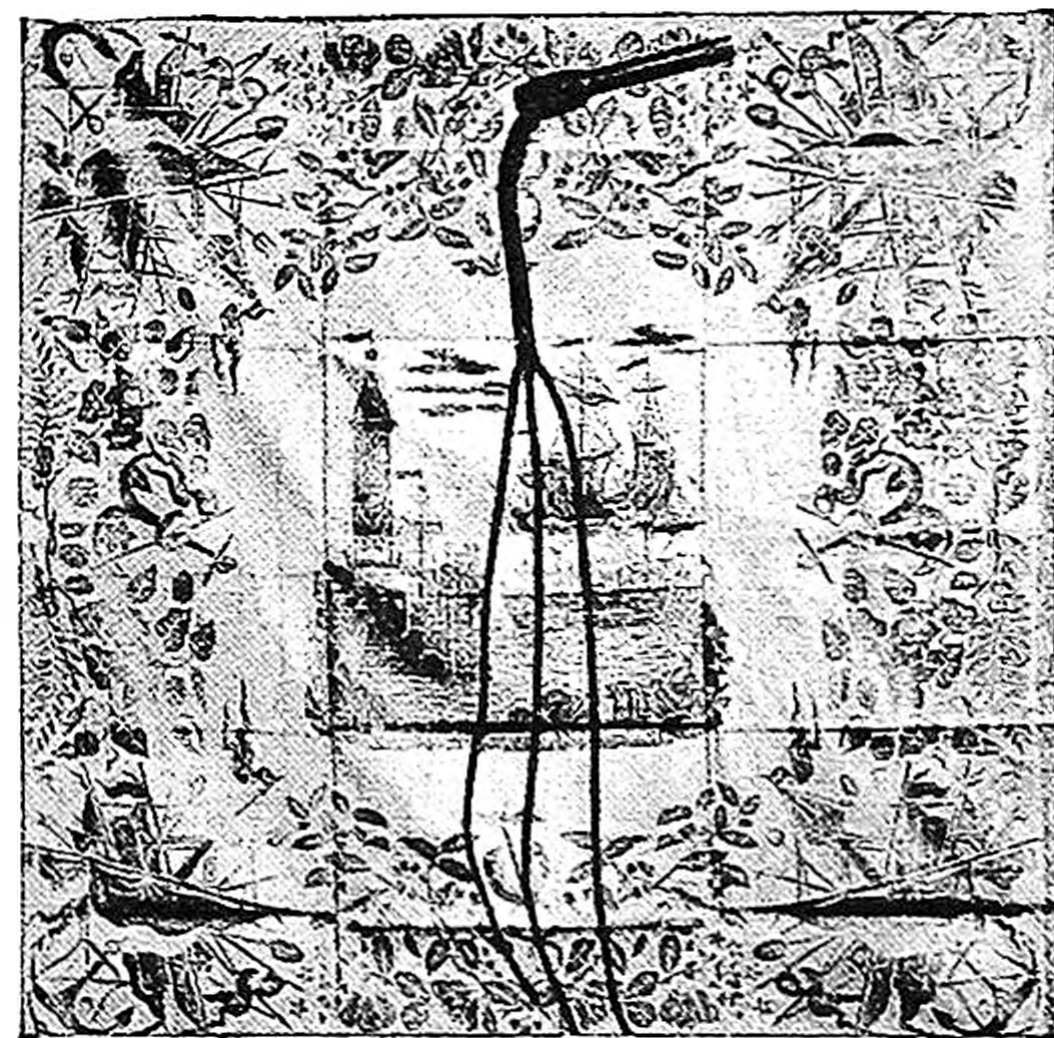
сительно ихъ содержанія, такъ и нравственности... Отъ этого поврежденія ихъ нравовъ уменьшается многонародіе, и нерѣдко происходятъ беспорядки въ деревняхъ“. И правительство, въ лицѣ депутата отъ мануфактуръ-коллегіи, высказалось противъ крѣпостного труда на фабрикахъ. Законъ остался въ силѣ, но Павелъ I отступилъ отъ политики отца и матери, разрѣшивъ въ 1798 г. вновь покупать фабрикантамъ крестьянъ, но съ сохраненіемъ нормъ, опредѣленныхъ въ Сенатскомъ указѣ 1754 года. И только при Александрѣ I окончательно была запрещена покупка крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ.

Восемнадцатый вѣкъ не выработалъ общаго термина для обозначенія всѣхъ разрядовъ крестьянъ, работавшихъ на фабрикахъ принудительнымъ трудомъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ фабрики и заводы, получившіе отъ казны

пособія въ людяхъ, земляхъ, лѣсахъ и рудникахъ, къ которымъ были куплены крѣпостные люди, хотя собственники ихъ были лица недворянскаго происхожденія, стали называться „посессіями“. Поэтому все ихъ населеніе можетъ быть названо „посессіонными крестьянами“. Владѣльцами посессіонныхъ фабрикъ могли быть дворяне и купцы. Правительство неоднократно передавало казенные заводы въ дворянскія руки. Законодательство рѣзко отличало посессіонныхъ крестьянъ отъ крестьянъ помѣщичьихъ: первыхъ нельзя было продавать отдѣльно отъ фабрики, закладывать, отпускать на волю и даже переводить съ одной фабрики на другую. Впрочемъ, послѣднее приходится признать съ извѣстнымъ ограниченіемъ, такъ какъ регламентомъ бергъ-коллегіи переводы крестьянъ съ завода на заводъ принципиально были разрѣшены, хотя, конечно, требовалось на это спеціальное разрѣшеніе, получить которое составляло большія затрудненія. Посессіонные крестьяне имѣли право жаловаться на притѣсненія со стороны фабрикантовъ, и такія жалобы не всегда оставались безрезультатными, а по закону 1803 г. посессіонные крестьяне отбирались въ казну, если жалоба на притѣсненія дѣйствительно окажется справедливой. Посессіонныхъ крестьянъ нельзя было отдавать въ рекруты за крѣпостныхъ, а дѣвушки и вдовы посессіонныхъ крестьянъ могли выходить замужъ за постороннихъ лицъ, не спрашивая разрѣшенія фабриканта или заводчика.

Но на практикѣ фабриканты нарушали категорическія заявленія закона, обращаясь съ фабричными рабочими какъ своими крѣпостными, требуя выводныхъ денегъ, когда дѣвушка или вдова выходила замужъ за посторонняго человѣка, отпускали рабочихъ на оброкъ, нарушали запрещеніе употреблять крестьянъ не на посессіонныя работы. Да и законодательство отчасти содѣйствовало тому же: уже Петръ В. разрѣшалъ наказывать домашними средствами крестьянъ, приписанныхъ къ заводамъ; послѣдующее законодательство увеличило дисциплинарную власть заводчиковъ надъ купленными и вѣчно отданными людьми. Такъ по указу 1736 г. разрѣшалось мастеровыхъ и рабочихъ, которые не исправятся вслѣдствіе домашнихъ наказаній, доставлять въ коммерцъ-коллегію, въ которой съ 1731 г. были сосредоточены вѣдомства мануфактуръ- и бергъ-коллегій, откуда ихъ отсылали „въ дальніе города или въ Камчатку на работу“. Этотъ законъ неоднократно примѣнялся на практикѣ. Ссылали за пьянство, игру въ кости и карты.

Плеть для наказанія XVIII в. Изъ кн. Грязнова „Яросл. мануф.“.

Наказаніе кнутомъ на заводахъ (Аткинсонъ).

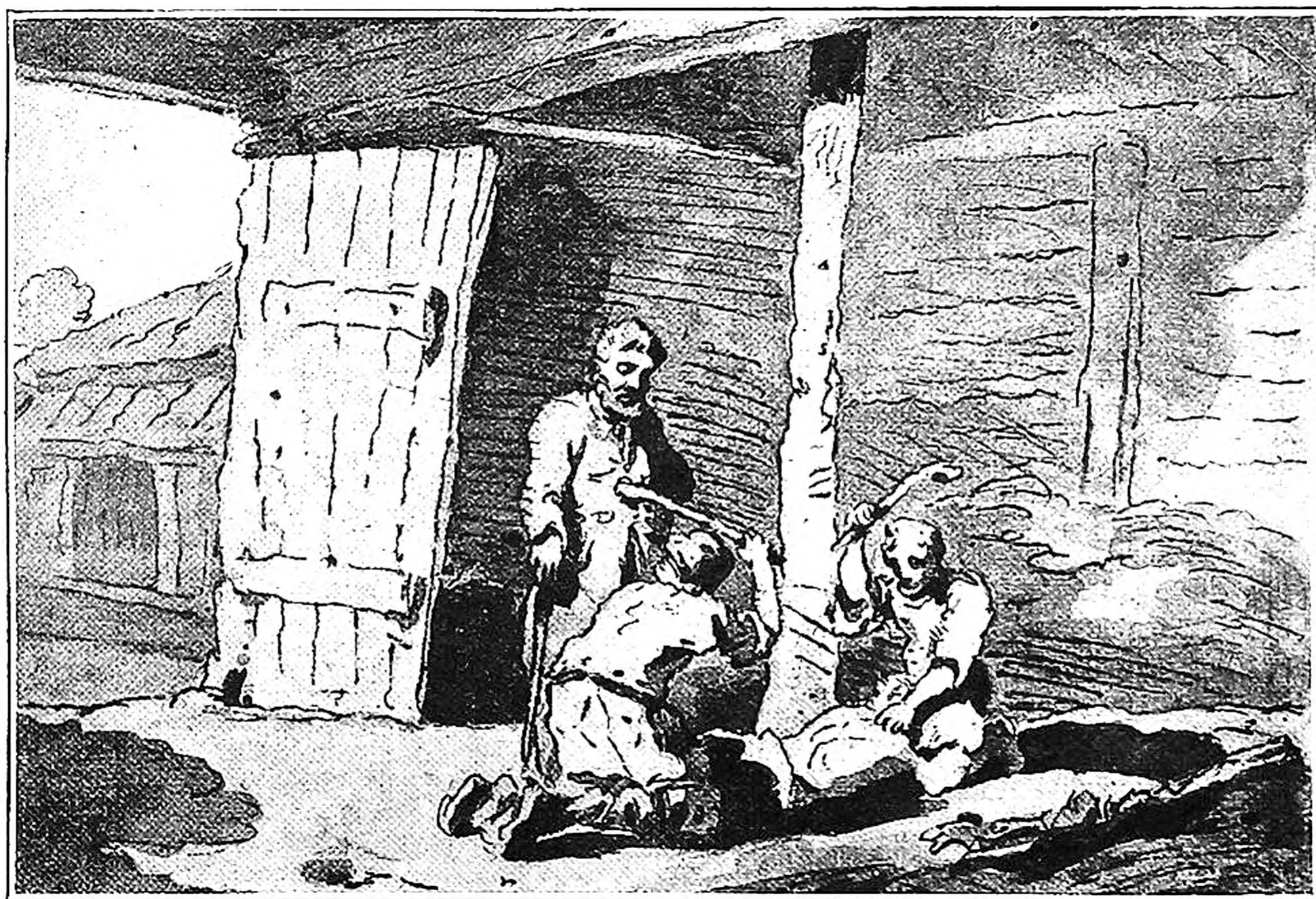
Разрѣшивъ въ 1760 году помѣщикамъ отправлять своихъ людей на поселеніе съ зачетомъ рекрутовъ, правительство въ 1763 г. распространило дѣйствіе закона и на фабрикантовъ, но для такой отправки требовалось разрѣшеніе центральной власти въ лицѣ мануфактуръ-коллегіи, куда фабриканты должны были обращаться съ просьбами¹⁾. Поссессионные крестьяне были освобождены отъ платежа подушной подати и рекрутской повинности, но такая свобода была непродолжительна. По указу 1747 г. мастеровые и работные люди, данные по указамъ и купленные, которые по прежнимъ указамъ въ подушномъ окладѣ не состояли, должны были числиться въ одномъ семигривенномъ окладѣ, тогда какъ государственные крестьяне платили 1 р. 10 коп. Такимъ образомъ поссессионные и помѣщичьи крестьяне платили подушную подать въ одинаковомъ размѣрѣ. Военская повинность была распространена на нихъ по указу 1754 года. Законъ предписывалъ брать рекрутовъ со всѣхъ разрядовъ рабочаго населенія, но при этомъ мастеровые и рабочіе, дѣйствительно употреблявшіеся въ дѣло, были свободны отъ рекрутчины, но должны были заплатить за каждаго рекрута по 100 рублей, если при фабрикахъ не было деревень, или разрѣшалось брать дополнительныхъ рекрутовъ съ деревень, приписанныхъ и купленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ. Фабриканты могли

¹⁾ Въ 1827 году и это право подверглось нѣкоторому ограниченію; ссылка на поселеніе была возможна, но безъ зачета въ рекруты.

отдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ работѣ, но годныхъ къ военной службѣ, или даже покупать крестьянъ для этой цѣли. Въ 1766 г. плата за рекрута поднялась до 120 рублей, но фабриканты потеряли право покупки крестьянъ, а въ 1783 г. она равнялась 500 руб. ¹⁾.

Общій надзоръ по управленію посессионными фабриками и заводами находился въ вѣдомствѣ мануфактуръ- и бергъ-коллегій. Вѣдомству первой подлежали вообще всѣ заводы и фабрики, въ вѣдомствѣ же бергъ-коллегій исключительно сосредоточилось управленіе горными заводами. Выше названныя центральныя учрежденія не только слѣдили за тѣмъ, чтобы предприниматель не измѣнялъ условій производства, на основаніи которыхъ онъ полу-

Наказаніе батогами на заводахъ (Аткинсонъ).

чилъ разрѣшеніе открыть фабрику, но также и за тѣмъ, чтобы „мастеровыхъ людей, учениковъ и обрѣтающихся въ оныхъ служителей порядочно содержали“ (Регл. ман.-кол., 24).

Кромѣ того, мануфактуръ-коллегія должна была, согласно регламенту, рѣшать споры „между мастерами, учениками и прочими, въ фабрикахъ обрѣтающимися, работными людьми“ (ст. 26). Ей же подлежалъ разборъ жалобъ мастеровыхъ на фабрикантовъ.

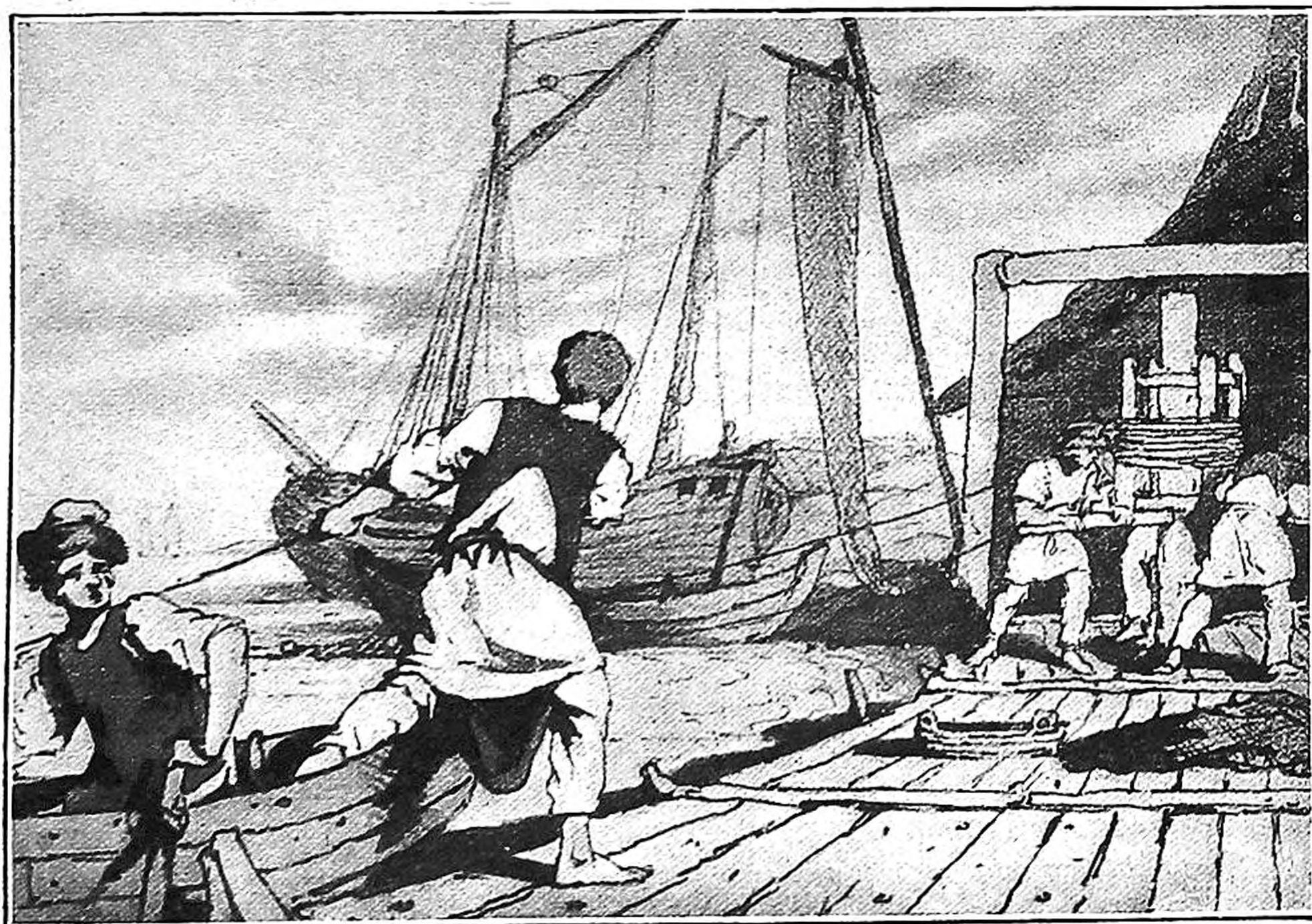
¹⁾ Законъ 1818 г. освободилъ приписныхъ и покупныхъ крестьянъ отъ поставки рекрутъ натурой за мастеровыхъ. Отнынѣ они были обязаны нести эту повинность только за самихъ себя, а съ мастеровыхъ попрежнему брали опредѣленную закономъ сумму. Впрочемъ, законъ 1818 г. повторилъ и разрѣшеніе сдавать въ рекруты мастеровыхъ, неспособныхъ къ работамъ, но годныхъ къ военной службѣ, съ замѣною ими очередныхъ рекрутовъ съ приписныхъ и покупныхъ крестьянъ, состоящихъ на посессионномъ правѣ.

II.

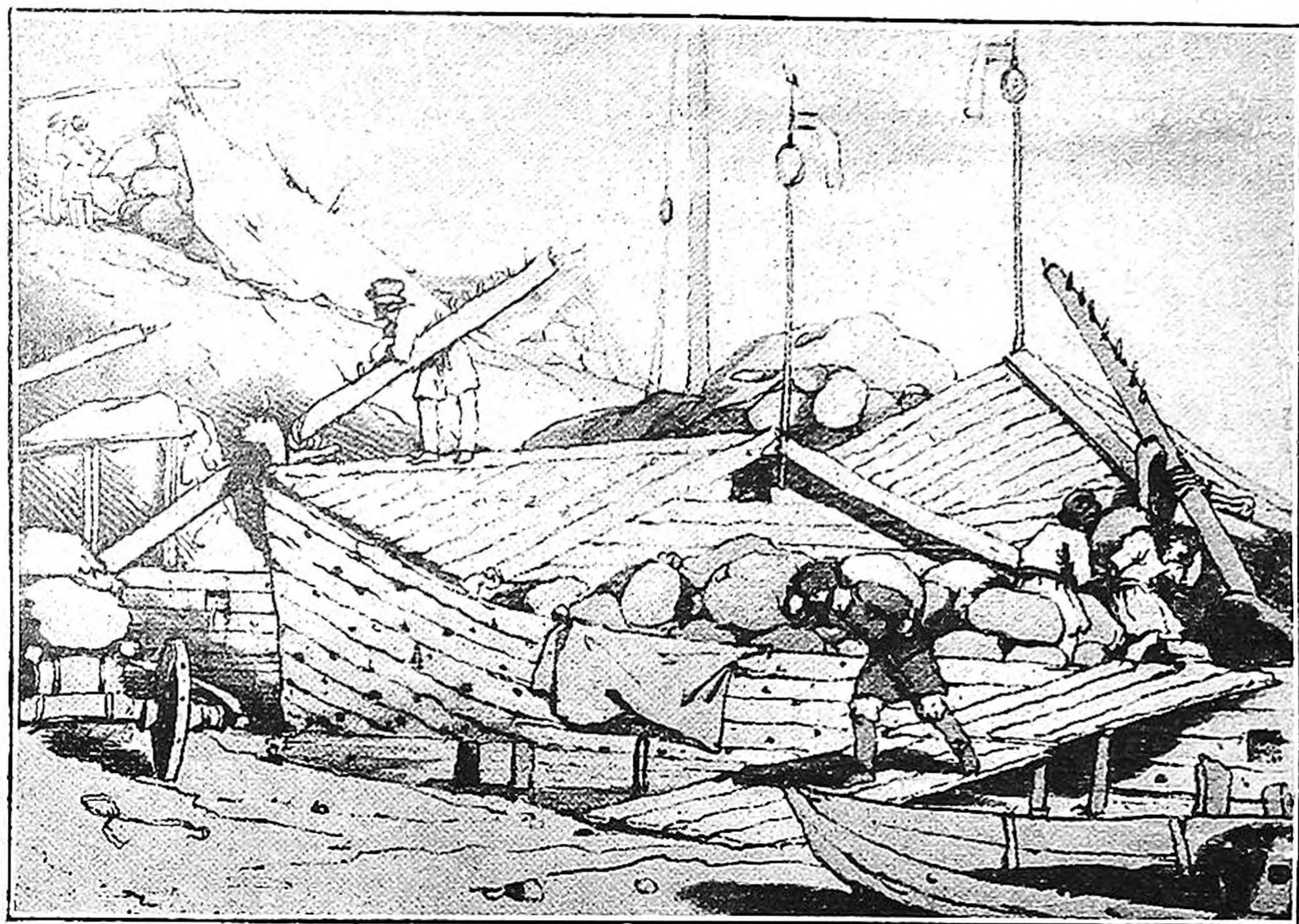
Общее число посессионныхъ рабочихъ къ концу XVIII вѣка доходило до 80.000 душъ муж. пола: изъ нихъ болѣе 52.000 приходилось на долю горныхъ заводовъ, и около 28.000 душъ муж. пола работало на остальныхъ посессионныхъ фабрикахъ и заводахъ. По даннымъ мануфактуръ-коллегии отъ 1803 г. количество послѣднихъ увеличилось до 32.000 тыс., что приходится поставить въ связь съ извѣстнымъ уже указомъ Павла I, вновь разрѣшившимъ не дворянамъ покупку крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Посессионные рабочіе распредѣлялись по разнымъ родамъ производства далеко неравномѣрно. Большая часть изъ нихъ была прикрѣплена къ суконнымъ фабрикамъ. На послѣднихъ работало около 17.000 рабочихъ, въ томъ числѣ около 1.200 чело-вѣкъ безземельныхъ. Такое обиліе рабочихъ рукъ, занятыхъ въ суконной промышленности, объясняется особеннымъ ея значеніемъ въ исторіи нашего крупнаго производства. Благодаря созданію регулярной арміи постоянно чувствовалась потребность въ сукнѣ; вполне понятно, почему правительство особенно покровительствовало суконному производству. Затѣмъ на долю полотняныхъ фабрикъ приходилось около 8.000 душъ муж. пола, а остальное количество распредѣлялось между бумажными, стеклянными, шелковыми, ситце-бумажными и другими фабриками, фактически имѣвшими небольшое значеніе въ нашемъ крупномъ производствѣ XVIII вѣка.

Всѣ владѣльцы посессионныхъ суконныхъ фабрикъ находились въ особыхъ обязательственныхъ отношеніяхъ къ казнѣ, опредѣлявшей то количество сукна, которое владѣлецъ фабрики былъ обязанъ ежегодно доставлять

Работы на пристани въ XVIII в. (Аткинсонъ).

Работы на пристани (Аткинсонъ).

въ казну. Правительство строго слѣдило за выполнениемъ взятыхъ фабрикантами на себя обязательствъ, и въ случаѣ ихъ невыполненія фабрика отбиралась и отдавалась другому. Но число фабрикъ, не выполнившихъ своихъ обязательствъ, постепенно увеличивалось, и Павелъ I отдалъ распоряженіе „описать въ казну“ неисправныя фабрики.

Придавая такое значеніе суконному производству, правительство, въ видахъ его успѣшности, не могло не вмѣшиваться во внутренній распорядокъ жизни фабрикъ; въ результатѣ этого вмѣшательства въ 1741 г. былъ изданъ „регламентъ суконнымъ и каратейнымъ фабрикамъ“, — очень цѣнный документъ для характеристики быта суконщиковъ.

Регламентъ очень неодобрительно отзывается о фабричныхъ зданіяхъ, содержащихся въ такомъ видѣ, „что теча отъ снѣгу и дождя и валящійся сквозъ щели неплотныхъ потолоковъ песокъ и соръ людямъ работу въ рукахъ портитъ и мараеетъ“; полы не были выстланы ни досками, ни кирпичомъ, ни камнемъ, а если гдѣ и были выстланы, „то гдѣ гнили и въ доскахъ множество скважинъ, и кирпичи или камни въ разныхъ мѣстахъ выломаны“. Въ помѣщеніяхъ такъ мало свѣта, „что ткачи насилу и столько деннаго свѣта имѣли, дабы тканье свое точно высмотрѣть“ (ст. 1). Уставъ требуетъ содержанія фабрики въ чистотѣ, „чтобы работа отъ пыли и сору хорошо сберегалась“ (3). Регламентъ рекомендуетъ покупку мѣднаго колокола для призыва рабочихъ на работу, постройку особыхъ казармъ для надзирателей, мастеровыхъ и работныхъ людей „на ихъ коштѣ“, а также для больныхъ завести

„гошпиталь, въ которомъ они лучшее призрѣніе имѣть и въ извѣстныхъ болѣзняхъ другъ отъ друга заражаться не могутъ“ (6).

По „рабочимъ регуламъ“ съ марта по октябрь рабочій день равнялся 14 часамъ; рабочій являлся на фабрику въ 4 утра, уходилъ въ девятomъ часу вечера; отъ 10—12 ч. былъ перерывъ для обѣда и отдыха. Зимой работа оканчивалась въ восьмомъ часу, но зато перерывъ для обѣда былъ только одинъ часъ. Въ субботу работа заканчивалась въ полдень. Въ общемъ, рабочему приходилось работать въ недѣлѣ 77 часовъ (ст. 1). Задѣльная плата должна выдаваться по субботамъ, при чемъ удерживается съ нея четвертая часть. Удержанные деньги въ случаѣ исправности рабочаго возвращаются при окончательномъ мѣсячномъ расчетѣ (ст. 10); рабочіе должны свои инструменты и платье содержать въ чистотѣ, „съ невымытыми руками, въ мокромъ или нечистомъ платьѣ, въ грязныхъ башмакахъ или сапогахъ въ работные покои не вступать“ (ст. 2). За игру на деньги и появленіе на улицѣ въ пьяномъ видѣ рабочіе подвергаются штрафу (ст. 4). Караются штрафомъ рабочіе и за прогульные дни (ст. 5). Споры между рабочими разбираются содержателемъ фабрики или переносятся въ коммерцъ-коллегію (въ то время въ ней были сосредоточены вѣдомство мануфактуръ- и бергъ-коллегій) (ст. 7). За непослушаніе „своимъ начальникамъ“ и за грубыя слова—рабочій подвергался слѣдующему наказанію: въ первый разъ — плетью, во второй разъ „батожемъ съ вычетомъ заслуженной платы за три мѣсяца, въ третій разъ ссылкой на одинъ годъ въ каторжную работу“; „а ежели кто дерзнетъ“ начальниковъ „рукою или побоями оскорбить, того бить кнутомъ и, по обстоятельству дѣла, осудить въ каторжную работу на нѣсколько годовъ или вѣчно“ (ст. 8). Наконецъ „рабочіе регулы“ требовали, „мастеровымъ и работнымъ людямъ отнюдь не допускать, чтобы жены ихъ и дочери, кои работать въ состояніи будутъ, дома праздны пребывали, или гуляли“ (ст. 6).

Таковъ былъ общій уставъ о рабочихъ и фабрикахъ. На дѣлѣ онъ никогда не примѣнялся, и каждый фабрикантъ устраивалъ по-своему внутренній распорядокъ жизни на фабрикѣ. Фабриканты произвольно уменьшали расцѣнки сдѣльной работы, подвергали рабочихъ по всякимъ поводамъ штрафамъ, заставляли ихъ исполнять свои частныя работы. Все это создавало въ высшей степени ненормальныя условія для жизни посессионныхъ рабочихъ; нѣкоторые изъ нихъ не выносили фабричнаго гнета и убѣгали, а оставшіеся обращались съ петиціей въ соответствующія инстанціи. Судьба этихъ петицій въ высшей степени любопытна. Правительство съ ними считалось, и довольно часто требованія рабочихъ удовлетворялись: восстанавливалась прежняя расцѣнка труда, при чемъ незаконно удержанная плата возвращалась рабочимъ, отмѣнялись вычеты по различнымъ статьямъ, напр., случайной поломки инструмента. Конечно, на практикѣ фабрикантъ не исполнялъ резолюцій высшихъ инстанцій и продолжалъ держаться въ отношеніи

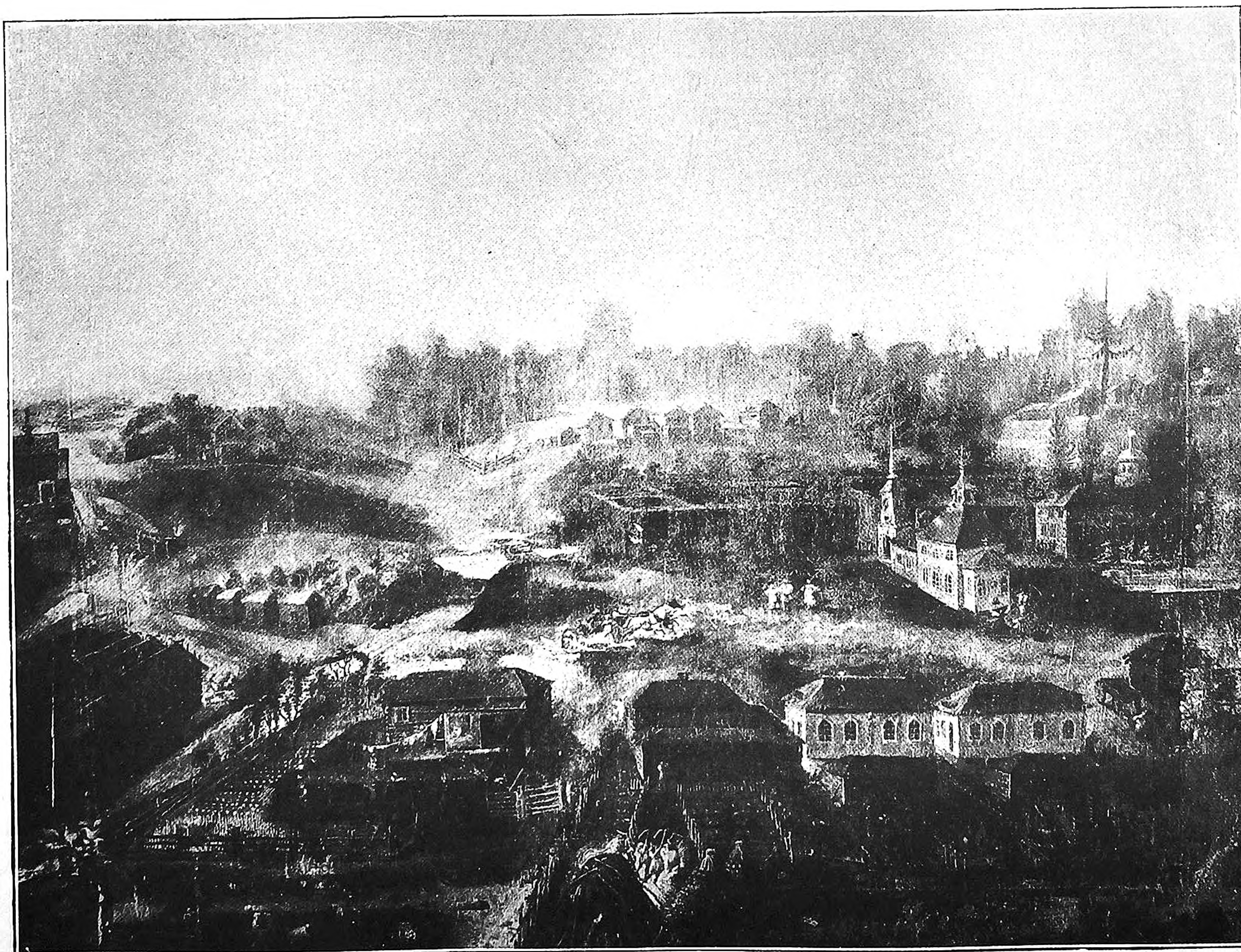
рабочихъ старой политики, такъ что въ общемъ даже удовлетвореніе просьбъ рабочихъ мало измѣняло фактическое положеніе рабочаго. Бѣгство рабочихъ съ фабрикъ стало хроническимъ явленіемъ. Правда, ихъ ловили, возвращали на старыя мѣста, наказывая плетью, но это производило на рабочихъ слабое впечатлѣніе, и бѣгство не прекращалось.

Иногда мѣропріятія фабриканта вызывали въ рабочихъ болѣе активный протестъ, и на фабрикахъ начинались волненія. Такъ въ 1772 г. происходили волненія на Ярославской мануфактурѣ по слѣдующей причинѣ: владѣльцу мануфактуры не нравилось, что многіе рабочіе жили въ своихъ домахъ въ загородной слободѣ, поэтому онъ рѣшилъ перевести рабочихъ поближе къ фабрикамъ подъ предлогомъ чумной эпидеміи въ городѣ. Для этой цѣли были выстроены дома „въ полѣ“. Рабочіе не пожелали исполнить желаніе владѣльца. Тогда послѣдній, окруживъ фабрику рогатками и поставивъ стражу, никого не выпускалъ со двора фабрики. Рабочіе прекратили работы и отправили губернатору прошеніе. Результаты прошенія оказались для рабочихъ нѣсколько неожиданными. Губернская администрація нашла всѣ мѣропріятія фабриканта вполне цѣлесообразными, а въ поведеніи рабочихъ усмотрѣла „законамъ государственнымъ противное собраніе“. На фабрику былъ посланъ военный отрядъ, при видѣ котораго „всѣ они пришедъ въ страхъ, и всѣ работники на свои работы сѣли безпрекословно“. Работы возобновились, а подавшихъ петицію четырехъ рабочихъ было велѣно, „учинивъ при публикѣ, въ собраніи народа, наказаніе плетью, отдать на фабрику, съ подтвержденіемъ, чтобы они впредь такихъ своевольствъ не чинили“.

Съ конца XVIII вѣка волненія рабочихъ на посессионныхъ фабрикахъ стали хроническимъ явленіемъ и въ большинствѣ случаевъ вызывались тяжелымъ экономическимъ положеніемъ. Такъ началась борьба за повышение заработной платы, размѣры которой вслѣдствіе повышения цѣнъ на сыбтные припасы были ниже средствъ существованія. Волненія часто начинались послѣ того, какъ всѣ средства къ мирному разрѣшенію вопроса были исчерпаны, когда „стонъ вопля и плача“ не трогалъ фабрикантовъ. Изъ петицій, поданныхъ рабочими, и изъ данныхъ мануфактуръ-коллегии видно, что мѣсячная заработная плата въ началѣ XIX в. была слѣдующая: для суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ она равнялась 4 рублямъ въ мѣсяцъ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что огромный % рабочихъ не были безземельными и отпускались лѣтомъ на 1—2 мѣсяца для полевыхъ работъ, дававшихъ имъ дополнительныя средства къ существованію. Но эта плата иногда понижалась.

На шелковыхъ фабрикахъ мѣсячное вознагражденіе рабочаго поднималось до 5 руб., а на стеклянныхъ и ситце-бумажныхъ до 8 р. 50 к. Женскій трудъ былъ болѣе всего развитъ на суконныхъ фабрикахъ. Заработокъ женщинъ колебался отъ 1 р. 55 до 3 р. въ мѣсяцъ. На нѣкоторыхъ фабрикахъ, преимущественно бумажныхъ, ситцевыхъ, отчасти стеклянныхъ и шелковыхъ,

Помѣщичья усадьба конца XVIII в.

(Изъ колл. П. И. Щукина).

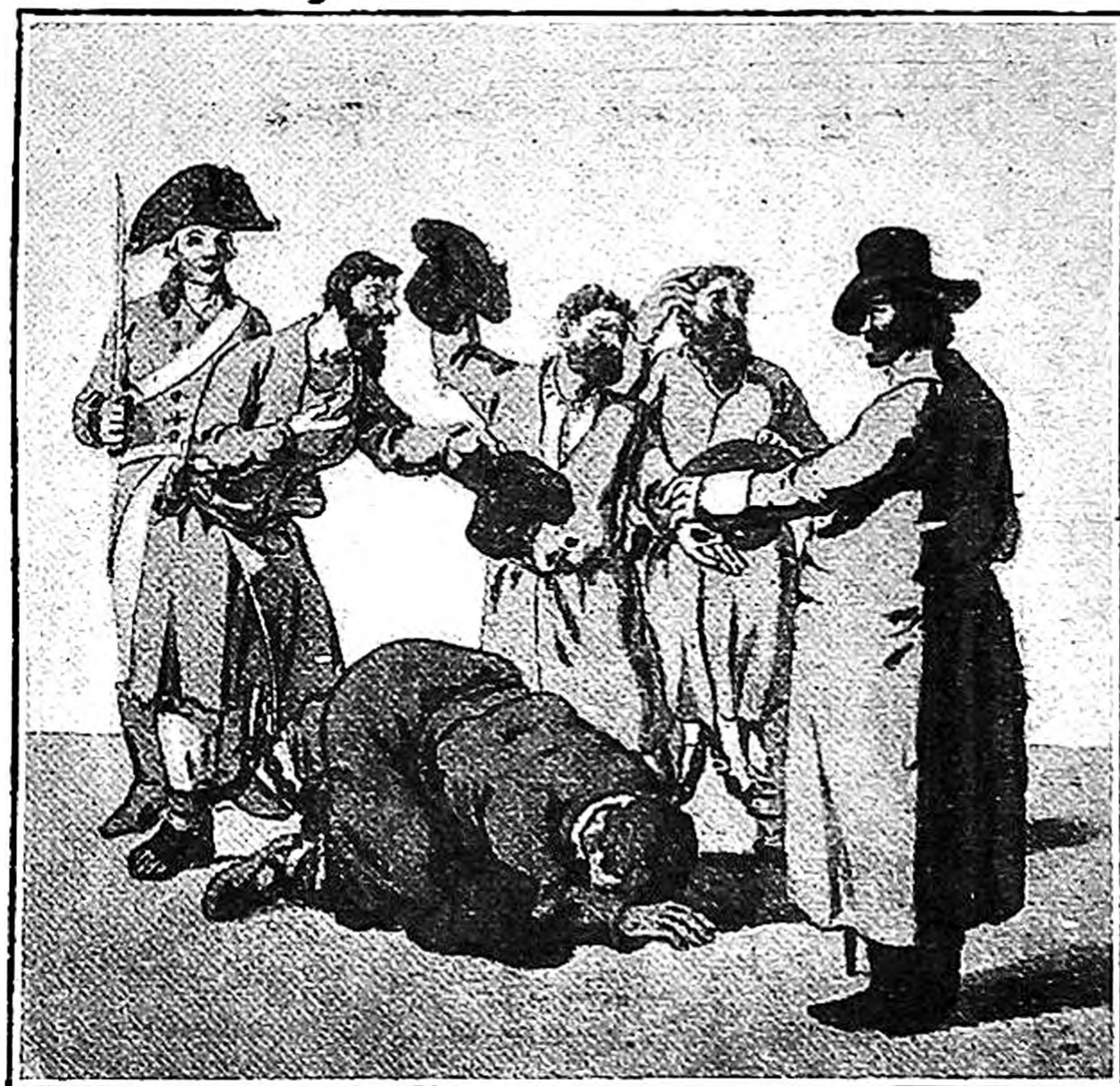
примѣнялся дѣтскій трудъ. Средній заработокъ въ мѣсяцъ малолѣтнихъ рабочихъ 1 р. 80 к.

Рабочіе платили сами за себя подушную подать, но встрѣчались фабрики, преимущественно суконныя, гдѣ подати платилъ за рабочихъ фабрикантъ. Владѣльцы маленькихъ фабрикъ не только платили за рабочихъ подати, но вообще содержали ихъ на готовой пищѣ и одеждѣ. За то они не давали имъ за работу никакого денежнаго вознагражденія.

На нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ главный контингентъ рабочей силы составили казенные мастеровые, переданные вмѣстѣ съ фабрикой частнымъ лицамъ. Передача казенныхъ заводовъ практиковалась уже при Петрѣ и его преемникахъ. Немало заводовъ было передано и продано при Елизаветѣ Петровнѣ. Фабрики вмѣстѣ съ казенными мастеровыми попадали и въ руки разныхъ вельможъ, которые сразу поставили дѣло нѣсколько по другому. Обыкновенно „шляхетскіе“ фабриканты понижали расцѣнку труда, чѣмъ доводили рабочихъ до нищенскаго состоянія, а затѣмъ свои помѣщичьи нравы и обычаи стали примѣнять въ обращеніи съ мастеровыми людьми.

Казенные мастеровые не оставались равнодушными къ подобной политикѣ. Они стойко отстаивали свои интересы и свое юридическое состояніе. Въ результатъ рядъ продолжительныхъ и упорныхъ волненій.

Въ 1754 г. кн. Репнинъ получилъ въ содержаніе три казенныхъ завода въ тогдашней Воронежской губерніи. Заводы были переданы Репнину съ имѣющимися при нихъ мастеровыми, рабочими и ихъ дѣтьми, со всѣми матеріалами и припасами. Управляющіе Репнина сразу понизили расцѣнку труда; вмѣсто денегъ стали платить разными вещами и припасами, посылали на разныя работы и строго наказывали. Терпѣніе рабочихъ скоро истощилось, и въ 1760 г. они подали на повѣреннаго кн. Репнина челобитную въ воронежскую губернскую канцелярію. Челобитчики жаловались на пониженіе заработной платы съ 5 коп. лѣтомъ и 4 зимой до 2—3 коп. въ день. Заработную плату имъ выдавали косами, ножами, рукавицами, воскомъ, ладаномъ и лошадьми. Помимо заводскихъ работъ они исполняли и другія работы: жгли уголь и копали руду, несли бесплатно караулы, бесплатно работали на бакчахъ; за выдачу „дѣвокъ“ замужъ платили выводныя деньги. Рабочіе также жаловались на жестокія на-

Колодники (изъ Гейслера).

казанія, кончавшіяся смертю. Воронежская губернская канцелярія отослала челобитчиковъ въ бергъ-коллегію, а послѣдняя обратно въ губернскую канцелярію, не обратившую никакого вниманія на справедливость высказанныхъ жалобъ.

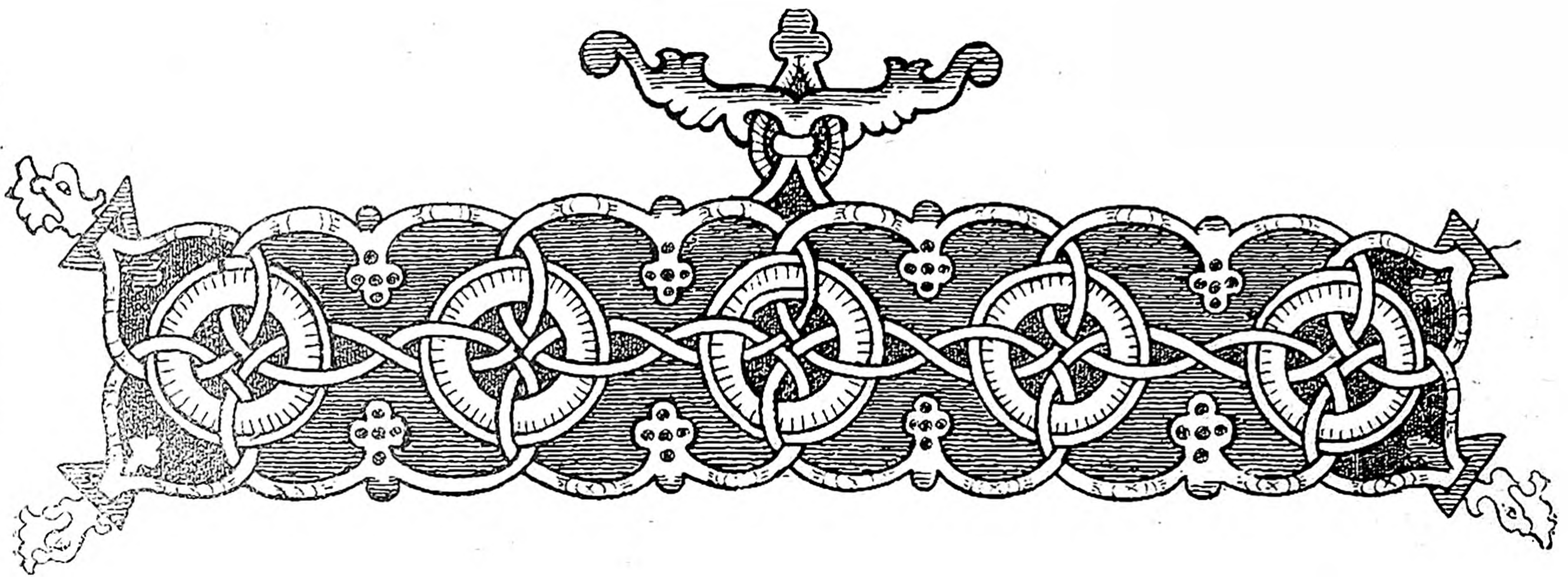
Рабочіе же, между тѣмъ, отказались работать, и канцелярія позаботилась о посылкѣ на заводы поручика съ командою съ предписаніемъ „наказать нещадно плетми“ 19 мастеровыхъ за ихъ „противности и озорничество“ и за просьбу о взятіи ихъ отъ князя Репнина. Произведенная экзекуція не достигла своей цѣли, рабочіе стояли на своемъ, оказывая активное и пассивное сопротивленіе управляющимъ и приказчикамъ, неоднократно посылая ходоковъ въ столицу. Мытарства рабочихъ кончились только въ 1769 г., когда фабрики были возвращены обратно казнѣ въ уплату долга казнѣ, а за вещи и припасы Репнину было выдано наличными деньгами. Послѣ этого волненій на заводахъ уже не было въ продолженіе всего царствованія Екатерины II. Стремленіе закрѣпить казенныхъ мастеровыхъ — это политика вообще всѣхъ заводчиковъ, но и на другихъ заводахъ она вызывала волненія, кончавшіяся не всегда такъ удачно, какъ для рабочихъ Репнина. Казеннымъ мастеровымъ красносельской бумажной фабрики удалось отстоять право считаться казенными людьми, а не крѣпостными, „изъ казеннаго вѣдомства уже вышедшими въ партикулярное владѣніе людьми“. Еще затруднительнѣе было отстоять мастеровымъ возстановленія своихъ правъ, когда на фабрикѣ или заводѣ они составляли меньшинство, растворяясь въ массѣ купленныхъ и вѣчно отданныхъ крестьянъ. Рабочія волненія часто кончались неудачно для мастеровыхъ.

Въ такихъ же точно чертахъ рисуется положеніе рабочаго и на уральскихъ горныхъ заводахъ. Беззастѣнчивая эксплуатація труда, низкая заработная плата, продолжительный рабочий день (12—13 ч.), жестокое обращеніе, произвольные штрафы, попытки обращенія съ мастеровыми, какъ съ крѣпостными, — все это служило причиной безконечныхъ волненій на уральскихъ горныхъ заводахъ и опредѣлило ихъ отношеніе къ Пугачевщинѣ.

В. Пичета.

Крестьяне церковных вотчинъ.

Д. А. Жаринова.

о даннымъ второй ревизіи (1742—1746 г.) въ составѣ крѣпостного населенія церковныхъ вотчинъ насчитывалось 728.736 душъ крестьянъ монастырскихъ, 37.426 душъ синодальныхъ, 116.376 архіерейскихъ, 23.767 соборныхъ и церковныхъ. Эти въ общей суммѣ 906.305 душъ составляли 14,1% сельскаго населенія Великороссіи и Сибири. По даннымъ третьей ревизіи (1761—67 г.) церковныхъ крестьянъ оказалось 991.761 душъ, что составило 13,8% всего сельскаго населенія. Мужскіе монастыри были значительно богаче крестьянами, чѣмъ женскіе. Въ половинѣ XVIII в. самый богатый женскій монастырь — московскій Вознесенскій, имѣлъ 15.581 душу, между тѣмъ какъ Саввинъ-Сторожевскій, имѣвшій 16.047 душъ, по количеству крестьянъ занималъ среди мужскихъ монастырей лишь пятое мѣсто. Крестьянское населеніе церковныхъ вотчинъ еще въ XVII в. распадалось на нѣсколько разрядовъ, различавшихся по хозяйственному быту и отношенію къ казенному тяглу. Слѣнію всѣхъ этихъ разрядовъ въ однородную крѣпостную массу въ значительной степени содѣйствовала перепись 1710 г., произведенная по распоряженіямъ Монастырскаго приказа и Царскаго разряда. При переписи разные виды крестьянства на церковныхъ вотчинахъ были уравниены по раскладкѣ государственныхъ податей; то же объединяющее вліяніе оказали и указы о подушной подати, когда церковные крестьяне сравнивались съ государственными по отношенію къ подушному окладу и оброку.

Повидимому, уже въ XVI—XVII вв. повинности церковныхъ крестьянъ не были легки, и население привлекалось на церковныя земли лишь перспективой полученія ссуды на обзаведеніе и облегченія казеннаго тягла. Положеніе ухудшается по мѣрѣ приближенія къ XVIII в.: государство стѣснило финансовыя льготы церкви, а оброки и повинности крестьянъ церковныхъ вотчинъ или остаются прежними, или растутъ. Для середины XVIII в., по вычисленію Семеваго, стоимость наиболѣе обыкновенныхъ повинностей или нормальнаго оброка съ крестьянъ церковныхъ вотчинъ можно принять въ 1 рубль; но, несомнѣнно, церковныя власти иной разъ значительно превышали эту

Прилучиѣ въ XVIII в. Изъ альбома
Le Prince (1764 г.).

норму. По даннымъ таблицы, представленной императору Петру III 1 января 1762 г., выходитъ, что, кромѣ барщины, сбора столовыхъ и иныхъ запасовъ, поставки подводъ и цѣлаго ряда другихъ статей, архіерейскіе крестьяне вносили ежегодно въ среднемъ по 49 коп. и 2,6 четверик. хлѣба съ души, монастырскіе—по 26 коп. и по 3,1 четверика, крестьяне Троицко-Сергіевской лавры и другихъ ставропигіальныхъ монастырей—по 43 коп. и по 2,3 четверика. Барская запашка въ помѣщичьихъ имѣніяхъ оказывается все-таки выше, чѣмъ на церковныхъ; но явленіе это можно поставить въ связь съ тѣмъ, что при множествѣ беспорядковъ въ жизни церковныхъ учрежденій XVIII в. имъ было трудно организовать надлежащій надзоръ за крестьянами при полевомъ хозяйствѣ.

Главнымъ юридическимъ отличіемъ класса церковныхъ крестьянъ отъ крестьянъ другихъ владѣльцевъ должна была быть ихъ неотъемлемость и неотчуждаемость: это было имущество церкви, предназначенное на удовлетвореніе ея нуждъ. Тѣмъ не менѣе, на практикѣ это основное положеніе часто нарушалось, и церковныя земли бывали въ XVIII в., да и раньше, предметомъ нѣкоторыхъ гражданскихъ сдѣлокъ. Церковныя земли часто закладывались разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. И наоборотъ монастыри сами выдавали ссуды подъ землю. Въ XVIII столѣтіи бывали случаи, что въ залогъ принимали не монастыри, а отдѣльные монахи, при чемъ другіе монахи расписывались при заключеніи сдѣлки въ качествѣ свидѣтелей. Въ погонѣ за

мірскимъ богатствомъ церковныя власти не останавливаются иногда и передъ прямымъ насиліемъ: въ Кіевской епархіи въ XVIII в. сами монастыри отнимали другъ у друга земли. Развивается сутяжничество, достигшее въ XVIII в. такихъ размѣровъ, что издержки на тяжбы были одной изъ видныхъ причинъ упадка нѣкоторыхъ монастырей кіевской епархіи. Гамалѣвскій монастырь въ половинѣ XVIII в. одновременно ведетъ до 100 тяжбныхъ дѣлъ. Архимандритъ, переведенный въ другой монастырь, предпринималъ дѣло противъ того монастыря, который только что покинулъ. Тяжбы смѣнялись подчасъ вооруженными столкновениями. Въ половинѣ XVIII в. экононы рязанскаго архіерейскаго дома и рязанскаго же Богословскаго монастыря для рѣшенія спора о землѣ собрали цѣлыя арміи, вооружили ихъ рогатинами, ружьями, дрекольемъ и стали драться, несмотря на то, что для разбора дѣла былъ присланъ майоръ Рагозинъ и межевщикъ. „Полководцы“ отдали подчиненнымъ приказъ бить противниковъ до смерти.

У монастырей было обширное хозяйство; но не всѣ отрасли этого хозяйства отвѣчали достоинству церкви: въ Кіевской епархіи было сильно развито винокуреніе, и монастыри строили здѣсь свое благополучіе на возможно большемъ сбытѣ вина. Сверхъ разрѣшаемаго правительствомъ количества шинковъ, открывались и недозволенные: такихъ у кіевскаго Михайловскаго монастыря было 3, у Выдубицкаго — 2, у Кіево-Софійскаго даже 7. Какъ хозяева-вотчинники, церковныя власти все болѣе и болѣе усваивали себѣ образъ жизни и тонъ мірскихъ землевладѣльцевъ. У монаховъ заводилась своя прислуга, на крестьянъ и даже на служащихъ по вольному найму начинали смотрѣть, какъ на орудіе къ удовлетворенію прихотей. Въ вотчинѣ Муромскаго собора, по словамъ мѣстныхъ крестьянъ, одинъ священникъ съ согласія протопопа, „забывъ страхъ Божій и не чувствуя священство, имѣя законную жену, наглостью своею беретъ изъ деревень дѣвокъ и женъ молодыхъ, держитъ у себя недѣли по двѣ и по мѣсяцу и съ ними прелюбодѣйствуетъ“. Въ 1730 г. писмоводителемъ черниговскаго архіерея, іеромонаху

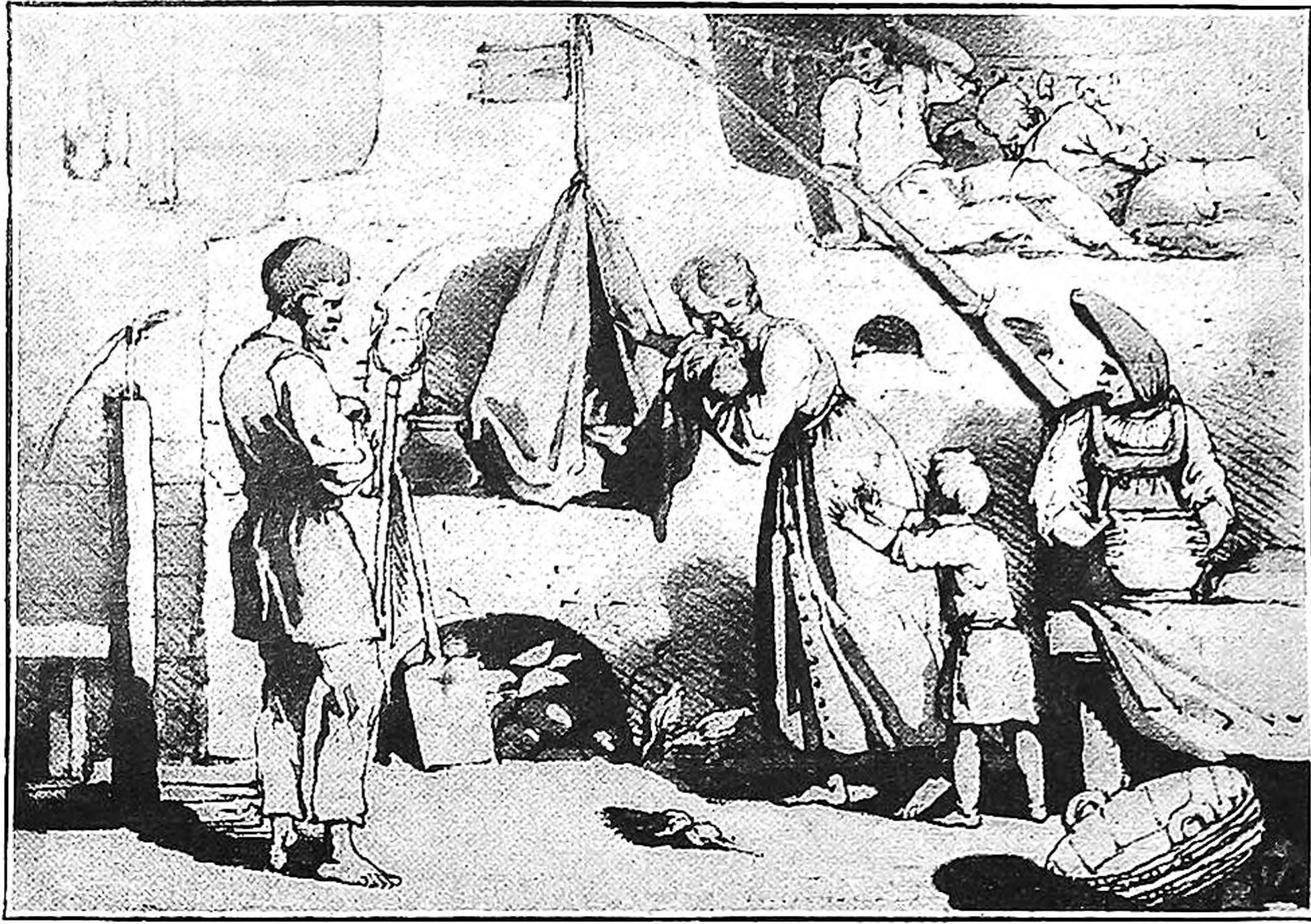

При лучинѣ въ XVIII в. Изъ альбома
Le Prince.

Герману понравился наемный писарь Погарской протопопш, и онъ вытребовалъ его къ себѣ. Для бѣднаго писаря началось „скрибентійское послушаніе“, въ которомъ, собственно, „скрибентійскаго“ было очень мало. Писарь всю ночь подавалъ вино, водку, пиво, рассказывалъ по приказу начальника „мерзкія басни“; днемъ послѣ обѣда іеромонахъ укладывался спать, а писарь долженъ былъ салфеткой мухъ отгонять, въ жаркіе дни прохлаждать воздухъ, а то и чесать хозяину пятки. Совсѣмъ какъ въ патриархальной помѣщицкѣй усадьбѣ. За проступки церковные крестьяне подвергались суровымъ наказаніямъ. Въ 1734 г. архимандритъ Лужецкаго монастыря Діонисій билъ за какую-то вину плетью крестьянина Ивана Матвѣева и „прибилъ до смерти“, „отъ которыхъ его побой оной крестьянинъ умре“. „Онъ же, архимандритъ,—какъ доноситъ Духовная дикастерія Сыскному приказу,—тому назадъ четвертый годъ, заставилъ дворника Якова Никитина въ монастырскомъ саду косить траву, который, кося траву, не усмотря, подкосилъ осиновыхъ подростковъ. И за то его, дворника, онъ, архимандритъ, взялъ коль, прибилъ до смерти, о чемъ вѣдомо было того монастыря всей братіи“. Архимандритъ Іосифова-Волоколамскаго монастыря самовольно сжиналъ въ свою пользу крестьянскій хлѣбъ, отнималъ скотъ, морилъ крестьянъ голодомъ, забивалъ до-смерти, томилъ въ заключеніи. Отъ голода 13 человекъ умерло, 24 разбрелось. Возрастающее обмірщеніе церковныхъ учрежденій разстраивало всю ихъ духовную жизнь и давало иногда поводъ правительству обращаться къ такимъ способамъ возстановленія церковнаго благочинія, которые, въ свою очередь, вносили новый соблазнъ. Въ 1733 г. бывшій стряпчій московскаго Вознесенскаго монастыря „съ товарищи“, въ числѣ которыхъ были и монастырскія старицы, подали на игуменью Евстолю доносъ—объ употребленіи ею на свои расходы монастырскихъ денегъ и „о излишнихъ съ крестьянъ по прихотямъ сборахъ“. Игуменью вытребовали въ Петербургъ, а смотрѣть за порядкомъ въ этомъ женскомъ монастырѣ поручено было сначала капитану Ланскому, а потомъ Ладыгину. Но соблазнительныя для церковнаго благочинія явленія становились опасными, поскольку содѣйствовали побѣгамъ и волненіямъ крестьянъ. Еще въ писцовой книгѣ 1629 г. значится, что население вотчинъ Карачевскаго монастыря выбѣжало „отъ городскихъ податей, и отъ татарской войны, и отъ игумена Варсонофія“. Въ XVII в. встрѣчаются и случаи волненій монастырскихъ крестьянъ. Въ XVIII в. побѣги и волненія усилились—и усиленіе это обнаруживалось преимущественно въ періоды, когда правительственный контроль надъ хозяйственной жизнью церкви ослабѣвалъ. Случаи побѣговъ церковныхъ крестьянъ были, повидимому, нерѣдки; волненія если и уступали по силѣ волненіямъ на дворянскихъ земляхъ, то все же внушали опасенія. Въ вотчинахъ московскаго Новоспасскаго монастыря волненіе продолжалось съ 1753 по 1761 г. Противъ крестьянъ, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ, была послана военная команда, но она была захвачена

Внутренность избы въ XVIII в. (Аткинсонъ).

крестьянами въ плѣнъ—и при этомъ раздавались знаменательные возгласы, что пора бы не только монастырскихъ властей, но и всѣхъ бояръ перевести, „чтобъ ихъ на свѣтѣ не было“. Волненіе было усмирено, когда прислали значительный военный отрядъ съ пушкой. Съ 1753 г. то и дѣло возникаютъ спеціальныя слѣдственные комиссіи для разбора столкновеній вотчинныхъ крестьянъ съ тѣми или другими архіерейскими домами и монастырями. Въ концѣ царствованія Елисаветы во многихъ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскіе бунты сдѣлались такъ часты и жалобы крестьянъ такъ многочисленны, что кабинетъ счелъ необходимымъ учредить при Сенатѣ и въ зависимости отъ него особую постоянную комиссію для разбора этихъ дѣлъ. При восшествіи на престолъ Екатерины II приходилось приводить къ повиновенію вотчинныхъ крестьянъ въ 5 архіерейскихъ домахъ и 23 монастыряхъ, а затѣмъ для успокоенія ихъ издать манифестъ 8 января 1763 г. и цѣлыхъ три указа.

Къ двумъ причинамъ секуляризаціи: возрастанію матеріальныхъ нуждъ правительства и общества и ряду беспорядковъ во внутренней жизни церковныхъ учрежденій присоединяется съ начала XVIII в. и другія—разладъ между правительствомъ и нѣкоторыми, по крайней мѣрѣ, представителями церкви въ вопросахъ какъ внутренняго управленія, такъ и общаго руководства жизнью подданныхъ, и упадокъ церковнаго авторитета въ связи съ проникновеніемъ въ жизнь новыхъ просвѣтительныхъ идей. Въ XVII в., несмотря на ударъ, нанесенный церковной самостоятельности соборомъ 1666—67 г., церковь признавалась важной помощницей пра-

вительства, поскольку она молилась за государя и народъ, подкрѣпляя своей молитвой всякое начинаніе. Высоко ставя эту помощь „государственныхъ богомольцевъ“, свѣтская власть многое прощала въ церковныхъ нестроеніяхъ, и какъ ни рѣзко ставила требованія, чтобы земля изъ службы не выходила, сама все-таки давала церкви и льготы и имущества. Эпоха преобразованій приноситъ новые политическіе идеалы: свѣтская власть, вмѣсто религіозной, усвоиваетъ себѣ раціоналистическую основу, поступаетъ самоувѣреннѣе и круче и въ значительной степени перестаетъ нуждаться въ религіозной санкціи своихъ дѣйствій. Въ извѣстномъ „Объявленіи о монашествѣ“ Петръ устами Теофана Прокоповича свелъ къ нулю заслуги духовныхъ, какъ государевыхъ богомольцевъ: „что говорятъ, молятся, то и всѣ молятся: что же прибыли обществу отъ сего?“ Постъ и молитва, сами по себѣ, помимо сопровождающихъ ихъ добрыхъ дѣлъ, перестали казаться заслугой. Въ половинѣ XVIII в. пользовался большимъ успѣхомъ русскій переводъ философскаго романа Вольтера — „L'homme aux quarante écus“ — „Человѣкъ въ 40 талеровъ“. Два собесѣдника ведутъ рѣчь о монахахъ, и одинъ ставитъ имъ въ заслугу молитву. „Изрядно, — говоритъ другой собесѣдникъ, — такъ и я за нихъ молиться буду, а денежки дѣлить станемъ вмѣстѣ“. Но церковь не только потеряла обаянне, какъ посредница между людьми и Богомъ: она возбуждаетъ и недовѣріе правительства, поскольку, при случаѣ, по своей близости къ населенію, можетъ повліять на массы въ направленіи, нежелательномъ для свѣтской власти. При Петрѣ духовенство поддерживало Алексѣя; при Аннѣ, несмотря на отказъ Синода принять участіе въ замыслѣ верховни-

Въ избѣ XVIII в. (Le Prince).

ковъ, духовенство подвергалось гоненію по подозрѣнію въ агитаціи противъ нѣмцевъ; Екатерина старалась ладить съ духовенствомъ, но подъ условіемъ полного его подчиненія своей власти. Если церковь признается полезной и важной, то единственно со стороны благотворительности и распространенія просвѣщенія: и, кромѣ того, въ томъ и другомъ не церковь должна руководить правительствомъ, какъ это было въ донетровской Руси, а правительство—церковью. Имущественная самостоятельность церкви, являвшаяся притомъ источникомъ всякихъ безпорядковъ, плохо мирилась съ такими взглядами—и настоятельность секуляризаціи представлялась съ тѣмъ большей ясностью.

Въ ходѣ секуляризаціи выступаютъ, съ одной стороны, законодательныя мѣры, устанавливающія общія нормы хозяйственной жизни церкви, а съ

Крестный ходъ (Груберъ и Гейслеръ).

другой — административныя, расчищающія обыкновенно путь отъ одной законодательной мѣры къ другой. По основнымъ точкамъ зрѣнія, на которыхъ стояло правительство, законодательныя и административныя мѣры можно распредѣлить на три періода: 1) періодъ до Петра, когда свѣтская власть, ограничивая и отмѣняя финансовыя льготы церкви, въ вопросѣ о землевладѣніи старалась только предотвратить его ростъ и примирить его съ нуждами людей служимыхъ и тяглыхъ; 2) періодъ съ Петра до Екатерины II, когда власть, признавъ имущественную самостоятельность церкви, несомѣстимой съ интересами государственными и общественными, обязала, тѣмъ не менѣе, церковь, кромѣ заботъ о благотворительности и просвѣщеніи, содѣйствовать свѣтской власти при управленіи послѣдней церковными вотчинами въ ка-

Типы крестьянъ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ).

зенныхъ интересахъ; и, наконецъ, 3) царствованіе Екатерины, когда управление церковными вотчинами, вмѣстѣ съ самими вотчинами и крестьянами на нихъ, было передано отъ церкви свѣтской власти.

Какъ только началась Сѣверная война, Петръ обратилъ вниманіе на церковныя вотчины. Въ 1701 г., по совѣту и по мысли извѣстнаго прибыльщика Курбакова, возстановленъ съ болѣе широкими полномочіями Монастырскій приказъ, спеціально предназначенный къ проведенію въ жизнь тѣхъ новыхъ взглядовъ, какіе усвоила себѣ на церковь свѣтская власть. Указомъ 30 декабря 1701 г. — „не ради разоренія монастырей, но ради лучшаго исполненія монашескаго обѣщанія“ — предписано доходы съ церковныхъ имуществъ собирать въ Монастырскій приказъ, а въ общежителство монаховъ выдавать по 10 рублей денегъ и 10 четвертей хлѣба на cadaго и дрова „въ довольность ихъ“. Слугъ и служебниковъ въ монастыряхъ оставить самое малое число. Расходы по содержанію церковныхъ учрежденій должны были покрываться доходомъ съ одной части вотчинъ, такъ называемыхъ „опредѣленныхъ“; доходы съ остальной части вотчинъ — „заопредѣленныхъ“ поступали на нужды благотворительности и просвѣщенія. Управление вотчинами было ввѣрено чиновникамъ и вѣдомствамъ приказа. Съ учрежденіемъ Св. Синода порядокъ мѣняется: управление передано опять церковнымъ властямъ съ обязательствомъ осуществлять его въ казенныхъ интересахъ. Монастырскій приказъ, переименованный въ Камеръ-контору синодальнаго правительства, превратился въ хозяйственное отдѣленіе при Синодѣ. Въ промежутокъ между учрежденіемъ Монастырскаго приказа и возвращеніемъ церковныхъ вотчинъ Синоду до 6.407 дворовъ

успѣлъ уже непосредственно перейти отъ церкви въ свѣтскія руки. Вотчины московскаго Новодѣвичьяго монастыря, вмѣстѣ съ самымъ монастыремъ, переданы въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, который и отправлялъ съ нихъ всѣ государственныя требованія; нѣсколько вотчинъ тверскаго архіепископа и Волоколамскаго монастыря приписаны къ ямскому дѣлу, въ распоряженіе Ямскаго приказа; однѣ вотчины отбирались на государя, другія отписывались въ казну, присоединялись къ городамъ. Въ 1720 г. приказано было выслать въ Москву изъ монастырей разныя историческія матеріалы, „курьозныя письма оригинальныя“—и къ этимъ „курьознымъ письмамъ“, подлежащимъ отсылкѣ въ Москву, были причислены и жалованныя грамоты. Лишившись части имущества и управляя остальной частью въ интересахъ казны, церковь, тѣмъ не менѣе, должна была помогать правительству въ дѣлѣ благотворительности и просвѣщенія. Въ вѣдѣніе Монастырскаго приказа перешло содержаніе Славяно-греко-латинской академіи; при нѣкоторыхъ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ открылись школы. Но, повидимому, при наличности у государства настоятельныхъ матеріальныхъ нуждъ заботы о просвѣщеніи не внѣдрялись глубоко во внутреннюю жизнь церкви. Другое дѣло—благотворительность, въ которой такъ нуждалась разоренная войной страна. Въ 20 годахъ передъ Петромъ носились грандіозныя планы—превратить всѣ монастыри въ богадѣлни и больницы, часть братіи оставить въ качествѣ слугъ, а остальныхъ перевести на пашню, „дабы сами хлѣбъ себѣ промышляли“. Планъ не осуществился, но монастырями широко воспользовались для призрѣнія отставныхъ военныхъ. Въ 1723 г. въ Св. Синодѣ принято для разсылки по монастырямъ 535 чел. Отставные поступали прежде всего въ монастыри, гдѣ были „убылыя мѣста“, т.-е. гдѣ братіи было меньше, чѣмъ предполагалось по опредѣленному Мо-

Типы крестьянокъ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ).

настырскимъ приказомъ штату; доли казеннаго содержанія, приходившіяся въ убылыхъ, шли теперь на содержаніе отставныхъ. Если монастырей съ убылыми мѣстами не оказывалось, то вакансіи должны были создаваться переводомъ трети или половины братіи въ другіе монастыри, не получавшіе жалованья, но жившіе рукодѣліемъ и другими трудами. Въ погонѣ за убылыми мѣстами Петръ не остановился передъ рѣшительнымъ стѣсненіемъ свободы постриженія. 28 января 1723 г. велѣно было составить „въ самой скорости“ во всѣхъ монастыряхъ, какъ епархій, такъ и синодальной области, вѣдомость о наличномъ числѣ монаховъ, „дабы впредь никого не постригать, а сколько изъ обрѣтающагося нынѣ числа оныхъ монаховъ и монахинь будетъ убывать, о томъ въ Синодъ рапортовать во вся мѣсячно, а на тѣ убылыя мѣста опредѣлять отставныхъ солдатъ“. Свобода постриженія была возстановлена лишь при Елисаветѣ; результатъ петровской политики, усвоенной и ея ближайшими преемниками, былъ тотъ, что общее число монаховъ во внутреннихъ епархіяхъ съ 8.976 человекъ при Петрѣ убавилось къ 1739 г. до 5.670; по отдѣльнымъ епархіямъ убыль превышала половину. Въ монастыри поселялись не одни военные, но и сумасшедшіе и колодники. Указомъ 19 сентября 1701 г. присланы для поселенія въ монастыри „въ вѣчной работѣ“ двое крестьянъ, „которые въ Преображенскій приказъ за старостью и за увѣчьемъ для ссылки въ каторгу не приняты“. Церковь несла двойное тягло — по управленію имуществомъ и по благотворительности, но она же несла съ своихъ вотчинъ рекрутскую и военно-конскую повинности, привлекалась къ строенію рогатокъ и несенію при нихъ сторожевой службы; въ случаѣ экстренныхъ казенныхъ нуждъ послѣднія удовлетворялись, какъ и раньше, тоже на счетъ церкви. Въ 1705 году, по случаю шведской войны, велѣно выдать жалованье монастырямъ съ убавкою въполовину; война прошла, а монастыри остались при сокращенномъ жалованьѣ. Изъ положенныхъ на штатъ Св. Синода 15.327 р. 89½ коп. въ 1740 г. могло быть выдано только 1.582 р., а остальное, согласно Высочайшимъ указамъ, было израсходовано на выдѣлку ружей въ Тулѣ.

Въ 1726 г. Св. Синодъ былъ раздѣленъ на два апартамента — для дѣлъ духовныхъ и хозяйственныхъ, при чемъ второму апартamentу указомъ 26 сентября 1726 года велѣно именоваться „Коллегіей экономіи синодальнаго правленія“. По мысли законодательницы, учрежденіе это должно было стать высшей инстанціей по управленію синодальными, монастырскими и архіерейскими вотчинами, но фактически оно скоро сравнялось въ полномочіяхъ съ Камеръ-конторой синодальнаго правительства, которая и была въ 1727 г. закрыта. Въ 1738 г. Коллегія экономіи поставлена въ зависимость отъ Сената; наоборотъ, въ 1744 г. церковныя вотчины переданы опять въ вѣдѣніе Синода, при которомъ, въ зависимости отъ него, учреждена „Канцелярія синодальнаго экономического правленія“. Начавшіяся въ церковныхъ вотчинахъ

беспорядки привели затѣмъ правительство къ мысли предоставить управленіе вотчинами вмѣсто церковныхъ властей отставнымъ военнымъ.

Все эти колебанія управленія вотчинами, какъ и требовательность правительства по отношенію къ церковнымъ учрежденіямъ, тяжело ложились на церковныхъ крестьянъ. Еще Петръ отмѣтилъ, что хотя церковные крестьяне „за равныхъ съ прочими признаются, но гражданскіе управители не въ равенствѣ ихъ содержатъ... обрѣтаются оныя не токмо въ какомъ призрачнѣи, но какъ отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеній неслосныхъ зѣло разорены“.

Съ другой стороны, церковныя власти временно возвращая себѣ вліяніе на управленіе вотчинъ, спѣшили использовать благоприятный моментъ для пополненія убытковъ предшествующаго періода. Въ общемъ, симпатіи крестьянъ лежали гораздо болѣе къ Коллегіи экономіи, чѣмъ къ монастырямъ; въ 1762 г. вспыхнули волненія единственно изъ-за передачи крестьянъ опять церковному вѣдомству. Источникомъ бѣдствій для крестьянъ было и взысканіе недоимокъ, иногда получавшихся потому, что разные управители присваивали собранное себѣ. Крестьянамъ приходилось подчасъ платить двойные сборы. Въ концѣ концовъ все-таки получались недоимки. Послѣ ряда взысканій въ апрѣлѣ 1738 г. въ недоимкѣ числилось за церковными вотчинами 47.857 р. 71 коп.; а послѣ облегченія правительственнаго надзора за церковью при Елисаветѣ, въ 1764 г. недоимокъ оказалось на 154.407 р. 96 коп. Правительству нужны были деньги: въ 1763 г. Екатерина рассчитываетъ вмѣшаться въ польскія дѣла и жалуется на недостатокъ для этого средствъ въ письмѣ къ графу Кайзерлингу, русскому послу въ Варшавѣ.

Реформѣ 1764 г. предшествуютъ и непосредственно ее подготавливаютъ мѣры Петра III. Указомъ 21 марта 1762 г. для управленія церковными вотчинами учреждается подъ вѣдомствомъ Сената въ Москвѣ Коллегія экономія, а въ С.-Петербургѣ отъ той коллегіи контора. Коллегія и контора должны назначить въ губерніи и провинціи по штабъ-офицеру, а въ принисные го-

Императоръ Петръ III.
(Съ портрета Аптропова).

рода съ состоящими при нихъ церковными вотчинами по оберъ-офицеру— какъ для управленія вотчинами, такъ и „для защищенія крестьянъ отъ всякихъ обидъ“: „прежнимъ же не токмо изъ монашествующихъ и прочихъ духовныхъ персонъ, но и изъ монастырскихъ служекъ управителями не быть и до того ихъ не допускать, а кои есть, тѣхъ всѣхъ отрѣштитъ“. Крестьяне облагаются, сверхъ подушнаго оклада, рублевымъ оброкомъ, который должны, вмѣстѣ съ подушными, платить въ городахъ, „гдѣ которые донинѣ тѣ подушныя деньгу платятъ, въ одно время равно, какъ и съ государственныхъ крестьянъ тѣ рублевыя деньги собираются; и для того онымъ крестьянамъ и пашенную въ тѣхъ вотчинахъ землю, которую они на архіереевъ, монастыри, соборы, церкви и пустыни пахали, отдать“; оставшуюся за надѣленіемъ крестьянъ землю, какъ и другія оброчныя статьи, сдавать желающимъ въ оброкъ, а собирать оброчныя деньги штабъ- и оберъ-офицерамъ; духовенству довольствоваться, кромѣ жалованья духовнымъ сановникамъ и добавочныхъ ассигновокъ на разныя экстренныя нужды, содержаніемъ по „апробованному Петромъ В. 1724 г. мая 22 штату“. Дѣла о крестьянскихъ волненіяхъ, кромѣ случаевъ убійствъ, всѣ „отставить и уничтожить“; „однакожь, что съ тѣхъ крестьянъ, кромѣ получаемыхъ въ монастырѣ доходовъ службами монастырскими, излишними во взятѣ окажется, оныя опредѣленнымъ къ правленію офицерамъ, съ нихъ взыскавъ, возвратитъ крестьянамъ немедленно“. Реформа начала было приводиться въ дѣйствіе, но 28 іюня 1762 г. наступило новое царствованіе.

Вступленіе свое на престолъ императрица мотивировала необходимостью защитить православную вѣру отъ поруганія и церкви отъ разрушенія; присутствуя въ Сенатѣ послѣ воцаренія, она признала „отобраніе имѣній мѣрой необдуманной“. Но ученица Вольтера не могла отказаться отъ уже намѣченной реформы—и вопросъ былъ только въ ея болѣе обстоятельной разработкѣ и болѣе тактичномъ проведеніи. Въ отвѣтъ на ходатайство Синода о возвращеніи въ его вѣдѣніе вотчинъ Сенатъ, по порученію императрицы, составилъ докладъ 16 іюня 1762 г., по которому постановилъ: 1) имѣнія возвратитъ церкви, 2) со всѣхъ крестьянъ, кромѣ семигривеннаго подушнаго оклада, брать рубль, изъ которыхъ 50 коп. пойдутъ въ казну по содержанію инвалидамъ, а 50 архіереямъ, монастырямъ и другимъ учрежденіямъ, куда крестьяне будутъ возвращены, 3) крестьяне должны управляться не служками монастырскими, а выборными и старостами, которыхъ будутъ ежегодно выбирать сами крестьяне. На конференціи Сената съ Синодомъ духовенство согласилось съ первымъ и послѣднимъ пунктомъ, но вмѣсто второго предложило уплачивать въ казну на дѣла благотворительности 300.000, съ предоставленіемъ всѣхъ остальныхъ доходовъ въ пользу церкви. По вопросу о штатахъ архіерейскимъ домамъ и монастырямъ, по предложенію Дмитрія Сигенова, учреждена была комиссія 29 ноября 1762 г. изъ трехъ духовныхъ

и пяти свѣтскихъ лицъ, въ руководство которой одинъ изъ ея участниковъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорій Тепловъ, составилъ обширную инструкцію. Требовалось собрать описи церковныхъ имѣній съ обстоятельной провѣркой этихъ описей черезъ губернаторовъ и воеводъ; управителямъ дать по хозяйственнымъ вопросамъ инструкціи, каждую волость и деревню опредѣлить или на земледѣліе, или на оброкъ; для каждой епархіи составить штаты съ выясненіемъ размѣра суммъ, нужныхъ на поддержку церквей и церковныхъ строеній. На ряду съ этимъ требовалось выдѣлить средства: на заведеніе при епархіяхъ школъ и при двухъ-трехъ монастыряхъ каждой епархіи „малыхъ гимназій“, съ латинскимъ и русскимъ языкомъ и на учрежденіе при

Сценка изъ жизни крестьянъ (Груберъ и Гейслеръ).

архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ особливыхъ инвалидныхъ домовъ для призрѣнія престарѣлыхъ, раненыхъ, увѣчныхъ и пропитанья не имущихъ; остатки суммъ, если бы таковыя оказались, предписывалось обратить на образованіе пенсіоннаго фонда для выдачи пенсій, „присоединенныхъ къ установленію какого-либо ордена, жалуемаго за вѣру и любовь къ отечеству и за отличныя и знатныя въ немъ заслуги“. Съ половины 1763 г. комиссія, нѣсколько измѣненная въ своемъ личномъ составѣ, переѣхала вмѣстѣ съ дворомъ изъ Москвы въ Петербургъ, до 1766 г., когда опять вернулась въ Москву. На долю ея выпалъ трудъ по разработкѣ отдѣльныхъ деталей реформы и по ея общему теоретическому обоснованію. Но обстоятельства не позволяли медлить: начавшіяся крестьянскія волненія заставили указомъ 12 мая 1763 г. возстановить для хозяйственнаго управленія вотчинами Коллегію экономіи;

а 26 февраля 1764 г., еще до окончания работы комиссії 29 ноября, послѣдовалъ и указъ о секуляризаціи имѣній.

По указу 26 февраля вотчины, за исключеніемъ небольшого количества земли, оставленной для архіерейскихъ домовъ и монастырей на выгоны скота, поступили въ полное вѣдѣніе Коллегіи экономіи. Церковные крестьяне, сравненные съ государственными, получили въ свое распоряженіе земли и сѣнокосы, какіе обрабатывали и косили прежде на церковныя учрежденія, за исключеніемъ только отстоящихъ болѣе, чѣмъ на 20 верстъ, отъ селеній; послѣднія земли, „яко за дальностью къ нахотѣ и сѣнокосу имъ неподручныя, отдавать съ торгу внаймы онымъ же или постороннимъ крестьянамъ“. Отъ Коллегіи экономіи указомъ 13 августа 1764 г. поставлены были по бывшимъ церковнымъ вотчинамъ казначей, являшіеся вмѣстѣ съ тѣмъ и депу-

Продавецъ иконъ.
(Изъ Грубера и Гейслера).

татами по дѣламъ крестьянъ въ судебныхныхъ учрежденіяхъ. Въ 1770 г. между казначеями и Коллегіей экономіи возникли и посредствующія учрежденія—экономическія правленія въ Ярославлѣ, Казани, Ельцѣ и Вологдѣ. 4 апрѣля 1771 г. экономическія правленія получили подробную инструкцію. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе пункты 6: „О раздѣленіи крестьянъ на тягла“ и 7: „О снабденіи крестьянъ землею и о переводѣ оныхъ во многоземельныя селенія“. Въ пунктѣ 6 предписывается распредѣлять землю при общинныхъ передѣлахъ не по ревизскимъ душамъ, а по тягламъ, „потому что нерѣдко случается, что хотя во дворѣ, состоящемъ въ 5 мужеска пола душахъ, одинъ только находится работникъ, а 4, въ томъ числѣ или малолѣтныя или же

престарѣлые, никакой работы, а особливо хлѣбопашества, исправлять не могушіе, однакожъ долженъ тотъ одинъ работникъ, какъ для всего своего семейства хлѣба напахать, такъ подушныя и оброчныя деньги не за одну голько свою душу, но и за малолѣтнихъ и престарѣлыхъ заплатить“... Въ пунктѣ 7 предписывается переводить крестьянъ, въ случаѣ ихъ желанія и на ихъ собственный счетъ, изъ малоземельныхъ мѣстностей въ многоземельныя, „полагая для крестьянъ земли пропорцію такую, дабы на каждую ревизскую душу пашенной земли было въ каждомъ полѣ по одной,

а въ трехъ поляхъ три десятины, съ надлежащею сѣнныхъ покосовъ по Межевой Инструкціи пропорціею“. За земли въ 1764 г. назначенъ полутора-рублевый оброкъ, повышенный въ 1768 г. до 2 р., а въ 1783 г.—до 3 р. Болѣе обезпеченными землей по реформѣ 1764 г. оказались крестьяне сѣверныхъ, не черноземныхъ губерній—Костромской, Вологодской, Петербургской и Новгородской, гдѣ на душу пришлось отъ 20,3 до 34 десятинъ, наименѣе—въ губерніяхъ Тульской и Калужской (5,1 и 6,3 на душу) и Московской и Ярославской—по 7. По распредѣленію пахотной земли только въ двухъ губерніяхъ, Московской и Петербургской, приходилось запашки менѣе 3 десятинъ на душу; въ большинствѣ губерній, въ томъ числѣ и черноземныхъ, какъ въ Орловской, Тульской, Курской, приходилось болѣе 3 дес., а въ Тамбовской, Смоленской и Новгородской даже 5 дес. Изъ получаемыхъ съ крестьянъ доходовъ Коллегіи экономіи на содержаніе духовенства назначены были штаты, мало убавившіе доходы епархіальныхъ учреждений, но значительно сократившіе доходы монастырей. Въ 1786 г. секуляризація была распространена на губерніи Кіевскую, Черниговскую, Новгородъ-Сѣверскую, а затѣмъ и на остальные губерніи, не захваченныя реформой 1764 г. Мѣра сопровождалась упраздненіемъ цѣлаго ряда мелкихъ монастырей, переданныхъ въ распоряженіе военной коллегіи для войсковыхъ постоевъ. Указомъ 12 августа 1775 г. московскому оберъ-полицмейстеру велѣно обратитъ въ рабочій домъ для шляющихся и просящихъ милостыни моло-

Пресвященномъ Симеонѣ архіепископѣ Тверскомъ и Кашинскомъ,
 Давидъ о...
 1...
 2...
 3...
 4...
 5...
 6...
 7...
 8...
 9...
 10...
 11...
 12...
 13...
 14...
 15...
 16...
 17...
 18...
 19...
 20...
 21...
 22...
 23...
 24...
 25...
 26...
 27...
 28...
 29...
 30...
 31...
 32...
 33...
 34...
 35...
 36...
 37...
 38...
 39...
 40...
 41...
 42...
 43...
 44...
 45...
 46...
 47...
 48...
 49...
 50...
 51...
 52...
 53...
 54...
 55...
 56...
 57...
 58...
 59...
 60...
 61...
 62...
 63...
 64...
 65...
 66...
 67...
 68...
 69...
 70...
 71...
 72...
 73...
 74...
 75...
 76...
 77...
 78...
 79...
 80...
 81...
 82...
 83...
 84...
 85...
 86...
 87...
 88...
 89...
 90...
 91...
 92...
 93...
 94...
 95...
 96...
 97...
 98...
 99...
 100...

Челобитная калезинскихъ монаховъ.

Калезинская картина гравирована мастеромъ Чуваевымъ и была пущена съ Высочайшаго соизволенія въ народъ съ цѣлью подготовить къ указу объ отобраніи монастырскихъ земель. Текстъ заимствованъ изъ рукописи XVІІ в. Калезинскіе клирошане жалуются архіепископу на то, что арх. Гавріилъ сталъ у нихъ въ монастырѣ новые, безобразные порядки заводить: всѣхъ старыхъ и пьяныхъ разогналъ, такъ что въ монастырѣ некому ни пиво сварить, ни меду насытить, ни вина купить. Архимандритъ, жалуются челобитчики, „мало съ нами пьетъ, да часто насъ бьетъ ремешными плетьюми“. Неразумными своими распоряженіями архимандритъ много убытковъ монастырской казнѣ сдѣлалъ, и лучше было бы цевковъ замкнуть и колокола снять, да въ г. Кашинѣ послать на вино да на пиво промѣнять (см. Ровинскій, „Рус. Нар. Карт.“, стр. 235—238).

дыхъ и способныхъ къ труду женщинъ упраздненный въ Москвѣ Андреевскій монастырь; въ маѣ 1788 г. мѣсто и зданія московскаго Симонова монастыря были отданы въ распоряженіе главнаго крѣгсъ-комиссаріата для устройства госпиталя. Число упраздненныхъ монастырей доходило вообще до 418. Со-кращено было и количество монастырскихъ и архіерейскихъ служителей; излишнихъ должна была разобрать Коллегія экономіи: желающихъ зани-саться въ цехи и купечество отослать въ магистратъ, а остальныхъ распредѣ-лить на пашню въ тѣ села и деревни, гдѣ они положены въ подушный окладъ.

Реформа 1764 г. не покончила съ церковнымъ землевладѣніемъ: указомъ 18 декабря 1797 г. монастырямъ было отмежевано по 30 десятинъ земли. Въ 1838 г. монастырямъ было предоставлено право имѣть лѣсныхъ дачъ отъ 50 до 150 десятинъ; далѣе монастырское землевладѣніе начало опять расти. Но церковному рабовладѣнію былъ нанесенъ рѣшительный ударъ — экономическіе крестьяне слились съ государственными, и если попадали въ частныя руки, то лишь въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Въ общемъ, бывшіе церковные крестьяне были достаточно обеспечены, и если въ на-стоящее время надѣлы у бывшихъ государственныхъ крестьянъ, въ среднемъ, выше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, то В. И. Семевскій объясняетъ это тѣмъ, что въ составъ государственныхъ крестьянъ вошли экономическіе. Изъ со-временниковъ реформы нѣкоторые отнеслись, повидимому, сочувственно къ ней. Но находились и противники. „Могла ли корона,—говорить въ одномъ изъ своихъ сочиненій извѣстный защитникъ дворянскихъ интересовъ Щер-батовъ,—лишить монастыри тѣхъ деревень, которыя они отъ набожья при-ватныхъ людей получили? Сіи деревни были отданы въ монастыри для по-миновенія душъ дателей и, слѣдственно, съ нѣкимъ родомъ условія. Духо-венство по новымъ духовнымъ штатамъ убавлено, многіе монастыри упразд-нены, поминовеніе перестало, а деревни не къ тѣмъ возвратились, ко-торыхъ предки разорили для сысканія рая душъ своей“. Въ чемъ раз-гадка такого сочувствія церкви со стороны челоѣка, европейски образован-наго, осуждавшаго на страницахъ своей „Русской исторіи“ „духъ неумѣ-ренной набожности“ русскихъ князей, изъ-за котораго они въ XIII в. „пе-реставали имѣть понятіе о томъ, что мірскимъ и свѣтскимъ называется, но единственно стремились къ вѣчной жизни“? Разгадка, очевидно, въ послѣдней фразѣ приведенной выписки: дворянство являлось главнымъ жертвователемъ въ монастыри; теперь былъ удобный случай оттягивать пожертвованія въ дворянскія руки; но... деревни „не къ тѣмъ возвратились“, чьи предки разо-рились на пожертвованія.

Д. Жариновъ.

1. Вольтеръ.
2. Монтескье.
3. Дидро.
4. Гриммъ.

Екатерина II и крестьянскій вопросъ.

Академика А. С. Лаппо-Данилевскаго.

политическій переворотъ, благодаря которому императрица Екатерина II заняла „престолъ всероссійскій самодержавный“, казалось, долженъ былъ повліять не только на направленіе высшей политики, но и на судьбу низшихъ классовъ населенія: вступая на престолъ, Екатерина Алексѣевна сознавала, что „естественный законъ повелѣваетъ ей заботиться о благополучіи всѣхъ людей“; она стремилась поставить себѣ „общую цѣль“ — „счастье своихъ подданныхъ“; она интересовалась и историческими судьбами русскаго народа и современнымъ его состояніемъ; она не могла равнодушно отнестись и къ тяжелому положенію низшихъ слоевъ населенія, смутныя ожиданія котораго обнаружилились хотя бы въ крестьянскихъ волненіяхъ, наступившихъ въ то время въ разныхъ уѣздахъ ¹⁾).

Въ царствованіе Екатерины II крестьянскій вопросъ, т.-е., собственно говоря, вопросъ о томъ, какъ отнестись къ крѣпостной зависимости человѣка отъ человѣка, дѣйствительно, получилъ гораздо большее значеніе: критеріи его оцѣнки стали выясняться; вмѣстѣ съ тѣмъ право дворянъ владѣть крѣ-

¹⁾ П. С. З., т. XVI, № 11678 и др.; ср. «Сенат. Арх.», т. XIII, с. 235.

постными, сосредоточившееся почти исключительно въ ихъ рукахъ, уже не было обусловлено ихъ обязательною службою, и крѣпостная зависимость стала все болѣе пріобрѣтать частно-правовой характеръ; принимая его во вниманіе ¹⁾, сама императрица поставила крестьянскій вопросъ и передала его гласному обсужденію русскаго общества.

При постановкѣ крестьянскаго вопроса императрица Екатерина II должна была, конечно, выяснитъ себѣ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ онъ подлежалъ обсужденію. Нельзя сказать, однако, чтобы государыня придерживалась вполнѣ однородныхъ началъ въ своихъ взглядахъ и въ законодательной политикѣ: при обсужденіи крестьянскаго вопроса въ теоріи она обнаружила, особенно на первыхъ порахъ, нѣкоторую склонность принять во вниманіе общіе принципы справедливости и права, но въ своемъ законодательствѣ она руководилась и такими политическими соображеніями, которыя далеко не благопріятствовали окончательному его разрѣшенію; все болѣе считалась съ ними, она кончила тѣмъ, что, подъ вліяніемъ реакціи, сняла съ очереди вопросъ о крѣпостномъ правѣ и даже способствовала дальнѣйшему его развитію.

Съ точки зрѣнія отвлеченныхъ религіозно-нравственныхъ и естественно-правовыхъ началъ, Екатерина Алексѣевна разсуждала о свободѣ и рабствѣ уже въ тѣхъ замѣткахъ, которыя она дѣлала для себя до вступленія своего на престолъ; въ духѣ либеральныхъ идей своего времени, она, подобно Монтескье, писала, на примѣръ, что всѣ люди рождаются свободными и что „противно христіанской вѣрѣ и справедливости дѣлать ихъ невольниками“ ²⁾.

Вообще, придерживаясь взглядовъ подобнаго рода, императрица должна была прійти къ мысли о крестьянской свободѣ и къ отрицанію права человека распоряжаться человекомъ почти такъ же, какъ „скотомъ“. Крѣпостной, по ея мнѣнію, такой же человекъ, какъ и его господинъ: „есть-ли крѣпостного нельзя признать персоною, слѣдовательно, онъ не человекъ, но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человеколюбію намъ отъ всего свѣта приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано“ ³⁾. Итакъ, крѣпостной не только человекъ, но и „персона“: онъ долженъ быть лицомъ, надѣленнымъ правами: „естественная вольность“ даже въ средѣ крестьянъ должна подлежать возможно меньшимъ стѣсненіямъ. Впрочемъ, составительница Наказа могла подойти къ аналогичному (въ формальномъ смыслѣ) заключенію и на основаніи позитивно-правовой теоріи;

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, с. 84, гл. V, съ весьма важной поправкой, указанной г. Чечулинымъ въ академическомъ изданіи Наказа, с. LXXX; ср. еще Сбор., ib., с. 153.

²⁾ Montesquieu, *Esprit des lois*, liv. VIII, ch. 3; говоря о такомъ равенствѣ, авторъ прибавляетъ, однако: „mais ils n'y sauraient rester“. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, с. 84; ср. еще А. Пыпинъ, «Екатерина II и Монтескье» въ «Вѣсти. Евр.», 1903 г., май, с. 292.

³⁾ С. Соловьевъ, «И. Р.», комп. изд., кн. VI, с. 378.

роль посредствующей власти между верховною властью и народомъ. Согласно съ мнѣніемъ „лучшаго о законахъ писателя“, государыня полагала, что нарушение прерогативъ привилегированныхъ слоевъ общества (*les prérogatives des seigneurs, du clergé, de la noblesse et des villes*) приводитъ къ водворенію въ странѣ демократическаго или деспотическаго государства¹⁾; смотря на дворянство, какъ на опору монархіи, она уже съ такой сословной точки зрѣнія едва ли рѣшилась бы покончить съ его правомъ владѣть крѣпостными, тѣмъ болѣе, что сама была не мало ему обязана своимъ воцареніемъ. Впрочемъ, признавая тѣсную связь между монархомъ и дворянами, а также между дворянами и крестьянами, императрица охотно ссылалась, при обсужденіи крестьянскаго вопроса, и на другія утилитарно-политическія соображенія. Въ одномъ изъ своихъ писемъ генералъ-прокурору, вызванномъ намѣреніемъ сената издать суровый законъ противъ крестьянъ, убившихъ помещика, она, на примѣръ, указываетъ на то, что люди, не имѣющіе обороны „ни въ законахъ и нигдѣ“, изъ-за всякой малости могутъ впасть въ отчаяніе, и что „въ подобныхъ случаяхъ“ надо „быть весьма осторожну“, дабы не ускорить и „безъ того довольно грозящую бѣду“, ибо „положеніе помещичьихъ крестьянъ таково критическое, что, окромѣ тишиной и челолюбивыми учрежденіями, (бунта ихъ) ничемъ избѣгнуть не можно“; а „есть-ли мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе челолюбивому роду нестерпимаго положенія, то и противъ воли сами оную возьмутъ, рано или поздно“²⁾. Съ такой точки зрѣнія, скорѣе политической, чѣмъ юридической, императрица приходила къ мысли объ ограниченіи крѣпостнаго права, тѣмъ болѣе, что и высшіе сановники и ея приближенные, Панинъ, Голицынъ, Сиверсъ и другіе, въ лучшемъ случаѣ, предлагали преимущественно подобнаго же рода частныя мѣры или полумѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, не признавая возможнымъ „черезъ общее узаконеніе вдругъ сдѣлать великое число освобожденныхъ“, императрица стала, главнымъ образомъ, думать не о постепенномъ осуществленіи такой реформы, а только объ ограниченіи крѣпостнаго права. Въ „Начертаніи“ она уже высказалась

Н. П. Панинъ, портретъ Вуаля (Марейно).

1) Пам. Рус. Закон., № II: Наказъ, с. XVIII.

2) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, с. 101; ср. ib., т. XIII, с. 370. «Осьмнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартевымъ, т. III, с. 390; ср. А. Пыпинъ, Op. cit., ib., с. 299.

именно въ такомъ смыслѣ, но настаивала вмѣстѣ съ тѣмъ и на возможно болѣе „нечувствительномъ“ осуществленіи предполагаемыхъ улучшеній: подѣ влияніемъ Монтескье, видимо, не сочувствуя смѣшенію „существенной покѣрности, соединяющей крестьянъ неразлучно съ участкомъ данной имъ земли“, — съ „личной“, она предлагала комиссіи о государственныхъ родахъ изыскать средства для того, чтобы „привязать къ землѣ и утвердить на ней самихъ земледѣльцевъ“, преимущественно такія, „въ коихъ и хозяину и земледѣльцу равная прибыль окажется“ и которыя могли бы „произвести нечувствительное нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода поправленіе и пересѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества“¹⁾.

Гр. Я. Е. Сиверсъ, портретъ Левицкаго.

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ императрица Екатерина II рѣшилась на мѣру, которая фактически повлекла за собою освобожденіе довольно значительнаго числа владѣльческихъ крестьянъ: въ манифестѣ отъ 26 февраля 1764 года она всенародно объявила о секуляризаціи церковныхъ имѣній. Отобраніе ихъ въ казну было подготовлено цѣлымъ рядомъ предшествующихъ попытокъ русскаго правительства и входило въ программу, предложенную Вольтеромъ, что, конечно, побудило императрицу и давало ей основаніе, не откладывая, приступить къ осуществленію такой мѣры, въ сущности имѣвшей преимущественно фискально-полицейскій характеръ. Секуляризація духовныхъ имѣній, конечно, выгодно

отразилась на положеніи почти милліона сельскаго населенія, которое стало приравняться къ государственнымъ крестьянамъ, но она не внесла ничего новаго по существу въ крѣпостническія отношенія, царившія на остальныхъ владѣльческихъ земляхъ²⁾.

¹⁾ Montesquieu, *Esprit des lois*, liv. XV, ch. 18. Наказъ, ст. 260; та же мысль о различіи «покорностей» или «неволи» выражена и въ «Начертаніи», но оцѣнка ихъ здѣсь менѣе опредѣленна; см. П. С. З., т. XVIII, № 13095.

²⁾ П. С. З., т. XVI, № 12060; вслѣдъ за указомъ 26 февраля о секуляризаціи церковныхъ имѣній въ Великороссіи и Сибири, въ 1786 и 1788 гг. появились указы, распространившіе се на губерніи: Кіевскую, Черниговскую и Новгородъ-Сѣверскую, а также Курскую, Воронежскую, Харьковскую и Екатеринославскую; см. П. С. З., т. XXII, №№ 16375, 16649 и

Императрица Екатерина II хотѣла воздѣйствовать на нихъ другимъ путемъ, а именно, путемъ одного только ограниченія крѣпостного права; подвліяніемъ просвѣтительныхъ началъ своего времени, а также въ виду политическихъ соображеній, она стремилась ослабить его и „положить границы“ власти помѣщиковъ относительно ихъ крестьянъ.

Въ самомъ дѣлѣ, еще до обнародованія Наказа императрица Екатерина II попыталась осуществить преимущественно тѣ изъ своихъ предположеній объ ослабленіи „домашней тираніи“, начала которыхъ были вслѣдъ за тѣмъ указаны въ печатномъ его текстѣ. Во время своего путешествія въ Прибалтійскомъ краѣ сама она замѣтила, „въ какомъ великомъ угнетеніи живутъ лифляндскіе крестьяне“, и вызвала извѣстныя правила ограниченія помѣщичьей власти, постановленныя лифляндскимъ ландтагомъ и опубликованныя 12 апрѣля 1765 года; но его правила могли имѣть только мѣстное значеніе, да и не оказали большого вліянія даже на положеніе лифляндскихъ крестьянъ¹⁾. Съ аналогичной точки зрѣнія вопросъ объ ограниченіи крѣпостного права былъ затронутъ и въ большой комиссіи, созванной для составленія проекта новаго уложенія; но пренія депутатовъ показали, насколько трудно было законодательнымъ путемъ „положить границы“ помѣщичьей власти. На засѣданіяхъ большой комиссіи, куда владѣльческіе крестьяне были лишены возможности прислать своихъ депутатовъ, представители разныхъ слоевъ общества, вопреки „плачу холоповъ“²⁾, старались добиться права владѣть крѣпостными; значительное большинство дворянъ, въ томъ числѣ и люди съ извѣстнымъ образованіемъ, признавали крѣпостное право явленіемъ болѣе или менѣе нормальнымъ, согласнымъ съ монархической формой правленія и „расположеніемъ народа“, или не считали возможнымъ обойтись безъ него; они недовѣрчиво относились къ крестьянской свободѣ; они указывали на опасность „вкоренить въ крестьянъ умствованіе равенства“ и на то, что лишь тогда, когда низшій классъ будетъ просвѣщенъ, онъ будетъ достоинъ свободы, но и въ такомъ случаѣ они не знали, „откуда взять земли“, на которыя крестьяне могли бы получить право собственности; далѣе они вообще

16650. См. еще А. Завьяловъ, «Вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ при императрицѣ Екатерицѣ II», Спб., 1900 г., сс. 123 и сл.; о крестьянскихъ волненіяхъ въ имѣніяхъ духовенства см. тамъ же, сс. 125 и сл. Слѣдуетъ замѣтить, что императрица, вѣроятно, опасавшаяся возможныхъ со стороны духовенства нареканій, почти не производила пожалованій изъ экономическихъ крестьянъ, о чемъ см. В. Семевскій, «Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II», Спб., 1906 г., сс. 26—28.

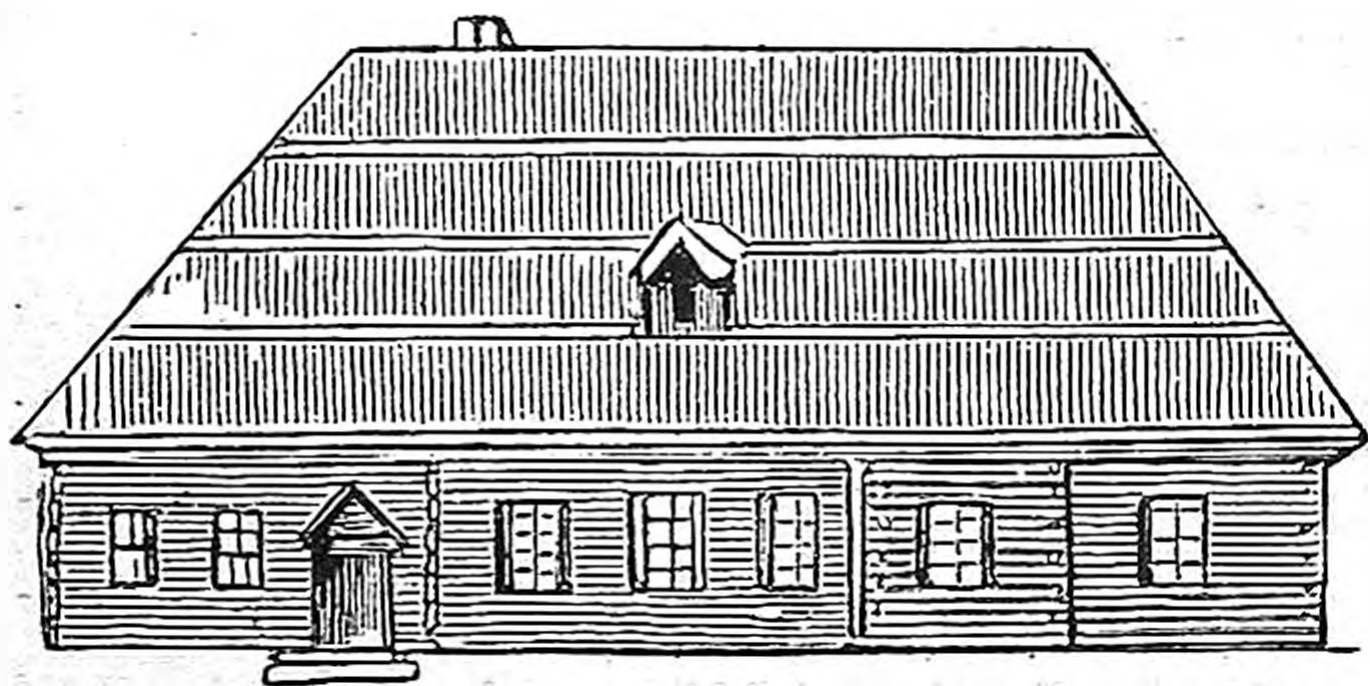
1) В. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. I, гл. 2; впрочемъ, между Наказомъ и правилами ландтага можно замѣтить и отличія; они отчасти объясняются разными задачами, какія преслѣдовались при ихъ составленіи.

2) «Плачь холоповъ прошлаго вѣка», изд. Н. Тихонравовымъ въ сборникѣ «Починъ» на 1895 г., сс. 11—14; здѣсь, между прочимъ, холопы жалуются на то, что «бояре въ свою нынѣ пользу законы перемѣняютъ, холопей въ депутаты за тѣмъ же выбираютъ».

идеализировали свои отношенія къ крестьянамъ и въ частности думали, что положеніе ихъ достаточно обезпечено интересомъ, какой владѣльцы имѣютъ въ поддержаніи ихъ благополучія; они считали, наконецъ, вмѣшательство государственной власти въ отношенія свои къ крѣпостнымъ оскорбительнымъ нарушеніемъ своихъ привилегій и вреднымъ для государственнаго „благоденствія и спокойствія“¹⁾.

Подъ вліяніемъ настроенія, обнаружившагося въ комиссіи, императрица Екатерина II должна была, конечно, сильнѣе почувствовать и тѣ затрудненія, которыя лежали на пути осуществленія предполагаемаго ею ограниченія крѣпостного права; вмѣстѣ съ тѣмъ занятія большой комиссіи были прерваны турецкою войной, временно отвлекшей вниманіе государыни отъ внутреннихъ реформъ. При такихъ условіяхъ она еще разъ измѣнила постановку крестьянскаго вопроса: вмѣсто того, чтобы устанавливать предѣлы помѣщичьей власти, она предпочла суживать сферу примѣненія крѣпостного права, что отчасти могло быть вызвано также ея желаніемъ образовать „третій родъ людей“

Помѣщичій домъ 1763 г. (изъ зап. Болотова).

(tiers état) и, разумѣется, было гораздо легче осуществить въ законодательствѣ: она попыталась преимущественно сократить источники крѣпостного состоянія, но оставила безъ существенныхъ перемѣнъ способы его прекращенія²⁾.

Въ своемъ Наказѣ императрица Екатерина II уже высказала правило: „за исключеніемъ развѣ крайней государственной необходимости, избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю“³⁾; хотя сама она не всегда соблюдала это правило, напримѣръ, при пожалованіи населенныхъ имѣній, однако, все же во многихъ случаяхъ, дѣйствительно, старалась провести его въ жизнь.

Съ такой точки зрѣнія государыня обратила особенное вниманіе, напримѣръ, на одинъ изъ самыхъ опасныхъ способовъ закрѣпощенія, а именно, на добровольную или принудительную записку людей при ревизіи за тѣми, кто хотѣлъ ихъ „взять“ и кто соглашался отвѣчать за ихъ платежную исправность. Правительство попыталось ослабить принципъ подобнаго рода прежде всего примѣнительно къ такимъ категоріямъ случаевъ, которые легче было

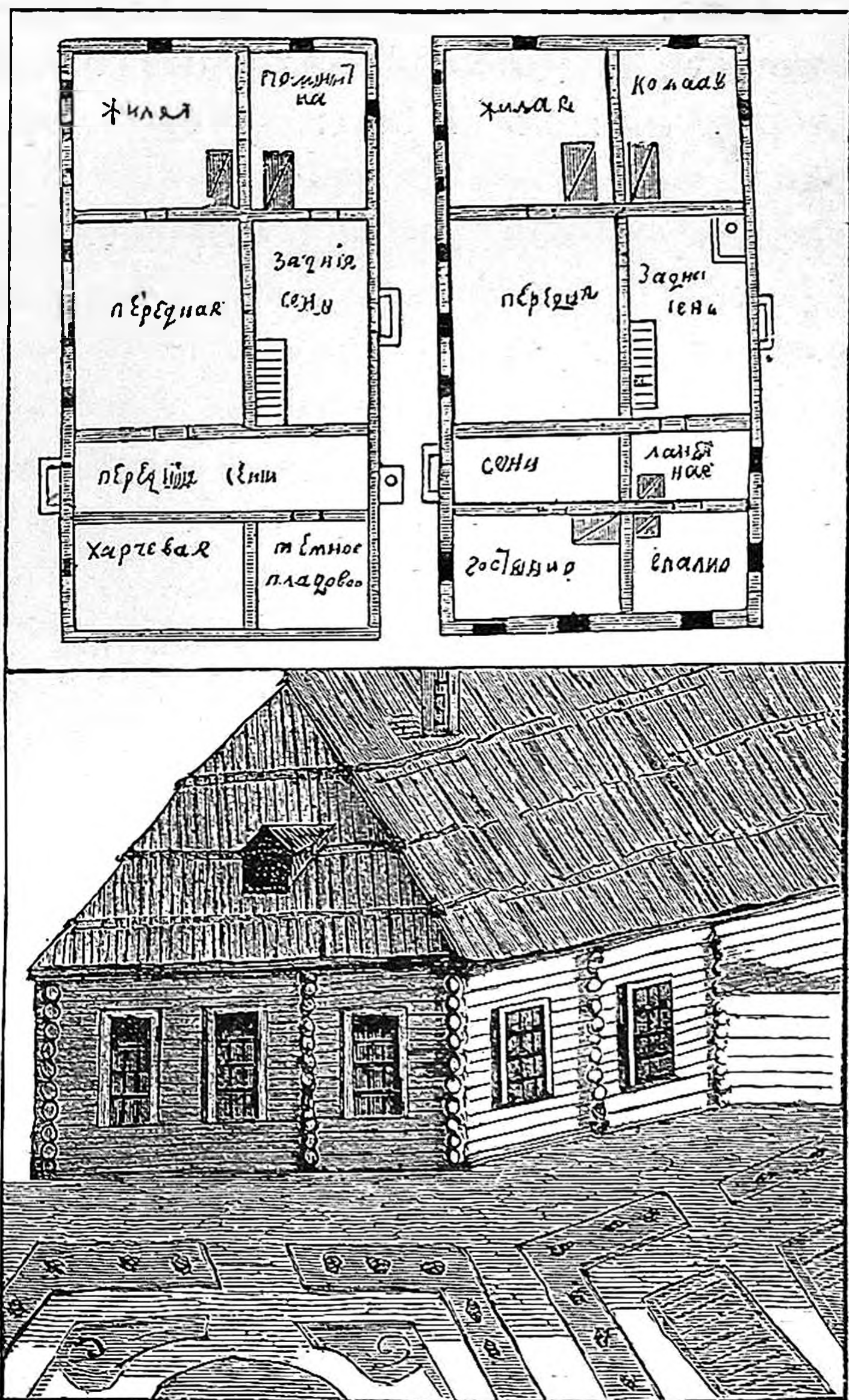
¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, сс. 85—86 и ми. др. Ср. W. Сохе, Travels etc., ч. II, р. 117: „An almost general peajudice seams at present to prevail with respect to the incapacity of the presants for receiving their liberty“.

²⁾ А. Лапко-Данилевскій, «Очеркъ исторіи образованія главнѣйшихъ разрядовъ крестьянскаго населенія въ Россіи» въ сборн. «Крест. строй», Спб., 1905, т. I, сс. 101—105 и др.

³⁾ Пам. Рус. Закон., № II: Наказъ, сс. XXX, XXXIV; ст. 253.

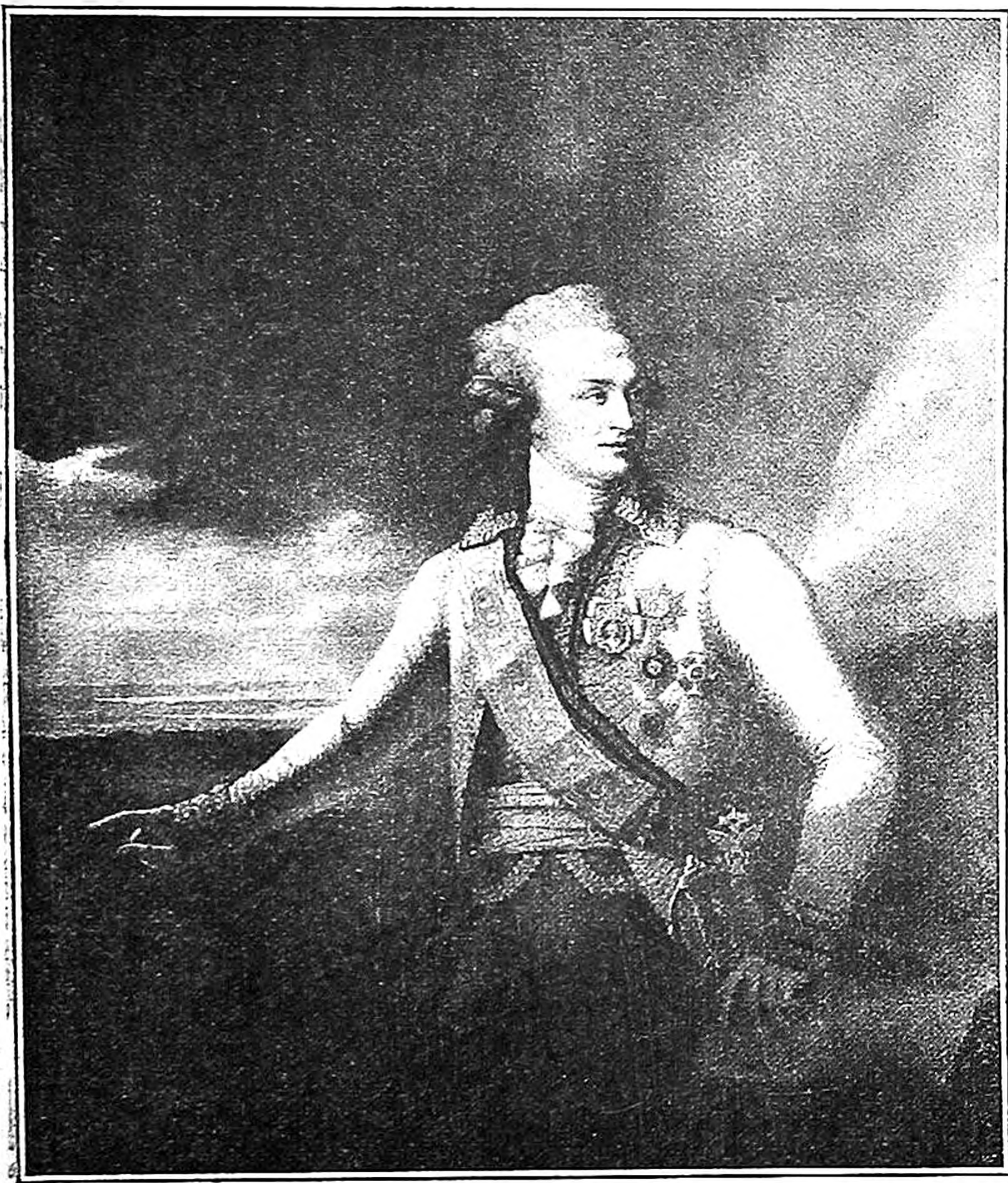
исключить изъ прежняго правила о запискѣ. Въ высочайше утвержденномъ въ 1763 году проектѣ воспитательнаго дома было постановлено, что воспитанныя въ немъ лица обоего пола, ихъ дѣти и потомки должны оставаться вольными и никому изъ партикулярныхъ людей ни подъ какимъ видомъ закабалены или укрѣплены быть не могутъ; воспитаннымъ въ домѣ было даже запрещено вступать въ бракъ съ крѣпостными людьми. Впрочемъ, тѣ же начала были отчасти приняты и относительно такихъ незаконнорожденныхъ, которые не попадали въ воспитательный домъ. Уже въ 1767 году, по поводу предложенія слободско-украинской губернской канцеляріи вернуться къ прежнему порядку записки незаконнорожденныхъ за тѣми, кто будетъ держать ихъ у себя, сенатъ приказалъ „написаніемъ“ ихъ въ окладъ за такими лицами „обождать“ впредь „до генеральнаго о томъ учрежденія“; кромѣ того, въ 1783 году велѣно было незаконнорожденныхъ отъ свободныхъ матерей причислять къ государственнымъ селеніямъ, заводамъ и промысламъ по разсмотрѣнію казенныхъ палатъ и по ихъ собственному желанію, а въ установленіи о сельскомъ порядкѣ въ казенныхъ имѣніяхъ 1787 года разрѣшено незаконнорожденныхъ, не принятыхъ ихъ матерями „на воспитаніе“, отдавать тѣмъ, кто пожелаетъ принять ихъ, но только на „опредѣленныя лѣта“. Почти въ то же время стремленіе ограничить значеніе записки обнаружилось и относительно малолѣтнихъ сиротъ. Въ инструкціи слободскому губернатору 1765 года встрѣчается слѣдующее правило: отдавать малолѣтнихъ совершенныхъ сиротъ, не имѣющихъ пропитанія, тому изъ „тамошнихъ жителей“, кто пожелаетъ, но не иначе, какъ до двадцатилѣтняго возраста, а если воспитатель обучить пріемыша какому-нибудь мастерству, то и до тридцати лѣтъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ 1775 году была принята еще одна мѣра относи-

Помѣщичій домъ въ провинціи 1763 г. (изъ записокъ Болотова).

тельно сиротъ, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія: приказы общественаго призрѣнія должны были заботиться о нихъ; вышеприведенная статья изъ установленія о сельскомъ порядкѣ 1787 года относилась и къ малолѣтнимъ сиротамъ, лишеннымъ пристанища; значитъ, они уже не записывались въ вѣчную крѣпость за своими воспитателями и, послѣ извѣстнаго срока, могли пользоваться правами, предоставленными вольноотпущеннымъ, что и было разъяснено однимъ изъ позднѣйшихъ указовъ¹⁾. Аналогичныя постановленія были сдѣланы и относительно безмѣстныхъ церковниковъ. Уже въ 1766 году было предписано „излишнихъ“, оставшихся

Кн. Г. А. Потемкинъ (портр. Лампи).

за распредѣленіемъ къ церквамъ по разбору 1754 года и праздновавшихъ церковниковъ, даже тѣхъ, которые были записаны въ окладъ въ томъ же 1766 году, выключить изъ оклада, при чемъ годныхъ взять въ военную службу, а также въ денщики, погонщики и т. п., объ остальныхъ же, неспособныхъ ни къ какой службѣ, и „сколько при нихъ женскаго пола“, прислать особья вѣдомости въ сенатъ; указъ о разборѣ 1769 г. уже не содержитъ повелѣнія о запискѣ безмѣстныхъ церковниковъ, не взятыхъ въ солдаты, за помѣщиками, а послѣ учрежденія о губерніяхъ они охотно принимались на канцелярскія должности, еще позднѣе въ учителя народныхъ школъ и т.

п. ²⁾). Слѣдовательно, правило о запискѣ потеряло прежнее значеніе относительно вышеуказанныхъ разрядовъ незаконнорожденныхъ и малолѣтнихъ сиротъ, а

¹⁾ П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, пп. 4 и 5; т. XVII, № 12430, п. 6; т. XVIII, № 12987, п. 2; т. XX, № 14392, ст. 380, 385; т. XXII, № 16603, отд. IV, ст. 8—9; т. XXXIII, № 25947, п. 6. Въ 1764 г. было также запрещено всѣмъ и каждому, какимъ бы то ни было образомъ, записывать и утверждать себя въ крѣпостные художниковъ, мастеровъ, получившихъ воспитаніе въ Академіи Художествъ, ихъ дѣтей и потомковъ; см. П. С. З., т. XVI, № 12275; ср. еще *ib.*, т. XII, № 9250.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12586 (судя по контексту, указъ относился и къ дѣтямъ излишнихъ церковниковъ); т. XVIII, № 13236; ср. П. Знаменскій, «Приходское духовенство» и проч., сс. 296 и сл.

также безмѣстныхъ церковниковъ; но такая перемѣна могла произойти и подъ вліяніемъ общаго принципа о незапискѣ вольныхъ людей, получившаго сравнительно болѣе позднюю формулировку.

Впрочемъ, императрица Екатерина II уже въ 1775 году высказала это правило, но только въ болѣе частномъ видѣ, примѣнительно къ вольноотпущеннымъ. Согласно съ одной изъ необнародованныхъ статей Наказа, она манифестомъ отъ 17 марта, дѣйствительно, дозволила всѣмъ вольноотпущеннымъ „ни за кого не записываться“; имъ было предоставлено добровольно избирать для себя или мѣщанское (а также купеческое) состояніе или родъ государственной службы; тогда же было разъяснено, что присутственнымъ мѣстамъ запрещается укрѣплять за кѣмъ-либо такихъ людей, „несмотря на объявленное иногда собственное желаніе ихъ“. Наконецъ, въ 1783 году, въ именномъ указѣ отъ 20 октября, императрица придала тому же правилу общее значеніе: она велѣла примѣнять его къ „разныхъ народовъ вольнымъ людямъ“ вообще, „безъ изыятія рода и закона“¹⁾.

При производствѣ ревизіи 1781—1782 гг. большинство вышеизложенныхъ правилъ уже было принято во вниманіе. Правительство желало произвести ревизію „со всевозможною выгодностью для народа“ и поручило нижнимъ земскимъ судамъ, въ случаѣ неисправности и подозрѣнія въ утайкѣ, свидѣтельствовать поданныя имъ сказки о численности населенія въ уѣздахъ; освидѣтельствованіе же вѣдомостей, составленныхъ нижними судами, было вмѣнено въ обязанность казеннымъ палатамъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ учрежденія 1775 года не были еще введены, губернскимъ канцеляріямъ²⁾. Такой надзоръ нѣсколько обезпечивалъ

Графъ К. П. Разумовскій (1766 г.).
работы Балтона.

¹⁾ П. С. З., т. XX, №№ 14275, п. 46; 14294, п. 11; 15070; т. XXI, №№ 15277, п. 3; 15278, п. 11 и 15853; въ указѣ 20 октября нѣтъ словъ: «несмотря на... желаніе ихъ»; т. XXII, № 16188 (город. пол., ст. 79).

²⁾ П. С. З., т. XXI, №№ 15278, п. 7; 15405, п. 22.

примѣненіе новыхъ правилъ относительно людей, не подлежащихъ вѣчному укрѣпленію, и, можетъ-быть, облегчилъ введеніе послѣдовавшихъ за ними узаконеній 1783—87 гг.

Почти одновременно съ ослабленіемъ значенія „записки“ императрица Екатерина II содѣйствовала и тому, что плѣнъ пересталъ служить источникомъ крѣпостной зависимости, если военно-плѣнные, какой бы они вѣры и закона прежде ни были, принимали православіе; по принятіи ими „православнаго закона“ велѣно было объявлять ихъ вольными людьми и предоставлять имъ избирать такой родъ жизни, какой они сами заблагоразсудятъ; впрочемъ, вышеизложенное правило получило окончательную и общую формулировку лишь въ именномъ указѣ отъ 19 ноября 1781 года¹⁾.

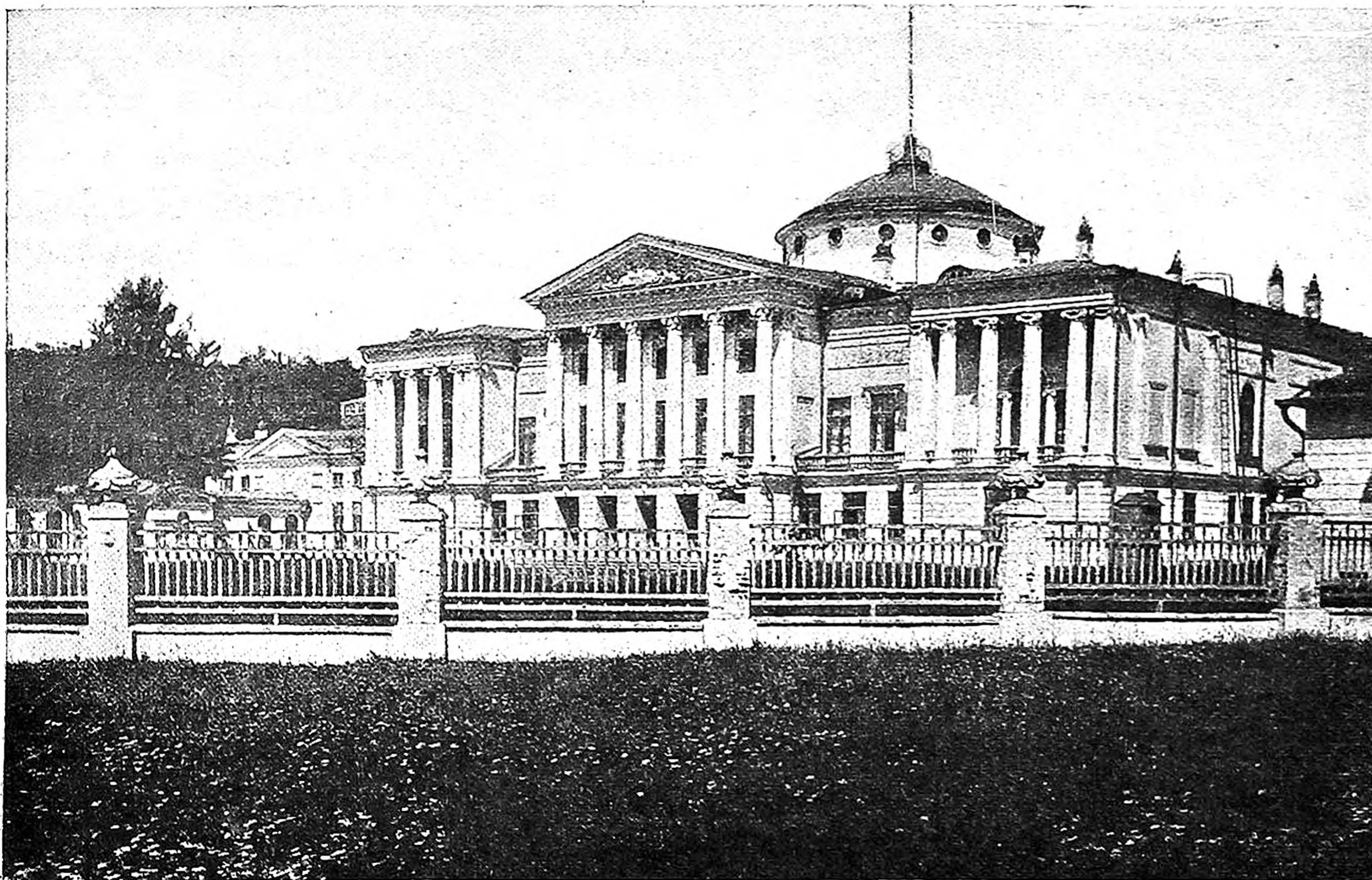
Въ царствованіе императрицы Екатерины II и нѣкоторые способы сообщенія крѣпостного состоянія подверглись ограниченіямъ: вѣдѣнное правило, согласно которому дѣти крѣпостныхъ признавались также крѣпостными, правда, сохранило прежнее свое значеніе; но бракъ, въ качествѣ такого именно способа, подвергся довольно существеннымъ ограниченіямъ.

Старинное правило „по рабѣ холопъ...“, на примѣръ, потеряло силу применительно къ случаямъ, когда питомецъ воспитательнаго дома, вопреки запрещенію, вступалъ съ крѣпостною въ бракъ, устроенный „какимъ обманомъ“ (1763 г.), а также къ воспитанникамъ Академіи Художествъ или, надо думать, и къ ихъ потомкамъ (1764 г.); всѣ люди, которые были отпущены своими помѣщиками съ отпускными на волю, били челомъ въ вѣчное служеніе къ другимъ помѣщикамъ и поженились на ихъ крѣпостныхъ, но по ихъ прошенію до манифеста 1775 года рѣшенія не учинено и выписей о укрѣпленіи для владѣнія ими не дано, были признаны свободными вмѣстѣ съ ихъ женами (1780 г.); военно-плѣннымъ, захваченнымъ въ Польшѣ, но оставшимся въ Россіи, по принятіи ими православнаго закона съ женами ихъ, „хотя бы они и на крѣпостныхъ чьихъ-либо женщинахъ или дѣвкахъ женаты были“, также велѣно было дать свободу (1781 г.). Въ вышеприведенныхъ случаяхъ бракъ съ крѣпостной не только не сообщалъ вольному чело-вѣку крѣпостного состоянія, но и его жену освобождалъ отъ такого состоянія; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ это освобожденіе было поставлено въ нѣкоторую зависимость отъ уплаты выводныхъ денегъ помѣщику (законы 1763 и 1780 гг.). Слѣдуетъ замѣтить, однако, что обратное правило: „по холопу раба“,

¹⁾ П. С. З., т. XIX, № 13450; т. XX, № 14444; т. XXI, № 15282. Въ томъ же году сенатъ подалъ докладъ государынѣ о польскихъ военно-плѣнныхъ, находящихся въ Казанской губерніи: они восприняли православіе, но, по ихъ желанію, были отданы въ вѣчное служеніе разнымъ помѣщикамъ, а затѣмъ просили свободы отъ нихъ; 28 іюля императрица повелѣла, въ сходство указа отъ 10 января 1773 года, «всѣмъ таковымъ плѣннымъ, оставшимся въ Россіи, по принятіи православнаго нашего закона съ женами ихъ, хотя бы они и на крѣпостныхъ чьихъ-либо женщинахъ или дѣвкахъ женаты были, съ дѣтьми ихъ быть свободными»; см. П. С. З., т. XXI, № 15198.

на соблюденіи котораго настаивали нѣкоторые депутаты большой комиссіи, подверглось лишь ничтожнымъ ограниченіямъ: оно было лишено силы по отношенію къ воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ воспитательнаго дома и изъ мѣщанскаго училища при Воскресенскомъ монастырѣ; въ отличіе отъ воспитанницъ воспитательнаго дома, воспитанная въ мѣщанскомъ училищѣ, въ случаѣ выхода замужъ за крѣпостного, по крайней мѣрѣ, при согласіи помѣщика на такую именно женитьбу, могла даже сообщить своему мужу свободное состояніе¹⁾.

Останкино, господскій домъ. Съ фотографіи.

Итакъ, можно сказать, что императрица Екатерина II нѣсколько сузила способы установленія и сообщенія крѣпостного состоянія; но она не сдѣлала почти никакихъ перемѣнъ въ способахъ его прекращенія; хотя она и склонялась къ тому, чтобы въ „сомнительныхъ случаяхъ рѣшать дѣла въ пользу воли“²⁾, однако, воздержалась отъ рѣшительныхъ мѣръ, можетъ-быть, въ виду того, что нововведенія подобнаго рода гораздо больше затронули бы интересы дворянства, и что владѣльцы въ то время злоупотребляли отпускомъ на волю,

¹⁾ П. С. З., т. XVI, № 11908, гл. VI, п. 5; № 12275 (с. 950); т. XX, № 15070; т. XXI, №№ 15198 и 15282; ср. еще П. С. З., т. VI, № 3697, и т. XIV, № 10233, п. 21.

²⁾ Гос. Арх., X, 19, л. 382; здѣсь, въ своихъ замѣткахъ, Екатерина II писала: «Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ сумнительно, вольной ли или невольной, то надлежитъ рѣшить въ пользу воли, и уже никто не можетъ на волю отпущеннаго крѣпить».

избавляясь такимъ образомъ отъ содержанія своихъ людей и крестьянъ, „приведенныхъ ими по разнымъ случаямъ въ сущее безсиліе“, и отъ уплаты за нихъ податей.

Способы прекращенія крѣпостного состоянія по волѣ владѣльцевъ, дѣйствительно, остались почти въ прежнемъ видѣ: хотя, на примѣръ, пошлины съ явки отпускныхъ на людей, отпускаемыхъ на волю, были упразднены, но самый отпускъ крестьянъ на волю и размѣры выкупа продолжали зависеть отъ воли владѣльца¹⁾.

Способы прекращенія крѣпостной зависимости по закону также остались безъ существенныхъ перемѣнъ²⁾: сохранивъ прежніе принципы, регулировавшіе выходъ изъ нея, правительство попыталось лишь нѣсколько лучше воспользоваться нѣкоторыми изъ нихъ. Въ числѣ обычныхъ способовъ подобнаго рода, на примѣръ, поступленіе въ военную службу по рекрутскому набору, весьма тяжелое, впрочемъ, для населенія, продолжало играть довольно видную роль: крестьяне, отданные въ рекруты, должны были вмѣстѣ съ ихъ женами „быть свободными отъ помѣщиковъ“; но инструкція пѣхотнаго полка полковнику, 1764 года, содержитъ еще дальнѣйшій выводъ изъ этого правила, а именно, постановленіе о томъ, что и дѣти, родившіяся за время службы ихъ отцовъ, „яко солдатскія дѣти“, должны быть „опредѣляемы въ силу указовъ“; инструкція коннаго полка полковнику, 1766 года, формулируетъ то же правило яснѣе: такія дѣти должны быть „опредѣляемы въ школы въ силу указовъ“³⁾. Въ связи съ стремленіемъ расширить способы выхода изъ крѣпостной зависимости можно, пожалуй, отмѣтить одно изъ постановленій, касавшихся предоставленія свободы, въ случаѣ особенныхъ преступленій владѣльца, а именно, указъ 1763 года, о подачѣ рекрутскихъ сказокъ; въ сущности онъ не былъ нововведеніемъ, но безъ прежнихъ ограниченій предоставлялъ свободу прописнымъ людямъ, которые сами явятся въ судебныя мѣста и докажутъ, что они были утаены помѣщикомъ. Въ то же время и способъ прекращенія крѣпостной зависимости, путемъ обращенія крѣпостныхъ людей въ распоряженіе правительства, нѣсколько шире примѣнялся особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство предоставляло, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, крѣпостнымъ, „самовольно отлучившимся

¹⁾ П. С. З., т. XX, № 14625; манифестъ 1777 года, іюня 28, п. 8.

²⁾ В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, стр. 386, 387, 400 и сл.; отмѣтимъ: воспріятіе православія, если владѣлецъ не христіанскаго закона; возвращеніе изъ плѣна; нарушеніе помѣщикомъ указовъ, повелѣвавшихъ ему содержать своихъ крѣпостныхъ во время голода; поступленіе крѣпостного въ военную службу по рекрутскому набору и ссылке его въ Сибирь на поселеніе по требованію помѣщика съ зачетомъ въ рекруты; по закону въ обоихъ послѣднихъ случаяхъ крѣпостные освобождались вмѣстѣ съ женами; см. еще ниже текстъ, стр. 176—177.

³⁾ П. С. З., т. XVI, № 12289, гл. II, п. 6; т. XVII, № 12543, гл. II, п. 6; ср. P. de Passenans, La Russie et l'esclavage, Par. (1822), t. I, p. 102.

изъ отечества“, и бѣглымъ изъ-за помѣщиковъ, свободу селиться на окраинахъ съ зачетомъ ихъ въ рекруты и т. п., или когда оно прибѣгло къ превращенію крѣпостныхъ въ мѣщанъ, путемъ покупки нѣкоторыхъ селеній у владѣльцевъ¹⁾.

Итакъ, можно прійти къ заключенію, что императрица Екатерина II остановилась касательно крѣпостныхъ на довольно скромныхъ начинаніяхъ: вмѣсто того, чтобы постепенно освобождать помѣщичьихъ крестьянъ или ограничить крѣпостное право, она, главнымъ образомъ, нѣсколько стѣснила способы закрѣпощенія, почти не расширивъ способы прекращенія крѣпостной зависимости; между тѣмъ послѣднее, съ точки зрѣнія, не чуждой императрицѣ въ началѣ ея царствованія, казалось, всего болѣе заслуживало ея вниманіе: сама она, еще до вступленія своего на престолъ, мечтала о томъ, что можно было бы уничтожить крѣпостное право, объявляя при продажѣ имѣнія новому владѣльцу крестьянъ (записанныхъ за прежнимъ его владѣльцемъ) свободными; а отъ позднѣйшаго времени сохранилось извѣстіе о проектѣ закона, въ силу котораго всѣ дѣти крѣпостныхъ, рожденные послѣ 1785 года, должны были получить свободу²⁾. Въ дѣйствительности, однако, императрица Екатерина II предпочла скорѣе ограничить источники крѣпостной зависимости, чѣмъ расширить способы ея прекращенія.

Вообще принятая ею мѣры имѣли довольно мало значенія; оно умалялось еще тѣмъ, что эти мѣры очень плохо прививались³⁾.

Такимъ образомъ, императрица Екатерина II сузила сферу примѣненія крѣпостного права, но оставила разнородную сущность крѣпостного строя безъ коренныхъ измѣненій; вопреки ожиданіямъ самихъ крестьянъ, она даже усилила крѣпостное право и способствовала дальнѣйшему его распространенію.

Въ самомъ дѣлѣ, императрица Екатерина II не была въ состояніи привести въ согласованную систему тѣ противорѣчивые элементы, которые входили въ составъ крѣпостной зависимости, благодаря скорѣе фактическому, чѣмъ юридическому ея развитію: въ то время владѣльческій крестьянинъ отчасти продолжалъ оставаться субъектомъ правъ, но оказывался вмѣстѣ съ тѣмъ и объектомъ правъ.

Сама составительница Наказа, конечно, цѣнила „всеобщихъ питателей“— „земледѣльцевъ“ и сознавала вредныя для государства послѣдствія ихъ „порабощенія“; съ такой точки зрѣнія государыня не желала лишить владѣльческаго крестьянина всѣхъ его правъ: согласно прежнимъ, но и теперь не отмѣненнымъ узаконеніямъ, онъ продолжалъ признаваться въ законѣ отчасти

1) П. С. З., т. XVI, № 11755, п. 3; № 11815; т. XX, № 14870; ср. № 14937; т. XXII, № 16281, п. 3. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, с. 10; ср. еще *ib.*, т. XLII, с. 440—441 и выше, с. 170. См. еще К. Blum, Ein russischer Staatsmann, B. II, SS. 359, 360, 365.

2) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, с. 84; ср. ниже, сс. 188—189.

3) P. de Passenans, Op. cit., t. I, pp. 83—84; t. II, p. 61 и др.

субъектомъ правъ. Въ извѣстной мѣрѣ охраняя его жизнь, законъ признавалъ за нимъ, напримѣръ, право на вознагражденіе за безчестіе и увѣче, одинаковое съ тѣмъ, какое было назначено для казеннаго крестьянина, право самого за себя искать и отвѣчать на судѣ, право быть свидѣтелемъ на судѣ, впрочемъ, ограниченное воинскимъ уставомъ; въ области имущественныхъ правъ законъ, въ отмѣну прежняго указа, допустилъ его къ винному окладу, въ случаѣ, если „надежный“ помѣщикъ поручится за него въ исправномъ платежѣ денегъ¹⁾. Крѣпостной осуществлялъ, однако, свои права часто лишь въ зависимости отъ благоусмотрѣнія помѣщика; имѣя „собственность, не закономъ утвержденную, но всеобщимъ обычаемъ“, „подданный“ помѣщика могъ, конечно, съ его же дозволенія обладать, пользоваться и распоряжаться имуществомъ, вступая въ сдѣлки, въ сущности далеко не всегда обезпеченныя закономъ; онъ могъ даже купить на имя своего господина крѣпостныхъ, фактически обладая ими и даже населеннымъ имѣніемъ, или записаться, съ его разрѣшенія, въ купечество и т. п.; но и въ только что перечисленныхъ, и въ остальныхъ проявленіяхъ своей дѣятельности владѣльческій крестьянинъ всегда могъ почувствовать гнетъ помѣщичьей власти, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пользовался организаціей крестьянскаго міра или тѣми, впрочемъ, весьма скудными и рѣдкими улучшениями, какія помѣщикъ вздумалъ бы ввести въ „благочиніе“ и „благоустройство“ своего имѣнія²⁾.

Крестьянка XVIII в. (Аткинсонъ).

Вообще очень мало выяснивши права крѣпостныхъ, императрица Екатерина II, разумѣется, обратила больше вниманія на ихъ государствен-

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, с. 153. П. С. З., т. XIX, № 14123; ср. ib., т. XXII, № 16188, ст. 24, п. 23, № 16535. В. Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. I, изд. 2, сс. 381 и сл.

²⁾ П. С. З., т. XX, № 14632; впрочемъ, сборъ съ покормежныхъ печатныхъ паспортовъ еще указомъ отъ 15 декабря 1763 года былъ значительно повышенъ (за паспортъ на годъ и меньше съ 2 коп. на 10, а за 2—3 года—по 50 коп. и 1 руб.), что должно было стѣснять передвиженія населенія; см. П. С. З., т. XVI, № 11988, п. 10. В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, сс. 260—301, 340 и сл.

ныя обязанности, состоявшія, главнымъ образомъ, въ уплатѣ подушной подати и отбываніи рекрутской повинности; но, отправляя ихъ въ качествѣ членовъ государства, крестьяне все же продолжали чувствовать свою зависимость отъ владѣльцевъ, обязанныхъ, подъ страхомъ нѣкоторой отвѣтственности, наблюдать за тѣмъ, чтобы они аккуратно вносили подати и „точно исправляли“ другія повинности ¹⁾.

Такимъ образомъ, императрица Екатерина II могла, конечно, сослаться на то, что владѣльческіе крестьяне остаются по закону надѣленными нѣкоторыми правами и отправляютъ податныя обязанности, и что они подлежатъ общей подсудности въ уголовныхъ преступленіяхъ, въ смертныхъ убійствахъ, разбояхъ, воровствахъ и побѣгахъ ²⁾; тѣмъ не менѣе, она не избѣгла того, что право владѣть крѣпостными во многихъ отношеніяхъ превращало государственныхъ подданныхъ въ помѣщичьихъ „подданныхъ“ и стало близко подходить къ праву частной собственности.

Въ самомъ дѣлѣ, съ той сословно-политической точки зрѣнія, которой императрица Екатерина II придерживалась, она не могла ослабить привилегіи дворянства, а значитъ, и его „посредствующую власть“ между „верховною властью и народомъ“: сама государыня напоминала дворянству, что его „благодарность, отличность и знатность передъ народомъ истекаетъ отъ единой существенной надобности непремѣннаго содержанія

Г. Н. Тепловъ (портр. Левицкаго).

¹⁾ П. С. З., т. XVII, № 12522; т. XVIII, № 13300, п. 6; при неуплатѣ недоимокъ въ теченіе года указъ 1769 года требуетъ, чтобы имѣніе помѣщика бралось во временный секвестръ; а въ случаѣ если недоимки не покроются изъ его доходовъ и если онъ служитъ, даже вычитать половину его жалованья; исключеніе было сдѣлано лишь для состоящихъ въ службѣ въ воинскихъ чинахъ ниже штаба и для находящихся «нынѣ» (1769) при арміяхъ въ походахъ; ср. еще п. 8.

²⁾ П. С. З., т. XVIII, № 13373; т. XIX, №№ 13758 и 13951. Можно думать, однако, что законъ относительно кражи примѣнялся лишь въ томъ случаѣ, если потерпѣвшій не былъ крѣпостнымъ того же помѣщика; ср. В. Семейскій, Крестьяне и проч., т. I, с. 190; ср. ниже, с. 180.

онаго въ порядкѣ“¹⁾; но, продолжая подчинять крестьянъ помѣщикамъ, она все болѣе превращала ихъ изъ гражданъ въ помѣщичьихъ „подданныхъ“: помѣщикъ былъ „законодателемъ, судьей, исполнителемъ своего рѣшенія и, по желанію своему, истцомъ, противъ котораго отвѣтчикъ ничего сказать не могъ“, а подвластный ему крестьянинъ чаще всего оказывался „въ законѣ мертвымъ, развѣ по дѣламъ уголовнымъ“; впрочемъ, и по такимъ дѣламъ онъ легко ускользалъ изъ-подъ власти правительства²⁾.

Преимущественно съ той же сословно-политической точки зрѣнія императрица Екатерина II готова была даже усилить мѣры, обезпечивающія „безпрекословное повиновеніе“ крестьянъ своимъ помѣщикамъ: она расширила карательную власть господина надъ его крѣпостными. Указомъ отъ 17 января 1765 года государыня дозволила ему за „продерзости“, т.-е., значить, помимо колонизаціонныхъ цѣлей, отсылать своихъ „людей“ на каторжныя работы, „на толикое время, на сколько онъ захочетъ“, и брать ихъ обратно, когда пожелаетъ, при чемъ судъ „не могъ даже спросить его о причинѣ ссылки и прѣслѣдовать дѣло“³⁾; она также подтвердила право помѣщика ссылатъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь на поселеніе съ зачетомъ въ рекруты и въ любое время отдавать ихъ въ рекруты⁴⁾; въ учрежденіи о губерніяхъ она еще предоставила помѣщику право требовать заключенія, на своемъ содержаніи, крѣпостного въ смиренный домъ, но прописавъ причину, по которой онъ ссылается туда⁵⁾. По поводу дѣла вдовы генераль-майора Этингера сама императрица, правда, указала на то, что „власть судейская должна быть охраняема отъ особенныхъ вступленій въ оной“ помѣщиковъ по дѣламъ, которыя (подобно, напримѣръ, воровству и побѣгамъ) не подлежатъ домашнему слѣдствію и наказанію, при чемъ выразила пожеланіе, чтобы ко-

1) Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, сс. 423, 426; въ рескриптѣ А. И. Бибикову императрица употребила тѣ же выраженія, но вмѣсто словъ: «непремѣннаго содержанія» написала: «непремѣннаго содержанія и обузданія»; см. *ib.*, с. 369.

2) P. de Passenans, *Op. cit.*, t. I, pp. 89, 92. Авторъ «Размышленія о неудобствахъ въ Россіи дать свободу крестьянамъ и проч.» пишетъ, между прочимъ, что владѣльцы «обязаны платить выти за разбой, грабежи, кражи и наглости и за владѣніе земель, учиненное ихъ крестьянами»; впрочемъ, въ дѣйствительности такой платежъ, вѣроятно, перекладывался на тѣхъ же крестьянъ: см. Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ., 1861 г., кн. III, с. 133.

3) П. С. З., т. XVII, № 12311; ср. *ib.*, № 12748, Генерал. учрежд. о рекрут. наборѣ, п. 24. Указъ 23 февраля 1773 года постановилъ «написаніе въ солдаты» помѣщичьихъ крестьянъ, виновныхъ въ кражѣ ниже 20 руб., предоставлять на волю ихъ помѣщиковъ, «хотя бы ли съ зачетомъ себѣ отдавать въ рекруты или нѣтъ»; см. П. С. З., т. XIX, № 13951.

4) П. С. З., т. XVII, № 12556 (впрочемъ, правительство предоставило себѣ право изъ ссылаемыхъ опредѣлять годныхъ въ драгунскую службу); № 12557; о временной пріостановкѣ дѣйствія этихъ указовъ см. В. Семейскій, Крестьяне и проч., т. I, сс. 186 и сл.; указъ 1787 г. требовалъ, чтобы помѣщики при ссылкѣ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ все же соблюдали указъ 1760 г., декабря 13; см. *ib.*, т. XXII, № 16602; ср. еще т. XVII, № 12748, Генерал. учрежд. о рекрут. наборѣ, гл. I, п. 13.

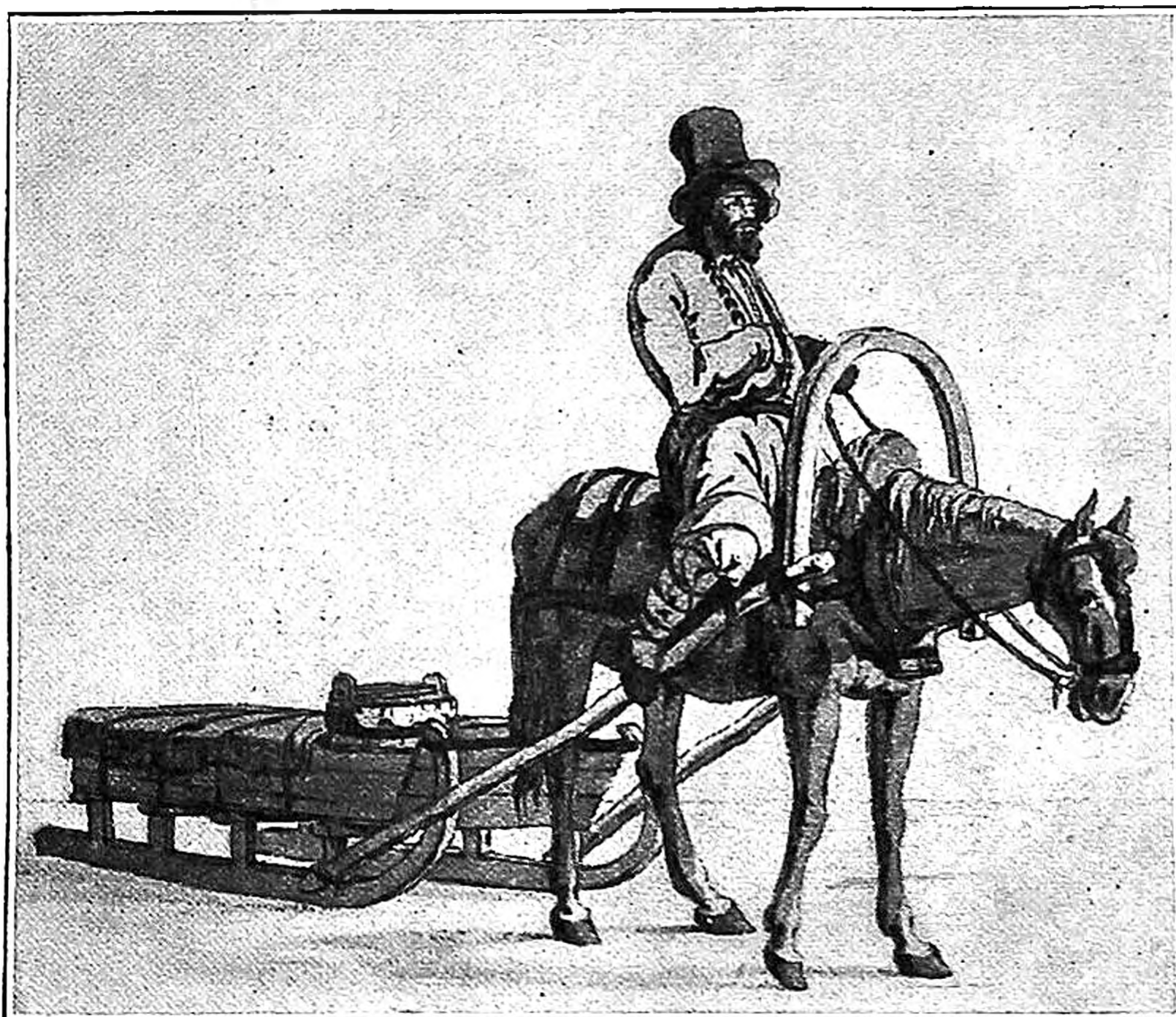
5) П. С. З., т. XX, № 14392, ст. 391.

миссія, составлявшая проектъ новаго уложенія, „сдѣлала положеніе, что съ такими чинить, кои суровость противъ челоуѣка употребляютъ“; но, несмотря на заявленіе юстицъ-коллегіи, уже указавшей на то, что нѣтъ точнаго закона „относительно тѣхъ случаевъ, когда крѣпостные вскорѣ помрутъ“ послѣ жестокихъ наказаній и побоевъ, императрица не настояла на осуществленіи своего намѣренія и, вмѣсто изданія закона, ограничилась тѣмъ, что поручила намѣстникамъ „обуздывать излишества, безпутство, мотовство, тиранство и жестокости“¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, указомъ отъ 22 августа 1767 года, утвердивъ докладъ сената, государыня уже запретила крѣпостнымъ, подѣ страхомъ суроваго наказанія, подавать „недозволенные на помѣщиковъ своихъ челобитныя, а наипаче въ собственныя ея руки“, хотя сама знала, конечно, случаи пристрастныхъ допросовъ и тяжкихъ наказаній, какимъ они иногда подвергались²⁾.

Вышеприведенными указами императрица Екатерина II не столько прямо ограничивала права или увеличивала обязанности владѣльческихъ крестьянъ, сколько предоставляла относительно большій просторъ помѣщичьей власти; благодаря ея развитію, крѣпостное право, издавна связанное съ рабовладѣніемъ, стало все болѣе приравниваться къ праву частной собственности.

Такое пониманіе крѣпостнаго права оставалось, правда, безъ точной формулировки въ законѣ, и сама императрица, кажется, нигдѣ не высказала его; но въ ея время оно, видимо, уже пользовалось нѣкоторымъ признаніемъ, а затѣмъ проникло и въ законодательство. Сторонніе наблюдатели русскаго общественнаго строя, на примѣръ, не разъ утверждали, что крѣпостные или „рабы“ составляютъ частную „собственность ихъ господъ, отъ которыхъ они вполнѣ зависятъ“, и указывали только на нѣкоторую неопредѣленность понятія объ объектѣ такого права: „на крѣпостныхъ, по ихъ словамъ, смотрятъ иногда какъ на недвижимую собственность, а иногда и какъ на собственность дви-

Крестьянинъ въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ).

¹⁾ П. С. З., т. XIX, №№ 13516 и 13758.

²⁾ П. С. З., т. XVIII, № 12966; ср. В. Семевскій, *Op. cit.*, т. I, сс. 370—379.

жимую“; съ послѣдней точки зрѣнія они принадлежатъ своимъ владѣльцамъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и хозяйственный инвентарь или стада домашнихъ животныхъ признаются ихъ собственностью¹⁾. Такое же пониманіе крѣпостного права отразилось и въ одномъ изъ послѣднѣйшихъ указовъ: устанавливая правила взысканія казенныхъ и партикулярныхъ долговъ лично съ должниковъ и „изъ ихъ имѣнія“, сенатъ въ указѣ 7 октября 1792 г., между прочимъ, заявилъ, что „крѣпостные владѣльческіе люди и крестьяне заключаются и долженствуютъ заключаться въ числѣ имѣнія“ и что на нихъ „по продажамъ отъ одного къ другому и купчія пишутся и совершаются у крѣпостныхъ дѣлъ... такъ, какъ и на прочее недвижимое имѣніе“²⁾.

Слѣдовательно, можно сказать, что законъ давалъ основаніе приравнивать крѣпостныхъ чуть ли не къ хозяйственному инвентарю, составлявшему принадлежность имѣнія. Съ подобной точки зрѣнія естественно, напримѣръ, что и до появленія вышеуказанной формулы законъ уже утверждалъ за помещикомъ цѣлый рядъ правъ, проистекавшихъ изъ такого пониманія крѣпостной зависимости. Законъ признавалъ, напримѣръ, за помещикомъ право распоряжаться своими крестьянами, и императрица Екатерина II почти ничего не сдѣлала для того, чтобы ослабить его; напротивъ, сама она дарила деньги своимъ приближеннымъ для того, чтобы они могли „приторговать“ себѣ крестьянскія души³⁾. Въ ея царствованіе можно было покупать или продавать крѣпостныхъ съ землею и безъ земли, цѣлыми семьями или порознь, на мѣстѣ или на площади, что уже сами современники называли „сушимъ невольничествомъ“. Въ своей жалованной грамотѣ дворянству, вообще расширившей его имущественныя права, государыня предоставила ему право „покупать деревни“⁴⁾; даже относительно права продавать крѣпостныхъ, которое многіе изъ дворянскихъ депутатовъ готовы были нѣсколько ограничить, запретивъ продажу ихъ порознь съ разлученіемъ семей, она не рѣшилась обнародовать общій законъ: собственноручно писаннымъ указомъ она только повелѣла „конфискаціи и всѣмъ аукціонистамъ“ „однихъ людей безъ земли съ молотка не продавать“, что истолковано было сенатомъ въ томъ смыслѣ, чтобы „людей безъ земли (т.-е. безземельныхъ) не продавать съ молотка“, а не чтобы „вовсе ихъ не продавать“⁵⁾; она также запретила продавать

¹⁾ Charpe d'Auteroche, Voyage en Sibirie, Par., 1768, t. I, pp. 125—126. M. Tooke, Histoire de l'empire de Russie, éd. 1801, t. III, p. 257. W. Coxe, Travels etc., v. II, pp. 96, 111. W. Richardson, Anecdotes of the Russian Empire, Ld., 1784, p. 193. A. Burja, Observations etc., 1785, p. 18. P. de Passenans, Op. cit., t. I, pp. 79 и др.

²⁾ П. С. З., т. XXIII, № 17076; впрочемъ, указъ 7 октября состоялся по поводу продажи «описныхъ безъ земли», т.-е. безземельныхъ крестьянъ, за долги ихъ владѣльцевъ.

³⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, с. 298.

⁴⁾ П. С. З., т. XXII, № 16187, Жал. грам. дворянству, ст. 26.

⁵⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XIII, с. 143; записка императрицы С. Козьмину, напечатанная въ т. XII, с. 345, вѣроятно, относится къ тому же дѣлу. П. С. З., т. XIX, № 13634 (этотъ указъ, между прочимъ, былъ посланъ канцеляріи и конторѣ конфискаціи, но въ

людей въ рекруты, но такое запрещеніе сводилось лишь къ тому, что купчія на крестьянъ нельзя было совершать со времени опубликованія указа о наборѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ¹⁾. Въ остальные права, предоставленныя крѣпостникамъ, даже въ очень тягостныя для крестьянъ права владѣльцевъ вліять на вступленіе ихъ въ бракъ, перечислять ихъ въ дворовые и безконтрольно эксплуатировать ихъ трудъ императрица Екатерина II не внесла и такихъ ограниченій: она почти не стѣснила господскихъ правъ и оставила обязанности крѣпостныхъ относительно ихъ „государей“ чуть ли не въ полной зависимости отъ обычая или отъ ихъ усмотрѣнія.

При столь широкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мало опредѣленныхъ правахъ помѣщикъ, за исключеніемъ развѣ права казнить крѣпостного смертью, могъ располагать его личностью и имуществомъ, „обладая имъ, какъ скотомъ“, и не давая ему „власти надъ тѣмъ, что онъ наживетъ“, если только крестьянину не удавалось бѣжать или запрятать то, что онъ скопилъ, подальше отъ господскихъ глазъ; сама императрица характеризовала такой „порядокъ“ слѣдующими словами: „землевладѣлецъ, кромѣ смертной казни, дѣлаетъ въ своемъ имѣніи все, что ему заблагоразсудится“ ²⁾.

Власть помѣщика надъ его крестьянами разрасталась, значить, и благодаря тому, что онъ не былъ

стѣсненъ въ отношеніи къ нимъ почти никакими обязанностями; хотя сама

указъ императрицы главной дворцовой канцеляріи рѣчь идетъ только о конторѣ); т. XXIII, № 17076. Толкованіе сената возникло по поводу разрѣшенія имъ продажи и «описныхъ безъ земли», т.-е. безземельныхъ крестьянъ, нѣсколькихъ владѣльцевъ за долги послѣднихъ, при чемъ сенатъ предписалъ продавать ихъ людей, принимая отъ допущенныхъ «къ торгу» цѣны ихъ «на письмѣ», значить, безъ употребленія молотка; послѣдующій указъ императора Павла I отъ 16 февраля 1797 года, можетъ-быть, и намекаетъ на такую форму торга по запискамъ, настаивая на правилѣ—дворовыхъ людей и крестьянъ безъ земли не продавать съ молотка «или съ подобнаго на сію продажу торга»; см. П. С. З., т. XXIV, № 17809; ср. т. XX, № 18353.

¹⁾ П. С. З., т. XVII, № 12748, Генерал. учрежд. о рекрут. наборѣ, гл. I, п. 1; т. XVIII, № 13103; ср. ib., № 13287.

²⁾ W. Coxe, Travels etc., v. II, p. 155. «Рус. Арх.», 1880 г., № 3, стр. 6—7.

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

императрица Екатерина II, по случаю „заразы Пугачевского злодѣяства“, упоминала дворянству о нихъ, однако, не много сдѣлала для того, чтобы точнѣе установить ихъ: съ 1762 года она не разъ подтверждала старое правило, въ силу котораго помещикъ долженъ былъ кормить и содержать своихъ крестьянъ во время голода, и пыталась удержать его отъ разоренія и мучительства своихъ подданныхъ подъ страхомъ попасть въ опеку, быть „обузаннымъ“ намѣстникомъ или подвергнуться другому наказанію; но мѣры подобнаго рода слишкомъ мало достигали цѣли и рѣдко осуществлялись въ дѣйствительности¹⁾.

Такимъ образомъ, ограничивъ объемъ понятія о крѣпостномъ правѣ, императрица Екатерина II, въ сущности, усилила его содержаніе: исходя изъ разсужденій о „свободѣ—душѣ всѣхъ вещей“, она пришла къ тому, что въ своемъ законодательствѣ чуть ли не приравнивала крестьянскую душу къ „бездушнымъ вещамъ“; не обезпечивъ правъ крѣпостного, императрица не могла оградить его и отъ злоупотребленій со стороны помещика, доводившихъ его иногда до полной утраты его „гражданскаго званія“, а иногда и до отчаянія.

Составительница Наказа впала еще въ одно противорѣчіе: она высказала правило „избѣгать случаевъ, чтобы не приводить людей въ неволю“, но сама же отказалась отъ его соблюденія; не пріостановивъ процесса усиленія крѣпостного права въ Великороссіи, она способствовала дальнѣйшему его распространенію частью на такія группы населенія, положеніе которыхъ по закону отличалось отъ положенія крѣпостныхъ, частью и на новыя области государственной территоріи, гдѣ оно до того времени еще не успѣло утвердиться.

Законъ проводилъ, на примѣръ, довольно строгое различіе между крѣпостными и людьми, прикрѣпленными къ тѣмъ частно-владѣльческимъ фабрикамъ, которыми владѣли на „поссессионномъ“ правѣ; хотя такіе люди, главнымъ образомъ, крестьяне, получившіе названіе „поссессионныхъ“, пользовались нѣкоторыми преимуществами сравнительно съ крѣпостными, и въ составъ ихъ, послѣ указа отъ 29 марта 1762 года, должны были входить „вольные наемные за договорную плату люди“, а не купленные, въ дѣйствительности съ ними часто обращались, какъ съ крѣпостными²⁾.

---

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, сс. 153—154; т. XXVII, с. 122. П. С. З., т. XIX, № 13767; т. XX, № 14392, Учрежд. о губ., гл. IV, ст. 84; т. XXI, № 15603 и др.; «Осьмнадцатый вѣкъ», изд. П. Бартенева, т. I, с. 175; P. de Passenans, Op. cit., t. I, pp. 81, 93; ср. В. Семевскій, Крестьяне и пр., т. I, сс. 216—229, 379—381.

²⁾ П. С. З., т. XVI, № 11638; одинъ указъ 1763 г. запретилъ владѣльцамъ поссесій «препятствовать женскому населенію ихъ фабрикъ выходить замужъ, за кого они хотятъ, хотя бы за лицъ совершенно постороннихъ»; см. В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. I, сс. 479, 480—482 и др.

Крѣпостной строй не могъ не коснуться и той части крестьянъ, которые по закону были свободны отъ крѣпостной зависимости, а именно крестьянъ государственныхъ, число которыхъ значительно увеличилось по секуляризаціи имѣній духовенства и по присоединеніи къ нимъ дворцовъ (1764 г.), а также нѣкоторыхъ второстепенныхъ разрядовъ населенія. Государственные крестьяне, правда, оставались относительно свободными; въ одной изъ своихъ собственноручныхъ замѣтокъ императрица выразила даже намѣреніе „освободить всѣхъ государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ, кой часъ положеніе будетъ сдѣлано, какъ имъ быть“; но полнаго ихъ „освобожденія“ не послѣдовало; напротивъ, и они принуждены были испытывать на себѣ нѣкоторое вліяніе крѣпостныхъ порядковъ. Помимо того, что казна, главнымъ образомъ, въ виду фискальныхъ цѣлей, стала стѣснять ихъ права распоряженія на землю и что казенные чиновники, завѣдывавшіе ими, переносили крѣпостническія привычки и на людей, которыми они не владѣли на крѣпостномъ правѣ¹⁾, начала его получали къ нѣкоторымъ изъ нихъ особаго рода примѣненіе: государственные крестьяне отчасти служили контингентомъ для образованія класса „приписныхъ“ къ заводамъ и для пожалованія. Приписные изъ казеннаго вѣдомства, въ особенности къ горнымъ заводамъ, перешедшимъ вмѣстѣ съ ними въ частное владѣніе, попадали въ тяжелую фактическую зависимость отъ владѣльцевъ²⁾, а пожалованные становились,

И. И. Шуваловъ (портр. де Велли).

¹⁾ W. Coxe, Travels etc., Ld., 1784, v. II, p. 111; здѣсь авторъ называетъ ихъ „petty tyrants“. Сама Екатерина II работала надъ проектомъ объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей, въ силу котораго, между прочимъ, никто изъ поселянъ не могъ быть наказываемъ иначе, какъ по приговору суда, составленнаго изъ избираемыхъ самими поселянами лицъ; но проектъ не былъ приведенъ къ осуществленію; см. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XX, с. 467.

²⁾ В. Семевскій, Крестьяне и проч., т. II, сс. 361—399.

конечно, крѣпостными тѣхъ, кому они были пожалованы ¹⁾. Впрочемъ, въ царствованіе императрицы Екатерины II, вскорѣ послѣ волненій крестьянъ, приписанныхъ къ уральскимъ заводамъ, приписка государственныхъ крестьянъ къ частнымъ заводамъ прекратилась, и многіе частные горные заводы были возвращены въ казну; извѣстный манифестъ отъ 21 мая 1779 года и нѣкоторые другіе указы также содѣйствовали улучшенію быта крестьянъ, приписанныхъ изъ вѣдомства казеннаго къ казеннымъ и частнымъ заводамъ ²⁾; но число пожалованій возрастало и, несмотря на предложеніе императрицы оставлять „мужиковъ“ жалуемыхъ деревень „вольными“, они продолжали попадать, такимъ образомъ, въ частную зависимость отъ владѣльцевъ ³⁾.

Сфера вліянія крѣпостнаго права не ограничивалась, однако, тѣмъ, что оно затронуло государственныхъ крестьянъ: благодаря нѣкоторымъ указамъ императрицы Екатерины II, оно утвердилось и въ новыхъ областяхъ. Въ 1775 году, напримѣръ, бѣлорусскій генераль-губернаторъ подалъ сенату рапортъ о томъ, что во ввѣренныхъ ему бѣлорусскихъ губерніяхъ „дворянъ тѣмъ, кои имѣютъ право пользоваться недвижимыми имѣніями, бывають продажи и разныя крѣпостныя сдѣлки, посредствомъ которыхъ люди и крестьяне выводятся въ другія смежныя и отдаленныя губерніи“; въ виду того, что „бѣлорусское шляхетство издавна не имѣло обыкновенія продавать крестьянъ безъ земли“ (за исключеніемъ развѣ крестьянъ, бѣжавшихъ изъ Россіи), такія сдѣлки вызвали подозрѣніе генераль-губернатора, не продаютъ ли владѣльцы, подъ видомъ собственныхъ крестьянъ, бѣглыхъ изъ Россіи; сообщая о своемъ подозрѣніи въ сенатъ и указывая на то, что сдѣлки подобнаго рода могли повести и къ другимъ злоупотребленіямъ и затрудненіямъ, генераль-губернаторъ предлагалъ, до окончанія предписаннаго правительствомъ разбора бѣжавшихъ и до будущаго о нихъ постановленія, запретить продажу крестьянъ безъ земли „для вывода въ Россію“, дозволивъ ее „только внутри оныхъ губерній“. По разсмотрѣніи доклада бѣлорусскаго генераль-губернатора сенатъ пришелъ, однако, къ иному заключенію: на томъ основаніи, что, „по опубликованному въ Бѣлоруссіи плакату, жители тѣхъ губерній и владѣльцы, какого бы роду и званія они ни были, приняты въ подданство ея императорскаго величества, и имъ дано право пользоваться тѣми же привилегіями, какими и все російское дворянство пользуется“, онъ не счелъ возможнымъ отнимать у нихъ

---

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VII, сс. 108—110; т. XLII, сс. 472, 477—478, 478—482 и др.; см. В. Семевскій, «Пожалованія населенныхъ имѣній въ царствованіе Екатерины II», Спб., 1906 г.; судя по вычисленіямъ автора, императрица Екатерина II раздала «приблизительно 425.000 д. м. п. или около 850.000 д. обоюго пола»; четвертая часть ихъ досталась «случайнымъ людямъ»; см. сс. 18 и 46.

²⁾ П. С. З., т. XX, № 14878 и др.

³⁾ Гос. Арх., X, 19, л. 383. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. X, сс. 32—33; т. XXVII, с. 174. Арх. кн. Воронцова, кн. XIII, сс. 354—356 и др. В. Семевскій, Пожалованія и проч., сс. 56 и сл.

свободу въ продажѣ людей безъ земли. Такимъ образомъ, право продавать людей безъ земли было распространено и на владѣльцевъ бѣлорусскихъ губерній, что соотвѣтственно усилило, конечно, крѣпостную зависимость отъ нихъ бѣлорусскихъ крестьянъ¹⁾. Вскорѣ правительство утвердило ее и въ малорусскихъ губерніяхъ. Малороссійскіе державцы давно уже стремились обратить крестьянъ въ „вѣчныхъ своихъ подданныхъ“ и успѣли выхлопотать себѣ извѣстный универсалъ отъ 20 апрѣля 1760 года, который они называли „ордеромъ о непереходѣ подданныхъ съ подѣ владѣльца въ другое владѣніе“. Русское правительство, привыкшее къ крѣпостнымъ порядкамъ, не замедлило уравнивать въ данномъ отношеніи малороссійскія губерніи съ великороссійскими: сама императрица Екатерина II считала сохраненіе автономіи Мало-

Крестьяне и крестьянки на плетомойнѣ (Груберъ и Гейслеръ).

россіи „глупостью“ и не сочувствовала крестьянскимъ переходамъ, а при производствѣ переписи Румянцева „простой малороссійскій народъ“, по словамъ одного современника, уже пришелъ къ заключенію, „что ему больше ничего отъ того не слѣдуетъ, какъ только записаннымъ быть въ крѣпости по примѣру великороссійскихъ крестьянъ“. Впрочемъ, извѣстнымъ указомъ отъ 3 мая 1783 года императрица Екатерина II, кажется, скорѣе имѣла въ виду введеніе подушной подати въ Малороссію, чѣмъ установленіе здѣсь крѣпостного права во всей его полнотѣ; но ея повелѣніе каждому поселянину въ намѣстничествахъ кievскомъ, черниговскомъ и новгородъ-сѣверскомъ „остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи“ естественно приводило къ

¹⁾ П. С. З., т. XX, № 14376.

водворенію крѣпостныхъ порядковъ; само правительство признало малорусскихъ крестьянъ также крѣпкими тѣмъ владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ они были поселены и за кѣмъ они, въ четвертую ревизію, были записаны; но продажа крестьянъ безъ земли не получила здѣсь окончательнаго признанія; она была запрещена уже послѣ смерти императрицы, указомъ ея преемника ¹⁾. Процессъ распространенія крѣпостного права захватилъ, наконецъ, и южно-русскія области: въ томъ же указѣ 1783 года сельское населеніе Слободской украины, уже вскорѣ по учрежденіи комиссіи для преобразованія слободскихъ полковъ въ особливую губернію въ 1765 году, потерявшее право перехода, было приравнено къ малороссійскимъ владѣльческимъ крестьянамъ, а вскорѣ по смерти императрицы вышелъ указъ, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и указъ 3 мая 1783 года, запретившій „своевольные переходы поселянъ съ мѣста на мѣсто“ и на южной окраинѣ; для того, чтобы „утвердить въ вѣчность собственность каждаго владѣльца“ и поставить преграду къ побѣгу крестьянъ „изъ самыхъ внутреннихъ губерній“, указъ 13 декабря 1796 года распространилъ крѣпостные порядки на губерніи: Екатеринославскую, Вознесенскую, Кавказскую и на область Таврическую, а также на Донъ и на островъ Тамань ²⁾.

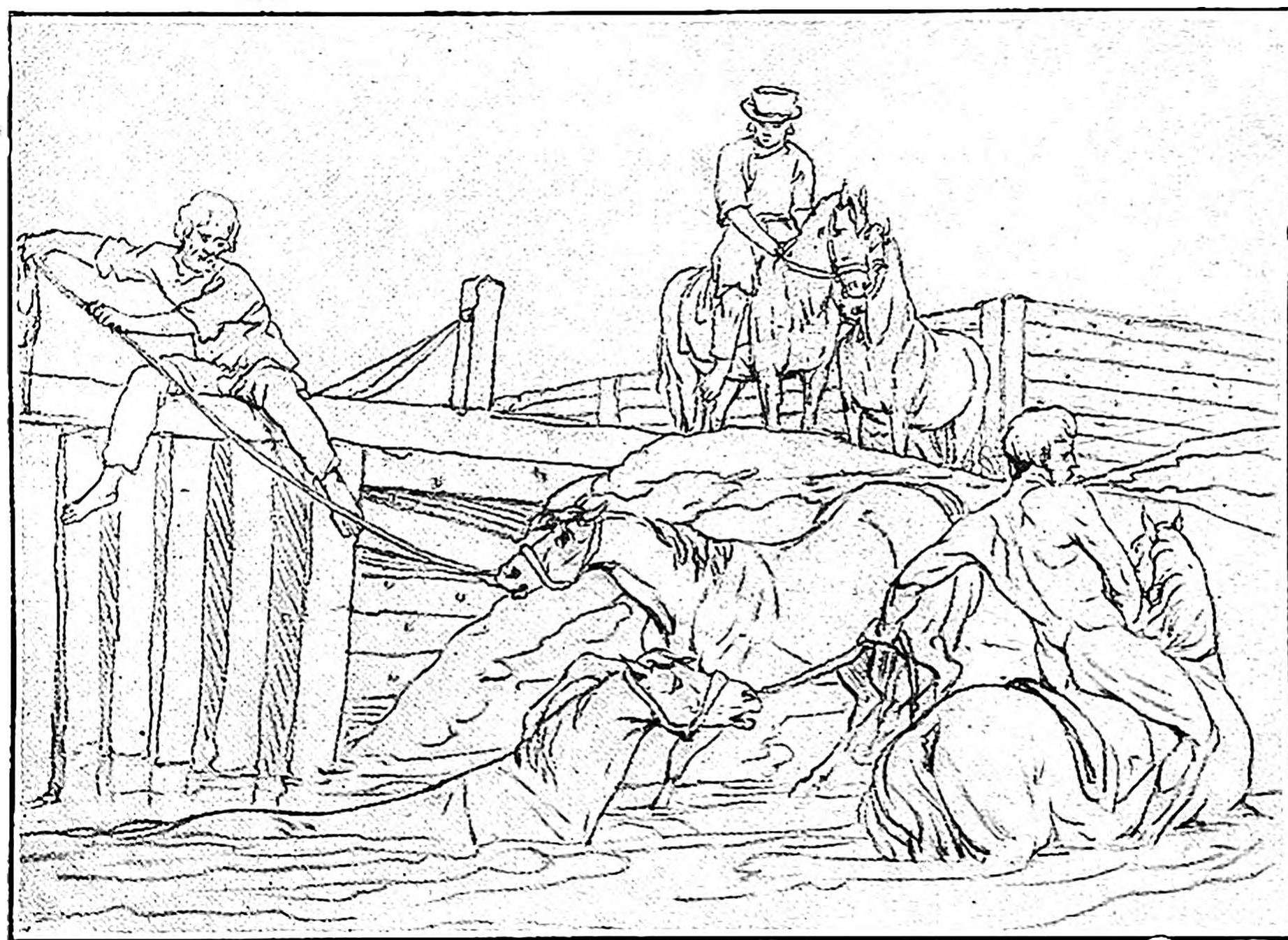
При томъ усиленіи и распространеніи крѣпостного права, какое оно постепенно получило въ царствованіе императрицы Екатерины II, трудно было ожидать отъ правительства удовлетворительнаго рѣшенія поставленнаго ею крестьянскаго вопроса: вмѣсто того, чтобы приступить къ реформѣ, оно принялось за усмиреніе пугачевского бунта и стало все болѣе придерживаться реакціонной политики и относительно крестьянскаго вопроса. Впрочемъ, сама императрица даже въ позднѣйшее время еще не вполне утратила интересъ къ его обсужденію. Въ 1781 году, напримѣръ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ прислалъ при своихъ депешахъ манифесты Іосифа II о личномъ освобожденіи крестьянъ и о дозволеніи имъ выкупать свои земли; теперь этихъ манифестовъ нѣтъ при депешахъ; вмѣсто нихъ вложена бумажка съ надписью: „сіи приложеніи не были возвращены изъ дворца“. Вслѣдъ за тѣмъ, судя по позднѣйшему извѣстію, былъ составленъ вышеупомянутый проектъ освобожденія всѣхъ дѣтей крѣпостныхъ, которыя родятся послѣ 1785 года. Авторъ одного разсужденія, написаннаго, вѣроятно, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ обнародованія учрежденія о губерніяхъ, указывалъ и на „высочайшее ея императорскаго величества соизволеніе“, состоящее въ томъ, чтобы „найти

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., т. VП, сс. 348 и 381; ср., однако, сс. 389—390; т. XXVII, с. 255. П. С. З., т. XXI, № 15724, ст. I, п. 8; Св. Зак., изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 552; ср. выше сс. 115 и сл.

²⁾ П. С. З., т. XVII, № 12430; т. XIX, № 13573; т. XXI, № 15724, ст. II, п. 8; т. XXIV, № 17638; законъ 1796 года имѣлъ въ виду поселянъ, записанныхъ тамъ по пятой ревизіи; см. Св. Зак., изд. 1832 г., Зак. о сост., ст. 556.

средства къ уравнию владѣльцевъ и крестьянъ, къ пресѣченію налагаемыхъ одними излишнихъ податей и работъ и происходящихъ черезъ то отъ другихъ непослушаній“¹⁾. Итакъ, можно думать, что императрица Екатерина II все еще не совсѣмъ охладѣла къ вопросу о постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ и объ ослабленіи „домашней тираніи“; но она уже не питала твердой увѣренности въ возможности его разрѣшенія. Въ 1777 году, на примѣръ, въ откровенной бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ чиновниковъ она, между прочимъ, замѣтила, что крестьянскій вопросъ—дѣло очень трудное: „гдѣ только начнутъ его трогать, онъ нигдѣ не поддается“, а по поводу увѣщаній Радищева къ помѣщикамъ—добровольно освободить крестьянъ—не удержалась отъ восклицанія: „уговариваетъ помѣщиковъ освободить крестьянъ, да никто не

Купанье лошадей (Аткинсонъ).

послушаетъ!“ Впрочемъ, потерявъ вѣру въ возможность успѣшно разрѣшить крестьянскій вопросъ путемъ законодательства или частной инициативы, составительница Наказа утѣшала себя мыслью, что „лучшее судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика нѣтъ во всей вселенной“²⁾. Съ такой точки зрѣнія обсужденіе ихъ „судьбы“ со стороны частныхъ лицъ становилось излишнимъ; по словамъ одного изъ иностранцевъ, писавшаго въ 1790 годахъ, „теперь нельзя было касаться вопроса о несправедливости крѣпостного строя, не подвергаясь (согласно предуказаніямъ самой императрицы) опасности быть высланнымъ за границу“; а печальная участь Радищева, въ

¹⁾ «Рус. Арх.», 1865 г., с. 248. А. Трачевскій, Союзъ князей и проч., Спб., 1877 г., с. 17.

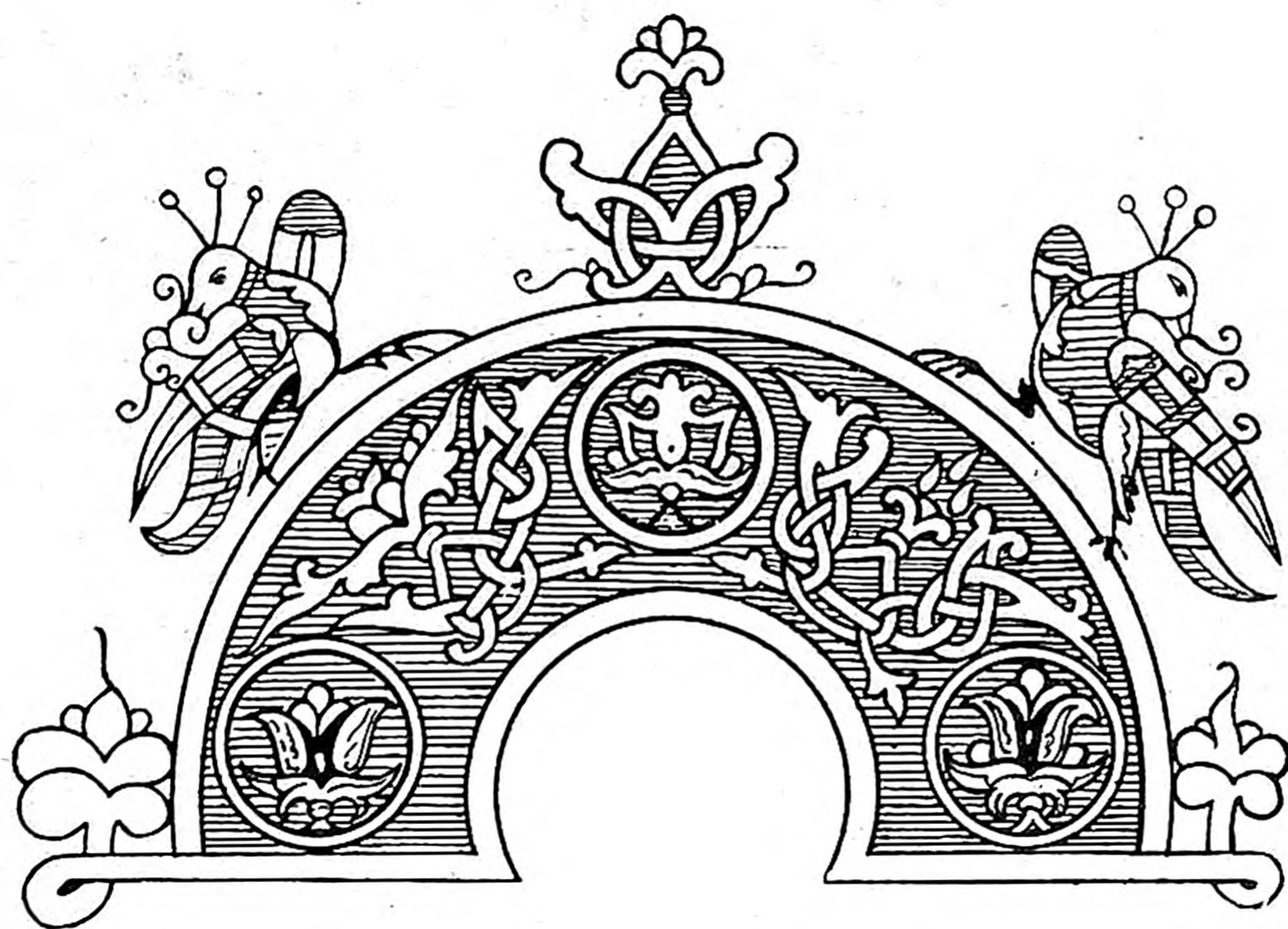
²⁾ «Рус. Стар.», 1876 г., т. XVII, с. 14 (Бесѣды императрицы Екатерины II съ Далемъ). Чт. Моск. Общ. Ист. и Древ., 1865 г., кн. III, Смѣсь, сс. 71 и 75.

сочиненіи котораго она ничего не усмотрѣла, „кромѣ раскола и разврата“, показала, что нельзя было и русскому гражданину свободно обсуждать его внутри имперіи, не рискуя подвергнуться самому суровому наказанію ¹⁾.

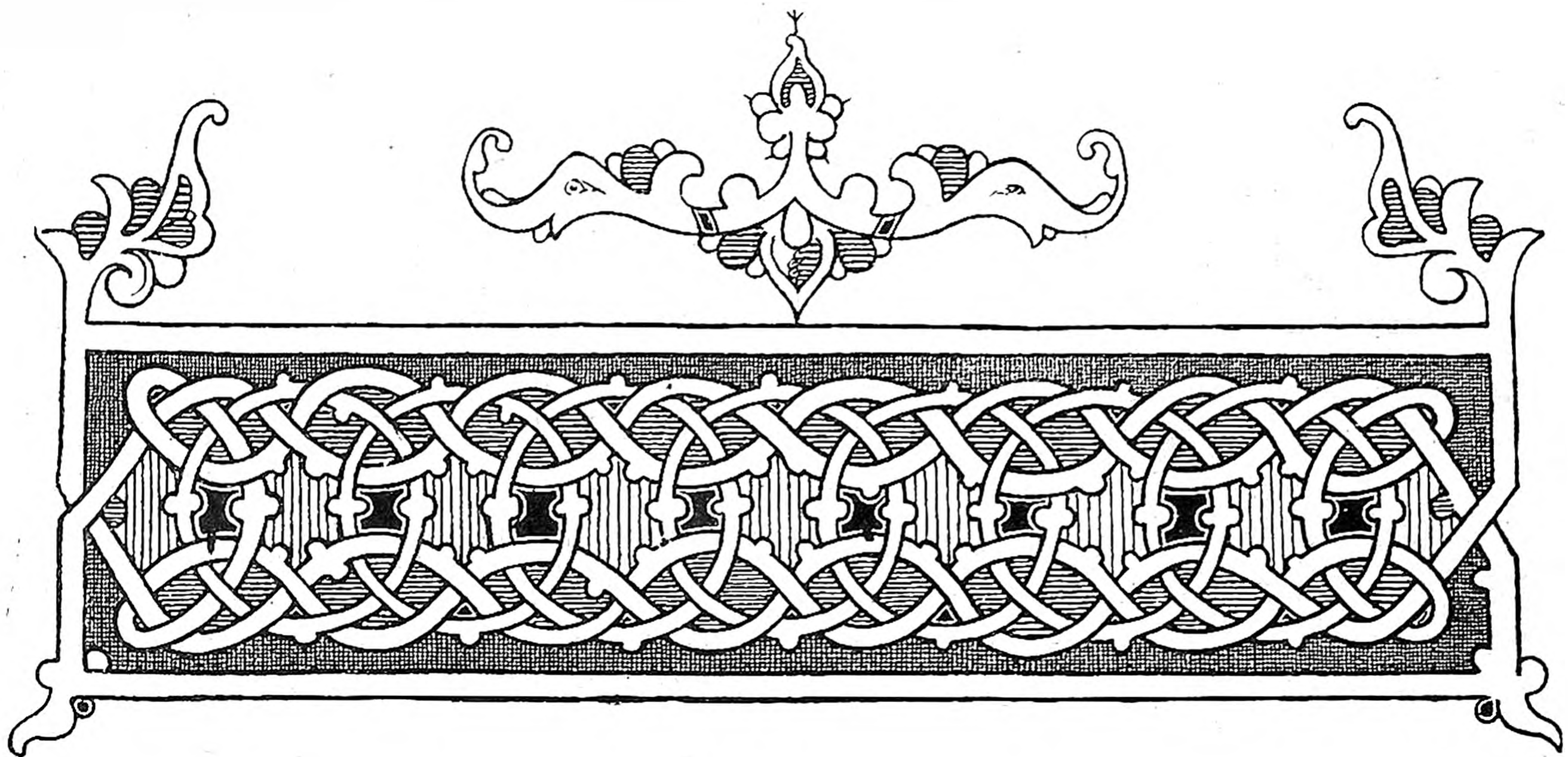
Такимъ образомъ, хотя сама императрица Екатерина II въ началѣ своего царствованія пыталась поставить крестьянскій вопросъ и значительно содѣйствовала пробужденію общественнаго интереса къ его обсужденію, но она все же немного сдѣлала для того, чтобы подготовить его рѣшеніе: государыня лишь нѣсколько ограничила способы возникновенія крѣпостного состоянія, но слишкомъ мало позаботилась о способахъ его прекращенія; она много разсуждала о вредныхъ послѣдствіяхъ „порабощенія“, но не коснулась его сущности; она хотѣла улучшить положеніе владѣльческихъ крестьянъ, но кончила тѣмъ, что способствовала дальнѣйшему усиленію помѣщичьей власти и распространенію крѣпостного права. Въ теченіе долголѣтнаго ея царствованія большинство населенія продолжало пребывать въ рабствѣ у привилегированнаго меньшинства и напрасно ожидало мѣропріятій, которыя существенно измѣнили бы „порядокъ“, „противный справедливости“, зловредный для культуры и пагубный для всего общественнаго и государственнаго строя.

А. Лаппо-Данилевскій.

¹⁾ [A. v. Bernhardt], Züge zu einem Gemälde des Russischen Reiches..., 2-er Theil (1798), SS. 171—172. Сбор. Рус. Ист. Общ., т. XLII, с. 84.

Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ наказахъ.

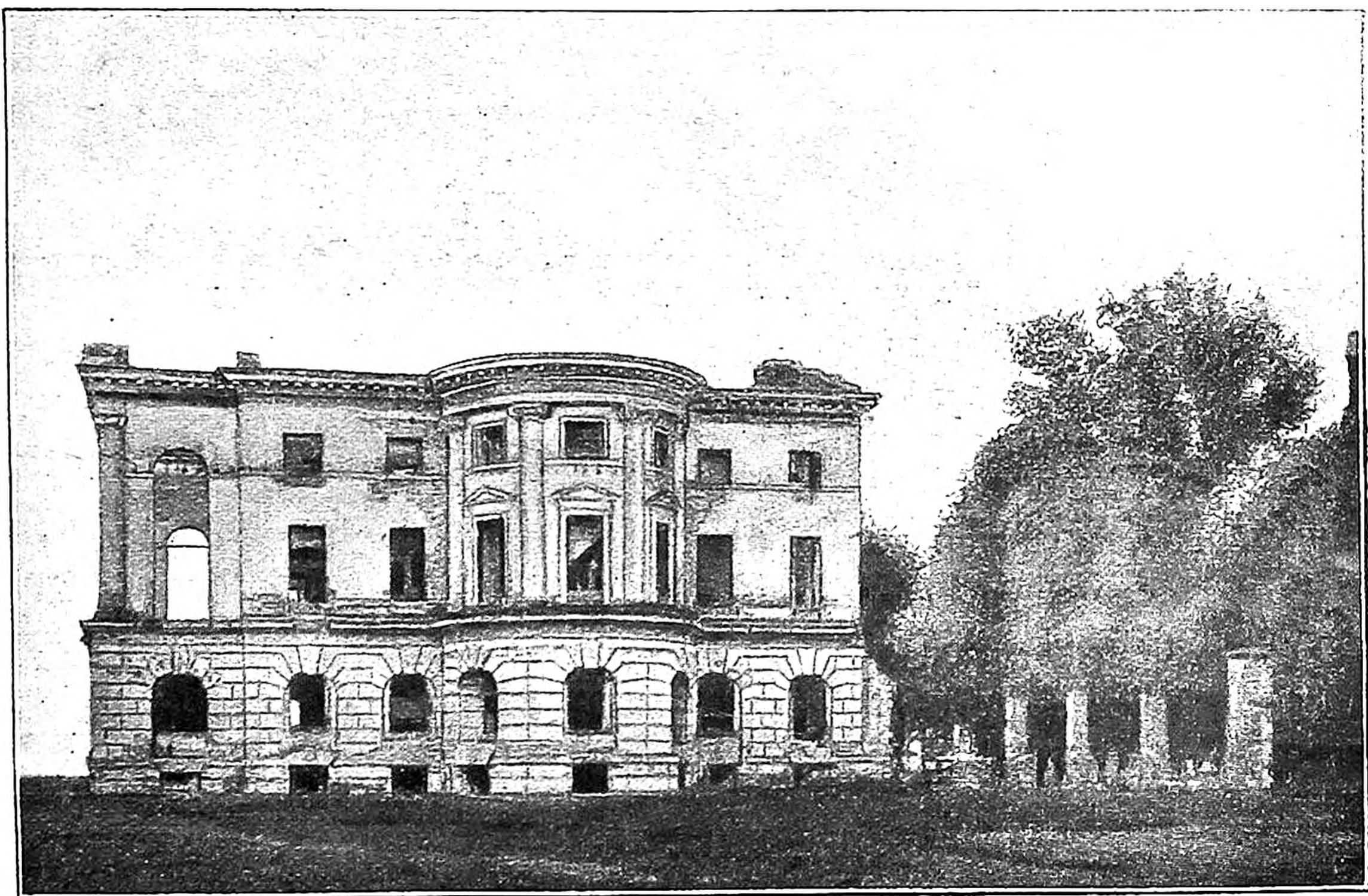
Прив.-доц. А. Е. Пръснякова.

звѣстно, какъ императрица Екатерина, выработавъ себѣ опредѣленные основные принципы будущаго законодательства и изложивъ ихъ въ Наказѣ, задалась цѣлью создать новую стройную систему русскаго законодательства. Она созвала въ Москву къ 30 іюля 1767 г. многолюдное собраніе 565 депутатовъ отъ всѣхъ свободныхъ разрядовъ населенія Россійской имперіи для переработки дѣйствующаго русскаго права въ проектъ новаго уложенія согласно съ принципами Наказа, съ одной стороны, желаніями и нуждами населенія, съ другой. Депутаты созывались, „дабы лучше узнать было можно нужды и чувствительные недостатки народа“. Подъ „народомъ“ разумѣлось только свободное населеніе. Характерно при этомъ, что присылка депутатовъ отъ дворянъ и горожанъ считалась необходимой, а свободному сельскому населенію было только дано право прислать такихъ ходатаевъ о своихъ нуждахъ. Къ тому же дворяне и горожане посылали депутатовъ отъ каждаго уѣзда и города, сельское же населеніе—отъ цѣлыхъ провинцій, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ городовъ съ уѣздами. Понятно, что въ составѣ комиссіи преобладали численно городскіе и дворянскіе депутаты (208 и 161). Имъ было обеспечено доминирующее вліяніе благодаря прежде всего ихъ численности, а затѣмъ пестротѣ состава сельскаго свободнаго населенія, разбитаго на разнородныя бытовыя группы—черносошныхъ крестьянъ, однодворцевъ,

казаковъ, разныхъ службъ служилыхъ людей, не кочевыхъ инородцевъ. Большая часть крестьянства—не меньше 77%—крѣпостные помѣщичьи, дворцовые, экономическіе, приписанные къ фабрикамъ и заводамъ, посессионные—остались безъ представительства: они не сподобились монаршаго приглашенія—обдумать и выразить свои нужды. Сословное различіе было проведено и въ порядкѣ выборовъ: дворянство и горожане получили свою предвыборную организацію съ предводителями дворянства и городскими головами, но руководство выборами отъ всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія осталось всецѣло въ рукахъ мѣстной администраціи. При такомъ строѣ выборовъ и складѣ комиссіи главнымъ источникомъ, откуда правительство могло почерпнуть „свѣтъ и свѣдѣнія“ о нуждахъ и положеніи крѣпостной крестьянской массы,

Остатокъ дворца К. П. Разумовскаго въ Батуринѣ.

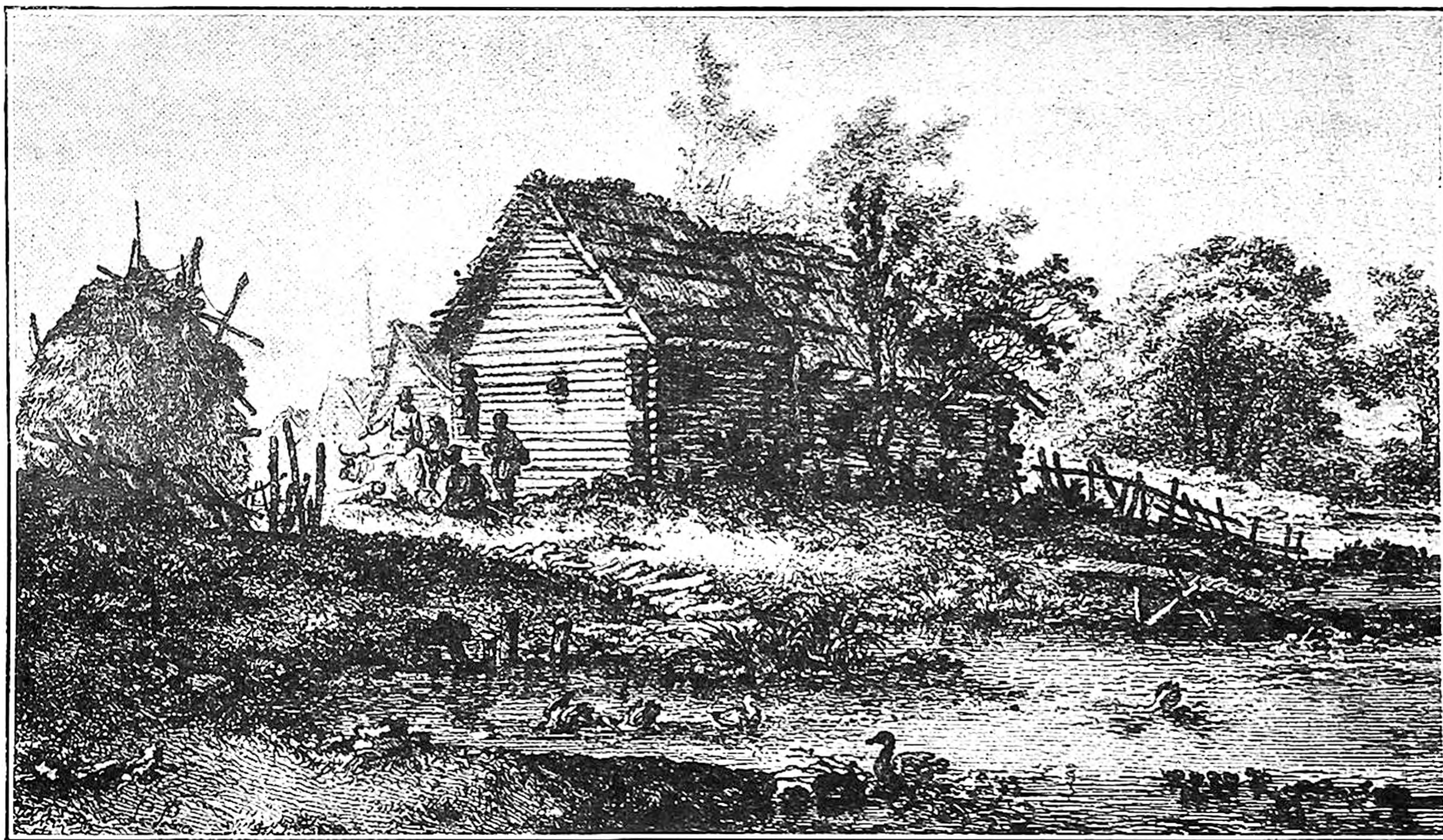
оказывались заявленія дворянъ-помѣщиковъ и, болѣе случайно, представителей другихъ сословій. Перечисленные разряды свободнаго сельскаго населенія жили въ особыхъ, мѣстныхъ условіяхъ, слишкомъ рѣзко обособленные отъ закрѣпощенной массы, чтобы прибавить много существеннаго къ дворянскому пониманію нуждъ „народа“.

Депутаты, посылаемые въ комиссію, должны были привезти съ собою отъ избирателей своихъ „наказы“, съ изложеніемъ общественныхъ нуждъ. Составленіе этихъ наказовъ, порученное комиссіямъ чловѣкъ въ пять отъ отдѣльныхъ избирательныхъ группъ, заставило эти группы, по мѣрѣ силъ и умѣнья, вдуматься въ свое положеніе, въ свои нужды и желанія и формули-

ровать ихъ. Наказовъ получилось больше, чѣмъ было депутатовъ, такъ какъ при двух- и трехстепенности большей части выборовъ заявленія первичныхъ избирательныхъ коллегій не всегда сводились въ одно цѣлое, и депутаты привозили въ этихъ случаяхъ по нѣскольку наказовъ. Получился богатый матеріалъ для ознакомленія съ настроеніями и воззрѣніями различныхъ группъ—мѣстныхъ и соціальныхъ. И въ матеріалѣ этомъ всего больше данныхъ для вопросовъ, касающихся положенія дворянства и крестьянства: соціальный строй тогдашней Россіи нашелъ себѣ яркое отраженіе въ наказахъ.

Дворянское сословіе много пережило въ первую половину XVIII в. Изъ стараго служилаго класса оно выросло въ привилегированное сословіе, въ

Деревня XVIII в. (изъ Le Prince).

землевладѣльческой классъ, сильный вліяніемъ на правительство и господствомъ надъ крѣпостной крестьянской массой. Оно называло себя правящимъ классомъ, благороднымъ шляхетствомъ, корпусомъ дворянства и вѣрило въ свое призваніе играть руководящую роль во всѣхъ областяхъ жизни страны. Это сословное самосознаніе дворянства выразилось въ депутатскихъ наказахъ ярче и шире, чѣмъ въ заявленіяхъ, съ какими шляхетство выступило въ 1730 г.: тамъ слышался почти исключительно голосъ дворянскихъ верховъ, вельможныхъ и столичныхъ, тутъ заговорила провинціальная помѣщичья масса. Къ тому же истекшія десятилѣтія принесли коренное измѣненіе политическихъ условій. При избраніи на престолъ Анны Ивановны шляхетство стремилось обезпечить себѣ вліяніе на верховную власть, чтобы направить ея дѣятель-

ность на служеніе своимъ интересамъ. Тутъ съ предположеніями о новой формѣ правленія наспѣхъ соединялись выраженія отдѣльныхъ сословныхъ требованій. Теперь дворянство успѣло убѣдиться въ выгодѣ союза съ монархической властью, послѣдовательно служившей классовымъ интересамъ шляхетства и развивавшей въ разныхъ направленіяхъ его привилегіи съ того момента, какъ императрица Анна „учинилась въ суверенствѣ“. Мысль помѣстнаго дворянства сосредоточилась на мѣстныхъ сословныхъ интересахъ, на частныхъ вопросахъ мѣстнаго сословнаго быта, почти не порываясь подняться до болѣе общихъ государственныхъ и общественныхъ задачъ. Конечно, и власти блюли за тѣмъ, чтобы въ избирательныхъ собраніяхъ и въ наказахъ не подымалось сколько-нибудь острыхъ политическихъ вопросовъ: попытка малороссійскаго дворянства выставить требованіе возстановленія автономіи Малороссіи была рѣшительно подавлена. Но у насъ нѣтъ основаній предполагать сколько-нибудь замѣтное движеніе политической мысли въ средѣ великорусскаго дворянства, не говоря уже о другихъ сословіяхъ. Его интересы сосредоточены на сословномъ дворянскомъ вопросѣ.

Вопросъ этотъ имѣлъ двѣ существенныхъ стороны. Онъ касался положенія дворянства въ государствѣ и положенія его относительно другихъ сословій. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи дворянство разсматриваетъ себя какъ одно цѣлое, какъ „корпусъ дворянства“, стремясь придать большую опредѣленность и устойчивость своему составу. Это было необходимо, съ сословной точки зрѣнія, какъ условіе опредѣленности и прочной гарантіи сословныхъ правъ, на которой строился въ ту эпоху идеалъ правомѣрнаго порядка: „всякаго рода людямъ,—такъ выражаетъ это требованіе одинъ изъ дворянскихъ наказовъ,—какъ дворянству, такъ и купечеству, равнымъ образомъ, и разночинцамъ, чтобы пожалованы были генеральныя привилегіи, дабы каждый родъ имѣлъ свои преимущества и одинъ въ другого прерогативы не вступалъ и всякій бы пользовался тѣмъ, чѣмъ будетъ привилегированъ“. Чтобы отдѣлить „корпусъ дворянства“ правами и преимуществами „отъ прочихъ разнаго рода и званія людей“ и закрѣпить ихъ актомъ самодержавной власти, надо было придать возможно большую опредѣленность этому „корпусу“, какъ субъекту дарованныхъ правъ. Все, что въ жизни затушевывало намѣченную демаркаціонную линію, должно было отпасть—и прежде всего пріобрѣтеніе дворянства путемъ службы. Цѣна права на дворянство должна быть повышена съ повышеніемъ самыхъ правъ дворянскихъ. Простое исполненіе служебныхъ обязанностей, награждаемое повышеніемъ въ чинахъ и назначеніемъ на высшія должности, „обыкновенная служба и должное всякому гражданину поведеніе“ не должны вести къ перечисленію въ высшій сословный разрядъ; туда открывать могутъ доступъ лишь „отмѣнные“ заслуги, путемъ особаго на каждый случай акта верховной власти, жалующей не-дворянина въ дворяне за какія-либо исключительныя дѣянія и дарованія

Дворянство стремится замкнуться въ аристократической корпоративности, возможно больше ограничивая доступъ въ свою среду стороннимъ элементамъ. Оно требуетъ для себя и корпоративной организаціи, чтобы усилить свое значеніе и вліяніе: „расписать все дворянство по городамъ,—предлагаетъ оно,—учредить ежегодныя собранія дворянства во всякой провинціи“. Это желаніе дворянства осуществилось созданиемъ уѣздныхъ и губернскихъ дворянскихъ обществъ. Для какой цѣли нужна мѣстная сословная организація правящему сословію? Первое, чего оно требуетъ,—это передачи дворянскимъ обществамъ веденія списковъ дворянства: оно стремится взять въ свои руки контроль надъ измѣненіемъ своего состава, притокъ новыхъ элементовъ подчинить наблюденію и согласію дворянскихъ обществъ. Рядомъ съ описанной

Кусково. Видъ на дворецъ съ озера. (Съ фотографіи.)

тенденціей дворянства къ самоопредѣленію и обособленію естественно поставить требованія личныхъ преимуществъ для членовъ благороднаго сословія: освобожденія ихъ отъ „неприличныхъ ихъ природѣ“ наказаній—„отъ всякаго тѣлеснаго и безчестнаго наказанія и пытокъ“, отъ смертной казни.

Какую же роль въ государствѣ отводитъ себѣ сословіе, проникшееся столь повышеннымъ сознаниемъ своего достоинства и значенія? Оно давно забыло политическія вождедѣнія 1730 г. Теперь оно—опора престола и фактически правящая сила, въ виду дворянскаго характера и русскаго офицерства и русской бюрократіи XVIII в. Ко времени составленія наказовъ правила „табели о рангахъ“ были уже сильно смягчены признаніемъ за дворянами

преимущественнаго права на производство въ чины, а стало-быть, и на занятіе должностей. Дворянской была вся іерархія органовъ управленія имперіей. Но на этомъ значеніи дворянства слишкомъ сильно лежала печать его происхожденія изъ класса служилыхъ людей государевыхъ: оно было слѣдствіемъ не привилегированности благороднаго сословія, а лежавшей на немъ до 1762 г. обязательной службы. Послѣ грамоты о вольности дворянства оно стремится полнѣе развить и осуществить свой характеръ помѣстнаго класса. Требуя себѣ организаціи въ мѣстныхъ сословныхъ обществахъ, оно мечтаетъ объ ослабленіи централизаціи управленія въ пользу вліятельнаго, властнаго положенія этихъ мѣстныхъ дворянскихъ обществъ въ руководствѣ провинціальной жизнью. Сословное самосознаніе выражается въ противопоставленіи дворянства мѣстнымъ административнымъ властямъ, въ стремленіи освободить его отъ подчиненія имъ и, наоборотъ, подчинить мѣстное управленіе „первому сословію въ государствѣ“. Нѣкоторые указы весьма далеко идутъ въ выраженіи этой тенденціи. Дворянинъ, живущій въ уѣздѣ, долженъ быть „независимъ ни отъ кого, кромѣ того уѣзда дворянъ“, и никакія власти не должны имѣть права призвать его къ суду, назначить на какую-либо должность или возложить на него какія-либо порученія помимо дворянской корпораціи. Но эта узкосословная мысль въ большей части указовъ уступала мѣсто другой: о необходимости общей административной реформы съ предоставленіемъ уѣзднымъ дворянскимъ обществамъ значительной роли въ дѣлахъ управленія. Дворянство, какъ помѣстный классъ, тяготилось крайней централизаціей всего управленія, требовало расширенія полномочій органовъ мѣстнаго управленія, переноса многихъ функций управленія изъ центра въ провинцію. Какъ „первое сословіе“, оно стремилось преобразованное мѣстное управленіе взять въ свои руки или, по крайней мѣрѣ, подчинить своему вліянію и контролю. Одни указы предлагаютъ вовсе замѣнить всѣ назначаемаыя центральнымъ правительствомъ власти выборными отъ дворянства воеводами и комиссарами, другіе—поставить рядомъ съ короннымъ воеводой выборнаго воеводскаго товарища. Дворянское общество должно стать въ возможно большей степени органомъ мѣстнаго управленія, вѣдать не только избраніе должностныхъ лицъ, но и властный контроль надъ ними, съ правомъ, по нѣкоторымъ указамъ, требовать отъ нихъ отчета, давать имъ указанія, штрафовать и даже смѣщать ихъ съ должности. При этомъ дворянство настойчиво выдвигаетъ въ противовѣсъ дѣятельности старой администраціи, почти всецѣло поглощенной преслѣдованіемъ казеннаго интереса и вообще исполненіемъ требованій центральныхъ учреждений,—общественныя, земскія задачи мѣстнаго управленія. Указы говорятъ объ организаціи врачебной помощи населенію, объ улучшеніи путей сообщенія, о борьбѣ съ эпидеміями, о продовольственномъ дѣлѣ, объ охранѣ безопасности жителей и вообще полицейскаго порядка, обо всемъ, что они считаютъ основными задачами мѣстнаго управленія. Органы этого мѣстнаго управле-

нія должны быть защитниками населенія отъ притѣсненій при отбываніи имъ повинностей, особенно при расквартированіи въ данномъ уѣздѣ войскъ или прохожденіи черезъ него военныхъ командъ. Всѣ заботы по устройству мѣстнаго быта, удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ и опекѣ надъ мѣстной жизнью дворянство готово возложить на свои уѣздныя общества, если въ его руки передана будетъ вся уѣздная администрація. Всѣ эти требованія въ значительной мѣрѣ были выполнены, но опытъ ряда десятилѣтій послѣ административной реформы 1775 г. далеко не оправдалъ ожиданій и обѣщаній, высказанныхъ дворянствомъ въ наказахъ 1767 г.: передача всего уѣзднаго управленія въ руки мѣстнаго дворянства дала весьма мало результатовъ. Тѣмъ не менѣе, заявленія 1767 года очень важны, ибо въ нихъ ярко сказалось сознаніе дворянствомъ своего значенія, какъ мѣстной правящей силы.

Отграничиваясь отъ другихъ разрядовъ населенія и потянувшись къ усиленію вліянія своего на мѣстное управленіе, дворянство горячо и настойчиво хлопочетъ въ наказахъ о расширеніи правъ и преимуществъ въ сферѣ имущественныхъ и экономическихъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія почти исключительно смотритъ оно на свое положеніе среди другихъ сословій. Ко второй половинѣ XVIII вѣка подъ вліяніемъ общихъ условій экономического быта страны, вступившей на путь болѣе интенсивнаго развитія денежнаго хозяйства и торгово-промышленной дѣятельности, дворянство тянется къ новымъ источникамъ матеріальнаго благосостоянія. Большинство дворянъ далеко отъ точки зрѣнія, высказанной лишь въ одномъ наказѣ, что дворянству не должно владѣть фабриками, чтобы „купечество съ дворянствомъ между собою никакого бы смѣшенія не имѣли“. Не раздѣляетъ оно и мнѣнія императрицы, что противно существу и торговли и самодержавнаго правленія, чтобы дворянство занималось торговлей. Напротивъ, указы требуютъ не только права для дворянъ владѣть фабриками и заводами, но настаиваютъ на освобожденіи промышленной предпримчивости отъ опеки бергъ и мануфактуръ-коллегій. Дворянство желаетъ свободно пользоваться правомъ открывать фабрики и

Крестьяне въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ).

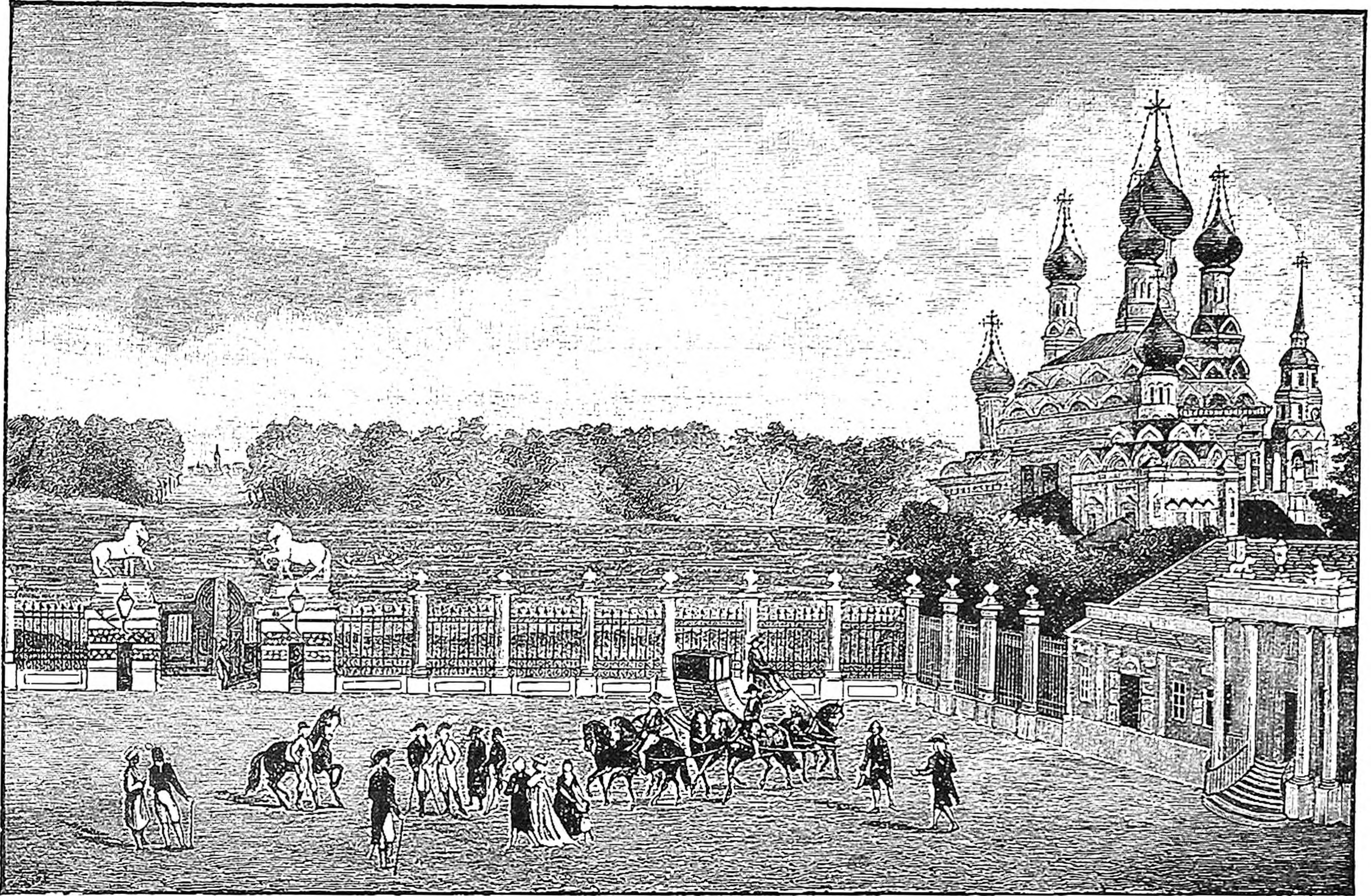

заводы, отчуждать ихъ, сдавать въ аренду и т. п., безъ особаго на каждый разъ разрѣшенія коллегій, какъ это требовалось по прежнему порядку. Была среди дворянства даже мысль признать содержаніе заводовъ всякаго рода привилегіей одного только дворянства, подобно тому, какъ такой привилегіей было винокуреніе. Отстаиваютъ многіе указы и право дворянъ-помѣщиковъ заниматься торговлей, то вообще доказывая, что „торгъ любитъ волю“, то требуя для себя права и даже монополіи на торговлю хлѣбомъ и всѣми продуктами земледѣльческаго хозяйства. Отстаивая свое право на участіе въ торговомъ оборотѣ, дворянство протестуетъ и противъ устарѣлой черты вексельнаго устава, признававшаго право обязываться векселями только за купечествомъ.

Но если въ вопросѣ о торгово-промышленной дѣятельности дворянство отчасти борется противъ сословной спеціализаціи, то оно твердо стоитъ въ наказахъ на своей землевладѣльской монополіи. „Необходимо,—говоритъ оно,—запретить владѣніе деревнями не-дворянамъ всякаго чина и чтобъ, кромѣ природныхъ дворянъ, деревнями, землями, людьми и крестьянами никто не владѣлъ“. Въ этомъ отношеніи бѣльмомъ на глазу у дворянства были фабриканты и заводчики, покупавшіе деревни къ заводамъ и фабрикамъ. Многіе указы говорятъ о необходимости запретить фабрикантамъ покупать населенныя имѣнія и крѣпостныхъ людей, рекомендуя имъ производить работу вольными наемными людьми. Дворянство настолько дорожитъ своей землевладѣльской и крѣпостнической привилегіей, что иногда настаиваетъ даже на отобраніи у фабрикантовъ населенныхъ имѣній, уже состоящихъ въ ихъ владѣніи. Оно даже готово возложить на уѣздную дворянскую администрацію обязанность приискивать для фабрикъ вольнонаемныхъ рабочихъ, въ случаѣ недостатка рабочихъ рукъ. Помѣстный земельный фондъ и крѣпостной трудъ должны быть въ исключительномъ распоряженіи дворянства. Охраняя свои владѣльческія привилегіи, какъ монополію, дворянство въ то же время стремится расширить связанныя съ ними имущественныя права. Оно желаетъ пріобрѣсти больше свободы въ распоряженіи земельнымъ капиталомъ, откликаясь и въ этомъ отношеніи на новый укладъ экономической жизни. Въ наказахъ встрѣчаемъ пожеланія о расширеніи „власти“ дворянина надъ его имѣніемъ, безъ различія „движимаго отъ недвижимаго и родового отъ наслѣдственнаго и благопріобрѣтеннаго“, о расширеніи до полной свободы права распорядиться имѣніемъ какъ при жизни, такъ и по завѣщанію. Острое недовольство беспорядочнымъ состояніемъ законодательства о земельномъ имуществѣ, устарѣлыми правилами наслѣдованія по закону, неудовлетворительной постановкой межевого дѣла вызываетъ рядъ требованій дворянства относительно пересмотра, упорядоченія и упрощенія всей системы поземельнаго права и поземельной политики.

Такъ широко и многосторонне ставится въ наказахъ дворянскій вопросъ. И тѣмъ ярче выступаетъ одна особенность дворянскихъ наказовъ. Они въ

Останкино. Церковь и часть сада. Рис. Дела-Барта XVIII в. (собр. Дашкова).

сушности вовсе не затрагиваютъ крестьянскаго вопроса, видимо, не считая „вопросомъ“ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ подъ властью помѣщика и отношеніе къ нимъ государственной власти. Наказы много говорятъ о различныхъ нуждахъ крестьянства, отстаиваютъ его интересы тамъ, гдѣ они сталкиваются съ интересами другихъ сословій, но въ общей основѣ своей крестьянскій вопросъ для нихъ рѣшенъ навѣки и ненарушимо: новому уложенію остается только подтвердить, что „узаконенная издревле помѣщичья власть надъ ихъ людьми и крестьянами не отъемлетъ безотмѣнно, какъ донынѣ было, такъ и впредь будетъ“. „Не обинуясь,—читаемъ въ другомъ наказѣ,—должны быть крестьяне въ безотрицательномъ повиновеніи у своихъ владѣльцевъ и въ полной ихъ власти, дабы тишина и спокойствіе общества господствовали, и экономія бы прилежнымъ трудамъ хозяина распространяема была во всѣхъ ея частяхъ безпрепятственно“. Развитіе власти помѣщичьей достигло такой крайней полноты, что мечтать о ея расширеніи не приходилось. И лишь весьма немногіе указы отчасти допускаютъ мысль, что власть эта должна быть ограничена въ томъ или другомъ отношеніи. Нѣкоторые высказываются, на примѣръ, за запретъ торговли людьми на вывозъ, за ограниченіе продажи крестьянъ за предѣлами уѣзда, за ограниченіе продажи ихъ

въ рекруты и сохраненіе единства крестьянскихъ семей при раздѣлѣ наслѣдствъ. Но общее настроеніе иное: не ограничивать власти и полномочій помѣщика, узаконить фактическое право наказанія, вплоть до того, чтобы смерть крестьянина отъ суровости тѣлеснаго наказанія за побѣгъ не ставилась помѣщику въ вину. Не измѣненіе или развитіе и, тѣмъ болѣе, не ограниченіе владѣльческихъ правъ помѣщика признается насущной потребностью въ дворянской средѣ, а ихъ охрана. Владѣніе крѣпостными далеко отъ полного спокойствія. Помѣщики „стали примѣчать, что люди и крестьяне помѣщикамъ своимъ послушаніе по нѣскольку уменьшаютъ“. Многіе наказы жалуются на постоянные побѣги крестьянъ и дворовыхъ, которые обращаются нерѣдко къ разбою и грабежу, чинятъ насилія надъ прежними господами, „съ великимъ свирѣпствомъ возлагаютъ на нихъ руки“, такъ что многіе помѣщики „черезъ небольшое время жалостно лишены жизни“. Кромѣ прямой опасности отъ бѣглыхъ, побѣги разорительны. И наказы требуютъ усиленныхъ мѣръ по розыску бѣглыхъ крѣпостныхъ, установленія болѣе крупныхъ штрафовъ, задержаніе ихъ помѣщиками, суровыхъ каръ за ту же вину приказчикамъ и старостамъ, не говоря уже о наказаніяхъ для самихъ бѣглецовъ. Взглянуть прямо въ корень дѣла, признать побѣги неизбѣжной стороной закрѣпощенія, а ожесточеніе крестьянъ — слѣдствіемъ безконтрольнаго и безграничнаго властвованія помѣщика надъ личностью крестьянина — дворянство не хотѣло, хотя

Продажа рыбы въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

повальные побѣги за литовскую границу изъ пограничныхъ губерній сами указы объясняютъ тѣмъ, что крестьяне считаютъ положеніе зарубежныхъ холоповъ болѣе легкимъ, чѣмъ крѣпостныхъ на Руси. Описывая широкое развитіе побѣговъ, какъ сущее бѣдствіе не только для помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ, разорявшихъ при побѣгѣ свое экономическое положеніе, и для народнаго хозяйства вообще, указы, однако, не признаютъ, чтобы нужна была для устраненія причинъ тяжелаго явленія серьезная крестьянская реформа.

Всестороннему освѣщенію положенія крѣпостныхъ крестьянъ въ указахъ мѣшалъ односторонне-сословный ихъ характеръ. Голоса самого крестьянства въ нихъ не слышать: „представителями“ крѣпостной деревни съ ея бѣдами и нуждами были только помѣщики. И лишь рѣдко прозвучать въ

Крестьянинъ въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

отдѣльныхъ указахъ отголоски жалобъ на разореніе и угнетеніе крестьянъ произволомъ помѣщичьей власти. Зато въ вопросахъ экономическихъ, гдѣ интересы помѣщика и крестьянъ совпадали, дворянство много и охотно говоритъ о крестьянской нуждѣ и о средствахъ ей помочь: крещеная собственность должна быть зажиточна, какъ основа помѣщичьяго благосостоянія. Видное мѣсто занимаютъ жалобы на обремененіе крестьянъ казенными платежами и повинностями. Относительно подушной подати въ общемъ нѣтъ недовольства. Только два наказа, стоящіе совсѣмъ одиноко, ходатайствуютъ о замѣнѣ ея—одинъ косвенными налогами, другой поземельной податью. Зато есть много ходатайствъ о болѣе правильной постановкѣ дѣла ревизіи, о производствѣ ея въ болѣе частые сроки, упрощеннымъ способомъ, не „присылая ревизоровъ, по подаваемымъ сказкамъ“, о немедленномъ выключеніи изъ

оклада убылыхъ за смертью, побѣгомъ, рекрутчиной, ссылкой. Больше возраженій по поводу рекрутской повинности: не мало наказовъ просить о замѣнѣ ея вербовкой вольныхъ людей на деньги отъ сбора, который населеніе будетъ платить взамѣнъ рекрутчины. Въ яркихъ краскахъ рисуютъ наказы бѣдствія крестьянъ отъ насилій военныхъ командъ во время постоевъ, прося отмѣнить или хотъ упорядочить эту повинность. Удовлетвореніе разнообразныхъ казенныхъ требованій по доставкѣ обывательскихъ подводъ для перевозки казенныхъ грузовъ, по доставкѣ фуража для арміи, по обязательнымъ работамъ при сооруженіи казенныхъ построекъ, при ремонтѣ дорогъ и мостовъ, при нарядахъ для содержанія карауловъ у казенныхъ складовъ и тюремъ и т. п. вызываетъ нареканія прежде всего своей неравномѣрностью. Крайне тягостная для населенія той мѣстности, гдѣ она нужна, такая повинность вовсе не касается другихъ мѣстъ и не можетъ быть расположена уравни-тельно. Всѣ подобныя потребности казеннаго хозяйства удовлетворялись принудительными нарядами, хся отчасти и за плату, но минимальную, по казенной таксѣ и давали поводъ для разнообразныхъ вымогательствъ и притѣсненій. Наказы желали бы полнаго устраненія этихъ принудительныхъ работъ и нарядовъ и перехода къ подрядному или хозяйственному способу ихъ исполненія, такъ чтобы „крестьяне, кромѣ узаконяемой государственной подати, свободны были отъ всякихъ работъ, нарядовъ и наборовъ“. Выступая на защиту крестьянства отъ казенной эксплуатаціи, наказы повѣствуютъ о томъ, какія бѣды терпитъ крестьянинъ, „бѣдный для претерпѣнія созданный трудникъ“, въ годину неурожая, когда онъ, „сѣвъ свой и господскій хлѣбъ“, распродаетъ скотъ и имущество и идетъ по-міру; даже въ урожайные годы, напр., на югѣ, не остается запасовъ на годы бѣдствія, потому что хлѣбъ весь вывозится на продажу. Дѣло народнаго продовольствія наказы желаютъ сдѣлать государственнымъ, настаивая на устройствѣ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ для ссуды населенію въ неурожайные годы. Помѣщики признаютъ свою несостоятельность въ организаціи этого дѣла частными усилиями и понимаютъ, что оно должно стать одной изъ существенныхъ задачъ мѣстнаго управленія: они вводятъ его въ программу дѣятельности того мѣстнаго дворянскаго управленія, о которомъ рѣчь была выше. На защиту крестьянскихъ интересовъ выступаютъ наказы и въ вопросѣ о правѣ крестьянъ заниматься торговлей. Усилившееся значеніе денегъ въ экономической жизни страны, уплата денежныхъ казенныхъ сборовъ и все возрастающаго денежнаго помѣщичьяго оброка—толкали сельское населеніе къ занятію промыслами и торговлей, и на этомъ пути оно, естественно, встрѣчало сочувствіе и покровительство своихъ господъ-помѣщиковъ. Лишь немногіе наказы требуютъ запрета крестьянамъ отдаваться торговлѣ въ городахъ и уѣздахъ, „ибо оный торгъ принадлежитъ до купечества“. Другіе желаютъ разрѣшить крестьянамъ не только ярмарочную торговлю хлѣбомъ и всякими деревенскими продуктами,

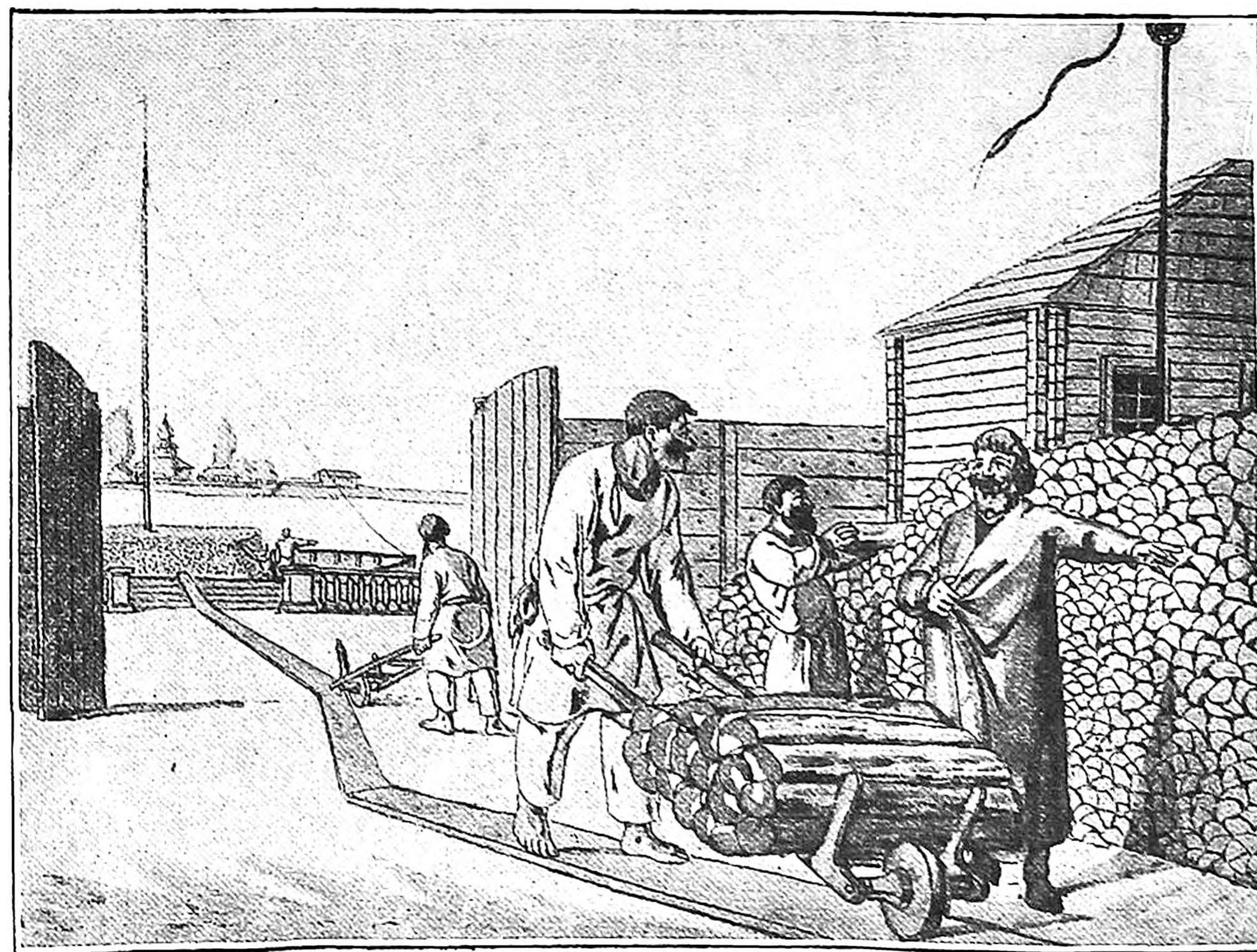

лѣсомъ, дровами, досками, холстомъ, но и занятіе разными мастерствами (плотничьимъ и столярнымъ, кирпичнымъ и печнымъ и т. п.) въ городахъ, а также дозволеніе имъ вступать „съ поручительствомъ ихъ господъ“ въ соотвѣтственные подряды. Оброчное крестьянство должно было получить возможно больше свободы, съ вѣдома и разрѣшенія помѣщика, развивать свои заработки, хотя бы и внѣ крѣпостной деревни.

Крестьянскій вопросъ затронуть въ дворянскихъ наказахъ лишь частично, только съ точки зрѣнія интересовъ помѣщика-дворянина. Другія сословія, призванныя къ изложенію своихъ нуждъ и желаній, не были заинтересованы въ иной, болѣе широкой его постановкѣ: въ ихъ средѣ преобладаетъ стремленіе добиться участія въ дворянскомъ правѣ—владѣть крѣпостными.

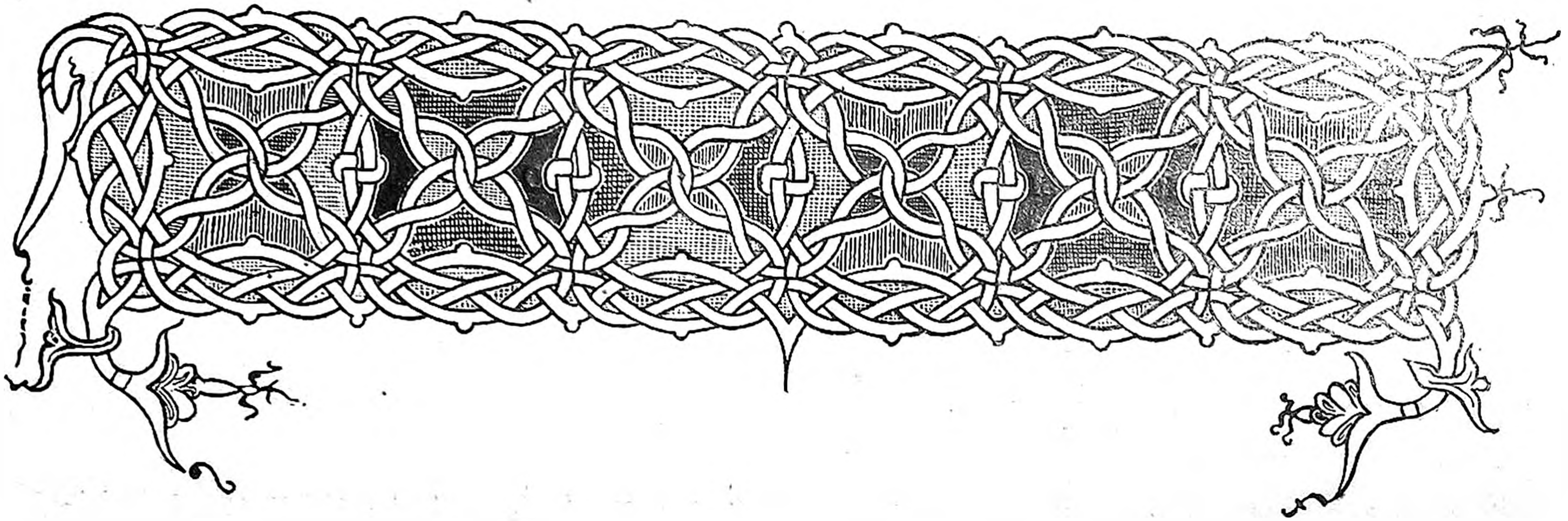
Крѣпостной строй выступаетъ законченнымъ явленіемъ въ Екатерининскую эпоху. Законодательство Екатерины подвело ему итогъ въ духѣ дворянскихъ наказовъ. Но онъ выросъ на почвѣ болѣе элементарныхъ условій и потребностей народнаго хозяйства. Вѣяніе новыхъ теченій экономической жизни уже успѣло отразиться въ тѣхъ же наказахъ. Крѣпостной строй народнаго хозяйства и соціальныхъ отношеній тормозитъ и стѣсняетъ ихъ развитіе. Въ Екатерининскую эпоху пробуждается сознаніе глубокаго вреда крѣпостнаго права для экономическаго быта, общественнаго развитія и государственности русской. Оно сказалось въ преніяхъ комиссіи для составленія проекта новаго уложенія и въ литературѣ Екатерининской эпохи. Но въ наказахъ 1767 г. еще нѣтъ его проблесковъ.

А. Прѣсняковъ.

На дровяномъ складѣ XVIII в. (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ Екатерининской комиссіи.

Прив.-доц. А. Е. Пръснякова.

В большой торжественности открыты были въ іюль 1767 г. засѣданія знаменитой Екатерининской комиссіи. 30-го, послѣ богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, депутаты всѣхъ свободныхъ разрядовъ населенія имперіи принесли присягу „приложить чистосердечное стараніе въ великомъ дѣлѣ сочиненія проекта новаго Уложенія, соотвѣтствуя довѣренности избирателей“. Формула присяги разсматривала членовъ комиссіи, какъ представителей общественныхъ группъ, довѣренности которыхъ, изложенной въ депутатскихъ наказахъ, они должны „соотвѣтствовать“. Но такое понятіе о представительствѣ не проводилось послѣдовательно. Достаточно вспомнить исторію нѣжинскаго депутата, который, подъ давленіемъ генераль-губернатора, круто измѣнилъ послѣ избранія свое мнѣніе о вопросахъ, наиболѣе важныхъ для избирателей, не принялъ ихъ наказа и настаивалъ на другомъ, который самъ составилъ; попытка избрать новаго депутата встрѣтила протестъ генераль-губернатора, и Сенатъ разрѣшилъ споръ противъ избирателей, на томъ основаніи, что депутатъ, разъ избранный, „со дня его выбора единственно уже подъ протекціей Ея Императорскаго Величества состоитъ“. Возможность такихъ случаевъ показываетъ, что наказы, по крайней мѣрѣ, формально не связывали депутатовъ. Въ комиссіи могли возникнуть и возникали вопросы, избирателями непредвидѣнные, выражались депутатами мнѣнія, не всегда согласныя и съ духомъ наказовъ. Въ спорахъ и преніяхъ встрѣчаются иногда

укоризны тому или иному депутату, что онъ ведетъ защиту мнѣнія, на которое его избиратели отнюдь не уполномочивали; но такія заявленія рѣдки, и имъ, видимо, особаго значенія не придавалось. Наказы имѣли значеніе не директивъ, а матеріаловъ, откуда полезно черпать свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и нуждахъ населенія.

Сами депутаты созывались не для участія въ законодательствѣ, а для исполненія сложныхъ подготовительныхъ работъ, вѣнцомъ которыхъ, если бы ихъ удалось довести до конца, былъ бы „проектъ“ новаго Уложенія. По словамъ манифеста 14 декабря 1766 г., они созывались „не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но и допущены быть имѣютъ въ комиссію, которой дадимъ наказъ для заготовленія проекта новаго Уложенія“. По мысли императрицы, въ основу работы должны были лечь руководящія идеи ея Наказа, а допущеніе представителей общества къ сотрудничеству при воплощеніи этихъ идей имѣло цѣлью избѣжать чрезмѣрной оторванности законодательнаго творчества отъ дѣйствительныхъ житейскихъ условій: „ибо законы, весьма наиболѣе сходственные съ естествомъ, суть тѣ, которыхъ особенное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше

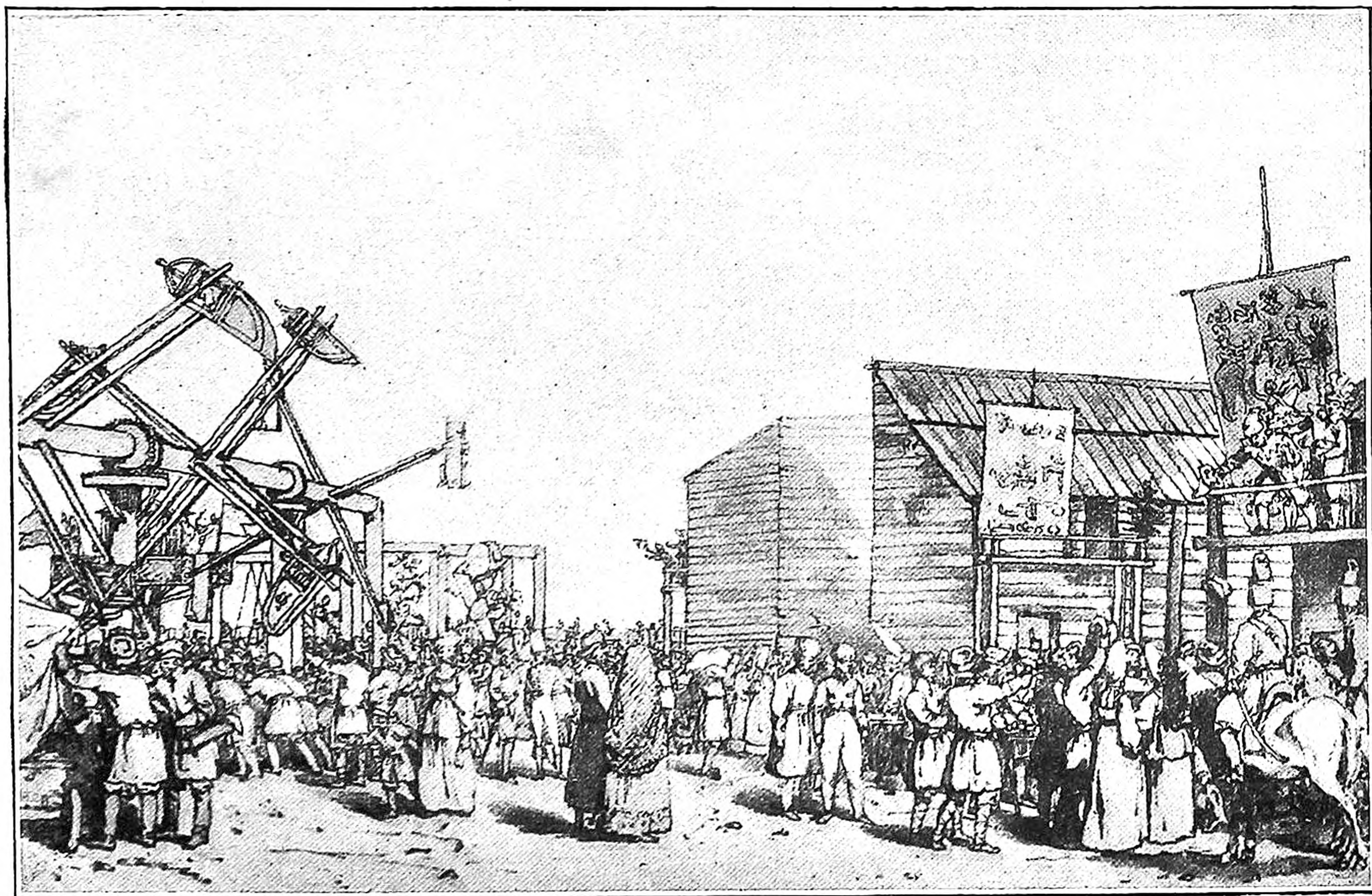
Ник. П. Панинъ (портр. Тропинина).

расположенію народа, ради котораго они утверждены“. Во второмъ засѣданіи комиссіи приступили къ чтенію наказа. Извѣстно, что приспособленіе идей императрицы къ „расположенію народа“ началось еще до этого момента, такъ какъ составительница Наказа нашла нужнымъ пропустить его черезъ предварительную цензуру нѣсколькихъ приближенныхъ и нѣкоторыхъ депутатовъ; по свидѣтельству Екатерины, Наказъ утратилъ при этомъ значительную часть своего содержанія, тѣхъ „аксіомъ“, о которыхъ Н. П. Панинъ отзывался, что онѣ способны даже стѣны разрушить. Выпало почти все, что было въ первоначальной редакціи сказано относительно положенія крѣпостныхъ крестьянъ: о „великомъ злоупотребленіи“ смѣшенія крестьянской зависимости съ холопской, о необходимости ограничить произволь помѣщичьей власти и признать за крестьянами имущественныя права и „привести

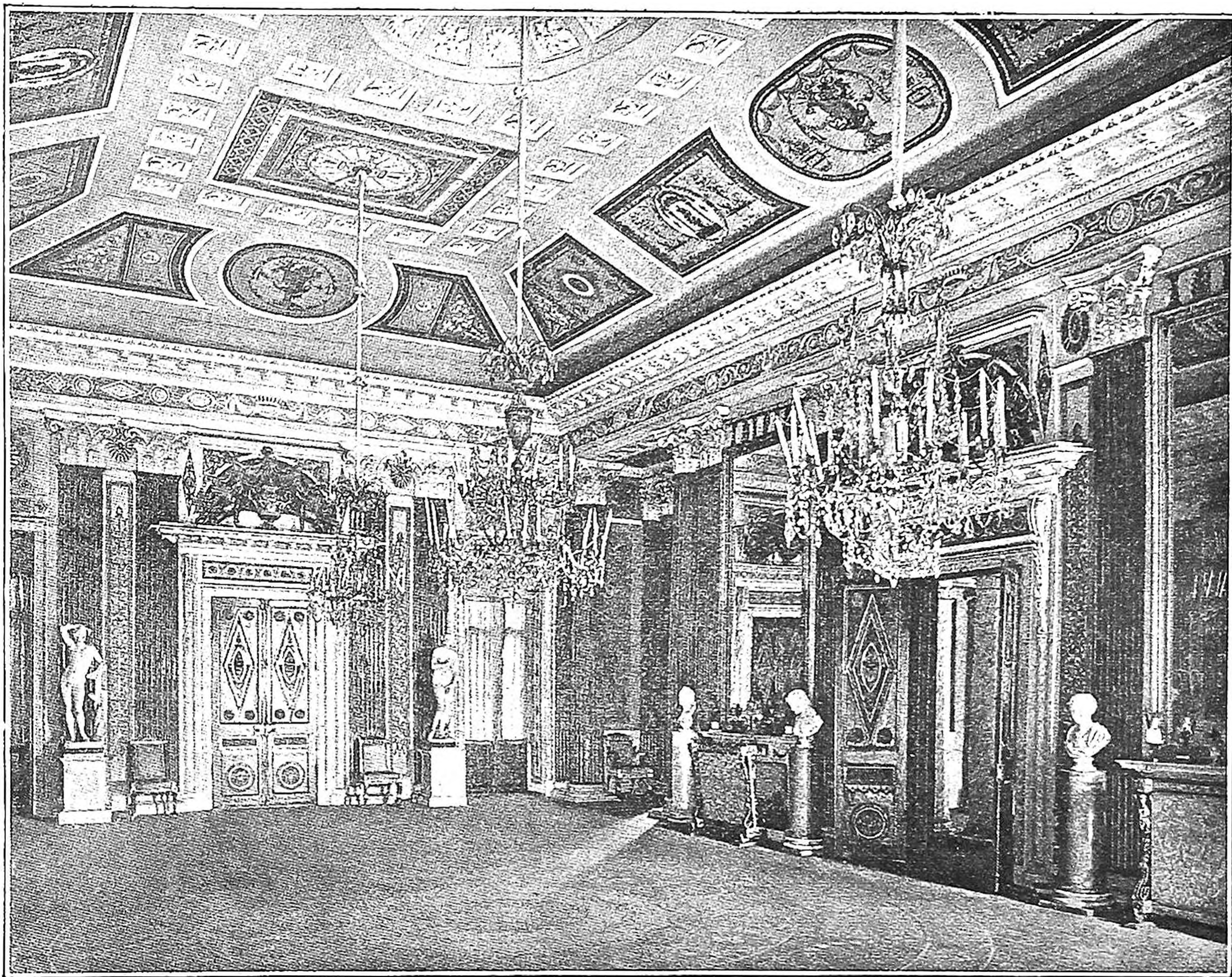
ихъ въ такое состояніе, чтобъ они могли купить сами себѣ свободу“ съ опредѣленіемъ по закону размѣра выкупа и т. п. По крестьянскому вопросу остались лишь немногія осторожныя замѣчанія. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ вышелъ въ свѣтъ, Наказъ не давалъ комиссіи повода ставить этотъ вопросъ по существу и сколько-нибудь широко. Если онъ былъ поднятъ въ преніяхъ общаго собранія, то лишь попутно, въ связи съ помѣщичьими жалобами на побѣги крестьянъ; возникъ, вызвалъ нѣсколько оживленныхъ споровъ и погасъ въ силу „расположенія“ того „народа“, который былъ занятъ своими нуждами въ „комиссіи“.

Однако основная законодательная задача — составленіе новаго, полнаго и стройнаго Уложенія — должна была привести къ сознательной формулировкѣ въ статьяхъ закона, а стало-быть, и къ обдуманному пересмотру основъ русскаго соціального строя. Отчасти это и произошло въ трудахъ тѣхъ спеціаль-ныхъ комиссій, которымъ поручена была разработка различныхъ отдѣловъ законодательнаго матеріала. По общей организаціи занятій отъ этихъ „част-ныхъ комиссій“ и надо было ожидать наиболѣе плодотворныхъ результатовъ. Къ тому же именно въ нихъ сильно сказывалось руководящее вліяніе пра-вительства, бдительно слѣдившаго и за ихъ составомъ и за ихъ дѣятель-ностью. Попытка поднять вопросъ объ опредѣленіи и измѣненіи отношеній между помѣстнымъ дворянствомъ и крестьянствомъ могла быть сдѣлана въ

Народныя гулянія (Houbigant Moeurs et Costumes des Russes, 1821).

Останкино (пам'яте Шереметьевыхъ). Гостинная.

ходѣ самой работы. Организація этой работы получила такой видъ: руководящая роль возложена на особую „дирекціонную“ комиссію, во главѣ которой стояли вліятельныя орудія монаршей воли—маршалъ большей комиссіи А. И. Бибииковъ и генераль-прокуроръ кн. Вяземскій. Эта комиссія организовала частныя комиссіи для разработки отдѣльныхъ отраслей законодательства (по вопросамъ вотчиннымъ, судебнымъ, сословнымъ и т. д.) изъ членовъ полного собранія по баллотировкѣ, слѣдила за ходомъ ихъ работъ, получая отъ нихъ еженедѣльно меморіи—отчеты, указывала имъ всѣ замѣченныя уклоненія отъ указанныхъ правилъ веденія дѣла, разсматривала законченныя ими проекты съ точки зрѣнія согласія съ Наказомъ императрицы и государственной цѣлесообразности. Рядомъ съ нею стояла редакціонная комиссія (она получила названіе „экспедиціонной“), выправлявшая труды другихъ, чтобы въ изложеніи проектовъ не осталось ничего неяснаго, двусмысленнаго и противорѣчиваго. Частныя комиссіи состояли изъ пяти членовъ, избранныхъ полнымъ собраніемъ, но къ работамъ онѣ могли привлекать и другихъ

лицъ съ совѣщательнымъ голосомъ: правительство часто пользовалось этимъ, чтобы ввести въ составъ комиссій желательныхъ лицъ, такъ какъ членамъ указывалось, иногда отъ имени самой императрицы, кого они должны призвать къ сотрудничеству. Полному собранію надлежало обсуждать выработанные проекты и, послѣ сложнаго обмѣна мнѣніями съ комиссіями частными и дирекціонной, разсматривать ихъ въ окончательномъ видѣ и опредѣлять свое отношеніе къ нимъ голосованіемъ. Но кромѣ того, императрица указала собранію другое дѣло: чтеніе и обсужденіе тѣхъ законовъ, „въ поправленіи коихъ болѣе настоятъ нужда по правиламъ большого Наказа и о которыхъ болѣе въ прошеніяхъ и наказахъ представляется“, а также выписокъ

Останкино (статуя).

изъ депутатскихъ наказовъ, заготовленныхъ особой „комиссіей разбора депутатскихъ наказовъ“, разбиравшей указы и проекты „по матеріямъ“. Мнѣнія полнаго собранія по дѣйствующимъ законамъ и требованіямъ депутатскихъ наказовъ сообщались черезъ редакціонную комиссію въ соотвѣтственную частную, какъ матеріаль для ея работъ, но не были обязательны для частныхъ комиссій. При такой постановкѣ дѣла роль полнаго собранія оказалась бы болѣе значительной только при завершеніи работъ въ окончательной редакціи, при рѣшительномъ голосованіи. Но до этого дѣло ни по одному вопросу не дошло. Благодаря своеобразному направленію занятій полнаго собранія маршаломъ, не получилось никакихъ мнѣній большой комиссіи, принятыхъ большинствомъ голосовъ. Дѣло свелось къ разсужденіямъ депутатовъ по разнымъ вопросамъ,—разсужденіямъ, не сведеннымъ ни къ какому общему выводу.

Занятія полнаго собранія начались съ чтенія депутатскихъ наказовъ, притомъ не въ систематическихъ выпискахъ „по матеріямъ“, а цѣликомъ, въ случайномъ порядкѣ; въ 15 засѣданій прочли 12 крестьянскихъ наказовъ, затѣмъ перешли къ чтенію законовъ о дворянскихъ правахъ и посвятили этому 10 засѣданій; не закончивъ этого дѣла, обратились на 36 засѣданій къ чтенію законовъ о купечествѣ, а 11 засѣданій потратили на чтеніе лифляндскихъ и эстляндскихъ привилегій, потомъ читали законы о юстиціи, а когда ихъ дочитали, то поступилъ отъ дирекціонной комиссіи „проектъ правъ благородныхъ“, обсужденіе котораго заняло 20 засѣданій; сдавъ его со

всѣми замѣчаніями депутатовъ въ частную комиссію, полное собраніе обратилось къ законамъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ и занималось ими до 18 декабря 1768 г., когда его засѣданія были отсрочены на неопредѣленное время, чтобы никогда болѣе не возобновляться. Все это ознакомленіе полнаго собранія съ разнаго рода матеріалами сопровождалось болѣе или менѣе оживленными преніями. Собраніе не относилось пассивно къ возникавшимъ вопросамъ: болѣе двухсотъ депутатовъ (изъ общаго числа 565) выступали съ рѣчами, мнѣніями и предложеніями. Но все высказанное осталось разрозненнымъ, какъ бы случайнымъ. Маршалъ-предсѣдатель не доводилъ ни одного вопроса до обобщающей формулировки, пренія обрывались случайно, и разсмотрѣнные законодательные матеріалы сдавались въ частныя комиссіи со всѣми замѣчаніями отдѣльныхъ депутатовъ или согласныхъ группъ, но безъ какого-либо мнѣнія большой комиссіи, такъ какъ на ея голосованіе и не ставилось никакихъ резолюцій.

Подобная обстановка занятій полнаго собранія сильно принизила не только ихъ дѣловое значеніе, но и значеніе происходившихъ въ немъ преній для историка русской общественности: передъ нимъ рядъ очень интересныхъ и показательныхъ мнѣній, но это мнѣнія отдѣльныхъ лицъ и небольшихъ группъ, не прошедшихъ огненной пробы общаго голосованія, стало-быть, безъ учета степени сочувствія имъ въ депутатской массѣ и силы ихъ вліянія на нее.

Общій характеръ преній выступаетъ въ „дневныхъ запискахъ“ полнаго собранія весьма опредѣленно. Основная ихъ черта — борьба сословныхъ притязаній и стремленіе двухъ первенствующихъ сословныхъ группъ — дворянства и купечества — отграничиться другъ отъ друга, съ возможно большей выгодой cadaго за счетъ другого. Третья, меньшая группа — представители разныхъ группъ государственныхъ крестьянъ — имѣла мало поводовъ для столкновенія съ дворянами, но отстаивала свои интересы тамъ, гдѣ они перекрещивались съ купеческими, посвящая главное вниманіе внутреннимъ нуждамъ своей бытовой среды.

Немного новаго, сравнительно съ содержаніемъ депутатскихъ наказовъ, вносятъ пренія въ освѣщеніе дворянскаго вопроса. Въ нихъ только рѣзче проявились назрѣвшіе антагонизмы какъ внутри дворянской среды, такъ и между дворянствомъ и другими разрядами населенія. Въ рѣчахъ ораторовъ

Князь А. А. Вяземскій.

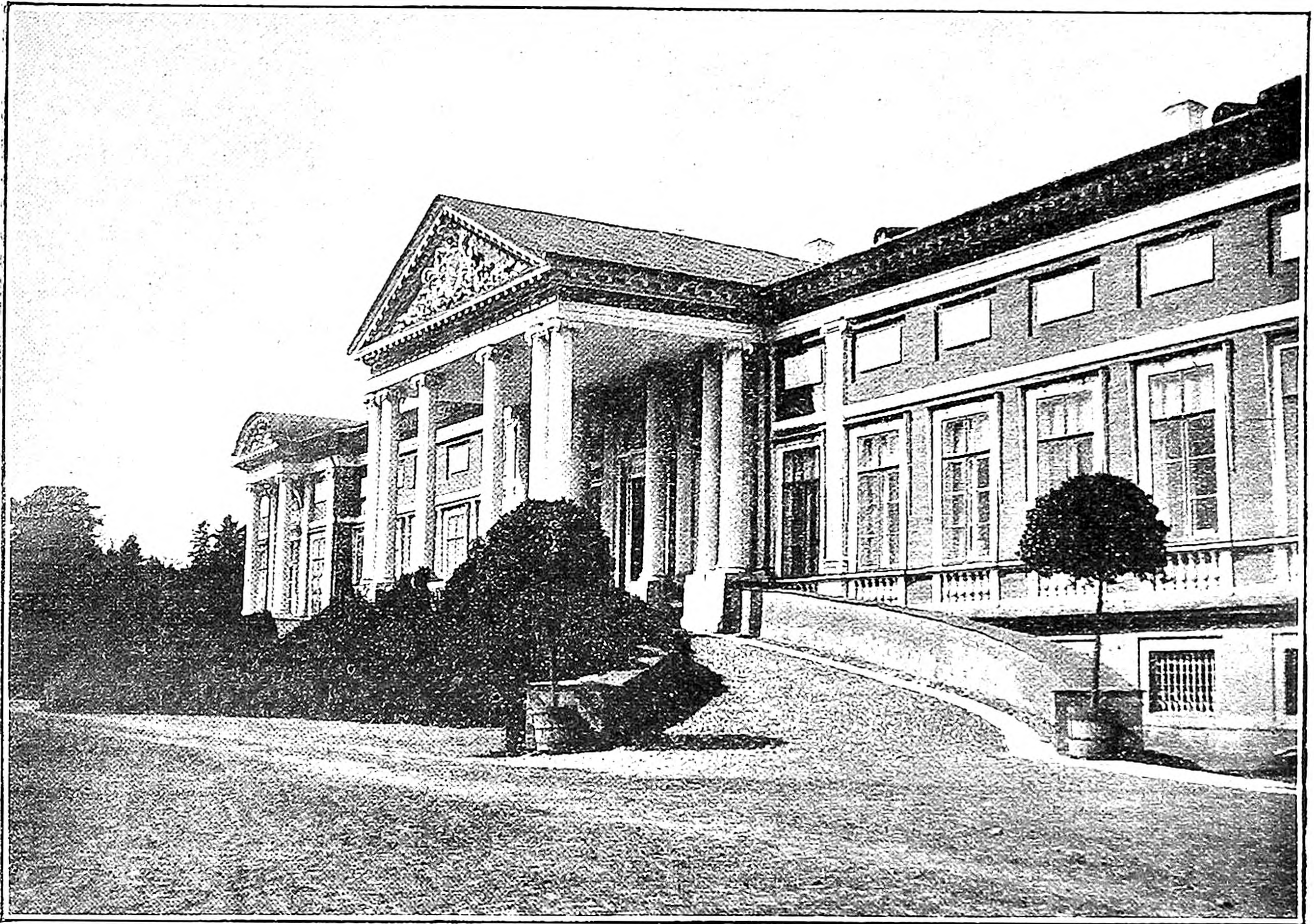

высшаго дворянскаго слоя съ большей опредѣленностью звучитъ стремленіе укрѣпить и оформить значеніе столбового, родового дворянства, какъ землевладѣльческой аристократіи, тяготящейся тою печатью служилаго сословія, которая лежитъ на всемъ благородномъ шляхетствѣ. Только что освобожденное отъ обязательной службы, родовитое дворянство стремится до конца разрывъ между своей сословностью и службой, добиваясь отмены правилъ Петровской „табели о рангахъ“. Оно рѣшительно и настойчиво противопоставляетъ себя выслужившемуся офицерству и чиновничеству. И въ аргументаціи этого противоположенія дворянскіе ораторы рядомъ съ теоретическими доводами вскрываютъ весьма реальные интересы, какъ мотивъ своихъ притязаній. Они требуютъ отмены „права, сравнивающегоъ это сословіе со всякимъ, кто бы какимъ бы то ни было образомъ ни достигъ офицерскаго чина“. Иначе, говорятъ одни, принижается уровень дворянскихъ традицій, которымъ чужды выслужившіеся искательствомъ передъ начальствомъ и исплывшіе дворянство „безъ разсмотрѣнія ихъ поступковъ и мыслей“. Другіе оберегаютъ отъ выходцевъ „изъ подьяческихъ, посадскихъ и прочихъ подобнаго рода людей“ не столько „благородство“ дворянское, сколько землевладѣльческую монополію: новые люди — опасные конкуренты въ области экономическихъ выгодъ, такъ какъ „покупаютъ большія деревни, размножаютъ фабрики и заводы, а черезъ то дѣлаютъ подрывъ природному дворянству въ покупкѣ деревень: когда дворянинъ, занимающійся хлѣбопашествомъ и трудомъ своимъ пріобрѣта деньги, пожелаетъ купить по сосѣдству деревню по цѣнѣ умеренной, то нѣкоторые не изъ дворянъ, имѣя большія суммы, возвышаютъ на нихъ цѣну втрое и болѣе“. Ростъ цѣнъ на землю, несомнѣнно, обострялъ дворянское сословное чувство и ораторы первенствующаго сословія настаивали на устраненіи конкурентовъ, не только тѣхъ, „которые не изъ дворянъ достигнутъ службою штабъ- и оберъ-офицерскихъ чиновъ“, но и владѣльцевъ фабрикъ или заводовъ, пріобрѣтавшихъ имѣнія къ своимъ предпріятіямъ. Но цѣнны были въ то время не столько земли сами по себѣ,

Развлеченіе крестьянъ въ XVIII в. (Winkles).

Жусково. Господскій домъ (съ фотографіи).

сколько земли населенныя, и дворянство отстаиваетъ свою привилегію на крещеную собственность не менѣе горячо, чѣмъ исключительность своихъ землевладѣльческихъ правъ. Спросъ на рабочія руки начинаетъ замѣтно отвлекать крестьянъ изъ крѣпостной деревни въ города и на трудъ промышленный. И дворянство помѣстное стоитъ въ недоумѣніи передъ явными, хотя еще блѣдными, признаками новаго уклада народно-хозяйственной жизни. Они готовы требовать, чтобы не допускалась продажа помѣщиками крѣпостныхъ на фабрики: этимъ отнимаются рабочія руки отъ земли, а „должно всемѣрно стараться о размноженіи земледѣльцевъ“. Изъ всѣхъ ограниченій крѣпостного права на крестьянъ наиболѣе пріемлемымъ въ дворянской средѣ оказывается запрещеніе продавать людей поодиначкѣ безъ земли. Дворянскій ораторъ готовъ устыдиться одной мысли, „чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и поодиначкѣ былъ продаваемъ“. Въ теоріи онъ даже признаетъ, что вольнонаемный трудъ производительнѣе и экономически-выгоднѣе. Но онъ будетъ всѣми силами отстаивать требованіе, чтобы право владѣть крѣпостными оставалось привилегіей родового дворянства, не распространяясь на другія сословія. И все-таки землевладѣльцамъ конца XVIII в. трудно устоять на защитѣ сельскаго хозяйства въ борьбѣ за рабочія руки съ промышленно-

стью и торговлей: имѣнія недостаточно доходны при вѣрности чисто-земледѣльческому хозяйству. Отстраняя другихъ отъ своихъ правъ на крѣпостной трудъ, дворяне сами готовы направить его на новые пути. Самая „сущность“ фабрикъ и заводовъ, по мнѣнію того же дворянскаго депутата, часто свидѣтельствуется о томъ, что естественно заводятся ихъ дворянамъ; напр., „принадлежность минеральныхъ заводовъ, для которыхъ руды роятся въ землѣ и передѣлываются черезъ огонь, не должна ли составлять одно изъ дворянскихъ правъ, ибо владѣніе землею должно принадлежать однимъ дворянамъ“.

А. И. Епбиговъ.

Положеніе дворянства, какъ оно обрисовывается въ преніяхъ комиссіи, — боевое. Оно стремится укрѣпить свою позицію, придать ей больше устойчивости. Рядъ явленій русской жизни своимъ развитіемъ грозитъ пошатнуть обособленность и привилегированность „перваго сословія въ государствѣ“. Необходимо подчеркнуть эту обособленность, обезпечить привилегіи, подвести четкій итогъ всему, что завоевано предыдущимъ развитіемъ, потому что въ двери старины еще нерѣшительно, но весьма ощутительно стучится новая жизнь. Дворянство то пробуетъ отстоять старый укладъ отношеній, то тянется къ новымъ источникамъ силы и богатства. Эта борьба съ усложнившимися условіями жизни вызываетъ въ родовомъ дворянствѣ стремленіе урѣзать права другихъ общественныхъ группъ въ свою

пользу, оттолкнуть ихъ отъ соперничества съ собой въ пріобрѣтеніи житейскихъ преимуществъ. Оно чувствуетъ потребность сплотиться и замкнуться, чтобы сохранить и прочно обезпечить за собою господствующее положеніе.

Сословный эгоизмъ родового дворянства не остался безъ отпора въ преніяхъ комиссіи. Его ораторамъ сторонники выслуги указывали, что „достоинство дворянское не рождается отъ природы, но пріобрѣтается добродѣтелью и заслугами“, что въ составѣ русскаго дворянства большинство „за воинскія дѣла... получило это достоинство“. Оно выросло изъ служилаго класса, и ему ли „пренебрегать служащими какъ по гражданской, такъ и по военной части“? Аристократическую тенденцію эти критики

сводили къ корыстному желанію родовитыхъ людей, „чтобы имъ однимъ и имъ подобнымъ пользоваться дворянствомъ, а прочихъ, какого бы они достоинства, честности и вѣрности своему монарху и отечеству ни были и какихъ бы заслугъ ни оказали, лишить этого преимущества навсегда“. Въ противовѣсъ сословно-аристократическимъ притязаніямъ защитники новаго дворянства выставляли воззрѣніе, что только служба государству есть основа и оправданіе дворянскихъ привилегій. Прозвучало въ преніяхъ даже осужденіе ихъ наследственности, пожеланіе, чтобы сословное преимущество „не доставалось по наследству, но чтобы всякій старался достигать его по заслугамъ“, чтобы потомство, которое „само не возобновитъ своего дворянства“, теряло право на привилегіи. Такъ защищалось офицерство и чиновничество, службой пробившее себѣ дорогу къ дворянскимъ привилегіямъ, противъ притязаній родовитыхъ людей, стремившихся обосновать свое положеніе на иныхъ, не служимыхъ основаніяхъ. Нарождался антагонизмъ между сословностью и бюрократизмомъ, пока лишь въ своеобразной формѣ борьбы двухъ слоевъ внутри дворянскаго сословія. И Наказъ Екатерины съ его воззрѣніемъ на дворянство, какъ на служилую силу, какъ бы предвѣщая попытку монархической власти эмансипироваться отъ служенія сословнымъ интересамъ дворянства, твердо опереться на бюрократическую организацію управленія, и на самый сословный строй дворянства смотрѣть, какъ на административное орудіе правительства.

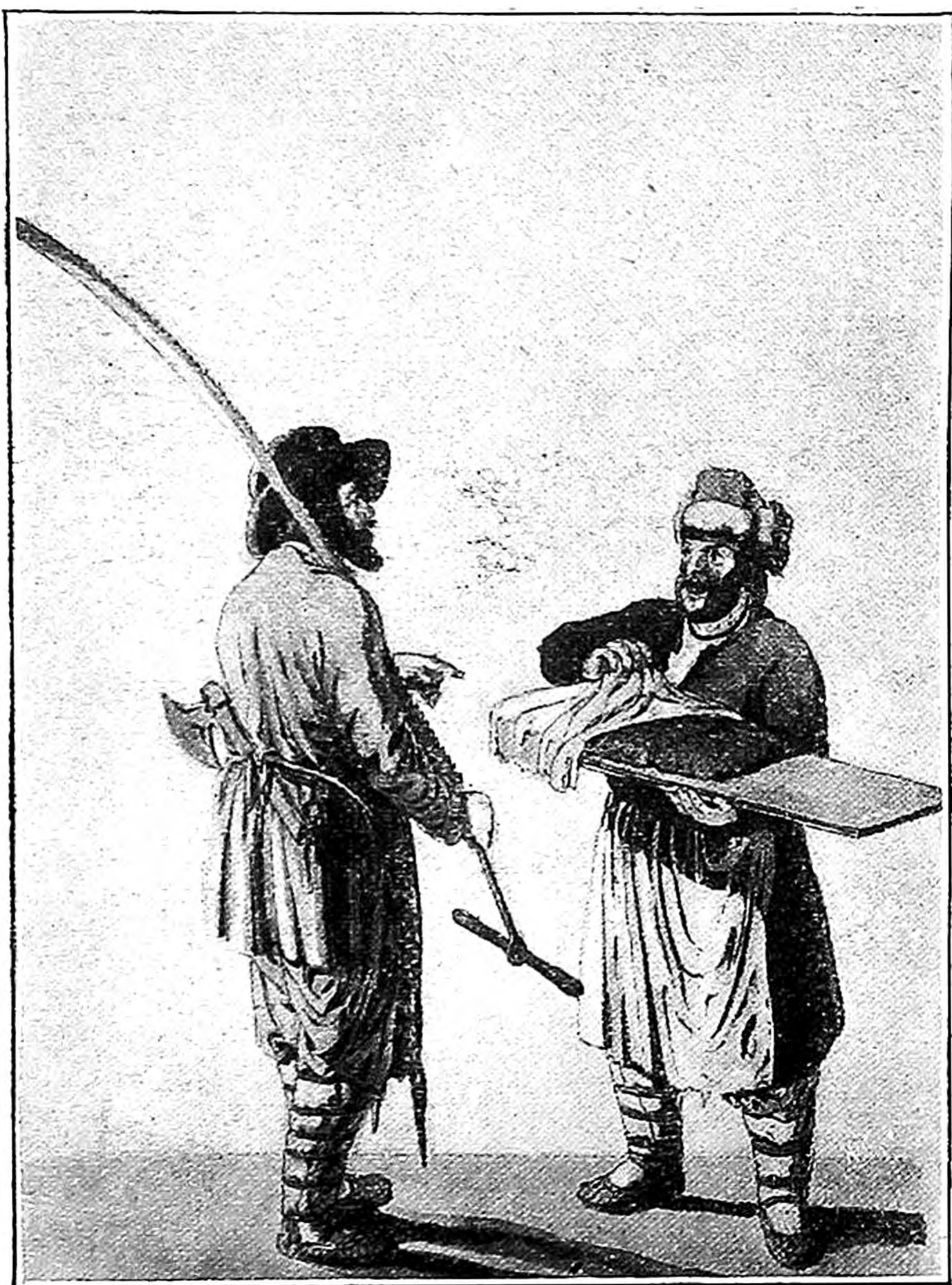

Князь Щербатовъ (портр. де Куртейль).

Не одни выходцы изъ другихъ сословій въ ряду дворянства протестовали противъ исключительныхъ притязаній родовитыхъ группъ. Всѣ разряды свободнаго населенія, представленные въ комиссіи, нападали на дворянскую монополію по части господства надъ рабочими руками и требовали себѣ

права владѣть крѣпостными, заставляя дворянскихъ ораторовъ договариваться до защиты вольнонаемнаго труда и свободной конкуренціи. Зато рѣшительный отпоръ встрѣчали дворянскія попытки приспособиться къ новымъ условіямъ экономической жизни и выйти за предѣлы земледѣльческаго помѣщичьяго хозяйства на путь промышленнаго и торговаго предпринимательства. Одинъ изъ купеческихъ депутатовъ далъ такую мѣткую характеристику крѣпостной фабрики: „Когда купецъ,—говорилъ онъ,—строить фабрику, то все окрестные крестьяне отъ нея удовольствуются, продаютъ лѣсъ, лубья, тесъ

Крестьянинъ въ городѣ (Груберъ и Гейслеръ, 1793).

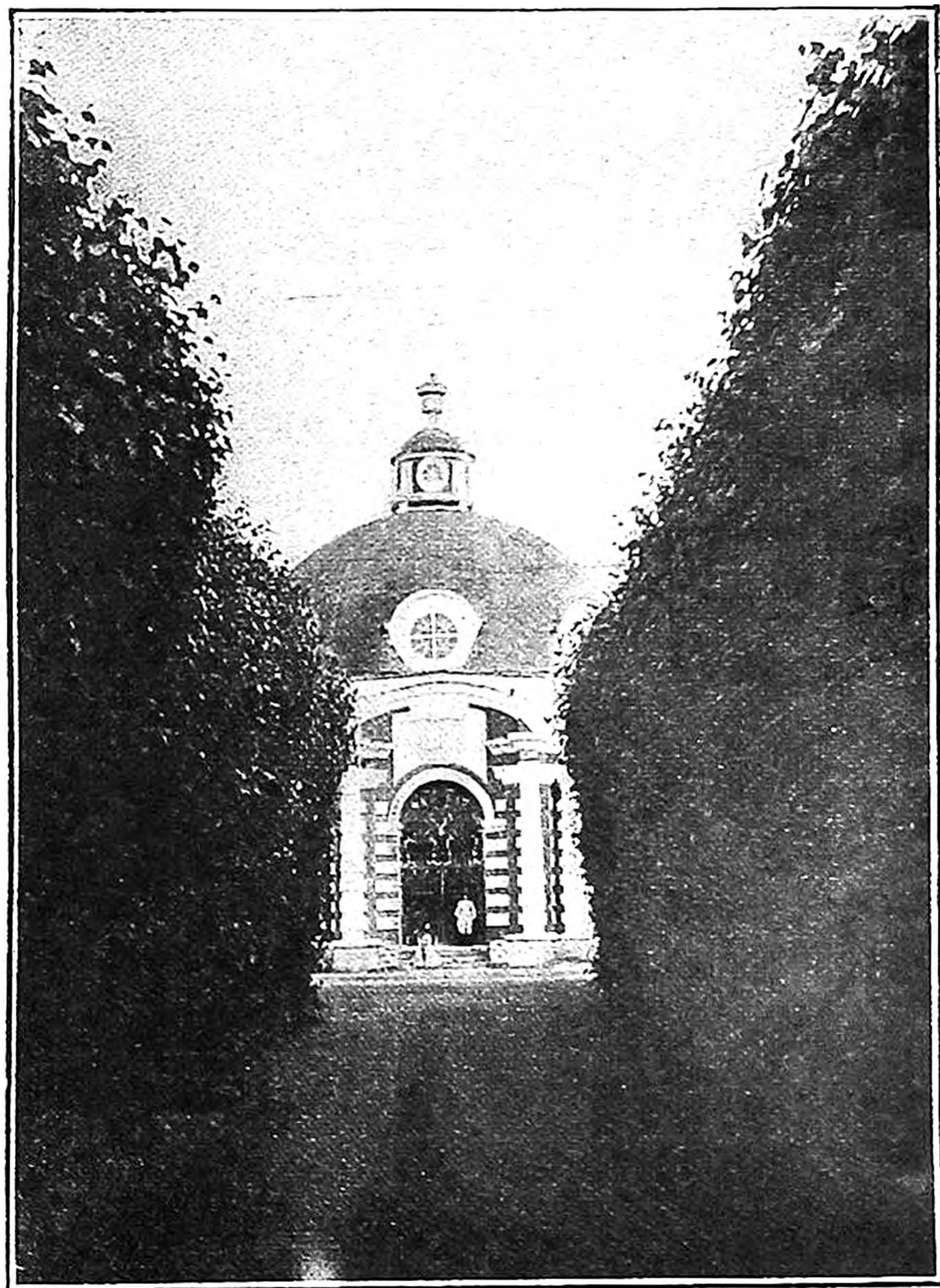
и т. п., нанимаются къ постройкамъ, получая зато большую плату, и тутъ же продаютъ произведенія своей земли, нанимаются для привоза на нее матеріаловъ и развозятъ ея произведенія на продажу; помѣщики, строя фабрику, начинаютъ съ того, что назначаютъ съ cadaго двора привести потребное количество лѣса, лубья, дору и тесу, и всякій крестьянинъ, оставя хлѣбопашество, долженъ съ плачемъ ѣхать и поставить то, что съ него назначено; послѣ того ихъ принуждаютъ строить фабрику безденежно, заставляютъ работать на ней тоже безденежно“; а дѣло идетъ плохо, потому что владѣлецъ „вести фабрику секрета не знаетъ“. А между тѣмъ дворянству „надлежитъ имѣть стараніе о приведеніи въ лучшее состояніе земледѣлія ихъ крестьянъ“.

Тутъ роли мѣнялись. Дворянъ ихъ оппоненты побивали тѣми же доводами, какіе они сами выставляли противъ разрѣшенія купцамъ покупать крѣпостныхъ къ фабрикамъ и заводамъ; это де разоряетъ земледѣліе и создаетъ для крестьянъ худшій, самый тяжелый видъ неволи, изнуряющій ихъ силы. Такъ во взаимныхъ обличеніяхъ представителей противоположныхъ интересовъ выступала темная правда жизни, горькая судьбина поработеннаго крестьянства.

Вопросъ о положеніи крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ возникъ въ комиссіи по поводу обсужденія мѣръ для прекращенія ихъ побѣговъ, когда одинъ изъ городскихъ депутатовъ предложилъ рассмотреть, въ чемъ состоятъ причины непомѣрнаго ихъ развитія, не бываетъ ли имъ „вымогательства из-

лишнихъ и большихъ податей, взысканія всегдашнихъ безпремѣнно работъ, чиненія почасту напрасныхъ побоевъ, необыкновенной строгости и другихъ жестокостей“. Вопросъ не заглохъ, такъ какъ нашелъ поддержку среди депутатовъ не-дворянъ: на защиту крѣпостныхъ выступили два однодворца, Кипенскій и Масловъ, солдатъ Жеребцовъ, черносошный крестьянинъ Чупровъ, но особенно потому, что среди дворянскихъ депутатовъ двое, Коробьинъ и Козельскій, къ великому негодованію собратій, сдѣлали попытку стать на сторону праваго дѣла. Маршалъ Бибииковъ сильно преувеличилъ смыслъ этихъ преній, утверждая въ своихъ запискахъ, будто „нѣкоторые изъ депутатовъ, увлеченные вольнодуміемъ, предлагали уничтоженіе рабства“. О полномъ уничтоженіи крѣпостного права не говорилъ никто. Рѣчь шла только объ ограниченіи помѣщичьей власти и опредѣленіи закономъ отношеній между крестьянами и владѣльцами. Предстатели за крѣпостныхъ имѣли за себя Наказъ императрицы. Крестьянскій депутатъ говорилъ въ духѣ Наказа, настаивая, что „господа-депутаты не на то собраны, чтобы чести себя приписывать“, но для работы надъ общими узаконеніями для всего государства, и „потому, кажется, не должно оставить безъ опредѣленнаго закона помѣщичьихъ крестьянъ“. А Коробьинъ, когда его встрѣтили попыткой зажать ротъ ссылкой на то, что полученный имъ наказъ не даетъ ему полномочій затѣвать крестьянскую реформу, искалъ опоры въ трехъ статьяхъ Наказа, гдѣ говорилось, что желательно „учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“, „предписать помѣщикамъ закономъ, чтобъ они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы“, и что стремленіе держать подданныхъ въ убожествѣ, обременяя ихъ данями, причиняетъ гибель государствамъ. Ссылался онъ и на статью: „не можетъ земледѣльство процвѣтать тутъ, гдѣ никто не имѣетъ ничего собственнаго“. Дѣйствительно, все, что предлагалъ Коробьинъ, можно назвать развитіемъ этихъ неопредѣленныхъ намековъ Наказа. Ко-

Бесѣдка въ Кусковѣ (съ фотогр.).

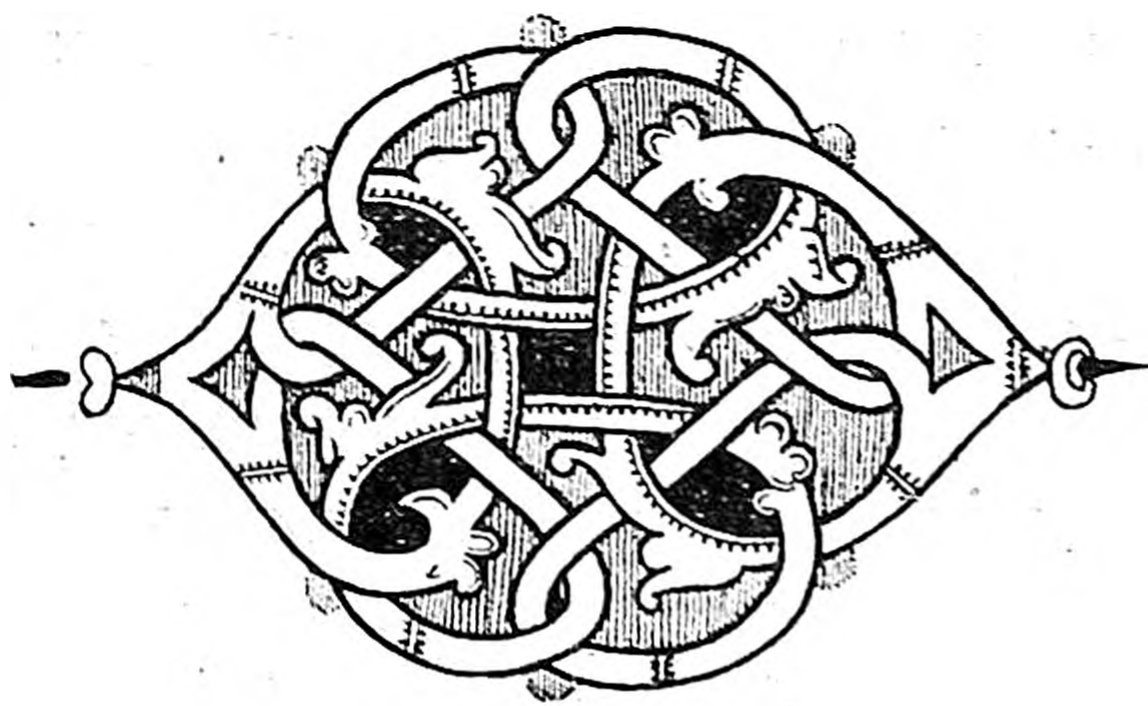
робинъ говорилъ въ комиссіи весьма осторожно, иногда уклончиво и явно не высказывалъ сколько-нибудь полно своихъ мыслей по крестьянскому вопросу. На первый планъ онъ выдвинулъ не личную зависимость крестьянъ, а ихъ имущественное положеніе. Даже подчеркнул, что не возражаетъ противъ помѣщичьей власти „въ разсужденіи правленія“; быть-можетъ, онъ и тутъ считался съ Наказомъ, гдѣ есть такая мысль: „не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“. Настаивалъ Коробинъ только на государственномъ вредѣ такого порядка, при которомъ пріобрѣтаемый трудомъ крестьянскій достатокъ не обезпеченъ отъ уничтоженія помѣщичьимъ произволомъ. Онъ полагалъ необходимымъ обезпечить имущественныя права крестьянъ, установивъ закономъ опредѣленный размѣръ для крестьянскихъ платежей, деньгами или натурой, въ зависимости отъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, а также признать за крестьянами право собственности на имущество, такъ, чтобы они только часть его считали не своимъ, а помѣщичьимъ, а другою располагали бы свободно, независимо. Опредѣленіе и смѣле развилъ ту же точку зрѣнія Козельскій. По его мнѣнію, вопросъ о защитѣ имущественныхъ правъ крестьянъ назрѣлъ потому, что „удрученіе рабства“ принижаетъ крестьянъ, умаляя производительность ихъ труда, а число помѣщиковъ, которые „во вредъ себѣ и обществу разоряютъ своихъ крестьянъ... едва ли не умножается“; отъ его вниманія не ушло усиленіе эксплуатаціи крѣпостныхъ, вызванное общимъ усложненіемъ экономической жизни. Козельскій также настаивалъ на подчиненіи отношеній между крестьянами и помѣщиками законной нормѣ, ссылаясь на то, что „сама верховная власть по самодержавію своему не требуетъ болѣе опредѣленной всякой службы“, а права крестьянъ на движимое и недвижимое имущество опредѣляетъ какъ потомственное владѣніе, „безъ участія помѣщиковъ“. Земли онъ предлагаетъ раздѣлить и отмежевать такъ, чтобы крестьяне, живущіе „за владѣльцами“ въ слободахъ, владѣли „принадлежащими къ тѣмъ слободамъ землями вообще для того, чтобы мужики, почитая тѣ земли за собственный свой удѣлъ, основательнѣе обзаводиться и постояннѣе жить могли“. Въ то же время и Козельскій считаетъ, что власть помѣщика надъ крестьянами надо сохранить, чтобы они, „подъ наблюденіемъ своихъ помѣщиковъ всегда будучи, остались въ прежнемъ страхѣ и почитаніи ихъ, какъ они имъ и крѣпки“. Уничтоженіе этой власти пугало и казалось путемъ къ общей анархіи; не вѣрилось въ возможность замѣнить ее государственной администраціей: „правительство за такую пространною монархіею усмотрѣть не можетъ,—говорили защитники помѣщичьей власти,—нынѣ же дворяне, владѣя своими деревнями, лучшей присмотръ дѣлаютъ“. Едва ли не одинъ однодворецъ Масловъ считалъ своевременнымъ и необходимымъ устранить цѣликомъ помѣщичью власть во всемъ ея составѣ, взявъ, какъ это было сдѣлано съ церковными крестьянами, помѣщичьихъ крѣпостныхъ въ управленіе

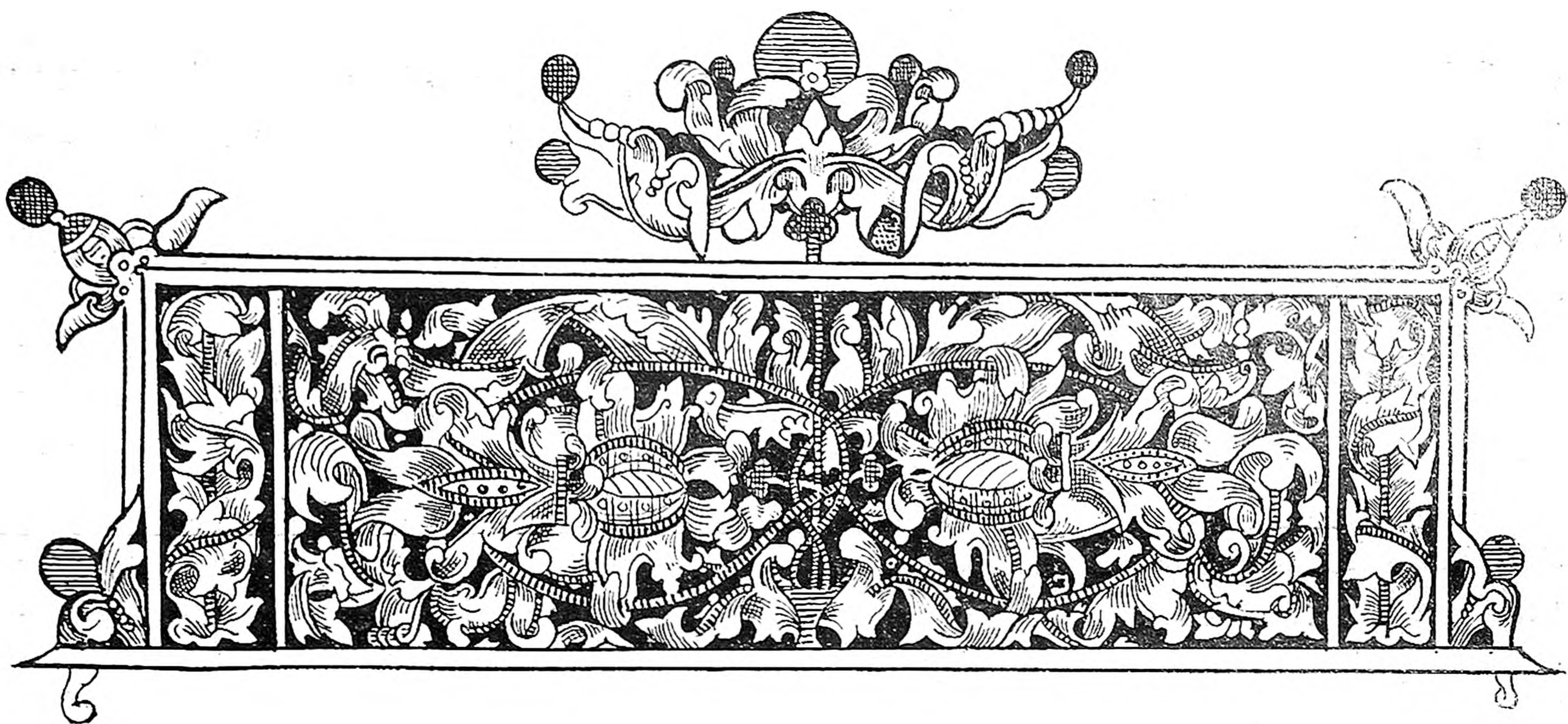
особой правительственной коллегіи съ подчиненными ей правленіями или канцеляріями по уѣздамъ. Эти учрежденія должны были, по его мысли, вѣдать не только всѣ государственные платежи и повинности крестьянъ, но и сборы съ нихъ въ пользу помѣщика, а также весь судъ и расправу по дѣламъ крестьянскаго населенія.

Дворянство, напротивъ, высказалось почти единогласно даже противъ предложенія дозволить помѣщикамъ переводить свои крѣпостныя деревни на право деревень свободныхъ (допустимымъ считалось лишь освобожденіе отдѣльныхъ крестьянъ), а большинство признавало немыслимымъ снять съ крѣпостной массы помѣщичью опеку, ожидая отъ такой мѣры общаго разстройства всего общественнаго порядка и разоренія самого крестьянства. Настроеніе, господствовавшее въ дворянской средѣ, не дало обсужденію крестьянскаго вопроса развиться сколько-нибудь широко. И сама императрица въ 1768 г., намѣчая въ „Начертаніи о приведеніи къ окончанію комиссіи проекта новаго уложенія“ задачу будущихъ законовъ о крестьянахъ, говоритъ о немъ совсѣмъ робко: она готова признать, что существуютъ причины, не позволяющія сдѣлать всѣхъ землевладѣльцевъ свободными, и только спрашиваетъ: „Нѣтъ ли способа найти основаніе, могущее произвести нечувствительное нѣкоторое полезное въ состояніи нижняго рода исправленіе и пресѣчь всякія злоупотребленія, удручающія сихъ полезныхъ членовъ общества?“ Но такого „основанія“ не нашлось. Законодательство Екатерины, руководясь „свѣтомъ и свѣдѣніями“, какіе дала ей комиссія 1767 г., пошло по пути не ограниченія, а углубленія и расширенія крѣпостного права.

А. Пръсняковъ.

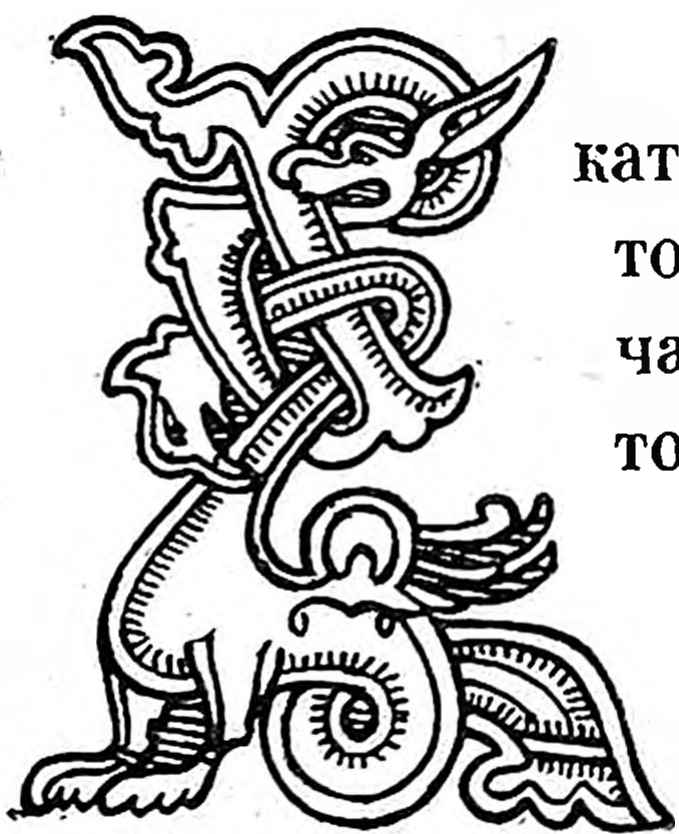

Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени.

Проф. В. И. Семевскаго.

Екатерина II, не рѣшаясь раздражать русское дворянство, которому она была обязана престоломъ, задумала первоначально попробовать улучшить бытъ крестьянъ лишь въ той окраинѣ имперіи, гдѣ помѣщиками являлись не русскіе, а почти исключительно нѣмцы. Не было поэтому случайнымъ явленіемъ, что первая серьезная статья по крестьянскому вопросу при Екатеринѣ II появилась въ печати на нѣмецкомъ языкѣ и посвящена была описанію положенія крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ.

Въ 1764 г. въ историческомъ сборникѣ, издаваемомъ въ Петербургѣ академикомъ Гер. Фрид. Миллеромъ („Sammlung Russischer Geschichte“), была напечатана, безъ имени автора, статья подъ заглавіемъ „Описаніе крѣпостного права въ Лифляндіи, составленное однимъ лифляндскимъ патриотомъ“. Авторомъ ея былъ пасторъ Эйзенъ, уже давно занимавшійся крестьянскимъ вопросомъ и еще при Петрѣ III представившій государю записку объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ. Хотя онъ справедливо утверждалъ, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ въ остальной Россіи (т.-е. въ Велико-россіи, гдѣ была очень развита оброчная система) было благопріятнѣе, чѣмъ въ Лифляндіи, русскіе читатели его статьи могли найти сходныя черты въ бытѣ русскихъ и лифляндскихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Самымъ важнымъ

зломъ въ жизни крестьянина въ Лифляндіи авторъ считалъ то, что онъ не имѣетъ права собственности не только на недвижимое, но и на движимое имущество. Господинъ могъ лишить его земли, могъ взять изъ его пожитковъ все, что ему угодно, и тотъ не имѣлъ права жаловаться на это суду. Помѣщики, по словамъ Эйзена, такъ обременяли крестьянъ работою, что они не успѣвали во-время ни сжать свой хлѣбъ, ни убрать сѣно; они могли продавать крестьянъ не только цѣлыми семьями, но и поодиначкѣ; они подвергали ихъ суровымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, и крестьяне обыкновенно не рѣшались жаловаться, если господинъ превышалъ размѣръ кары, опредѣленный закономъ. Авторъ указывалъ на невыгодность крѣпостного труда и предлагалъ замѣнить барщину денежнымъ оброкомъ, который даетъ возможность помѣщику нанимать рабочихъ; кромѣ того, крестьяне должны получить въ наслѣдственное пользованіе столько земли, сколько могутъ обработать. Онъ совѣтовалъ правительству и помѣщикамъ испробовать эти мѣры и выражаетъ увѣренность, что они скоро признаютъ ихъ полезность.

Редакторъ сборника въ концѣ статьи прибавилъ выраженіе надежды, что со временемъ совершенно исчезнетъ предрасудокъ, будто бы важнѣйшее преимущество дворянства должно состоять во владѣніи крѣпостными крестьянами. Эта надежда подкрѣплялась указаніемъ на то, что „многія европейскія государства опередили насъ на нѣсколько столѣтій въ уничтоженіи крѣпостного права, и насколько извѣстно, нигдѣ въ этомъ не раскаялись“. Статья эта была извѣстна имп. Екатеринѣ II и какъ бы заранѣе оправдывала тѣ предложенія, которыя въ 1765 г. сдѣлало русское правительство лифляндскому ландтагу относительно улучшенія быта тамошнихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ какъ пасторъ Эйзенъ имѣлъ въ 1764 г. аудіенцію у императрицы, а съ 1765 г. подготовлялъ измѣненіе положенія крестьянъ¹⁾ въ Ропшѣ, имѣніи гр. Григорія Орлова, то, вѣроятно, его статья читалась петербургскимъ обществомъ.

Въ томъ же 1764 г., когда былъ изданъ сборникъ Миллера, появилась книга преподавателя сухопутнаго шляхетнаго корпуса Золотницкаго „Сокращеніе естественнаго права, выбранное изъ разныхъ авторовъ для пользы російскаго общества“. Въ „натуральномъ состояніи“ то „совершенное домашнее подданство“, при которомъ человѣкъ „во всемъ“ обязанъ своему господину „вѣчною службою“, такъ что и потомство его отъ нея не освобождается, авторъ производитъ изъ договора между господиномъ и рабомъ; по его мнѣнію, господинъ имѣетъ право понуждать рабовъ ко всему, что не превышаетъ ихъ силъ „и не соединено бы было съ особливимъ ихъ разореніемъ“, которое „законъ натуральный запрещаетъ, представляя во уваженіе общее всѣмъ равенство въ разсужденіи человѣчества“. Слѣдовательно, Золотницкій протек-

¹⁾ Раздачу имъ земель въ наслѣдственное пользованіе съ опредѣленіемъ размѣра оброка. Предположенія эти не осуществились.

стуетъ только противъ „особливаго разоренія рабовъ“ и умалчиваетъ о мнѣнїи Пуффендорфа, что въ тѣхъ случаяхъ, когда рабами дѣлаются по влѣдствіе войны, а въ силу договора о пропитанїи, естественная справедливость и уваженіе къ свободѣ скорѣе заставляютъ предполагать, что съ прокормленіемъ родителей связано и пропитаніе дѣтей, а потому послѣднїя должны считаться свободными. Вообще, по мнѣнїю Пуффендорфа, человеколюбіе всегда благопрїятствуетъ свободѣ потомковъ. Такимъ образомъ болѣе полное

Екатерина II (раб. Торелли).

изученіе естественнаго права, которое преподавалось не только въ сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ, но и въ московскомъ университетѣ, и съ которымъ можно было познакомиться и по русскимъ печатнымъ и рукописнымъ переводамъ сочиненїи Пуффендорфа, должно было содѣйствовать возникновенію мысли о необходимости не только смягченія крѣпостнаго права, но даже постепенно и совершеннаго его уничтоженія.

Неизмѣримо болѣе важное значеніе въ литературѣ Екатерининскаго времени по крестьянскому вопросу, чѣмъ статья Эйзена и книга Золотницкаго, имѣло опубликованіе Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ 1766 г. (по негласной инициативѣ самой императрицы Екатерины II) задачи на премїи (въ 100 червонцевъ и двѣ медали) за рѣшеніе вопроса: „Что полезнѣе

для общества, — чтобы крестьянинъ имѣлъ въ собственности землю или только движимое имѣніе, и сколь далеко его права на то или другое имѣніе простирались должны?“ Въ петербургскомъ обществѣ было, конечно, хорошо извѣстно, кто прислалъ 1.000 червонцевъ на раздачу наградъ за рѣшеніе объявляемыхъ задачъ, плату переводчикамъ и проч. Еще важнѣе было появленіе въ печати въ 1767 г. Наказа комиссіи для сочиненія новаго уложенія, въ которомъ и послѣ сокращенія главы, посвященной крестьянскому вопросу, подъ вліяніемъ лицъ, окружавшихъ тогда имп. Екатерину, все же уцѣ-

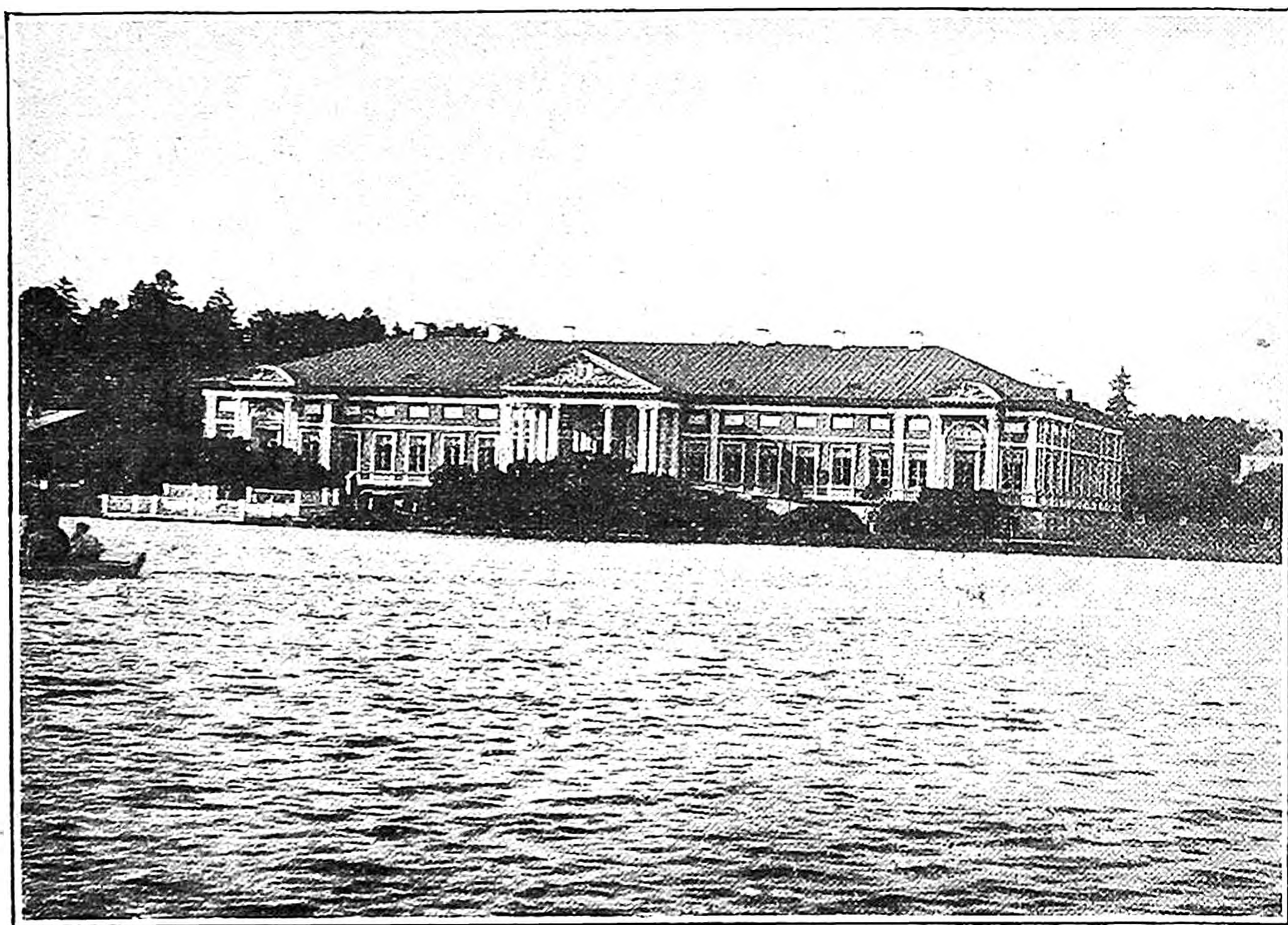
лѣли указанія на необходимость нѣкоторыхъ мѣръ относительно крѣпостныхъ крестьянъ, а именно, предписанія помѣщикамъ, чтобы они брали болѣе умеренный оброкъ, наказанія тѣхъ изъ нихъ, которые мучатъ своихъ крѣпостныхъ, предоставленія послѣднимъ правъ на имущество и свободы жениться по своему усмотрѣнiю.

Въ 1768 г. Вольное Экономическое Общество издало увѣнчанный главною преміею отвѣтъ на задачу о собственности крестьянъ француза Беарде-де-Лабея вмѣстѣ съ тремя сочиненіями, признанными болѣе близкими по достоинству къ премированной статьѣ (всего двѣ статьи на французскомъ языкѣ и двѣ на нѣмецкомъ ¹⁾). Беарде-де-Лабей, послѣ подготовительныхъ мѣръ съ цѣлью сдѣлать крестьянъ достойными свободы, совѣтовалъ даровать имъ личное освобожденіе и право собственности на движимое имущество; завершеніемъ же дѣла считалъ надѣленіе крестьянина маленькимъ клочкомъ земли въ собственность, не обезпечивающимъ вполне его существованія, и при которомъ онъ вынужденъ былъ бы брать въ аренду землю помѣщика. Другой отвѣтъ на французскомъ языкѣ былъ написанъ противникомъ фізіократовъ Грасленомъ, который считалъ совершеннымъ извращеніемъ естественнаго порядка вещей какъ рабство, такъ и то, что правомъ собственности на землю пользуются люди, не занимающіеся ея обработкою. Вотъ основное положеніе теоретической части его разсужденія: „Общественное благо требуетъ, чтобы земля была собственностью единственно и исключительно тѣхъ, кто ее воздѣлываетъ“. Если нельзя еще думать объ измѣненіи устройства общества согласно этому принципу, если нельзя отдать землю однимъ земледѣльцамъ, то не слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, лишать ихъ права на поземельную собственность, такъ какъ это было бы большимъ ущербомъ для общества. Авторъ отвѣта на нѣмецкомъ языкѣ, Вельнеръ, предлагаетъ, чтобы помѣщики дали Вольному Экономическому Обществу полномочіе составить, съ разрѣшенія государыни, законъ, по которому, съ согласія всѣхъ землевладѣльцевъ (?), земля должна была быть передана крестьянину въ „собственность“ и обезпечено ему спокойное пользованіе ею, пока онъ надлежащимъ образомъ ее обрабатываетъ. Но онъ долженъ остаться въ подданствѣ и послушаніи господину и нести за нее платежи во вдвое большемъ размѣрѣ. Авторъ четвертаго печатнаго отвѣта (на нѣмецкомъ языкѣ), лифляндскій дворянинъ фонъ-Мекъ, предлагаетъ помѣщикамъ раздать лучшимъ и зажиточнѣйшимъ крестьянамъ землю въ „собственность“ подъ условіемъ отбыванія за нее разъ навсегда опредѣленной работы съ тѣмъ, чтобы участокъ не могъ быть отдѣленъ отъ всего имѣнія и чтобы обрабатывающій его крестьянинъ не могъ его покинуть. Очевидно, авторы нѣмецкихъ отвѣтовъ подъ правомъ „собственности“ на землю разумѣли лишь постоянное пользованіе ею на извѣстныхъ условіяхъ.

¹⁾ Русскій переводъ сочиненія Беарде-де-Лабея былъ напечатанъ, кромѣ того, въ «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества».

И объявленіе задачи Вольнаго Экономическаго Общества о правѣ собственности крестьянъ, и либеральные параграфы Наказа о крестьянскомъ вопросѣ до извѣстной степени развязывали въ этомъ дѣлѣ руки писателямъ и показывали, что они могутъ говорить въ печати на эту тему. Въ высшихъ сферахъ въ первые годы царствованія Екатерины II неблагопріятно относились къ злоупотребленіямъ крѣпостнымъ правомъ, какъ это видно и изъ того, что А. П. Сумароковъ (старавшійся въ возраженіяхъ на Наказъ, представленныхъ императрицѣ, изобразить положеніе крѣпостныхъ въ радужномъ свѣтѣ, а также явившійся энергическимъ защитникомъ крѣпостного права въ письмѣ въ Вольное Экономическое Общество по поводу объявленной имъ

К у с к о в о .

задачи) въ одномъ изъ „хоровъ“, написанныхъ имъ къ большому маскараду въ Москвѣ (1763 г.), сравнивая заграничные порядки съ нашими, говоритъ:

«Со крестьянъ тамъ кожи не сдирають,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ».

Крѣпостное право Сумароковъ обличалъ и въ нѣкоторыхъ сатирахъ и притчахъ.

Писатели успѣли воспользоваться возможностью обличать главное зло тогдашней русской жизни. Самую важную роль сыграли въ этомъ отношеніи въ первую половину царствованія Екатерины II сатирическіе журналы. Даже во „Всякой Всячинѣ“ (1769 г.), которую издавалъ секретарь Екатерины II

Козицкій при участіи въ журналѣ самой государыни, встрѣчаемъ упоминаніе о ежедневномъ наказаніи господиномъ своихъ людей на конюшнѣ. „Адская Почта“ Эмина (1769 г.) указываетъ на разныя уловки, съ помощію которыхъ обходили запрещеніе торговли людьми во время рекрутскаго набора. Но наиболѣе тяжелые удары крѣпостному праву были нанесены двумя журналами, издаваемыми Н. И. Новиковымъ. Въ его „Живописецъ“ (1772 г.) было указано на то, что нѣкоторые помѣщики заставляютъ сначала убрать весь господскій хлѣбъ и только тогда позволяютъ крестьянамъ приняться за свою работу, другіе требуютъ отъ нихъ по пяти дней барщины въ недѣлю. „Трутень“ Новикова обличаетъ съѣденіе недоимщиковъ и скрытую торговлю рекрутами. „Живописецъ“ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что результатомъ крѣпостнаго права являлась народная нищета. „Бѣдность и рабство, — говоритъ авторъ статьи „Отрывокъ путешествія“, — повсюду встрѣчались со мною въ образѣ крестьянъ“. Описавъ далѣе плохія жилища крестьянъ, малое количество у нихъ скота, дурной урожай хлѣба, онъ говоритъ, что вездѣ спрашивалъ „о причинахъ бѣдности крестьянской и, слушая ихъ отвѣты, всегда находилъ, что помѣщики ихъ сами были тому виною“. Издатель журнала, защищая его отъ нападокъ крѣпостниковъ, указывалъ и на вредъ для всего государства отъ „худого раченія“ помѣщиковъ о своихъ крестьянахъ, на то, что слѣдствіемъ этого являются недоимки въ податяхъ, бѣдность народа, неурожаи хлѣба. Но всѣ эти объясненія мало помогали, и приходилось исключать изъ статей о крестьянскомъ вопросѣ нѣкоторыя мѣста, а затѣмъ и надолго замолкнуть. Сатирическіе журналы, издававшіеся въ первой половинѣ царствованія Екатерины II, не пережили пугачевщины.

Отвѣты на задачу Вольнаго Экономическаго Общества о правѣ собственности крестьянъ, написанные на иностранныхъ языкахъ и одобренные обществомъ, были напечатаны, кромѣ сочиненія Беарде-де-Лабей, только въ подлинникахъ. Но въ 1772 г. появился русскій переводъ перваго тома обширнаго сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго ученаго, энергично нападавшаго на

А. П. Сумароковъ (раб. Аѳанасьева).

крѣпостное право: это былъ трудъ Юсти „Основаніе силы и благосостоянія царствъ или подробное начертаніе всѣхъ знаній, касающихся до государственнаго благочинія“¹⁾. Къ сожалѣнію, переводъ не всегда удачно передаетъ подлинникъ. Авторъ считаетъ „великою погрѣшностію“ то, „когда крестьяне не имѣютъ собственныхъ земель“; это вредно для государства. „Пока крестьяне не будутъ совершенно владѣть населяемыми ими землями“, у нихъ не будетъ сильнаго побужденія къ лучшей ихъ обработкѣ, такъ какъ они должны всегда опасаться, что сами они или ихъ дѣти будутъ лишены

Н. И. Новиковъ (съ портр. Левицкаго).

земли владѣльцемъ села или деревни²⁾. Здѣсь, слѣдовательно, дѣло идетъ о предоставленіи крестьянамъ земли въ наследственное пользованіе за опредѣленныя повинности. Но Юсти не находитъ возможнымъ настаивать на рѣшеніи крестьянскаго вопроса законодательнымъ путемъ: по его мнѣнію, „встрѣтились бы... великія препятствія въ такомъ случаѣ, когда вздумали бы требовать отъ нынѣшнихъ помѣщиковъ, дабы они дачи свои уступили мужикамъ въ

вѣчное владѣніе: ибо какъ скоро наложили бы они на свои помѣстья высокую цѣну и предъявили бы, что никто къ покупкѣ оныхъ не является, то правленію едва ли бы можно было безъ крайне само-

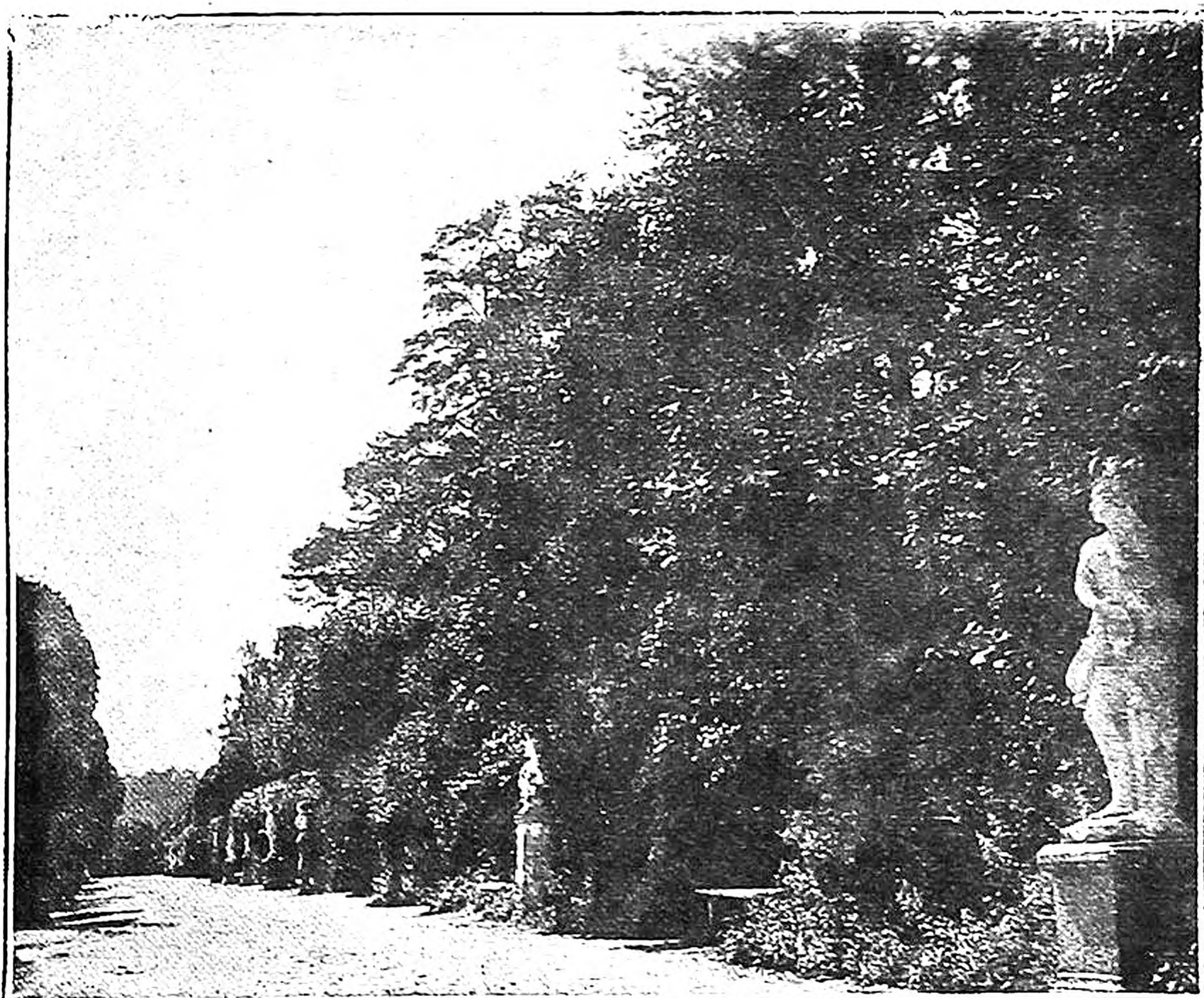
¹⁾ Нѣмецкій оригиналъ появился въ 1760 г.

²⁾ «Крѣпости на людей (Leibeigenschaft),—продолжаетъ Юсти,—суть уже сами по себѣ столь несправедливы и такъ противны свойству и существу царствъ (eines Staats), что превеликаго удивленія достойно, какъ могутъ они быть еще въ употребленіи въ такія, какъ нынѣшнія, просвѣщенныя времена. Свобода мѣщанъ (des Bürgers) и всѣхъ членовъ государства есть, такъ сказать, первое существенное свойство всѣхъ гражданскихъ строителей (Verfassungen), и потому тѣ державы, гдѣ одинъ родъ людей раболѣпствуетъ другому или находится у него въ подданствѣ, имѣютъ такое чудное (т.-е. безобразное, monströse) установленіе, которое могло начало свое получить только въ самыя непросвѣщеннѣйшія времена, на коего благонравные и разумные люди (Zeiten) безъ посрамленія себя не могутъ оставить на прежнемъ основаніи». Отсутствіе свободы крестьянъ вредно и для самихъ

вольнаго покушенія на собственность владѣльцевъ приступить впредь къ другимъ мѣрамъ“. Авторъ предпочитаетъ воздѣйствовать въ этомъ отношеніи посредствомъ повышения налоговъ: пусть верховная власть возвыситъ подать „со всѣхъ такихъ крестьянскихъ дачъ“, гдѣ не живутъ сами помѣщики, и узаконитъ, чтобы окладъ этотъ платили не крѣпостные люди и не мужики, берущіе въ оброкъ земли у своихъ господъ, но самъ помѣщикъ изъ своихъ доходовъ, и „скорѣ всѣ крестьянскія дачи припишутся въ вѣчное владѣніе (eigenthümlich) самимъ мужикамъ“. Юсти—сторонникъ мелкаго землевладѣнія и предлагаетъ содѣйствовать его развитію увеличеніемъ обложенія земли не пропорціонально увеличенію ея размѣра, а введеніемъ прогрессивнаго налога. Но онъ утверждаетъ, что области, гдѣ крестьяне крѣпостные или берутъ пашни въ оброкъ у дворянъ, неизмѣримо далеки „отъ прамыя устройки“ (Cultur) и, пока не перемѣнятъ своего состоянія, не могутъ достигнуть „совершенства сельскаго домостроительства“. Правительство должно стараться сдѣлать крестьянъ „собственниками“ обрабатываемыхъ ими земель.

На ряду съ либеральными мнѣніями въ русской оригинальной и переводной печати Екатерининскаго времени по крестьянскому вопросу высказывались также и консервативныя. Въ 1768 г. вышло въ свѣтъ изданіе „Судебника“, приготовленное къ печати извѣстнымъ историкомъ В. Н. Татищевымъ, умершимъ въ 1750 г. Въ одномъ изъ примѣчаній къ „Судебнику“ Татищевъ признаетъ полезность личной свободы,—свободы перехода крестьянъ для современной ему Европы и для

Кусково. Паркъ.

«владѣльцевъ мужичьихъ дачъ», такъ какъ они получаютъ отъ нихъ весьма малый доходъ, а крестьяне не могутъ «наилучшимъ образомъ пользоваться землями. Помѣщики не потерпѣли бы никакого убытка и отъ того, если бы уступили имъ свои дачи въ вѣчное владѣніе (vollkommenes Eigenthum), а получаемые отъ оныхъ малые доходы предоставили бы себѣ яко поголовный оброкъ или окладъ (наслѣдственный ежегодный оброкъ, jährlicher Erbzius), ибо мужики могли бы, сверхъ того, исправлять и боярскія работы такъ, какъ водится въ Саксоніи и другихъ областяхъ, гдѣ они имѣютъ полную власть надъ своимъ недвижимымъ имѣніемъ».

Россіи XVI вѣка, но для Россіи своего времени считаетъ невозможнымъ уничтоженіе у насъ крѣпостного права: „Вольность крестьянъ и холопей... съ нашею формою правленія монаршескаго не согласуется, и вкоренявшійся обычай неволи перемѣнить не безопасно“.

Въ „Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества“ (1770—71 гг.) появились иногда и прямо крѣпостническія заявленія по крестьянскому вопросу¹⁾. Членъ Общества Клингштетъ въ своей статьѣ говоритъ: „Вольность и собственное владѣніе имѣніемъ своимъ должно, безъ сомнѣнія, почитать наисильнѣйшимъ поощреніемъ человѣческаго труда. Но когда въ самое то жъ время

Типъ крестьянки (Gruber).

взирать на бѣдственное состояніе столь многихъ чухонскихъ и украинскихъ жителей, хотя они и всѣ люди вольные, то признаться должно, что вольность тѣмъ людямъ, которые ею по надлежащему не умѣютъ пользоваться, больше бываетъ вредною, нежели полезною, и что одна только вольность не въ силахъ препятствовать лѣности и предупредить происходящую отъ ней бѣдность“. Впрочемъ, консервативныя мнѣнія по крестьянскому вопросу были въ первую половину царствованія Екатерины II довольно рѣдкимъ явленіемъ въ печати.

Во вторую половину ея царствованія крѣпостное право рѣдко обличается въ журналистикѣ съ тою силою, какъ это дѣлалось въ „Трутнѣ“ и „Живописцѣ“. Въ „Вечерней Зарѣ“, издаваемой также Новиковымъ (1782 г.), пред-

ставленъ въ одномъ стихотвореніи баринъ, который бранить и бьетъ слугу и въ то же время думаетъ, что тотъ долженъ быть доволенъ своею судьбою, такъ какъ его кормятъ и одѣваютъ; выраженіе же дворовымъ протеста противъ дурного съ нимъ обращенія ведетъ къ наказанію его на конюшнѣ. Въ другомъ стихотвореніи того же журнала авторъ указываетъ, что тогдашніе вольтеріанцы способны были, разоривъ крестьянъ, продать или заложить ихъ,

¹⁾ Такъ, авторъ статьи объ управленіи помѣщичьими вотчинами въ отсутствіи господина говоритъ: «Прежде всего надлежитъ стараться, чтобъ земледѣльцы и бобыли о своихъ дѣлахъ разсуждали такъ, что они не для одной только собственной своей пользы упражняются въ земледѣліи... но тѣмъ обязаны служить, во-первыхъ, государю, потомъ помѣщику и всему обществу и быть непрекословными данниками, не воображая никакихъ въ своемъ званіи невозможныхъ случаевъ».

а деньги проиграть въ карты. Въ другомъ изданіи Новикова „Покоющійся Трудолюбець“ (1785 г.) было напечатано стихотвореніе „Письмо къ другу“, принадлежащее перу женщины, гдѣ авторъ говоритъ о крайне утомительной работѣ крѣпостныхъ для ихъ праздныхъ господъ. Въ эпиграммѣ „Боярская щедрость“ рѣчь идетъ о томъ, какъ господинъ хочетъ полтиной вознаграждать слугу, котораго онъ постоянно наказывалъ плетьюми, и который, несмотря на то, спасъ ему жизнь. Въ стихотвореніи „Жадность къ богатству“ сребролюбіе побуждаетъ господина „рабовъ работой угнетать“ и драть оброкъ съ крестьянъ.

Въ журналѣ „Бесѣдующій Гражданинъ“ (1789 г.), который издавало въ Петербургѣ общество „Друзей словесныхъ наукъ“, было напечатано „Завѣщаніе уѣзднаго дворянина своимъ дѣтямъ“, гдѣ отецъ даетъ имъ такія наставленія объ отношеніи къ крѣпостнымъ: „Сихъ душъ не почитайте вы подлыми: онѣ кормятъ благородныхъ. Все учреждайте къ ихъ благосостоянію... Многіе нынѣ изъ дворянъ, грабя своихъ крестьянъ, пресыщаютъ собакъ“. Одинъ помѣщикъ „почти до смерти засѣкъ было“ своего повара за то, что тотъ нечаянно обварилъ его любимую гончую. Авторъ завѣщанія оставляетъ своимъ дѣтямъ въ наслѣдство деревни лишь подъ условіемъ, что они не станутъ мучить своихъ крестьянъ, будутъ брать съ нихъ умѣренный оброкъ, во время набора ставятъ рекрута не иначе, какъ по жребію, и не присвоятъ себѣ небольшого капитала, назначеннаго для помощи крестьянамъ въ ихъ промыслахъ¹⁾.

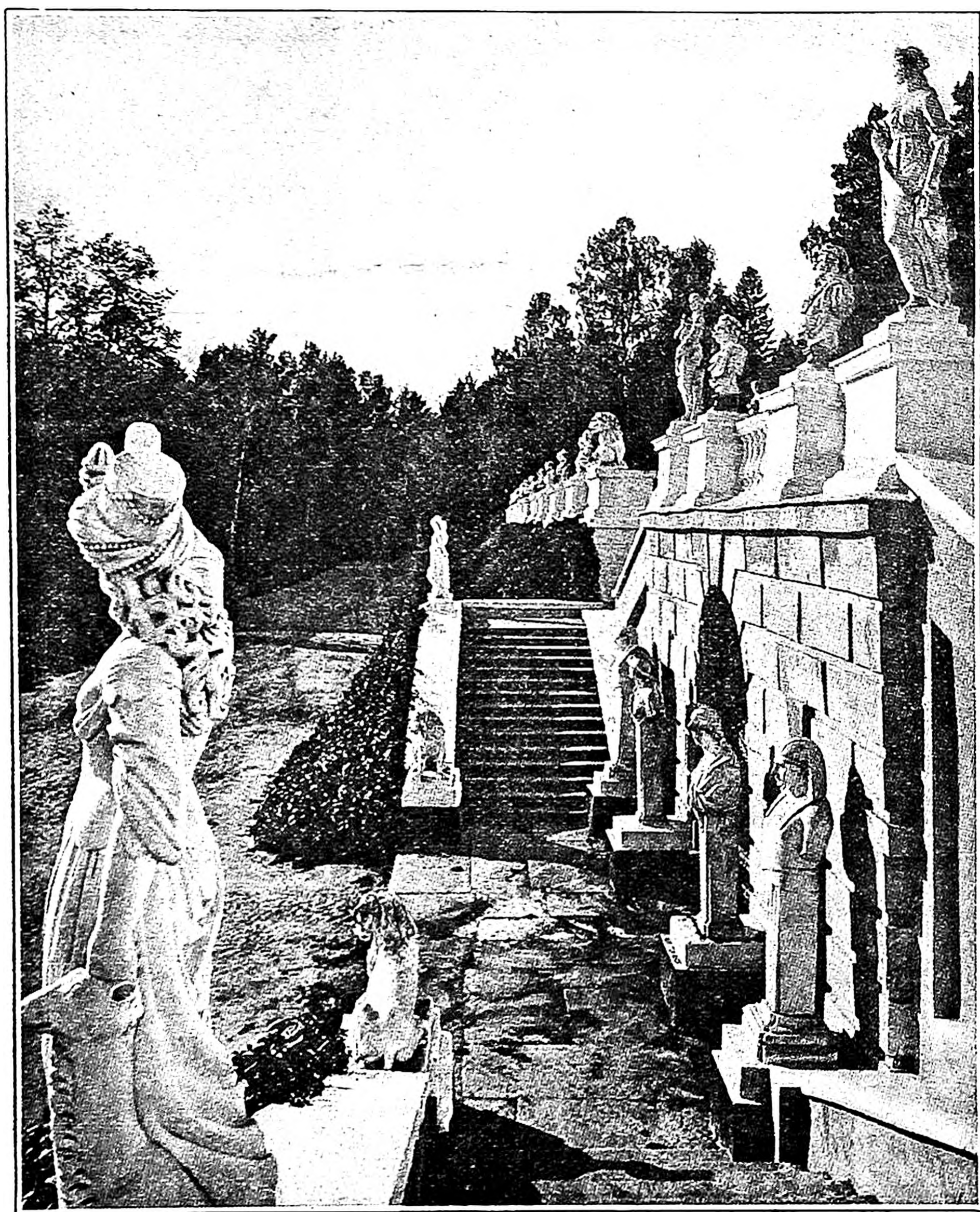
Въ журналѣ „Сатирической Вѣстникъ“, издаваемомъ въ Москвѣ Страховымъ (1790—92 г.), авторъ письма изъ города М. сообщаетъ, что тамъ на 5.000 жителей-дворянъ находится „болѣе нежели до 100.000 чел. парикмахеровъ, поваровъ, камердинеровъ, слугъ и служанокъ, которыхъ господа „питаютъ и одѣваютъ богато на счетъ глада и наготы несчастныхъ и грабимыхъ ими земледѣльцевъ“. Въ другомъ письмѣ рѣчь идетъ о помѣщикѣ, который сумѣлъ побоями довести крестьянъ до того, что, несмотря на всѣ его притѣсненія, они повторяютъ: „Много довольны и пожалованы“. Тотъ же журналъ обличаетъ продажу крестьянъ въ рекруты. Мотъ продаетъ крестьянина и собираетъ съ имѣнія оброкъ за пять лѣтъ впередъ.

Крестьянскій вопросъ затрогивали и журналы, издававшіеся въ провинціальныхъ городахъ. Такъ, въ „Уединенномъ Пошехонцѣ“, выходившемъ въ свѣтъ въ Ярославлѣ, было указано (1786 г.) на необходимость измѣненія положенія крестьянъ ради улучшенія земледѣлія: „Гдѣ народъ, — говоритъ авторъ статьи „О земледѣліи и земледѣльцѣ“ (быть-можетъ, подъ вліяніемъ книги Юсти), — держимъ въ своемъ отечествѣ собственностью и безопаснымъ имѣніемъ своихъ владѣній и доходовъ, тамъ земли суть въ наилучшемъ со-

¹⁾ Мы увидимъ далѣе, что въ «Бесѣдующемъ Гражданинѣ» принялъ участіе А. Н. Радищевъ.

стояніи. Когда не будутъ давать преимуществъ однимъ городамъ, селамъ же рабство, тогда увидятъ каждаго владѣльца, восхищающагося наслѣдіемъ предковъ своихъ“. Даже въ журналѣ, издававшемся въ Tobольскѣ на средства приказа общественнаго призрѣнія подъ заглавіемъ: „Иртышъ, превращающійся въ Инокрену“, находимъ весьма сильное нападеніе на злоупотребленія

Архангельское. Имѣніе Юсуповыхъ.

крѣпостнымъ правомъ, хотя въ Сибири было очень мало крѣпостныхъ. Здѣсь помещена (въ 1790 г.) довольно тяжеловѣсная по формѣ „Сатира на жестокости нѣкоторыхъ дворянъ къ ихъ подданнымъ“ Пв. Бахт. (Бахтина): одинъ плохо кормитъ и одѣваетъ своихъ слугъ, другой пещадно сѣчетъ крѣпостныхъ, и крестьяне его питаются иногда мякиною вмѣсто хлѣба. Авторъ ¹⁾ выражаетъ надежду, что „сила просвѣщенія“ значительно уменьшитъ число такихъ „уродовъ“.

Весьма значительныя вылазки противъ крѣпостнаго права были сдѣланы И. А. Крыловымъ въ издаваемыхъ имъ тогда журналахъ.

Въ „Почтѣ Духовъ“ (1789 г.) онъ изображаетъ помѣщика, который по случаю своей женитьбы облагаетъ большую вотчину поборомъ по 20 р. съ души, тогда какъ въ это время наиболѣе обычный оброкъ былъ въ четыре раза менѣе. Другой для удовлетворенія страсти къ мотовству закладываетъ свои села и деревни или продаетъ въ рекруты дворовыхъ. Француженка, владѣтельница магазина,

¹⁾ Вѣроятно, его Радищевъ разумѣетъ въ заглавіи своего произведенія («Письмо къ другу, жительствоющему въ Tobольскѣ»), написаннаго по поводу открытія въ Петербургѣ памятника Петру В. въ 1782 г.

говорить: „Одна наша лавка можетъ разорить въ году до ста тысячъ крестьянъ“. Крыловъ изображаетъ въ своихъ статьяхъ и жестокое обращеніе съ крѣпостными. Еще сильнѣе обличаетъ онъ крѣпостное право и нравы помѣщиковъ-крѣпостниковъ въ другомъ своемъ журналѣ „Зритель“ (1792 г.), въ талантливой статьѣ „Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ“. Герой еще въ дѣтствѣ привыкъ мучить прислугу; выйдя въ отставку и поселившись въ деревнѣ, онъ всецѣло посвятилъ себя охотѣ за зайцами, топча при этомъ хлѣбъ своихъ крестьянъ, которыхъ, наконецъ, довелъ до совершеннаго разоренія, такъ что они мрутъ съ голоду. Крѣпостное право затрогивается и въ нѣкоторыхъ другихъ статьяхъ „Зрителя“, и въ издававшемся Крыловымъ вмѣстѣ съ Клушинымъ „С.-Петербургскомъ Меркуріи“ (1793 г., въ стихотвореніи кн. Хованскаго).

Драма Екатерининскаго времени и тогдашняя сцена также внесли свою лепту въ дѣло подготовки рѣшенія крестьянскаго вопроса. Примѣръ обличенія въ этой области крѣпостного права показала сама императрица своею комедіею „О время“ (1772 г.). Здѣсь Ханжихина такъ проводитъ день: „послѣ утренней молитвы она чешетъ свою кошку, при чемъ поетъ стихъ „Блаженъ, кто и скоты милуетъ“, а между тѣмъ и горничныхъ миловать изволяетъ: иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожемъ“. Здѣсь же Екатерина II указываетъ на то, что крѣпостные не пользуются свободою въ заключеніи брака: Ханжихина въ негодованіи, что одинъ изъ дворовыхъ просьбою о женитьбѣ помѣшалъ ей молиться, приказываетъ строго наказать его. Въ другой комедіи того же автора „Пмянины госпожи Ворчалкиной“ (1772 г.) слуга говоритъ: „Какой вздоръ, будто

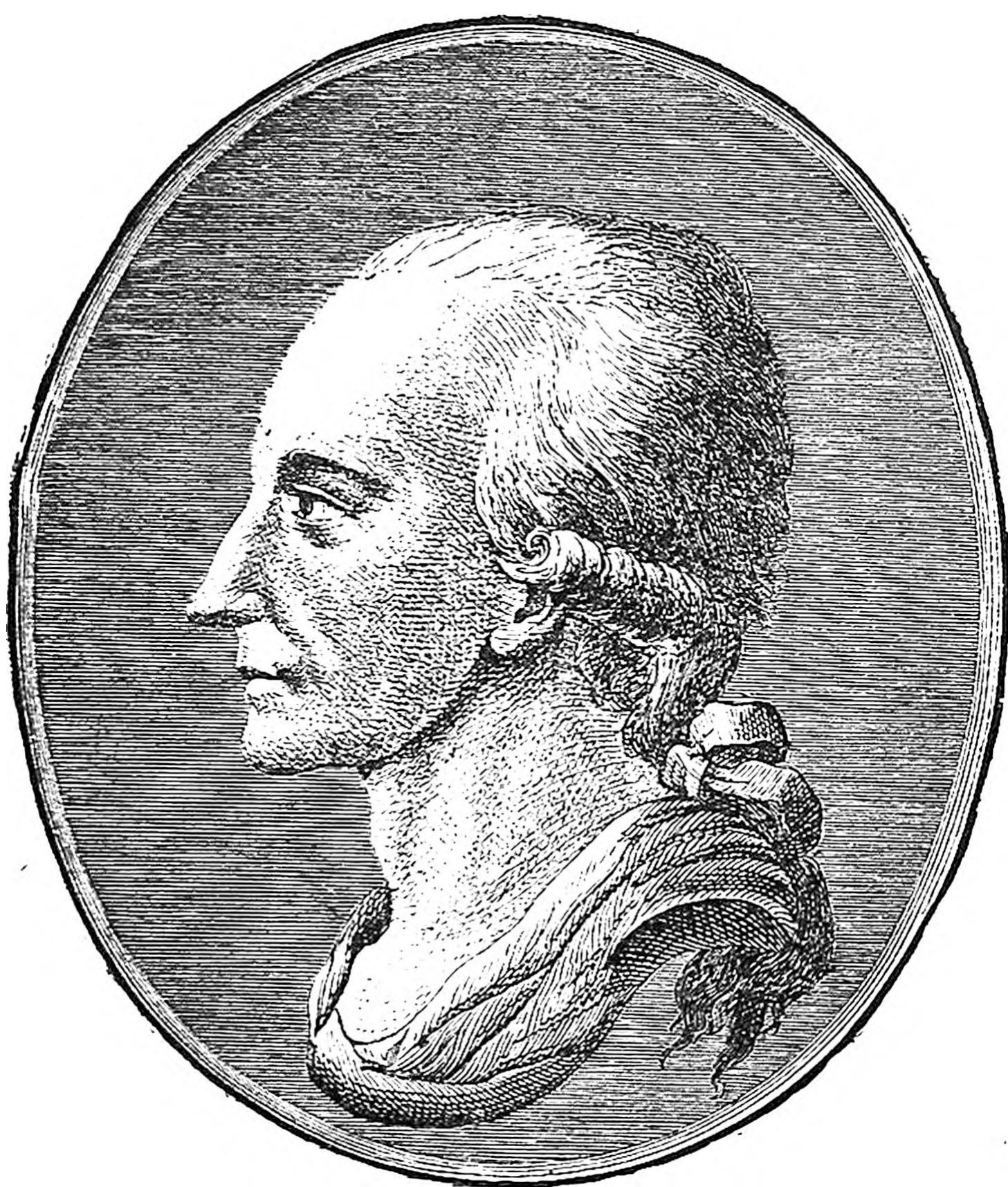

А. И. Крыловъ (съ гравюры Гедама).

можно побоями человѣческой перемѣнить нравъ... У Невѣждова всякой день, то и дѣло, что людей порюютъ батожемъ, и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину, кожу съ нихъ спускаетъ, а люди всѣ и воры, и пьяницы“.

Княжнинъ въ комедіи „Несчастіе отъ кареты“ (1779 г.) обличаетъ и торговлю рекрутами, и вступленіе крѣпостныхъ въ бракъ по волѣ господина. Одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ пишетъ своему приказчику: „Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ на продажу

Я. В. Княжнинъ (съ портр. Ферапонтова).

годныхъ людей въ рекруты?.. Нахватай ихъ и продай“¹⁾. — „Боже мой, какъ мы несчастливы! — жалуется въ той же комедіи молодой паренъ. — Намъ должно пить, ѣсть и жениться по волѣ тѣхъ, которые нашимъ мученіемъ веселятся и которые безъ насъ бы съ голоду померли“.

Въ „Недоросль“ Фонвизина, напечатанномъ въ 1783 г., предаются осмѣянію жестокіе помѣщики. „Все сама управляюсь“... говоритъ Простакова. „Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладаю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ домъ и держится“. Еремѣевна, по ея словамъ, получаетъ жалованья „по пяти рублей на годъ да по пяти пощечинъ на день“. Скотининъ умѣетъ взы-

скивать оброкъ съ крестьянъ, и Простакова проситъ брата научить ее этому искусству, а то, говоритъ она, „съ тѣхъ поръ, какъ все то, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!“ Простакова основываетъ свое право расправляться съ крестьянами на манифестъ о вольности дворянства. Напротивъ, Стародумъ заявляетъ, что „угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ незаконно“. Изображеніе мрачныхъ сторонъ быта крѣпостныхъ скрашивается въ комедіи Фонвизина выставленіемъ добродѣтельныхъ чиновниковъ и восхваленіемъ намѣстника, который „съ ревностью помогаетъ страждущему человѣчеству“.

¹⁾ Къ тому же мотиву Княжнинъ возвращается и позднѣе, въ комедіи «Хвастунъ» (1786 г.), гдѣ Простодумъ скопилъ деньги, «кетати въ рекруты торгуючи людьми».

Мих. Вас. Поповъ, самъ вышедшій изъ народа, свою комическую оперу „Анюта“ (поставленную на сценѣ въ 1772 г.) начинаетъ пѣсенкой мужика Мирона, въ которой, несмотря на нѣкоторую нескладность формы, хорошо обрисована эксплуатація крѣпостныхъ ихъ помѣщиками. Онъ обращается къ другимъ крестьянамъ съ такими словами:

„Зачѣмъ вы не дворяне?
Вы сахаръ бы зобали
Такъ славно бы, какъ медь,
И пили бы вы ледъ¹⁾,
Да деньги огребали
Изъ рода въ родъ и родъ;
Лежали бѣ на печи
Да ѣли колачи.
Про васъ бы работали,

А вы бы лишь мотали...
Боярская забота:
Пить, ѣсть, гулять и спать;
И вся ихъ въ томъ работа,
Чтобъ деньги обирать.
Мужикъ сушишь, крушишь,
Потѣй и работай,
А послѣ хоть сбѣсися,
А денежки подай“.

Въ комической оперѣ Николева „Розана и Любимъ“, въ первый разъ представленной въ Москвѣ въ 1778 г. и напечатанной въ 1781 г., обличается помѣщицкій развратъ. Старикъ Излѣтъ, узнавъ, что пропавшая дочь его Розана увезена помѣщикомъ, выражаетъ свое негодованіе слѣдующими словами: „Такъ вотъ добродѣтели-то знатныхъ бояръ: коли не разоряютъ сосѣдей, такъ увозятъ дѣвокъ, не ставятъ за грѣхъ обезчестить бѣднаго человѣка съ тѣмъ, чтобы бросить ему деньги!“ Онъ хочетъ жаловаться царицѣ, но помѣщикъ, вопреки обычной дѣйствительности, уступаетъ, кается и разрѣшаетъ бракосочетаніе влюбленной парочки.

Съ церковной кафедры также раздавались иногда обличенія злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ. Такъ, въ проповѣди архіепископа новгородскаго и петербургскаго Гавріила, произнесенной въ придворной церкви въ 1777 г., ораторъ говоритъ: „Представимъ сто или тысячу человѣкъ, которыхъ счастье имѣніе, — словомъ сказать, все, рѣшить одна карта, или которые, изливая потъ чрезъ все теченіе года, должны ожидать, чтобъ сей трудъ оцѣненъ былъ частію минуты. Боже праведный! сіе ли есть цѣна добродѣтели и трудовъ“²⁾.

Вліяніе реакціи во вторую половину царствованія Екатерины II сказалось, между прочимъ, въ томъ, что нѣкоторые писатели стали не отрицательно относиться къ крѣпостному праву, а, напротивъ, утверждать, что наши помѣщичьи крестьяне находятся вообще въ очень хорошемъ положеніи³⁾ или, по

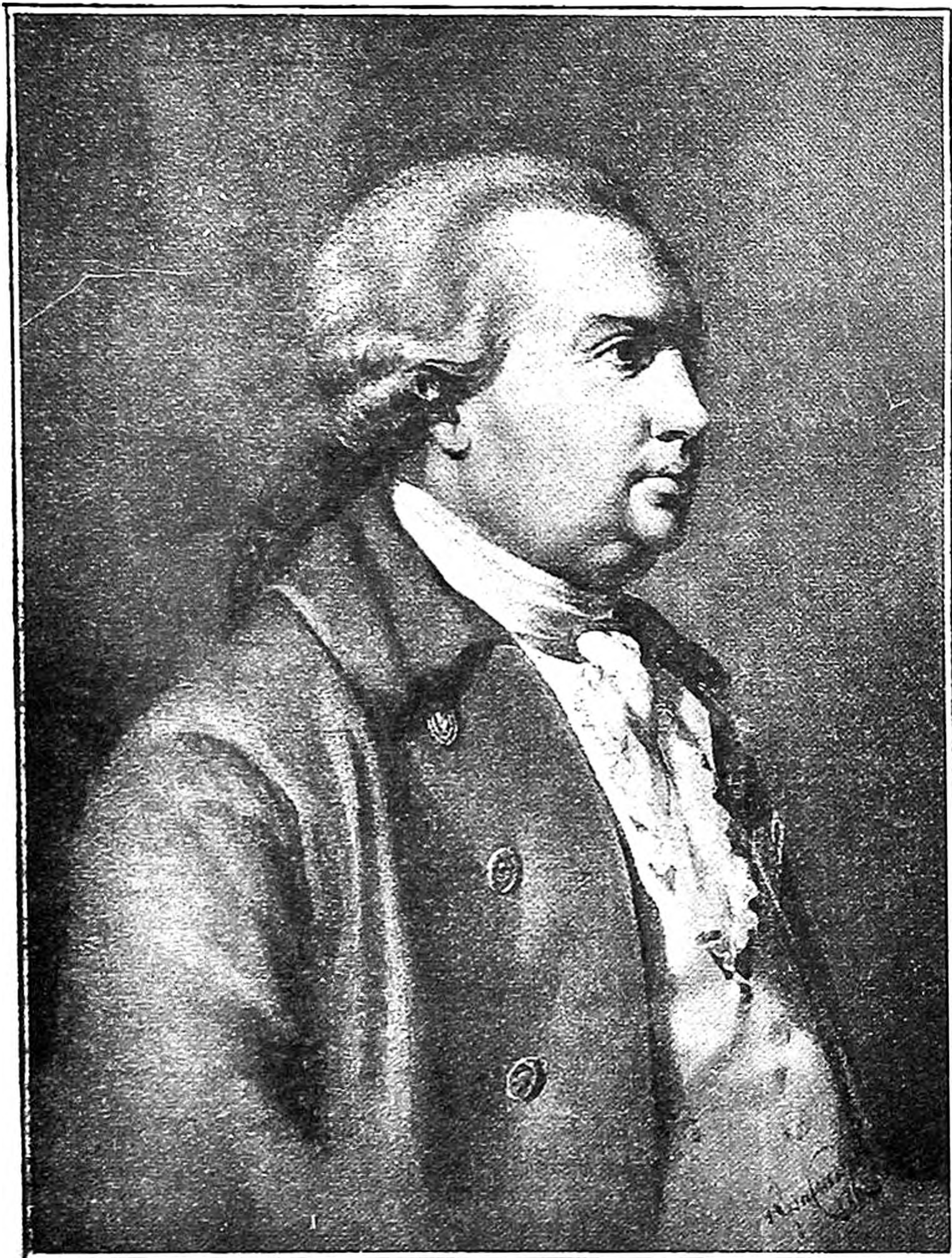
¹⁾ Вѣроятно, замороженное вино.

²⁾ Въ сочиненіяхъ Тихона, епископа воронежскаго, встрѣчается не мало увѣщаній человѣчно обходиться съ рабами».

³⁾ Такую идеализацію крѣпостного права находимъ въ пастушеской драмѣ Майкова «Деревенскій праздникъ или увѣнчанная добродѣтель» (1777 г.), въ комической оперѣ неизвѣстнаго автора «Матросскія шутки» и нѣкоторыхъ другихъ произведенійхъ.

крайней мѣрѣ, сравнительно съ бытомъ народа въ Западной Европѣ. При-
мѣръ и въ этомъ отношеніи подала имп. Екатерина въ своемъ сочиненіи
„Антидотъ“, изданномъ въ 1770 г. на французскомъ языкѣ¹⁾, какъ возра-
женіе противъ книги о Россіи аббата Шаппа (1768 г.), и составленномъ ею,
быть-можетъ, при нѣкоторомъ участіи гр. А. П. Шувалова. „Мнимая нищета, —
говоритъ она здѣсь, — не существуетъ въ Россіи; русскій крестьянинъ во сто

Д. И. Фонвизинъ (съ портрета Крамского).

разъ счастливѣе и зажиточнѣе, чѣмъ ваши французскіе кре-
стьяне; ему извѣстно, что онъ
долженъ платить, между тѣмъ
какъ у васъ есть провинціи,
въ которыхъ принуждены пи-
таться каштанами и даже не
знаютъ названія всѣхъ своихъ
повинностей, — такъ многочи-
сленны онѣ. Въ Россіи назна-
чаютъ повинности лишь въ той
мѣрѣ, въ какой крестьянинъ
можетъ ихъ выполнить“. Авторъ
„Антидота“ полагаетъ, что „хо-
рошее или дурное обращеніе съ
домашнею прислугою гораздо
болѣе зависитъ отъ хорошей
или дурной нравственности го-
сподъ, чѣмъ отъ законовъ стра-
ны“, и увѣряетъ, что, „ко благу
человѣчества, наши нравы не
ухудшаются“. Но, высказывая
такія идеи въ „Антидотѣ“, Ека-
терина нѣсколько иное гово-
ритъ въ Наказѣ и отчасти въ

своихъ комедіяхъ и въ гораздо болѣе мрачномъ свѣтѣ изображаетъ поло-
женіе нашихъ крѣпостныхъ въ нѣкоторыхъ замѣткахъ и запискахъ, не пред-
назначенныхъ для печати²⁾.

Извѣстный историкъ Болтинъ въ своемъ сочиненіи (1788 г.) по поводу
книги о Россіи французскаго писателя Леклерка доказываетъ, что наши крѣ-
постные крестьяне находятся въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне въ
Германіи и Франціи. Онъ утверждаетъ, что большая часть нашихъ помѣ-

¹⁾ Безъ обозначенія мѣста печатанія.

²⁾ Замѣтки по поводу возраженія Сумарокова на Наказъ, письмо къ кн. Вяземскому
по поводу какого-то проекта закона противъ крѣпостныхъ.

щичьихъ крестьянъ „живутъ въ довольствѣ и покоѣ“ и не считаютъ „состоянія своего несноснымъ“, однако признаетъ, что оно не одинаково и что „нѣкоторые изъ нихъ, по жестокосердію и нечувствительности господъ ихъ, обременены оброками и работами тяжкими и едва сносными“. Онъ также говоритъ, что помѣщиковъ, поступающихъ съ крестьянами „хуже, нежели со скотами, меньше, однакожъ, должно къ стыду признаться, нарочитое число есть“. По его словамъ, крестьяне въ дѣйствительности ненарушимо владѣютъ своимъ движимымъ имуществомъ на основаніи обычая, „который имѣетъ силу, не меньшую закона“, однако въ другомъ мѣстѣ признаетъ, что крестьяне нѣкоторыхъ помѣщиковъ „изъ сего всеобщаго состоянія исключаются: по безчеловѣчю господъ своихъ не будучи удостовѣрены о собственности“, они „не радѣютъ о пріобрѣтеніи своемъ и не иначе работаютъ, какъ изъ-подъ палки. Лишены будучи имѣнія и желаній оное пріобрѣтать, живутъ въ отчаянной непривязанности къ жизни и едва помышляютъ о насущномъ хлѣбѣ“.

Болтинъ высказывается противъ немедленнаго уничтоженія крѣпостнаго права, опираясь на мнѣніе Руссо въ его сочиненіи о Польшѣ, что прежде нужно освободить души рабовъ, а потомъ уже ихъ тѣла¹⁾. Болтинъ полагаетъ, что „не всякому народу вольность можетъ быть полезна; не всякій умѣетъ ее снести и ею наслаждаться; потребно къ сему расположеніе умовъ и нравовъ особое, которое пріобрѣтается вѣками и пособіемъ многихъ обстоятельствъ“²⁾. Однакоже онъ не является такимъ крайнимъ консерваторомъ въ крестьянскомъ вопросѣ, какъ кн. Щербатовъ, который вооружался противъ всѣхъ законодательныхъ мѣръ въ пользу крѣпостныхъ, кромѣ запрещенія продажи ихъ поодиначкѣ. Напротивъ, Болтинъ говоритъ: „Не будучи апологистомъ рабства, не скажу я, чтобы наши земледѣльцы въ такомъ состояніи были, чтобы не нужно было дать имъ облегченіе, пособіе къ выгоднѣйшей жизни; но скажу, что сіе облегченіе, сіе пособіе не въ дачѣ вольности долженствуетъ состоять, а въ ограниченіи помѣщичьей надъ ними власти и въ нѣкоторыхъ другихъ средствахъ“. Онъ предлагаетъ ограниченіе закономъ повинностей крестьянъ и предоставленіе имъ права собственности на ихъ имущество. Онъ признаетъ необходимость, въ концѣ-концовъ, одновременнаго освобожденія всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, но прійти къ этому слѣ-

¹⁾ Но онъ упустилъ изъ виду, что Руссо все же совѣтовалъ немедленно принять мѣры для постепеннаго освобожденія крестьянъ, не оставляя этого дѣла на усмотрѣніе частныхъ лицъ, а поручая его сеймикамъ, и что по истеченіи нѣкотораго времени онъ допускалъ освобожденіе цѣлыми деревнями и притомъ съ надѣленіемъ землею. Если Руссо настаиваетъ на томъ, что необходимо прежде освободить души, то потому, что имѣетъ въ виду не только постепенное уничтоженіе крѣпостнаго права, но и предоставленіе освобожденнымъ участія въ политической жизни государства,—право посылать депутатовъ на сеймики, которое, по его мнѣнію, могло бы быть опаснымъ въ рукахъ людей, не избавившихся отъ пороковъ, привитыхъ рабствомъ.

²⁾ Онъ приводитъ свидѣтельство Вольтера, что въ то время и во Франціи не всѣ крестьяне были людьми свободными.

дуетъ „исподволь и постепенно“. Были не бесполезны и его указанія на дурныя стороны жизни крестьянъ въ Западной Европѣ, такъ какъ такимъ образомъ онъ предостерегалъ русское общество и правительство отъ безземельнаго освобожденія крестьянъ: по его словамъ, англійская вольность „низвергнетъ ихъ въ бездну погибели“.

Другой русскій историкъ, академикъ Гер. Фрид. Миллеръ, въ статьѣ, напечатанной въ 1780 г. по-нѣмецки въ „Магазинѣ новой исторіи и географіи“ Бюшинга, выходившемъ въ свѣтъ не въ Россіи, но удѣлявшемъ ей много мѣста, идетъ далѣе Болтина и утверждаетъ, что уничтоженіе крѣпост-

Г. Р. Державинъ (съ портр. Боровиковскаго).

ного права полезно не только для государства, но и для владѣльцевъ населенныхъ имѣній, хотя въ то же время полагаетъ, что въ Россіи оно „гораздо споспѣе и легче, чѣмъ въ Польшѣ, Богеміи и другихъ государствахъ, гдѣ оно еще существуетъ¹⁾, и особенно не такъ обременительно, какъ въ Лифляндіи“²⁾. Въ статьѣ же, напечатанной по-русски въ журналѣ „Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія“ (1789 г.), Миллеръ не рѣшается требовать совершеннаго уничтоженія крѣпостного права, но высказываетъ пожеланіе, чтобы изданъ былъ именной указъ, которымъ крестьяне были бы обезпечены „въ собственномъ и безпрепятственномъ владѣніи поправленныхъ ими земель, по крайней мѣрѣ, на извѣстное время“, на примѣръ, на 20—30 лѣтъ. Въ те-

ченіе этого періода цѣна земледѣльческихъ произведеній возвысится, и тогда справедливо будетъ въ такой же степени возвысить и оброкъ. Въ этомъ Миллеръ видитъ лучшее рѣшеніе задачи, предложенной въ 1766 г. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Слѣдовательно, онъ думаетъ, что помѣщикъ

¹⁾ Послѣ мѣръ Маріи-Терезіи для ограниченія крѣпостного права въ Богеміи мнѣніе Миллера, что положеніе тамъ крѣпостныхъ было хуже, чѣмъ въ Россіи, нельзя признать справедливымъ.

²⁾ Напомнимъ, что статья пастора Эйзена о положеніи крестьянъ въ Лифляндіи появилась въ сборникѣ, издаваемомъ Г. Ф. Миллеромъ.

долженъ быть лишенъ права повышать по своему произволу повинности и отнимать землю у крестьянъ, произведшихъ улучшение земель, находившихся въ ихъ пользованіи.

Первое мѣсто среди писателей по крестьянскому вопросу при Екатеринѣ II, несомнѣнно, принадлежитъ А. Н. Радищеву. Въ журналъ „Бесѣдующій Гражданинъ“ (1789 г.), издаваемомъ обществомъ „Друзей словесныхъ наукъ“, въ которомъ онъ участвовалъ, въ статьѣ „Бесѣда о томъ, что есть сынъ отечества“, Радищевъ рѣзкими чертами характеризуетъ безправное положеніе крѣпостныхъ: они „походятъ на человѣка однимъ только видомъ... обременены тяжестью своихъ оковъ, лишены всѣхъ благъ, исключены отъ всего наслѣдія человѣковъ, угнетены, унижены, презрѣны“; они „работаютъ необходимое для человѣка изъ страха; имъ... наималѣйшее желаніе заказано, имъ позволено только расти, потомъ умирать“...

Въ своемъ знаменитомъ произведеніи „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (1790 г.), навѣянномъ всего болѣе книгою аббата Рейналя „Исторія обѣихъ Индій“ (которое было написано при весьма значительномъ участіи Дидро), Радищевъ даетъ очень сильное изображеніе мрачныхъ сторонъ крѣпостного права. При обрисовкѣ положенія крѣпостныхъ авторъ ограничивается отрицательными сторонами ихъ быта, но все же его трудъ не превращается въ памфлетъ, изобилующій преувеличеніями; напротивъ, все, о чемъ онъ свидѣтельствуетъ, подтверждается и другими источниками. Такъ онъ говоритъ о крестьянахъ, работающихъ на помѣщика шесть дней въ недѣлю, о другихъ, превращенныхъ господиномъ въ батраковъ, объ ихъ истязаніи, объ изнасилованіи помѣщикомъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, объ ихъ бракахъ по приказу господина, о продажѣ людей съ публичнаго торга, о притѣсненіяхъ, испытываемыхъ дворовымъ, получившимъ образованіе, о томъ, что положеніе казенныхъ крестьянъ гораздо благопріятнѣе, чѣмъ крѣпостныхъ.

Радищевъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ очень важную мысль, что существованіе крѣпостного права вредно для государства, указываетъ на меньшую производительность крѣпостного труда сравнительно со свободнымъ ¹⁾, на то, что оно мѣшаетъ болѣе быстрому увеличенію народонаселенія; говоритъ, что рабство приноситъ большій ущербъ, чѣмъ временное нашествіе врага, что оно вызываетъ опасныя волненія, и напоминаетъ о Пугачевщинѣ. Указавъ на всѣ эти доводы противъ крѣпостного права, авторъ обращается къ читателямъ съ воззваніемъ объ освобожденіи крестьянъ; но онъ желаетъ дарованія имъ не одной личной свободы: онъ думаетъ, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатываетъ. „Кто же въ нивѣ ближайшее имѣетъ право, буде не дѣлатель ея?“ А между тѣмъ на-

¹⁾ На это ссылался въ своей статьѣ еще пасторъ Эйзенъ, быть-можетъ, подъ вліяніемъ книги Юсти.

сколько „удалился мы отъ первоначальнаго общественнаго положенія относительно владѣнія. У насъ тотъ, кто, естественно, имѣетъ къ оному право, не токмо отъ того исключенъ совершенно, но, работая ниву чужую, зрѣтъ пропитаніе свое, зависящее отъ власти другого!“

Полагая, однако, что правительство не въ силахъ мгновенно измѣнить существующее мнѣніе относительно крѣпостнаго права, Радищевъ предлагаетъ про-

А. Н. Радищевъ (съ портр. Алексѣва).

извести освобожденіе крестьянъ постепенно. Прежде всего нужно уничтожить „домашнее рабство“, т.-е. запретить помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовыхъ (въ случаѣ же нарушенія этого правила такой крестьянинъ дѣлается свободнымъ), дозволить имъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика и запретить брать выводныя деньги за дѣвушекъ и женщинъ, выдаваемыхъ замужъ за предѣлы имѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ крестьяне должны получить въ собственность земельный надѣлъ. „Удѣлъ въ землѣ, ими обрабатываемой, должны они имѣть собственностію, ибо пла-

тятъ сами подушную подать. Приобрѣтенное крестьяниномъ имѣніе ему принадлежать долженствуетъ; никто его озаго да не лишитъ самопроизвольно“. Онъ получаетъ право быть судимымъ ему равными, т.-е. въ расправахъ, членовъ которыхъ должно выбирать и изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Слѣдуетъ дозволить имъ покупать землю и выкупаться на волю за опредѣленную сумму; необходимо запретить наказывать ихъ произвольно, безъ суда. Затѣмъ настаетъ совершенное уничтоженіе рабства. — Таковъ проектъ Радищева, который по широтѣ и опредѣленности превосходитъ всѣ ему предшествовавшіе и

который до восшествия на престолъ Александра II превзойденъ былъ только въ произведеніяхъ Герцена, изданныхъ за границею, въ „Русской Правдѣ“, неоконченномъ трудѣ декабриста Пестеля, и въ не напечатанномъ проектѣ Петрашевскаго. Ранѣе Радицева одинъ Грасленъ опредѣленно высказалъ въ нашей печати мнѣніе, что земля должна быть собственностію того, кто ее обрабатываетъ; но его сочиненіе слишкомъ отвлеченно, хотя и оно могло имѣть свою долю вліянія на развитіе взглядовъ на крестьянскій вопросъ автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“. Предъявляя требованіе объ освобожденіи крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ, Радицевъ допускаетъ нѣкоторую постепенность въ осуществленіи преобразованія и предлагаетъ рядъ частныхъ мѣръ, ведущихъ къ этой цѣли, не отказываясь, однако, отъ главной своей мысли, что освобожденіе должно совершиться съ дарованіемъ крестьянину земли, и основываетъ это требованіе на томъ, что крестьяне, а не помѣщики платятъ подати. Но онъ мало надѣялся на то, что правительство возьметъ въ свои руки дѣло уничтоженія крѣпостного права. Осуждая крайности Пугачевщины, онъ, однако, предвидѣлъ, что только повтореніе крестьянскихъ волненій заставитъ правительство выйти изъ бездѣйствія, и ожидалъ освобожденія крестьянъ не отъ совѣтовъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а „отъ самой тяжести порабощенія“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Крестьянинъ въ законѣ мертвъ, сказали мы... Нѣтъ, нѣтъ, онъ живъ будетъ, если того восхочетъ“.

Молочница (Atkinson).

По возвращеніи изъ-за границы Радицевъ былъ нѣкоторое время сослуживцемъ въ Сенатѣ Полѣнова, автора отвѣта на задачу Вольнаго Экономическаго Общества 1766 г., одобреннаго Обществомъ, но не напечатаннаго, такъ какъ онъ былъ найденъ неудобнымъ съ цензурной точки зрѣнія. По всей вѣроятности, Радицевъ и Полѣновъ были знакомы и не могли не обмѣниваться мнѣніями о столь интересующемъ ихъ обоихъ крестьянскомъ вопросѣ. Въ общемъ Радицевъ пошелъ въ своемъ сочиненіи гораздо далѣе Полѣнова, требуя не ограниченія лишь крѣпостного права, а полнаго освобо-

жденія помѣщичьихъ крестьянъ съ земельнымъ надѣломъ; но въ некоторыхъ частныхъ пожеланіяхъ и въ отдѣльныхъ пунктахъ аргументаціи Радищевъ сходится съ Полѣновымъ: такъ, оба они стоятъ за предоставленіе крестьянамъ права выкупаться на свободу за опредѣленную сумму, оба предлагаютъ предоставить имъ право быть судимыми такими судами, въ которыхъ были бы ихъ выборные представители, оба указываютъ на вредъ и опасность для государства отъ существованія крѣпостного права. Требованію Полѣнова предоставить крестьянину землю въ наслѣдственное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбыванія повинностей соотвѣтствуетъ предложеніе Радищева запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ. Полѣновъ требуетъ прекращенія продажи крѣпостныхъ безъ земли; Радищевъ не упоминаетъ объ этомъ въ перечнѣ частныхъ мѣръ, но, во-первыхъ, говоритъ о такомъ торгѣ съ великимъ негодованіемъ, а, во-вторыхъ, уничтоженіе „домашняго рабства“ ставитъ во главѣ частныхъ мѣръ для ограниченія крѣпостного права. Но огромная разница между обоими состоитъ въ томъ, что Полѣновъ считалъ необходимымъ условіемъ осуществленія предложенныхъ имъ мѣръ согласіе на нихъ помѣщиковъ.

За свое незабвенное произведеніе Радищевъ заплатился шестилѣтнею ссылкой въ Восточную Сибирь и четырехлѣтнею жизнію въ деревнѣ, а книга его была уничтожена; но все же уцѣлѣло нѣсколько десятковъ ея экземпляровъ, и снято не мало рукописныхъ копій. Такимъ образомъ главный трудъ Радищева, несмотря на препятствія со стороны правительства къ его распространенію, не погибъ безслѣдно, и его идеи влились очень сильнымъ потокомъ въ общее освободительное теченіе. Еще Пушкинъ отмѣтилъ, что „Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ“.

Окончивъ обзоръ литературныхъ и научныхъ произведеній Екатерининскаго времени, въ которыхъ въ большей или меньшей степени затрогивалось крѣпостное право и разсматривался вопросъ объ его ограниченіи или совершенномъ уничтоженіи, отмѣтимъ еще изъ этой области то, что не проникло въ печать по цензурнымъ причинамъ. Во-первыхъ, была значительно сокращена XI глава Наказа Екатерины II по совѣтамъ лицъ, тогда ее окружавшихъ: подверглись исключенію пожеланія объ учрежденіи сельскаго суда изъ крестьянъ, объ освобожденіи изнасилованной помѣщикомъ женщины со всѣмъ ея семействомъ, опредѣленіи размѣра выкупа на свободу и, наконецъ, запрещеніи вольноотпущеннымъ вновь закрѣпощать себя. Только послѣднее предположеніе было осуществлено Екатериною II законодательнымъ путемъ. Сочиненіе Полѣнова хотя и было удостоено медали въ 12 червонцевъ, но не было разрѣшено къ печати, такъ какъ Вольное Экономическое Общество нашло въ немъ „многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія“. Но основную мысль Полѣнова—о предоставленіи крестьянамъ земли въ наслѣдственное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбы-

Хороводъ въ XVIII в. (Atkinson).

ванія за нее опредѣленныхъ повинностей—мы встрѣчаемъ и въ статьѣ Эйзена (1764 г.), и въ нѣмецкихъ отвѣтахъ Вельнера и Мека на задачу Вольнаго Экономическаго Общества, и въ переведенномъ на русскій языкъ сочиненіи Юсти. Изъ числа поэтическихъ произведеній (не напечатанныхъ въ свое время по цензурнымъ причинамъ), въ которыхъ затрогивалось крѣпостное право, самымъ талантливымъ была ода Капниста „На рабство“, вызванная закономъ 3 мая 1783 г. объ уничтоженіи права перехода посполитыхъ крестьянъ въ Малороссіи. Здѣсь, между прочимъ, мы находимъ такія сильныя строки:

„А вы, цари, на то ль Зиждитель
Своей подобну власть вамъ далъ,
Чтобы во областяхъ подвластныхъ
Изъ счастливыхъ людей—несчастливыхъ
И зло изъ общихъ благъ творить?
На то ль даны вамъ скиптръ, порфира,
Чтобъ были вы бичами міра
И вашихъ чадъ могли губить?“

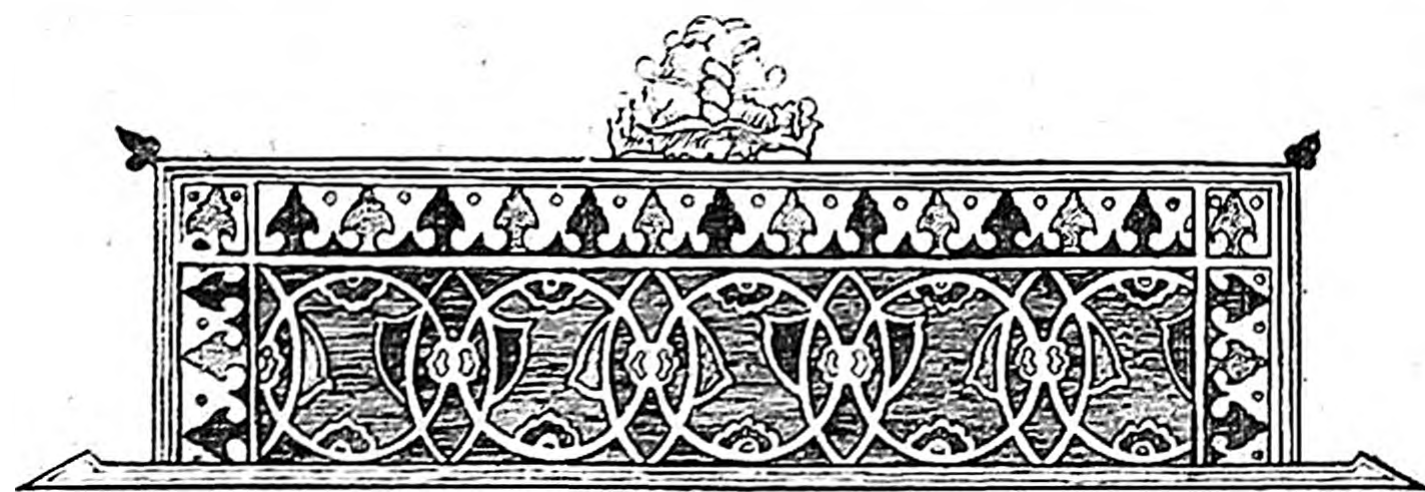
Въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“ Радищевъ рѣшился напечатать только отрывки изъ своей оды „Вольность“; въ числѣ ихъ нѣтъ описанія царства свободы, наступившаго послѣ казни тирана. Укоряя „вѣнчан-

наго злодѣя“ въ неисполненіи имъ его обязанностей, народъ говоритъ, что далъ ему власть для того, чтобы пахарь могъ обрабатывать пашню, не проливая слезъ и не будучи „плѣнникомъ“ на своихъ „пажитяхъ“. Въ царствѣ свободы пастухъ, который не жалѣлъ господскаго стада, теперь ревностно защищаетъ отъ звѣрей собственный скотъ. Когда волы пахали господскую пашню, она давала „рабамъ“ скудную „мзду“, но собственная нива, согрѣваемая духомъ свободы, сразу становится плодороднѣе. Неизмѣримо счастливѣе также жизнь крестьянина съ женою, избранною имъ по собственному желанію, а не навязанною волею господина для размноженія „невинныхъ жертвъ“.

Пересматривая всѣ мнѣнія по крестьянскому вопросу въ литературѣ Екатерининскаго времени, мы видимъ, что большинство высказавшихся по этому предмету желало ограниченія крѣпостнаго права: опредѣленія повинностей помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу господина, предоставленія крѣпостнымъ правъ на имущество и права жениться по своему усмотрѣнію, запрещенія продажи людей безъ земли, опредѣленія величины выкупа на свободу, учрежденія судовъ изъ лицъ, выбираемыхъ крестьянами. Что касается окончательнаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, то одни довольствовались предоставленіемъ крестьянамъ земли въ постоянное пользованіе подъ условіемъ исправнаго отбыванія опредѣленныхъ повинностей, другіе же (Грасленъ и Радищевъ) требовали, чтобы земля была отдана крестьянамъ въ полную собственность. Замѣчательно, что въ русской литературѣ этого времени не нашло выраженія мнѣніе кн. Дм. Алексѣев. Голицына, предлагавшаго (въ прочитываемой императрицею перепискѣ съ кн. А. М. Голицынымъ и въ книгѣ, изданной имъ въ 1796 г за границею на французскомъ языкѣ) безземельное освобожденіе крестьянъ¹⁾; эта мысль, столь опасная для ихъ благосостоянія, очень распространилась въ русскомъ обществѣ (а въ Остзейскомъ краѣ была даже осуществлена) лишь въ первой четверти XIX вѣка.

В. Селевскій.

¹⁾ То же предлагала частная комиссія о разборѣ государственныхъ родовъ (состоявшая при большой Екатерининской законодательной комиссіи) въ составленномъ ею проектѣ правъ благородныхъ.

Сѣверная Минерва.

Дворянинъ и рабъ на рубежѣ XIX вѣка.

С. П. Мельгунова.

еликій вѣкъ Екатерины, воспѣтый придворными пѣнтами и составителями официальныхъ виршъ! Вѣкъ уничтоженія рабства! „Россія, ты свободна нынѣ!“ патетически восклицалъ Капнистъ въ одѣ на истребленіе въ Россіи „званія раба“. Великая Филица Державина дала „свободу мыслить“ и въ „ноги челою не бить“. Счастлирое время! Анекдотическая курица Генриха IV „всегда“ была въ горшкѣ русскаго крестьянина. Наступала золотая эпоха, когда уже нечего было „опасаться бѣгства русскихъ за границу“, ибо, по словамъ, гремѣвшимъ съ трона, „любимицы самихъ боговъ“, какъ наименовалъ Екатерину въ одѣ на взятіе Варшавы Дмитріевъ, русскимъ будетъ „сдѣлано любезнымъ ихъ оте-

чество“. На престолѣ великая царица, желающая видѣть свой „народъ счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться“ (указъ 1766 г.). Наступили для Россіи „дни золотые“—цвѣтутъ „науки и художества“...

Но тутъ же въ устахъ современника звучитъ и пессимистическая нота: „Законы въ Россіи! законы въ странѣ, гдѣ та, которая царствуетъ, остается на тронѣ потому только, что топчетъ ихъ своими ногами“... Но зачѣмъ „глупо“ стараться „унизить“ эту блестящую страницу русской исторіи, не-

годуетъ гр. Рибопьеръ: „Ахъ, славное то было время!“ Окруженная блестящей плеядой горделивыхъ орловъ, новая любимица боговъ и другъ философовъ могла съ полнымъ правомъ сказать, что ея дворъ затмилъ бывшее величіе короля—солнце. Тамъ царило божество, выросшее на почвѣ деспотизма; здѣсь въ роскоши утопала вольнолюбивая философія.

Дворъ Екатерины—это настоящая „обѣтованная земля“. Его „богатство и пышность“, по словамъ Кокса въ 1778 г., превосходитъ „самыя вычурныя описанія“. „Я былъ приготовленъ,—пишетъ въ томъ же году лордъ Мальмсбюри,—къ торжественности и великолѣпію здѣшняго двора, но дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія“. „Сластолюбіе и роскошь“, заимствованныя у западно-европейскихъ дворовъ, подражавшихъ этикету Версаля, нашли

Гр. Орловъ (Эриксона).

себѣ благодарную почву: европейская изысканность соединилась съ азіатскимъ великолѣпіемъ. Екатерина считала „неприличнымъ“ „грошевую экономію“, какъ свидѣтельствуемъ въ своихъ запискахъ Головкинъ, рассказывающій объ изумительной расточительности придворнаго быта конца XVIII в. Передъ ней, пожалуй, блѣднѣютъ тѣ сотни тысячъ „душъ“, которыя раздаются „для увеселенія“ многочисленныхъ фаворитовъ, тѣ милліоны, которые идутъ на одно ихъ платье (какъ извѣстно, кн. Гр. Орловъ при отъѣздѣ въ Фокшаны получилъ, между прочимъ, кафтанъ, стоящій 1.000.000 р.).

И современный статистикъ, такимъ образомъ, съ гордостью могъ сравнить Петергофъ со „славною Версалію“ (Географ. Слов., 1788 г.).

„Знатные“ подражаютъ двору. По дорогѣ въ славную Версалію они строятъ для себя „увеселительные дома“ — ихъ крѣпостные, ихъ челядь и рабы возводятъ роскошные дворцы съ лабиринтомъ комнатъ, съ оранжереями, подстриженными французскими аллеями, съ причудливыми водоемами и пр. „затѣями“. По Шлиссельбургскому тракту высятся загородныя палатки Апраксина, Потемкина, Шереметева и т. д. Петербургское общество „являлось точнымъ отраженіемъ двора, — пишетъ Чарторижскій, — его можно сравнить съ преддверіемъ обширнаго храма, въ которомъ всѣ присутствующіе устремляютъ свое исключительное вниманіе на божеество, сидящее на престолѣ, которому приносятъ жертвы и воскуриваютъ оиміамъ“. Вкусы „Версаліи“ распространяются и на всю помѣщичью Россію: дворянство охвачено „бѣшеной страстью наслаждаться“.

За высшимъ столичнымъ дворянствомъ тянется провинціальное общество: и здѣсь въ 1769 г., по словамъ современника Винскаго, „хотя и неповсемѣстно, но уже водворялась“ роскошь. Еще въ началѣ царствованія Екатерины праздное и пьянствующее деревенское дворянское общество, въ достаточно яркихъ чертахъ описанное въ знаменитыхъ запискахъ Болотова, въ столицѣ казалось „сущими шутами и простаками“. Но вскорѣ и оно начнетъ разоряться, лишь бы подражать великосвѣтскимъ нравамъ, и захолустныя помѣщичьи усадьбы обогатятся крѣпостными „храмами Мельпомены“ или, говоря безъ метафоръ, гаремами рабовладѣльцевъ. Напрасны заботы „премудрой матери отечества“ о нравственности общества, напрасны торжественные манифесты и указы, боровшіеся съ прихотливыми

Графъ П. Б. Шереметевъ, славившійся своей роскошью (портр. Аргунова).

модами ¹⁾, экипажами и ливреями (маниф. 1775 г.), „расточительная роскошь молодых людей“, на что жаловался еще указъ 1761 г., растетъ и распространяется по всей крѣпостной Россіи. Елизавета имѣла 15.000 платьевъ, фельд-маршалъ Апраксинъ имѣлъ ихъ нѣсколько сотъ. Это было лишь слабое подражаніе „славной Версаліи“, превратившее конецъ XVIII столѣтія въ „героическій“ періодъ жизни русскаго дворянства.

Но между концомъ XVIII в. и началомъ XIX в. не будетъ большой разницы, и съ полнымъ правомъ мы можемъ набросать одну общую картину.

Привольно течетъ повседневная жизнь первенствующаго сословія, окруженнаго кадрами дворовыхъ слугъ. 400—500 дворовыхъ у вельможи отнюдь не рѣдкій случай, по свидѣтельству Сегюра. У гр. Орлова англійскій путешественникъ Кларкъ насчитываетъ пятьсотъ слугъ. У ген. Измайлова въ на-

Графъ С. М. Каменскій.

чалѣ XIX в. насчитывается 800 дворовыхъ, у павловскаго фельдмаршала гр. Каменскаго 400; дворецъ послѣдняго занимаетъ „цѣлый кварталъ“ и т. д. Что дѣлала эта огромная дворня? Это прежде всего „вывѣска“, говоритъ гр. Орлова: чѣмъ дворни у васъ больше, тѣмъ больше уваженія. На показное внѣшнее великолѣпіе обращено все вниманіе. У ген. Измайлова въ передней сидитъ 17 лакеевъ, и у cadaго изъ нихъ опредѣленное назначеніе: одинъ подаетъ трубку, другой—стаканъ воды и т. д. Тотъ же генералъ, командуя въ 1812 г. рязанскимъ ополченіемъ, предоставилъ своимъ офицерамъ 150 собственныхъ троекъ съ кучерами для катанья. У Измайлова однихъ псарей нѣсколько сотъ и двѣ тысячи борзыхъ. Помѣщикъ Б., отпра-

вляясь изъ одного имѣнія въ другое, беретъ съ собой 20 кибитокъ съ наложницами и актерами, которые должны увеселять его во время стоянокъ. У Головина, имѣвшаго 300 человекъ дворни, ежедневный обѣдъ состоитъ изъ 40 кушаній; для cadaго кушанья имѣется особый поварь. 12 официантовъ прислуживаютъ господину, обѣдъ котораго—цѣлое священнодѣйствіе со сложнымъ ритуаломъ.

Знатный помѣщикъ—это грансеньеръ, копирующий въ своемъ помѣстьѣ „славную Версалію“. У помѣщика все свое—свой театръ (у кн. Шаховскаго въ труппѣ болѣе ста человекъ, графу Каменскому постановка „Халифа Багдадскаго“ обходится въ 30.000 руб.), свои музыканты, свои живописцы, свои

¹⁾ Напримѣръ, указъ 23 октября 1782 г. предписывалъ придворнымъ дамамъ головные уборы «носить не выше двухъ вершковъ, разумѣя отъ лба». См. прилагаемые рисунки съ изображеніемъ модъ, по моднымъ журналамъ конца XVIII в.

на доходную статью. Внѣшній европеизмъ прекрасно уживался съ замашками и пріемами крѣпостническаго барства. Новыя идеи, по мѣткому замѣчанію В. О. Ключевскаго, привились, какъ „рисунки соблазнительнаго романа“. Воспринималась лишь „приправа“ просвѣтительной философіи, и такимъ образомъ „скотинины“ и „вольтерьянцы“ прекрасно уживались въ одномъ и томъ же лицѣ. Русскій романъ XVIII в. въ лицѣ гг. Негодяевыхъ запечатлѣлъ довольно яркое изображеніе дворянина, воспитаннаго monsieur le Pendar'омъ „для наслажденія пріятною жизнью“. Сентиментальная дама охотно прерывала чтеніе французской любовной книжки, чтобы итти на конюшню для

Пригласительный билетъ на маскарадъ у Нарышкина.

собственноручной расправы надъ своими крестьянами и крестьянками За „вѣкъ просвѣщенія“ дворянство измѣнилось мало. Если въ началѣ царствованія Екатерины иностранецъ пишетъ, что „русское дворянство самое не образованное“, то въ первый годъ слѣдующаго столѣтія Строгановъ даетъ такую характеристику: „это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и по своему духу самое тупое!“ Иначе и не могло быть тамъ, гдѣ рабовладѣніе свило себѣ прочное гнѣздо.

„Повелѣвая рабами, оно, дворянство, само было рабами“, запишетъ въ 1857 г. въ своемъ дневникѣ проф. Никитенко. И такъ было всегда. Освобожденный отъ „рабскаго званья“, русскій дворянинъ, тѣмъ не менѣе, всегда „сраб-

скимъ подобострастіемъ припадалъ къ священнымъ стонамъ великой Фелдцы“. Онъ съ гордостью подъ наказомъ подписывался чиномъ „придворнаго лжея“ и изучалъ искусство „ловкаго прохожденія скользкихъ придворныхъ паркетовъ“. Екатерина, по ея словамъ, презирала „подлецовъ и ласкателей, коихъ безконечно много около двора“. Этотъ дворъ дѣйствительно былъ полонъ холоповъ и рабовъ. Но вспомнимъ, въ какихъ мрачныхъ краскахъ описываетъ его кн. М. М. Щербатовъ въ запискѣ „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, и тогда пой-

Щеголь. (Изъ собранія Ровинскаго).

немъ, что безъ этой лести нельзя было совершить трудное прохожденіе „скользкихъ придворныхъ паркетовъ“ и въ Екатерининское время. Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, и царедворцы будутъ считать „за счастье“ лобзать руки свирѣпой любовницы гр. Аракчеева и быть у нея на роли шпионовъ. Пройдетъ еще немного лѣтъ, и русскій публицистъ съ отчаяніемъ воскликнетъ: „Россія, Россія! Долго ли ты будешь жертвою гнусныхъ рабовъ?..“

И у этого „раба“ были свои рабы, свои вѣрнопоподанные, отданные ему въ полное распоряженіе. Для „подлаго“ народа офиціальнй титулъ раба не былъ отмѣненъ. Крѣпостной—рабъ безъ всякихъ ограниченій и оговорокъ. Въ концѣ 1762 г. Екатерина въ инструкціи кн. Вяземскому, посылаемому для усмиренія бунтующихъ заводскихъ крестьянъ, предписываетъ послѣднихъ привести „въ должное рабское послушаніе“. Просвѣщенный для своего времени человекъ, авторъ извѣстныхъ мемуаровъ, Болотовъ, не иначе именуетъ своихъ крѣпостныхъ, какъ „рабами“. Эта двуногая скотина „безъ роговъ“, какъ вещь, продается на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ. Рабовъ привозятъ

цѣлыми баржами, живой товаръ экспортируютъ на Востокъ; дамы высшаго свѣта, по свидѣтельству Массона, „воспитываютъ“ своихъ крестьянскихъ дѣвушекъ спеціально для разврата, рабовъ выигрываютъ и проигрываютъ за карточнымъ столомъ. Между рабомъ и вещью нѣтъ разницы въ вѣкъ просвѣщенія, вѣкъ гуманныхъ принциповъ и либеральныхъ идей. За борзого щенка платятъ 3.000 р., въ то время какъ крестьянская дѣвушка продается за 2¹/₂—33 р. За ребенка платятъ даже 10 коп. Конечно, не всѣ крѣпостные идутъ по такой расцѣнкѣ: все зависитъ отъ качества и способностей раба: хорошій поваръ, музыкантъ цѣнится 800 и болѣе рублей; за актеровъ гр. Каменскій уступаетъ цѣлую деревню въ 250 душъ, двадцать музыкантовъ, по словамъ И. Д. Якушкина, онъ продаетъ за 40.000 р... Въ отдѣлѣ газетныхъ публикацій печатаютъ о продажѣ рабовъ и домашнихъ принадлежностей: „продается малосольная осетрина, 7 сивыхъ мериновъ и мужъ съ женою“; продается „парикмахеръ да, сверхъ того, 4 кровати, перина и прочій домашній скарбъ“—такія публикаціи въ „Сенат. Вѣд.“ и „Моск. Вѣд.“ нерѣдки.

Сатира на щеголя. (Ровинскій).

Вотъ, на примѣръ, еще нѣсколько публикацій за 1797 г. въ Петербургѣ: Сентября 22 — „продается 16 лѣтъ дѣвка весьма добраго поведенія и немного поѣзженная карета“.

Октября 2 — „банкетныя скатерти... тутъ же двѣ дѣвки ученя и мужикъ“.

„ парикмахеръ и „англійской лучшей породы корова“.

Ноября 13 — „лучшія моськи“... хорошій сапожникъ.

Декабря 11 — „поваръ и кучеръ“... да „попугай“.

Въ 1805 г. тамбовскій помѣщикъ Чертковъ продаетъ 44 крѣпостныхъ музыканта съ „мелочью“, а всего 98 человекъ, „въ томъ числѣ старики, дѣти, музыкальные инструменты, піесы и прочія принадлежности“. Известно, что послѣ Комиссіи 1767 г. продажа рабовъ пошла особенно оживленнымъ темпомъ.

Да, между крѣпостнымъ правомъ и невольничествомъ не было разницы!.. Грибоѣдову казалось, что иностранецъ, незнакомый съ русской исторіей, конечно, заключилъ бы, что у „насъ господа и крестьяне происходятъ отъ двухъ различныхъ племенъ“. Нѣтъ, это было не такъ: рабъ дѣйствительно былъ лишь двуногой скотиной „безъ роговъ“—матерей отнимали отъ дѣтей, чтобы онѣ откармливали своею грудью щенковъ съ помѣщичьей псарни. Большаго униженія человѣческаго достоинства, казалось бы, и нельзя было придумать.

Трудъ рабовъ, конечно, ни во что не цѣнился. Захотѣлось гр. А. К. Разумовскому послушать соловья во время разлива рѣкъ. И тотчасъ сгоняются тысячи его вѣрноподданныхъ, которыя строятъ дамбы и насыпи для графскаго проѣзда.

Естественно, что и отношеніе господина къ своимъ вѣрноподданнымъ соотвѣтствовало тому безправному положенію, которое занималъ крѣпостной въ дворянской монархіи. Можно ли говорить о патріархальныхъ отношеніяхъ между господиномъ и рабомъ? Конечно, были люди порядочные, которые по-человѣчески относились къ своимъ вѣрноподданнымъ; были такіе, которые дѣйствительно желали „быть для своихъ людей болѣе отцомъ, нежели господиномъ“. И нашлись писатели, готовые восхвалять эту идиллическую картину патріархальныхъ отношеній. Но безчисленное количество фактовъ показываетъ, что въ огромномъ большинствѣ при низкомъ культурномъ уровнѣ эта барственная патріархальность была очень далека отъ элементарной человѣчности. „Законъ, запрещающій дворянскимъ людямъ ни въ какомъ случаѣ имѣть голоса противъ своихъ господъ,—разсказываетъ намъ Винскій,—дѣлаетъ ихъ истинными безотвѣтственными скотами, покорность которыхъ по-сему дальше всякой вѣроятности, какъ и звѣрство ихъ влѣстелиновъ“. Среди крѣпостниковъ, какъ мы знаемъ, были изверги, доходившіе въ патологическомъ экстазѣ до инквизиторской изысканности въ мучительствѣ своихъ крѣпостныхъ. Но и при самыхъ добрыхъ патріархальныхъ отношеніяхъ рабъ всегда оставался рабомъ. Раба можно было учить только палкой, ибо, по словамъ уже цитированнаго Болотова, „глупость и крайнее безразсудство нашего подлаго народа были намъ слишкомъ извѣстны“. Это является „единственнымъ способомъ“ держать крѣпостныхъ въ рукахъ. Благодушный Болотовъ считалъ, что наказанье плетью и заключеніе въ кандалы идетъ на „благо“ рабовъ, „подобно тому, какъ Богъ наказываетъ насъ для нашего исправленія“. Болотовъ относился, однако, съ осужденіемъ къ „варварству“. „Вотъ ка-

кой звѣрскій и постыдный примѣръ жестокосердія человѣческаго! — восклицаетъ авторъ записокъ, рассказывая о томъ, какъ одинъ изъ его сосѣдей заставлялъ крѣпостныхъ дѣвушекъ плести кружева въ кандалахъ и рогаткахъ, и тутъ же съ сентенціей добавляетъ: „Не на то даны намъ люди и подданные, чтобы поступать съ ними такъ безчеловѣчно“. Надо поступать такъ, какъ Богъ поступаетъ съ своими дѣтьми—дворянами; посему Болотовъ „сѣкалъ очень умѣренно и отнюдь не тираническимъ образомъ, какъ другіе“. Болотовъ не видѣлъ жестокости въ томъ, что приказалъ вора, не хотѣвшаго указать товарища, подвергнуть пыткамъ: накормивъ самой соленой селедкой, запереть въ теплую баню!

Въ жизненномъ обиходѣ палки, розги, батоги, плети, бѣзжалый кнутъ, заковка въ желѣзо, надѣваніе ошейника, рогатины, колодокъ—были обычными „исправительными средствами“, по свидѣтельству иностранца. Это было для помѣщиковъ почти „потребностью жизни“; Болотовъ рассказываетъ, какъ иногда всѣ дворовые подвергались тѣлесному наказанію. Одна помѣщица высѣкла за разъ 80 крестьянъ за то, что они, вопреки велѣнію, не набрали земляники. По словамъ аббата Шаппа, помѣщики употребляютъ батоги такъ, что „на дѣлѣ получаютъ возможность казнить ихъ смертью“. Здѣсь нѣтъ преувеличенія: не даромъ Сиверсъ долженъ былъ просить императрицу ограничить власть помѣщика въ правѣ наказывать крѣпостныхъ кнутомъ, что въ дѣйствительности почти равнялось смертной казни. И если припомнить дошедшія до насъ мрачныя картины барственной расправы помѣщиковъ съ крѣпостными, описанія звѣрствъ и истязаній, то придется признать, что съ подлыми вѣрноподданными обращались подчасъ гораздо „хуже, чѣмъ со скотами“.

Эта картина не измѣнится на протяженіи пятидесяти лѣтъ „героическаго“ періода жизни русскаго дворянства. Она откроется эстляндскимъ губернаторомъ Дугласомъ, который сѣчетъ людей въ своемъ присутствіи и приказываетъ истерзанныя спины посыпать порохомъ и затѣмъ зажечь. Она можетъ быть завершена Аракчеевымъ, поровшимъ крестьянъ при пѣніи хоромъ „красивыхъ дѣвицъ“ во время экзекуціи: „Со святыми упокой, Господи“. Мы не знаемъ, какъ въ теоріи относился Дугласъ къ своимъ крѣпостнымъ, но Аракчеевъ любилъ „добрыхъ“ крестьянъ своихъ „какъ дѣтей“, о чемъ свидѣтельствуется его письмо въ 1812 г. новгородскому губернатору Сумарокову. Для наказанія „добрыхъ крестьянъ“ у Аракчеева существовала сложная си-

А. Т. Болотовъ.

стема („Рус. Ст.“, 1854, мартъ). Такъ, на женщинъ надѣвались на шею розгати и въ такомъ видѣ заставляли въ праздникъ молиться въ соборѣ. Въ Грузинѣ въ графскомъ арсеналѣ всегда стояли въ то же время и кадки съ разсоломъ, въ которыхъ мокли розги и палки. За первую вину графъ сбѣлъ своихъ дворовыхъ на конюшнѣ, за вторую отправлялъ преступниковъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ ихъ наказывали особыми толстыми палками—аракчеевскими; при третьей винѣ экзекуція совершалась при помощи енциалистовъ-палачей изъ Преображенскаго полка уже въ домѣ, передъ кабинетомъ графа или въ библиотекѣ.

Настасья Минкина, фаворитка Аракчеева 1).

Послѣ экзекуціи виновные должны были явиться къ графу и показать вспухшую и исполованную крѣпкими ударами кнутови или палокъ свиню. Наказанного, боясь, что графъ останется недоволенъ и повторитъ наказаніе, кровью животныхъ покрывали рубцы, чтобы удовлетворить безчеловѣческое чувство властелина. Въ усадьбѣ графа была своя домашняя тюрьма, извѣстная подъ названіемъ Эдикулъ. Она представляла изъ себя темное, сырое, холодное и узкое помѣщеніе, въ которомъ виновные сидѣли недѣлями и мѣсяцами. Особенно отличалась мучительствомъ знаменитая домоправительница Аракчеева, Настасья Минкина, обуздывавшая „своевольство“ крѣпостныхъ. Дворовыхъ дѣвушекъ два раза въ день наказывали

батогами и розгами, дабы наказанныя не прельщали падкаго до дворовыхъ дѣвушекъ Аракчеева. Она обжигала горячимъ желѣзомъ лица крѣпостныхъ

1) Про Настасью Минкину крѣпостные говорили: «нельзя сказать, чтобы была изъ лица больно красовита, а смуглая такая изъ себя, быстроглазая: глаза-то большіе, черные были, что у цыганки; больше проворствомъ и расторопностью брала». Крѣпостной художникъ, написавшій помѣщенный портретъ, очевидно, сильно прикрасилъ образъ своей госпожи. Въ грузинской церкви находилась, между прочимъ, Мадонна въ изображеніи Болотниковой. «Икона» эта снята нынѣ по распоряженію мѣстныхъ церковныхъ властей: какъ извѣстно, явилось подозрѣніе, что подъ видомъ Мадонны изображена аракчеевская фаворитка.

дѣвушекъ, вырывала у нихъ мясо кусками. И когда крѣпостные зарѣзали Минкину, извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій въ надгробной рѣчи по любовницѣ всеильнаго временщика не преминулъ убиенную зачислить въ „сонмъ великомученицъ“.

Сколько Дугласовъ и Аракчеевыхъ изъ высшихъ слоевъ русскаго общества, сколько мучителей крѣпостныхъ встрѣчаемъ мы за полвѣка! И, конечно, никто и не думалъ никогда привлекать ихъ къ отвѣтственности за жестокость! Часто нельзя объяснить ни горячечнымъ бредомъ, ни психозомъ, ни патологіей тотъ сладострастный садизмъ, съ которымъ помѣщикъ и помѣщица предавались истязаніямъ. Сѣкли беременныхъ, сѣкли дѣтей, кн. Козловская—одна изъ русскихъ мессалинъ—сѣчетъ по грудямъ и половымъ частямъ, собаками травитъ привязанныхъ къ столбамъ нагихъ крѣпостныхъ, собственноручно разрываетъ горничной, которую приревновала къ своему любовнику, губы до ушей, втыкаетъ булавки въ плечи и руки. Рязанскій помѣщикъ Измаиловъ (въ началѣ XIX в.), „Несторъ негодяевъ знатныхъ“, по характеристикѣ Грибоѣдова въ „Горѣ отъ ума“¹⁾, имѣя гаремъ изъ 30 дворовыхъ дѣвушекъ, поступавшихъ къ нему съ дѣтства, требовалъ къ себѣ и крестьянскихъ дѣвушекъ. Этотъ гостепріимный дворянинъ предоставлялъ дѣвушекъ и всѣмъ гостямъ. За ослушаніе волѣ у крестьянъ жгли дома и сѣкли изъ крестьянъ третьяго, а изъ бабъ—десятью... Ярославскій помѣщикъ Шестаковъ рубитъ руки ножомъ, смоленскій—Высоцкій жжетъ раскаленнымъ желѣзомъ, ссылаясь на помраченіе въ головѣ; третій жжетъ углемъ подошвы двороваго, утопившаго барскихъ щенятъ, которыхъ приказано было женѣ его откормить своею грудью. Рогатки на шею, т.-е. широ-

Мадонна въ грузинскомъ соборѣ
(карт. Е. Болотниковой).

¹⁾ Онъ же изображенъ и Пушкинымъ въ лицѣ Троекурова въ «Дубровскомъ».

кій желѣзный ошейникъ, запертый замкомъ, вѣсомъ, смотри по винѣ, съ желѣзными рогами до 1 арш, „дабы не имѣть покоя“; колодки, склепленные желѣзными болтами до 1½ — 2 арш. длиной, въ помѣстичьихъ застѣнкахъ были, пожалуй, однимъ изъ легкихъ наказаній, хотя Белозову и казалось это мучительствомъ. У Измайлова въ „тюрьмѣ“ находится 186 рогатокъ вѣсомъ отъ 5—20 фунтовъ и цѣпи, которыя провинившіеся рабы носятъ въ теченіе цѣлаго года. Особые „казаки“ производятъ экзекуціи подчасъ даже въ спальнѣ грансеньера. Поистинѣ звѣрь-помѣщикъ фельдмаршалъ

Аракчеевъ (портр. Аванасьева).

Каменскій, убитый двумя крѣпостными, отправленными учиться за границу музыкѣ, не снялъ кандаловъ съ дѣвушки, зарѣзавшейся и прожившей въ такомъ видѣ еще мѣсяць; гр. Салтыкова, жена воспитателя Александра I, держала цѣлыхъ три года своего парикмахера въ клѣткѣ, чтобы онъ не проговорился, что она носитъ парикъ. С. Т. Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ о помѣщикѣ, который „кошечками“, т.-е. ременными семихвостными съ узлами плетями, „царапалъ“ своихъ слугъ, что было „и больно и не опасно“, ибо истязуемыхъ заворачивали потомъ въ „теплыя только что снятыя шкуры барановъ“.

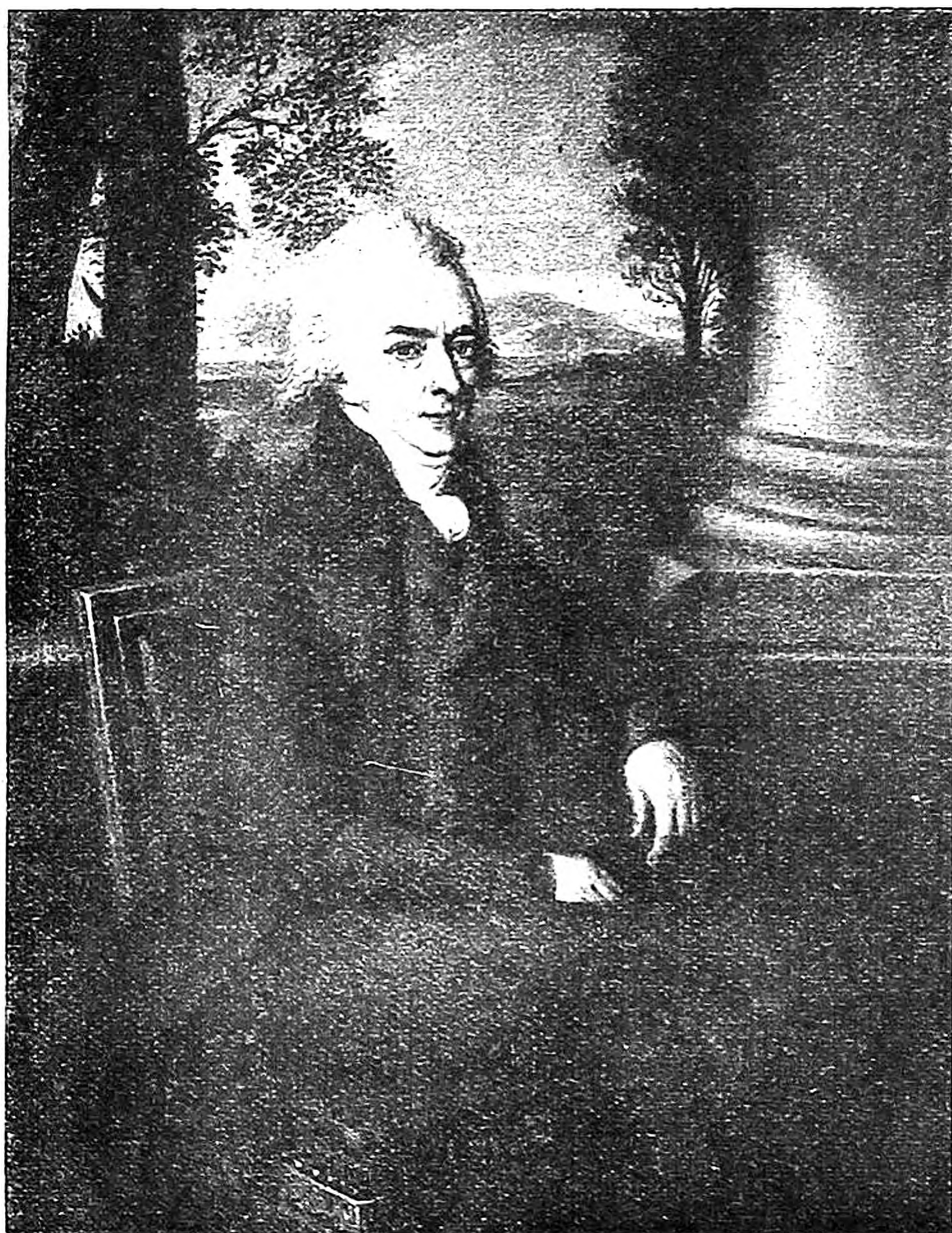
Такъ было въ средѣ обычныхъ помѣщиковъ.

Но находились особые любители отеческаго попеченія, которые регламентировали „пунктами“ разновидности наказаній. Ничего не можетъ быть характернѣе пунктовъ изъ „журнала домашняго управленія“ 1763—65 гг., приводимыхъ В. И. Семевскимъ. Авторъ этихъ пунктовъ, согласно всѣмъ правиламъ полицейскаго государства, озабочивался и спасеніемъ душъ своихъ вѣрноподданныхъ. Отъ крѣпостныхъ требуется тщательное выполненіе религіозныхъ обрядовъ: „а ежели кто который годъ не будетъ говѣть, того — плетями, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5.000 нещадно“. Этому барину захотѣлось, чтобы его крѣпостную, ввавшую въ немилость, именовали не по отчеству, а звали бы „трусихой и лживицей“: „Кто, Оеклу

именемъ и отчествомъ назоветъ, того съчь розгами по 5.000 нещадно“. Помѣщикъ устанавливаетъ и продолжительность болѣзни послѣ „нещаднаго“ наказанія. Тому, кто получитъ 100 ударовъ плетми на дровняхъ или 17.000 розогъ, не дозволяется лежать болѣе недѣли; получившему 50 плетей и 10.000 розогъ—болѣе полунедѣли и т. д., соотвѣтственно числу полученныхъ розогъ и плетей. И это была не теорія, не праздныя измышленія на свободѣ барственнаго помѣщика для устрашенія слугъ—мы знаемъ, что „пункты“ были примѣнены и на практикѣ.

Находились, съ другой стороны, и просвѣщенные вольтерьянцы, совмѣщавшіе свои теоретическіе взгляды съ азіатскимъ деспотизмомъ. И вовсе не надо было „поскоблить русскаго“, чтобы явился татаринъ, ибо „головы, покрытыя... французскими париками,—тѣ же самыя, закутанныя сто лѣтъ тому назадъ въ шапки изъ кожи дикихъ звѣрей“ (Макортней). Передъ нами знаменитый Струйскій, владѣтель богатыхъ помѣстій въ Пензенской губерніи. Это—

Графъ А. К. Разумовскій (портр. Гуттенбрунна).

„высокообразованный юристъ“, устроившій въ своей деревнѣ „правильно организованный по-европейски судъ надъ крестьянами“. Крестьянъ приводили въ кабинетъ барина, носящій громкое именованіе Парнаса, самъ баринъ „произносилъ обвинительныя рѣчи по всѣмъ правиламъ западной юриспруденціи“. Только „эпилогъ этихъ судебныхъ засѣданій былъ въ чисто-русскомъ вкусѣ обвиненнаго крестьянина онъ пыталъ по древне-русскому, для чего имѣлся у него въ подпольѣ огромный арсеналъ орудій пытки“.

Въ лѣтописяхъ мучительствъ и истязаній приобрѣлъ особенную извѣстность подпрапорщикъ Шеншинъ, устроившій въ 1767 г. цѣлую тюрьму въ с. Шумовѣ, Орловской губ. Въ тюрьмѣ были всѣ самыя усовершенствованныя приспособленія къ пыткамъ: дыбы, клещи и т. д. При помѣщикѣ, самовольно отправлявшемъ судъ, былъ цѣлый штатъ палачей изъ 30 человекъ,

былъ свой священникъ, напутствующій умирающихъ отъ истязаній. Шеншинъ, однако, превзошелъ мѣру и попалъ на скамью подсудимыхъ, когда вздумалъ въ 1769 г. поиграть въ „застѣнокъ“ съ московскимъ купцомъ. Шеншинъ былъ отправленъ въ пожизненную каторгу. За два года истязаній за нимъ офиціально слѣдствіе насчитало до 59 убійствъ. Помѣщикъ Борзенковъ, Орловской губ., по просту выбрасывалъ трупы измученныхъ „въ яму“.

Ни у одного Шеншина были подземныя тюрьмы для крѣпостныхъ. Народная память указываетъ много такихъ каменныхъ мѣшковъ по всей Россіи. Въ Казанской губ. въ срединѣ XVIII в. возвышался мрачный замокъ помѣщика Кармацкаго. Замокъ съ башнями, тайниками и подземельями, какъ и подобаетъ средневѣковому владѣльцу. Здѣсь находились тюрьмы съ цѣ-

Графъ М. О. Каменскій.

пями, кольцами, чугунными стульями, колодками, рогатками и пр. орудіями. Въ Звенигородскомъ у., Московской губ., стоитъ и въ наши дни четырехъэтажный домъ, принадлежавшій помѣщикамъ Казариновымъ. И тамъ въ подземельяхъ заключены были, по преданію, крѣпостные. Молва говоритъ, что помѣщики замораживали людей, равно какъ по легендѣ, по приказанію заводчиковъ на Уралѣ, живыхъ людей бросали въ доменные печи. И развѣ нельзя повѣрить этой молвѣ, когда сами крестьяне запечатлѣли въ челобитной Демидову: отданы заводчикамъ, „чтобы насъ имъ мучительствомъ мучить“.

Кн. Щербатовъ въ своей запискѣ о поврежденіи нравовъ въ Россіи констатируетъ, что крупнѣйшій уральскій заводчикъ, отличавшійся неслыханной жестокостью, гр. П. И. Шуваловъ, „обагривъ російскія области кровью пытаныхъ и сѣченыхъ кнутомъ, и пустыни сибирскія и рудники наполняли сосланными въ ссылку на каторгу“. Мы, кажется, можемъ повѣрить этому публицисту XVIII в., насчитывающему 15.000 потерпѣвшихъ отъ мучительства гр. Шувалова. Если припомнить всѣ такіе факты, то знаменитая Салтыкова, обвинявшаяся въ убійствѣ 75 человѣкъ, вовсе уже не будетъ рѣдкимъ исключеніемъ. Фигура Салтычихи рѣзко врѣзалась въ память народную, ибо ея дѣло было однимъ изъ немногихъ, закончившихся обвиненіемъ. Присужденная вначалѣ къ отсѣченію головы, она была заключена пожизненно въ подземную тюрьму женскаго монастыря. Цѣлый часъ она стояла съ назидательной надписью: „мучительница и душегубица“. Эта казнь была запечатлѣна даже особой лубочной картиной, изображающей „Казнь“ Салтычихи.

Но многимъ ли лучше ея гр. Шуваловы, Каменскіе, Аракчеевы, кн. Козловскія и мн. др.?

Вѣдь мы привели лишь нѣсколько наиболѣе, пожалуй, извѣстныхъ и въ то же время яркихъ фактовъ изъ мрачнаго нашего прошлаго. Но эти факты могли быть умножены во много разъ — стоитъ лишь просмотрѣть соотвѣтствующія страницы замѣчательной и почти исчерпывающей работы Вас. Ив. Семевскаго: „Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II“.

Здѣсь мы встрѣтимъ длинный мартирологъ убитыхъ и замученныхъ, умершихъ подѣ плетью и бато-гомъ.

Нѣтъ! Сто кратъ правъ историкъ нашего крестьянства, писавшій: „Просматривая этотъ мартирологъ до-смерти замученныхъ помѣщиками, мы невольно поражаемся умственнымъ и нравственнымъ убожествомъ нѣкоторыхъ представителей господствующаго сословія“. Было ли, однако, это большинство или меньшинство? И этотъ вопросъ занималъ ученыхъ. Научная критика въ лицѣ нѣкоторыхъ историковъ усмотрѣла тенденціозность въ характеристикѣ дворянскаго общества „героическаго“ періода его исторіи, которую можно было сдѣлать на основаніи фактовъ,

собранныхъ Семевскимъ, а также въ работахъ покойнаго Гольцева „Законодательство и нравы XVIII в.“ и Дубровина „Пугачевъ и его сообщники“, „Русская жизнь въ началѣ XIX в.“. Навно, конечно, все дворянское общество на рубежѣ XIX вѣка характеризовать въ столь мрачныхъ краскахъ. Безспорно, Салтычихи и Шеншины всегда были нѣкоторымъ исключеніемъ, однакоже, какъ мы видѣли, вовсе не столь рѣдкимъ. Но самый фактъ существованія Салтычихъ, полная почти безнаказанность безконечнаго числа ей подобныхъ — все же достаточный показатель нравовъ дворянскаго общества въ

Графъ П. И. Шуваловъ (рис. Рокотовъ).

4) Продаются оффициантъ 25 лѣтъ, съ женою и малолѣтнимъ сыномъ, очень хорошии швачь, онъ же умѣетъ брить и кровь кидать; жена же его можетъ ходить за Госпожею и умѣетъ все дѣлать. Еду же продается дермезъ, немцаго поддержанной, самой лучшей работы. Желающіе купить, могутъ обо всемъ узнать въ 7 часи 2 кварт. подъ № 133, въ приходѣ Анастасія и Кирилла. — 1.

25) Въ 18 части 1 кварт. подъ № 104, въ Нѣмецкой слободѣ, въ домѣ двора Ея ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Г. Каммеръ-Юнкера Николая Никишича Демидова, у домоправителя Ивана Пванова Шерлапмова продается дворовой мальчикъ 17 лѣтъ. Желающіе оного купить, могутъ его видѣть и о цѣнѣ узнать у самого хозяина. — 1.

26) Въ 15 части 2 кварт. подъ № 183, въ приходѣ Адриана и Назарія, во 2й Мѣдвннской, близъ церкви, продается дворовой человекъ 25 лѣтъ, женской башмачникъ, знающій совершенно свое мастерство; при немъ исправляетъ всѣ домашнія Господскія надобности, лакейскую и кучерскую должности и къ столу приготавливаетъ; у него жена беременная 22 лѣтъ, знаетъ шить, гладить, крахмалить, за Госпожею ходить и къ столу кушанье готовить; у нихъ дочь по 3 году. — 1.

27) Продаются крестьянинъ 35 лѣтъ, съ женою равныхъ ему лѣтъ и 3 малолѣтними дѣтьми. Желающіе купить, о цѣнѣ могутъ узнать въ 10 часи въ приходѣ Николая на Болвановкѣ, въ домѣ подъ № 529 отъ самого Господина. — 1.

13 лѣтъ за 250 р.; семья, портной мужской 48 л., съ женою прачкою 30 л., сыномъ 5 и дочерью, умѣющею кружева плести, 18 лѣтъ, за 650 р. Видѣть ихъ на Донской улицѣ въ домѣ подъ № 108. — 1.

6) Музыкантъ, имѣющей искусство управлять оркестромъ, припомъ можетъ учить инструментальной, духовой и роговой музыкѣ, и которой хорошо играетъ на фортепiano, желаетъ приняться въ домъ; желаетъ его говорить по Французски и по Нѣмецки, и можетъ принять должность Гувернанты. Спросить объ нихъ на Кузнецкомъ мосту въ домѣ Г. Бекетова, въ лавкѣ Христіана Гене подъ № 2. — 2.

23) Въ 6 часи 4 кварт. подъ № 352, продается мужской и женской хорошии-перушмакеръ, припомъ выше средняго и ведурной фигуръ, одной въ камердинеры, оффицианты и лакеи, 17, а жена его 24 лѣтъ, прачка и швея, съ дочерью по третьему году, оба хорошаго поведения. Последняя имѣетъ цѣна 1000 руб. — 1.

23) Продаются дворовые мастеровые люди поведения хорошаго: 2 портныхъ, сапожникъ, часовщикъ, поваръ, каретникъ, колесникъ, рывчикъ, золотарь и 2 кучера, кои въ видѣть и узнать о цѣнѣ можно въ 3 часи 4 кварт. подъ № 51 у самого помѣщика. Тутъ же продаются 3 бѣговыя молодыя лошади, одинъ жеребецъ и 2 мерена, и стая бойчихъ собакъ, числомъ 50, которыя годуютъ въ Январь и Февраль мѣсяцѣхъ. — 1.

37) Желающіе купить 2 человекъ цѣль крестьянъ хорошаго поведения и годныхъ въ рекруты и во всякую крестьянскую работу, могутъ спросить въ 5 часи 1 кварт. подъ № 82, въ приходѣ Трехъ Святителей на Кулиникахъ, у домоправителя Ивана Шумова. Въ ономъ же домѣ продается пара вывезенныхъ бурыхъ бѣлогривыхъ весьма хорошихъ лошадей за сходную цѣну; также нѣсколько кусковъ изъ верблюжьей съ черною шденскою шерстью байки, способной для сюртуконъ. — 1.

38) Продаются дворовой человекъ холостой съ матерью вдовою: ему отъ роду 24 годъ, ростомъ 7 вершк., не дуренъ собою, грамотенъ, знаетъ, хорошии лакей и способенъ бить, шить, кроить, или егеремъ; а матери 57 лѣтъ, крѣпкая дѣвица: оба смиреннаго поведения. Цѣна 1000 р. Спросить въ Большой Васманскій въ приходѣ Никиши Мученика въ домѣ купца Михайла Павкова у живущаго прѣзжаго Господина. — 1.

39) Продаются люди: дѣвка 20 л., мастерица кружева плести, въ шамбурѣ, въ напильку и по филѣ шить, за 250 р.; крестьянская дѣвка 17 л. за 100 р.; малой крестьянской 17 л. за 400 р.,

7) Въ 15 части 2 кварт. въ Четвертой Мѣдвннской, подъ № 111 продается дѣвка, умѣющая бѣлье шить и въ шамбурѣ, гладить и крахмалить, отчасни кушанье готовить и порпному. Тутъ же продаются брильянновыя вещи и цвѣтные каменья; за быкъ и корова хорошей породы, за сходную цѣну. — 1.

33) Продаются 3 лошади, 2 жеребца гнѣдотѣтихъ по 4 года, Агалинской породы, очень паристые и хорошаго роста, да одинъ меренъ шеннобуланой 3 лѣтъ Агалинской же породы. Видѣть ихъ и о цѣнѣ узнать въ 8 часи 1 кварт. въ домѣ подъ № 250. Въ ономъ же домѣ продается музыкантъ, которой играетъ на фисолитѣ и начинаетъ цѣль баса, очень хорошо выученъ чинать и писать, 15 лѣтъ. — 1.

30) Продаются холостой человекъ, годной въ гусары и егери, ростомъ 2 арш. 10 вершк., 29 лѣтъ. О цѣнѣ спросить въ 8 часи 5 кварт. подъ № 399 у домоправителя. — 1.

31) Во 12 часи, въ прѣжде бывшихъ богадѣльняхъ у живущаго Офицера продается дѣвка по 16 году, знающая кружева плести, бѣлье шить, гладить, крахмалить и Госпожу одѣвать; припомъ имѣющая шить и лакеи припомъ. — 1.

34) Въ 1 части въ приходѣ Николая Чудотворца Мокрого, въ Типографіи Зедермана подъ № 101 продается дворовой холостой человекъ 17 лѣтъ, знающій чинать и писать по Руски, также набираетъ кнйги съ великимъ успѣхомъ по Французски, по Нѣмецки, по Италіански, по Латынѣ и на прочихъ языкахъ, сверхъ того и на скрипкѣ играть. — 1.

Объявленіе о продажѣ крѣпостныхъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1797 г.

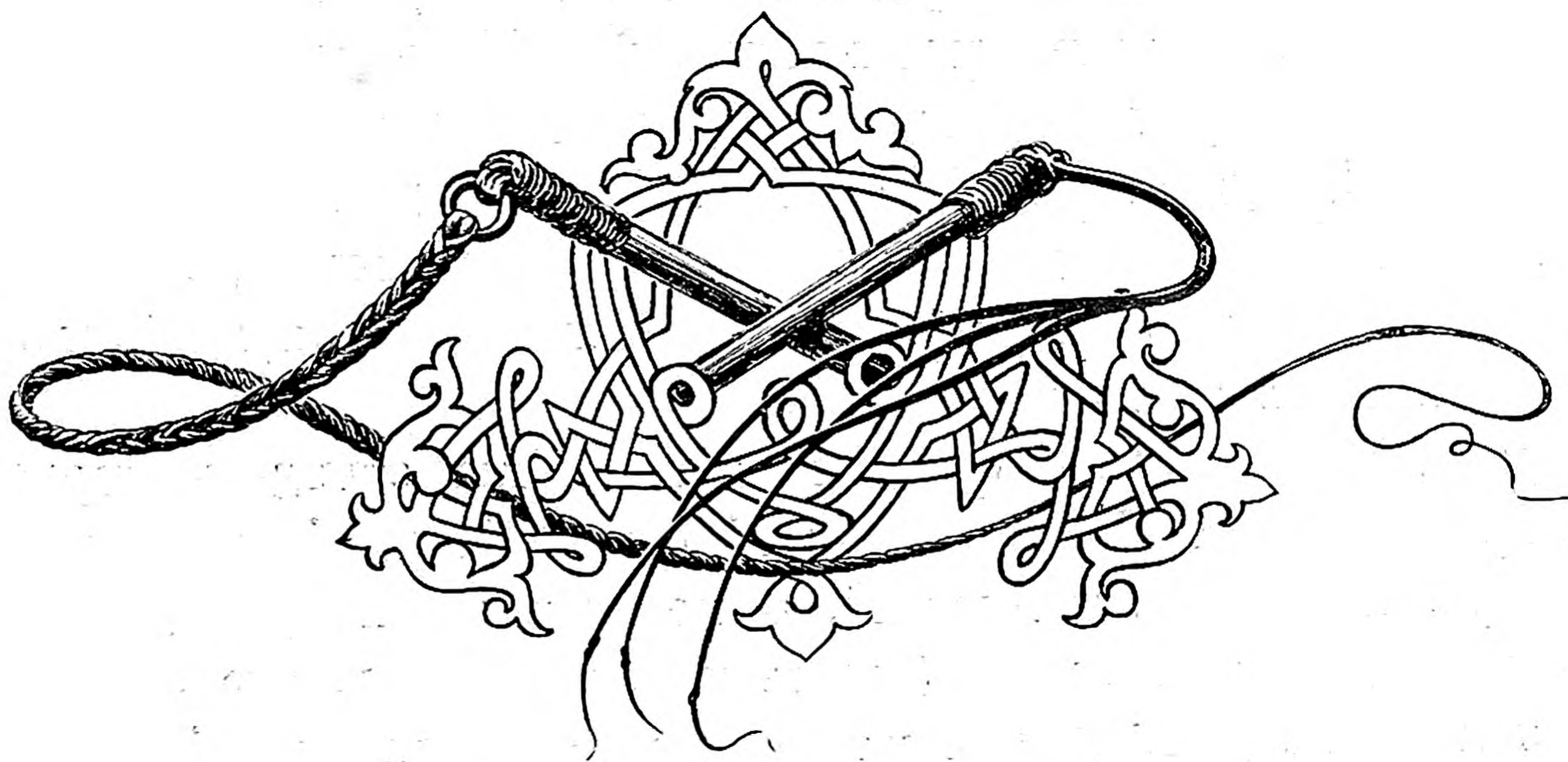
золотой вѣкъ „великой Екатерины“ и даже послѣдующихъ царствованій, когда помѣщикъ Муромцевъ кричалъ крѣпостнымъ: „Тѣла вашего наѣмся, крови вашей напьюсь!“ При запрещеніи подавать жалобы на своихъ господъ, много ли дѣйствительно жалобъ могло дойти до назначенія? Когда противъ Салтычихи возбудили дѣло, по жалобѣ крѣпостныхъ, челобитчиковъ, тѣмъ не менѣе, за нарушеніе закона подвергли публичному наказанію плетью. За жалобу крестьянъ Демидова 12 человекъ были засѣчены до-смерти. Можно ли было жаловаться при такихъ условіяхъ? И понятно, что Салтычиха имѣла полное основаніе говорить: „Вы мнѣ ничего не сдѣлаете“. Даже въ ея громкомъ дѣлѣ юстицъ-коллегія вела процессъ „съ явнымъ въ пользу Салтычихи потворствомъ“. Полиція скрывала жестокости; помѣщики выгораживали своихъ однословниковъ. Противъ Салтычихи 21 разъ возбуждались дѣла, и только въ 1763 г. впервые данъ былъ ходъ жалобѣ ея крѣпостныхъ. И что же?—За все царствованіе Екатерины лишь 20 помѣщиковъ были приговорены за свои убійства и жестокости къ различнымъ наказаніямъ. отъ ссылки на каторжныя работы до церковнаго покаянія. Если упомянутый выше Кармацкій могъ безнаказанно въ своихъ застѣнкахъ пытаться крѣпостныхъ, его сынъ, выступавшій противъ „божескаго узаконенія“ крѣпостного права и говорившій своимъ крестьянамъ, что Богъ создалъ всѣхъ людей свободными, по жалобѣ мѣстныхъ помѣщиковъ Екатеринѣ былъ признанъ сумасшедшимъ. Знаменательный фактъ!.. Нельзя забывать, что огромное большинство дѣлъ объ истязаніяхъ не доходило, конечно, до суда: то дѣло, которое въ свое время такъ возмутило Болотова, было „скрыто“, и „остались господа безъ всякаго за то наказанія“...

Екатерина, возражая аббату Шаппу, не могла отрицать дурного обращенія съ крѣпостными. Но, по ея мнѣнію, это обращеніе зависѣло „отъ хорошей или дурной нравственности“, а не „отъ законовъ страны“. „Философъ“ на тронѣ взялъ на себя смѣлость констатировать, что „ко благу чело-вѣчества наши нравы не ухудшаются“. Не даетъ ли исторія, однако, дру-гого отвѣта? Историкъ, несогласный съ тенденціознымъ освѣщеніемъ нравовъ Екатерининскаго общества, сослался на свидѣтельство современника въ сати-рическомъ журналѣ Новикова „Трутень“: „Хулятъ все и всѣхъ только вред-ные люди“. Историкъ, очевидно, не понялъ, что это въ значительной сте-пени лишь публицистическій приѣмъ, чтобы избѣжать „шлагбаумовъ мысли“, которые и тогда уже ставила зарождавшаяся цензура. И „вредные люди“ въ наши дни, пожалуй, уже безъ боязни могутъ дать правдивую оцѣнку отда-леннаго прошлаго Россіи, когда, по характеристикѣ де Корберона, весь рус-скій народъ состоялъ только изъ „придворныхъ, военныхъ и рабовъ“, когда въ имперіи „милостью дворянства“ для закрѣпощенной массы не было и „сносности чело-вѣческой“, а не то что широко возвѣщаннаго „всеобщаго блаженства“. Конечно, не все дворянское общество, выросшее на крѣпостной

культурѣ, было грубо. Не однѣ темныя стороны отмѣтимъ мы въ Екатерининскомъ обществѣ. И здѣсь раздался голосъ Алек. Ник. Радищева. Тогда еще зарождалась русская интеллигенція, отбросившая сословныя перегородки и поднявшая знамя народнаго благоденствія. Но если мы будемъ рисовать общую картину эпохи на фонѣ рабовладѣнія, то и безъ тенденціи придется признать, что „вольность“ дѣйствительно рождалась въ крестьянскихъ „мукахъ“ и подтачивала, хотя и медленно, „божеское узаконеніе“ крепостного права, на которое ссылался манифестъ 1762 года.

С. Мельгуновъ.

Рисунки, помѣщенные въ I т. на отдѣльныхъ листахъ.

1. Свозъ крестьянъ въ XVI в. Картина К. В. Лебедева.
  2. Опустѣвшая деревня XVIII в. К. В. Лебедева.
  3. Забава, Карелина.
  4. Шутъ, бар. Клодта.
  5. Прорытіе Ладожскаго канала, А. В. Моравова.
  6. Внутренность крестьянской избы въ XVIII в. Изъ Шарре d'Auteroch'a.
  7. Шуты при дворѣ Анны Іоанновны. Картина Якоби.
  8. Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ. Господскій домъ.
  9. Охота помѣщика. Изъ альбома Намреln'a.
  10. Елизавета Петровна въ Царскомъ Селѣ. Съ картины Лансере.
  11. Крестьянскіе типы XVIII в. Изъ Breton'a.
  12. Русская деревня на почтовомъ трактѣ XVIII в. Изъ альбома Le Prince'a.
  13. Помѣщичья усадьба XVIII в. Изъ музея П. И. Щукина.
  14. Домъ въ Архангельскомъ, имѣніи Юсуповыхъ.
  15. Екатерина II. Съ портрета Крамского.
  16. Семейство крестьянъ въ XVIII в. Съ картины Эриксона.
  17. Сцена изъ помѣщичьяго быта. Изъ альбома Намреln'a.
  18. Видъ с. Грузина. Рис. Неѣлова.
  19. Ротонда въ Архангельскомъ, имѣніи Юсуповыхъ.
  20. Александръ I въ Петергофѣ. Рис. Шапошникова.
  21. Гаремъ помѣщика. Изъ альбома Намреln'a.
  22. Салтычиха. Картина П. В. Курдюмова.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ I ЧАСТИ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи.	III
Начало закрѣпощенія крестьянъ. М. К. Любавскій	1
Крестьяне въ XVII столѣтіи. Ю. В. Готье.	14
Поморье въ XVII вѣкѣ. М. М. Богословскій.	37
Введеніе подушной подати и крѣпостное право. М. М. Богословскій.	52
Посошковъ о крестьянахъ. М. В. Ключковъ.	66
Раскрѣпощеніе дворянъ и закрѣпощеніе крестьянъ. В. Н. Сторожевъ.	80
Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи. Н. П. Василенко.	108
Поссессионные крестьяне. В. И. Пичета.	127
Крестьяне церковныхъ вотчинъ. Д. А. Жариновъ.	147
Екатерина II и крестьянскій вопросъ. А. С. Лапко-Данилевскій.	163
Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ наказахъ. А. Е. Прѣсняковъ.	191
Дворянскій и крестьянскій вопросъ въ Екатерининской комиссіи. А. Е. Прѣсняковъ.	204
Крестьянскій вопросъ въ литературѣ Екатерининскаго времени. В. И. Семевскій.	218
Дворянинъ и рабъ на рубежѣ XIX вѣка. С. П. Мельгуновъ.	241

